Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена»

На правах рукописи

Козловская Наталия Витальевна

ФИЛОСОФСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В СОЧИНЕНИЯХ РУССКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX В.

Диссертация на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Специальность: 10.02.01 – русский язык

Санкт-Петербург
2019

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ 5

ГЛАВА ПЕРВАЯ. РУССКИЙ ФИЛОСОФСКИЙ ТЕКСТ И ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОВЕДЕНИЯ 18

РАЗДЕЛ I. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РУССКОГО РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОГО ТЕКСТА 18

§ 1. Основные черты русской философии второй половины XIX — начала XX в.: «возникновение систем» 18

§ 2. Философский текст как способ представления научного знания и форма отражения духовной деятельности человека 25

§ 3. «Живое философствование»: формы и жанры 33

§ 4. Лингвостилистические особенности текстов русских мыслителей конца XIX – начала XX в. 41

РАЗДЕЛ II. ПРОБЛЕМАТИКА ТЕРМИНОВЕДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ 52

§ 1. Основные аспекты современного терминоведения 52

§ 2. Лингвистическая и логическая природа термина и его основные свойства 61

§ 3. Терминосистема как объект терминоведения 74

ВЫВОДЫ 79

ГЛАВА ВТОРАЯ. ФИЛОСОФСКИЙ ТЕРМИН И ПРИНЦИПЫ ЕГО ОПИСАНИЯ 83

§ 1. Лингвофилософская интерпретация понятия «термин» в работах русских мыслителей конца XIX — начала XX в. 83

§ 2. Принципы формирования словника терминов русской философии: от терминофиксирующего к терминосоздающему тексту 95

§ 3. Основные признаки терминов русской религиозной философии изучаемого периода 110

§ 4. Авторский термин и авторская терминосистема как объекты лингвистического описания 124

ВЫВОДЫ 137

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX В. 144

§ 1. Особенности терминологического творчества русских религиозных философов второй половины XIX – начала XX в. 144

РАЗДЕЛ I. РАЗНОВИДНОСТИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ТЕРМИНООБРАЗОВАНИЯ 158

§ 1. Терминологизация общеупотребительных лексем в русском философском тексте 158

§ 2. Термины точных и естественных наук в философском тексте: привлечение и транстерминологизация 169

РАЗДЕЛ II. МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ И СИНТАКСИЧЕСКОЕ ТЕРМИНООБРАЗОВАНИЕ 185

§ 1. Авторские новообразования в философском тексте и в философской терминосистеме 185

§ 2. Морфологический способ в философском терминообразовании 191

§ 3. Сложение как способ терминообразования в философском тексте _____193
§ 4. Аффиксальные способы образования авторских философских терминов_____198
§ 5. Синтаксическое терминообразование в русском религиозно-философском тексте _____203

РАЗДЕЛ III. ДЕФИСНЫЕ КОМПЛЕКСЫ И ИХ ТИПЫ В ФИЛОСОФСКОМ ТЕРМИНОТВОРЧЕСТВЕ _____221
§ 1. Классификация дефисных комплексов _____221
§ 2. Терминологические дефисные образования, основанные на концептуализации корня_____225
§ 3. Дефисные комплексы с концептуализацией префиксального компонента _____230
§ 4. Термины-дефисные образования с формантом «не-» _____234
§ 5. Дефисные комплексы с центральным местоименным компонентом _____239
§ 6. Дефисные комплексы, концептуализирующие предложно-падежные конструкции _____241
§ 7. Единые концептуальные комплексы, образованные по модели «N + N...» _____242

ВЫВОДЫ_____246

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. АСПЕКТЫ ФИЛОСОФСКОГО ТЕРМИНОТВОРЧЕСТВА РУССКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ XIX — НАЧАЛА XX В. («ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЛИИ») _____252
§ 1. Аспекты философского терминотворчества _____252
§ 2. «Истина» Льва Шестова: сколько значений у авторского философского термина? _____255
§ 3. «Беспочвенность» и «почва» Льва Шестова как авторские философские термины _____264
§ 4. Переосмысление философского термина «свобода» в авторской терминосистеме Н. А. Бердяева _____277
§ 5. Лексемы «византизм» и «византинизм»: значение, терминологический статус, место в лексической системе языка _____287
§ 6. Лексемы «нация» и «национальность» в философских терминосистемах Н. А. Бердяева и К. Н. Леонтьева _____300
§ 7. Термин *социализм* в русском религиозно-философском дискурсе_____313
§ 8. Религиозно-философское осмысление лингвистических понятий в произведениях С. Н. Булгакова и П. А. Флоренского _____324
§ 9. Тематические группы терминов в лексиконе П. А. Флоренского_____337
§ 10. Греко-русская полилексия в произведениях П. А. Флоренского: к проблеме вариантности термина в русской религиозной философии _____344

ВЫВОДЫ_____354

ГЛАВА ПЯТАЯ. АВТОРСКАЯ ФИЛОСОФСКАЯ ТЕРМИНОСИСТЕМА Н. Ф. ФЕДОРОВА И ПРИНЦИПЫ ЕЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ __359
§ 1. Основные черты словоупотребления Н. Ф. Федорова _____359
§ 2. Основные типы авторских единиц в философской терминосистеме Н. Ф. Федорова _____370
§ 3. Философский термин: текстовое определение vs. словарная дефиниция _____387
§ 4. Современная авторская лексикография: основные понятия и термины _____402
§ 5. Макро- и микроструктура словаря авторской философской терминологии (на материале «Философии общего дела» Н. Ф. Федорова) _____408

ВЫВОДЫ 434
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 440
ЛИТЕРАТУРА 446
СЛОВАРИ 480
ИСТОЧНИКИ 483
ИСТОЧНИКИ УДАЛЕННОГО ДОСТУПА 487
ПРИЛОЖЕНИЕ 489

Когда внимание философа сосредотачивается
на самом рядовом слове, оно начинает двигаться,
пока не переплавляется в мысль, требующую
от читателя повторения труда, вложенного автором.
В.В. Бибихин

ВВЕДЕНИЕ

Диссертация посвящена анализу русской философской терминологии второй половины XIX – начала XX в.: в работе анализируются основные особенности создания и функционирования терминов в текстах произведений отечественных мыслителей, выявляются способы формирования авторских философских терминосистем и разрабатываются принципы их лексикографического описания.

В диссертации выбран новый ракурс в изучении языка русской религиозной философии: философская терминология, использование которой (начиная с «соборности» А. С. Хомякова и «богочеловечества» Вл. С. Соловьева) стало яркой чертой произведений русских религиозных мыслителей второй половины XIX – начала XX в., впервые исследована и охарактеризована как системное лингвистическое явление. Это позволило избежать атомарного подхода к лексике отдельных философов и прийти к целостному объекту – терминологии русской религиозной философии, анализ которой дал возможность выявить и описать общие механизмы и принципы создания и функционирования авторских терминов в русском религиозно-философском тексте. На базе полученных научных результатов осуществлен анализ основных особенностей ряда индивидуальных авторских терминосистем.

Актуальность темы исследования. Русская религиозная философия конца XIX – начала XX века занимает важнейшее место в русской истории и в истории русской гуманитарной мысли. Исследования языка произведений отдельных философов или языка всего философского дискурса данного периода имеют особое значение, поскольку позволяет доказательно отразить уникальность и многообразие философской, историко-культурной, историко-

филологической, литературно-художественной и лингвистической проблематики, а также своеобразие языка философских религиозных текстов. В связи с этим обращение к аспектному изучению языка русской философии является насущной и актуальной задачей современной лингвистики.

Описание и систематизация терминологии русской религиозной философии, особенно авторской терминологии, является актуальной научной проблемой как в теоретическом, так и в историко-лингвистическом аспекте. Анализ философской терминологии позволяет охарактеризовать не только индивидуально-авторские особенности языка отдельных философов, но и общие принципы создания авторских философских терминов в текстах различных философских жанров, а также особенности процессов словообразовательной и семантической деривации в языке второй половины XIX – начала XX в.

Актуальность темы исследования, таким образом, определяется необходимостью изучения русской философской терминологической лексики не только как элемента идиостиля отдельных мыслителей, но и как целостного лингвистического исследовательского объекта для истории русского литературного языка, русской терминологии, русского словообразования, для истории русской филологии и философии.

Теоретические основы научного исследования проблемы заложены Л.М. Грановской, которая впервые применила методы лингвистического анализа к языку русской философской литературы (Грановская 1995). Существенный вклад в разработку типологических характеристик русского философского текста внесла Н.М. Азарова (Азарова 2010). Однако широкий круг источников, представляющий разные направления отечественной философии, лингвистически не прокомментирован.

Одной из наиболее значимых в отечественном языкознании является проблема выявления и лингвистического описания сущностных признаков термина, терминологии и терминосистемы. Эти вопросы освещаются в фундаментальных трудах Г. О. Винокура (1939), Д. С. Лотте (1941), А. А.

Реформатского (1959, 1967), О. С. Ахмановой (1962, 1966), Л. Л. Кутиной (1964), Л. А. Капанадзе (1965), Н. З. Котеловой (1970), С. Е. Никитиной (1976), Т. Л. Канделаки (1977), В. П. Даниленко (1977), Б. Н. Головина и Р. Ю. Кобрина (1987), В. М. Лейчика (1989, 2009), С. Д. Шелова (1998, 2003), С. В. Гринёва-Гриневича (2008). На рубеже XX и XXI веков начинает формироваться новая область языкознания – когнитивное терминоведение (Володина 1998; Новодранова 2000; Мишланова 2003; Алексеева 2009; Лейчик 2010; Голованова 2011; Табанакова 2015).

Семантические особенности философских терминов охарактеризованы в работах Т. М. Горшковой (1979), З. Я. Икере (1983, 1991), Ю. В. Рождественского (1986). Недостаточность лингвистического изучения философской терминологии во многом обусловлена идеологически: советское языкознание периода развитого социализма и его завершающей стадии проблему семантической многоплановости философского термина решало преимущественно с идеологических позиций.

Несмотря на то, что проблема описания авторских (личностных) терминосистем была сформулирована Б. Н. Головиным еще в семидесятые годы XX века, в лексикографии до сих пор отсутствует научное определение авторского термина. В монографиях, диссертациях и научных статьях представлены разные точки зрения: традиционное понимание авторского термина как специальной единицы с установленной атрибуцией (Дьяченко 2003; Гринев-Гриневич 2006); как необщепринятого термина, актуализирующего связь с текстами определенного автора (Азарова 2010); как одного из вариантов обозначений одного и того же понятия, предлагаемых разными исследователями или разными школами (Табанакова 2013). Это делает очевидной потребность в научно обоснованной дефиниции авторского термина вообще и авторского философского термина в частности.

Современная авторская лексикография как динамично развивающееся научное и научно-практическое направление реализует две основные идеи: идею лексикографической параметризации языка и идею языковой личности

и ее структурной организации. Философской литературе в авторской лексикографии традиционно уделялось незначительное место. В девяностые годы XX века открылось новое направление: лексикографическое описание нехудожественных текстов. Разработка принципов словарной репрезентации лексической структуры философских текстов является насущной задачей современной российской авторской лексикографии.

Методологические основы исследования. Исследование выполнено как в русле теоретического и исторического терминоведения (Л. М. Алексеева, Б. Н. Головин, В. М. Лейчик, В. А. Татаринов, С. Д. Шелов и др.), так и в русле исторической лексикологии и семантики русского языка (О. В. Борхвальдт (Фельде), Л. В. Зубова, В. В. Колесов, Л. Л. Кутина, Ю. С. Сорокин). Важнейшим аспектом исследования стало обращение к работам по авторской лексикологии и лексикографии (Е. Л. Гинзбург, Ю. Н. Караулов, О. Н. Карпова, Л. Л. Шестакова). Обращение к языку русских философов потребовало детального изучения работ по истории русской философии (Н. И. Безлепкин, Г. М. Джагарова, А. Л. Доброхотов, С. М. Половинкин, В. И. Постовалова, С. С. Хоружий), по языку отдельных русских философов (Е. В. Сергеева, С. Н. Стародубец, Л. Л. Шестакова, А. Ф. Яковлева, Н. Л. Мишатина, Л. М. Алексеева, Г. В. Дьяченко, Е. В. Лисицина, E. Pilarczyk, А. И. Фомин) и по языку русской философии в целом (Н. М. Азарова, Л. М. Грановская).

Объектом исследования является терминологическая лексика в русском религиозно-философском тексте конца XIX – начала XX в. Основное внимание в работе уделяется наиболее значимой для истории русского литературного языка группе терминов, используемых всеми русскими философами, — собственно авторской терминологии, создаваемой каждым мыслителем в рамках собственной философской системы.

Хронологические рамки исследования ограничены 70-ми гг. XIX в. и первыми десятилетиями XX в. — периодом расцвета русской религиозной философии и периодом «построения философских систем».

Предмет исследования — комплексный анализ философских терминов указанного периода в терминоведческом, словообразовательном, лексико-семантическом, функционально-семантическом и лексикографическом аспектах.

Цель исследования — охарактеризовать основные закономерности формирования авторских философских терминосистем второй половины XIX – начала XX в. и разработать принципы их лексикографического описания.

Для достижения намеченной цели в работе последовательно ставятся следующие **задачи**:

определить понятие «русский религиозно-философский текст» и выявить его структурно-семантические, стилистические и жанровые особенности;

выявить семантические особенностей философских терминов в отличие от терминов других отраслей знания;

охарактеризовать семантические свойства терминов русской религиозной философии изучаемого периода;

проанализировать терминографические источники различных типов (терминофиксирующие, терминосоздающие и терминоиспользующие тексты) с целью выделения в них специальных лексем авторского и неавторского характера;

разработать научно обоснованное определение понятий «авторский философский термин» и «авторская философская терминосистема»;

отобрать репрезентативные цитаты для пополнения Большой словарной картотеки Института лингвистических исследований РАН;

проанализировав и описав основные способы терминообразования в русском философском религиозном тексте изучаемого периода, выявить соотношение основных способов терминообразования (механизмы терминотворчества) в различных авторских терминосистемах;

На материале философского творчества одного автора разработать микро- и макроструктуру словаря, объектом лексикографического описания в котором является авторский философский термин.

Согласно гипотезе, выдвигаемой в реферируемой диссертации, целостная терминосистема русского религиозно-философского текста изучаемого периода может быть описана только как совокупность авторских терминосистем, отражающих индивидуальные картины мира русских мыслителей.

Материалом исследования послужили произведения русских философов: Н. Ф. Федорова (1829 – 1903), К. Н. Леонтьева (1831 – 1891), Э. Л. Радлова (1854 – 1928), Л. И. Шестова (1866 – 1938), Н. О. Лосского (1870 – 1965), С. Н. Булгакова (1871 – 1944), С. Л. Франка (1877 – 1950), Г. Г. Шпета (1879 – 1937), Н. А. Бердяева (1874 – 1948), П. А. Флоренского (1882 – 1937). В небольшом количестве в выборку включены также терминологические единицы, извлеченные из произведений В. С. Соловьева (1853 – 1900) и Л. П. Карсавина (1882 – 1952). Важнейшим источником данных послужили также энциклопедические и философские терминологические словари конца XIX – XX веков. Объем исследовательского словника составил 1558 единиц.

Методы исследования. При изучении термина в тексте применялись два подхода: от термина к тексту (текстовый анализ термина) и от текста к термину (терминологический анализ текста).

На первом этапе исследования использован метод дистрибутивного анализа, основанный на изучении совместной встречаемости терминов в текстах, а также метод сплошной выборки. Для изучения значений терминов применялись методы компонентного анализа, дефиниционного анализа, основанного на логико-лингвистическом анализе толкования значений, метод контекстуального анализа, а также метод построения семантических парадигм.

В процессе описания авторских терминосистем был использован собственно терминоведческий метод анализа структуры и метод лингвистического конструирования терминосистем.

Конкретные исследовательские задачи: анализ парадигматических, синтагматических и ассоциативных связей термина, пополнение объема иллюстративного материала, уточнение хронологии вхождений отдельных слов в философскую терминосистему, установление авторства философского термина, изучение динамики в семантике слова − обусловили обращение к методам корпусной лингвистики.

Научная новизна результатов диссертационного исследования заключается в том, что терминологическая лексика русской религиозной философии второй половины XIX – начала XX в. впервые исследована как системное языковое явление. В работе также впервые разработана методика составления исследовательского словника философской терминологии из трех типов источников: терминофиксирующих, терминоиспользующих и терминосоздающих текстов и выявлена специфика значений термина русской религиозной философии описываемого периода.

В исследовании впервые поставлена и решена проблема системного описания русской философской терминологии;

развито и конкретизировано выдвинутое Б. Н. Головиным теоретическое положение о личностных терминосистемах: охарактеризованы общие принципы организации авторской философской терминосистемы описываемого периода;

сформулировано теоретически обоснованное определение авторского философского термина и авторской философской терминосистемы;

представлена классификация структурно-семантических типов авторских терминов русской религиозной философии второй половины XIX – начала XX в.;

выявлены и охарактеризованы основные механизмы философского терминотворчества изучаемого периода: разновидности семантического

способа (терминологизация, привлечение и транстерминологизация); морфологическое и синтаксическое терминообразование; выявлены соотношение и роль этих механизмов в различных авторских философских терминосистемах.

Существующий метод лексикографического описания языка писателя применен к анализу языка философа. Впервые разработаны микро- и макроструктура словаря философских терминов одного автора — Н. Ф. Федорова.

Теоретическая значимость результатов диссертационного исследования. Научное осмысление и систематизация русской философской терминологии имеют теоретическое значение для лексикологии, общей, исторической и авторской лексикографии, терминоведения, терминографии, а также для истории русского литературного языка. Анализ и описание особенностей терминологического творчества разных авторов вносит вклад в теорию языковой картины мира, языковой личности и в разработку проблемы философского идиостиля. Характеристику жанровой системы русского религиозно-философского текста и терминологического ядра его лексической структуры можно рассматривать как вклад в стилистику и лексический анализ текста. Выявление семантических особенностей философского термина в отличие от терминов других отраслей знания вносит вклад в теорию лексикологии, расширяя категориальный аппарат лексикологии русского языка в разделе теоретического и прикладного терминоведения. Анализ характеристик авторского философского термина второй половины XIX – начала XX в. позволил создать типологию этих единиц и разработать общие принципы описания авторской терминосистемы, что имеет теоретическую значимость для разработки ряда проблем исторического и отраслевого терминоведения.

Практическая значимость. Результаты диссертационного исследования могут быть использованы в исследованиях по истории русского литературного языка, в научных работах по лексикологии, лексической

семантике, терминоведению, стилистике, а также в культурологии, философии и других областях гуманитарного знания. Материалы исследования могут быть востребованы в практике вузовского преподавания, а также как справочный и иллюстративный материал при составлении словарей языка философов, исторических словарей русского языка, терминологических философских словарей. Систематизированная выборка философских терминов может быть использована для восполнения лакун Большой словарной картотеки ИЛИ РАН.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. В описываемый период (вторая половина XIX – начало XX в.) происходит формирование русской философской терминологии как целостного, системного явления, формируются авторские философские терминосистемы, в которые, кроме уже сложившейся философской терминологии, в основном заимствованной (эмпириокритицизм, интроекция, имморализм, трансцендентальный и др.), включается большое количество авторских новообразований различного типа (беспочвенность, родство, неродственность; супраморализм, психократия, моральный аморфизм и др.).

2. Собственно авторские термины и терминосистемы являются в текстах русских философов описываемого периода, с одной стороны, неотъемлемой чертой идиостиля каждого из них, с другой стороны – сущностным свойством всего философского дискурса этого периода в целом. Наличие в философской системе каждого из рассматриваемых философов таких авторских терминосистем позволяет исследовать авторскую терминологию русских философов по общим критериям как один лингвистический объект.

3. С точки зрения жанрового своеобразия текстов, в которых фиксируются авторские философские термины, философские произведения русских мыслителей второй половины XIX – начала XX века можно разделить на терминопорождающие тексты (трактат и его разновидности, философское эссе (афоризм), письма) и терминоиспользующие (диалоги, критическая

статья, философская автобиография, «философский некролог», «философское жизнеописание», обзор).

4. Специфика авторской терминологии русского религиозно-философского текста заключается в интенсиональной неопределенности и определяемости целым текстом; рост терминологичности философского термина схож с процессом приращения смысла в художественном тексте; наличие в значении философского термина субъективного компонента значения позволяет говорить о его авторском характере.

5. Авторская философская терминосистема имеет полевую структуру, включающую основные (ядерные) термины, обозначающие ключевые идеи мировоззрения автора и в совокупности формирующие ядро терминосистемы; и зону периферии. Дальнюю периферию авторской философской терминосистемы составляют непереосмысляемые философские термины и общенаучные термины, играющие важную роль в лексической структуре текстов.

6. Однозначность философского термина реализуется только в пределах конкретной авторской терминосистемы. Индивидуальный характер авторских философских терминосистем проявляется в том, что в разных философских терминосистемах по-разному представлены разновидности семантического, синтаксического и морфологического терминообразования, а также типы дефисных комплексов. Синтаксическое терминообразование в сочетании с семантическим (переосмысление частей составных терминов) является наиболее продуктивным способом пополнения философских терминосистем двух- и многокомпонентными терминами-словосочетаниями (составными терминами).

7. Среди семантических способов создания новых терминов традиционно используются терминологизация и транстерминологизация (переосмысление обычного слова или термина и формирование на их основе термина, входящего в метаязыковой узус).

8. Одним из важнейших методов исследования философской терминологии изучаемого периода является метод лексикографического описания терминосистемы одного автора.

Достоверность и научная обоснованность результатов исследования обеспечиваются объемом проанализированного материала (более 1500 терминов) и сочетанием указанных методов анализа, в совокупности позволивших охарактеризовать сущностные особенности философского термина в теоретическом аспекте, а также совокупности авторских философских терминов и терминосистем описываемого периода.

Апробация результатов исследования осуществлялась в форме докладов и сообщений на более чем 40 международных и всероссийских конференциях: Международные филологические конференции (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет, 2011, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018 годы), Международная научная конференции, посвященная 90-летию с дня рождения проф. Е. И. Никитиной (Ульяновск, Ульяновский государственный педагогический университет, 2013), Международная научная конференция «Русская историческая лексикология и лексикография XVIII–XIX в. К 100-летию со дня рождения доктора филол. наук Ю. С. Сорокина (Санкт-Петербург, Институт лингвистический исследований РАН, 2013), Международная конференция «Язык и метод. Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века» (Краков, Ягеллонский университет, 2013, 2014), Международная научная конференция «Русский язык и литература в поликультурном коммуникативном пространстве» (Псков, Псковский государственный университет, 2012), V Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ, 2014), Международная научная конференция, посвященная 150-летию со дня рождения акад. А. А. Шахматова (Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН, 2014), XVII Международная научная конференция «Русистика и современность» (Бордо, университет им. Мишеля Монтеня, 2014), Международный симпозиум «Терминология и знание»

(Москва, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2014, 2016, 2018 годы), Международная научная конференция «Проблемы толерантности: история и современность» (Череповец, Череповецкий государственный университет, 2015), Международный симпозиум «Metaphor as Means of Knowledge Communication» (Пермь, Пермский государственный научно-исследовательский университет, 2016), Международная конференция «И. А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика» (Казань, Казанский федеральный университет, 2017), Всероссийская научная конференция «Слово. Словарь. Словесность» (Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена, 2011, 2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018 годы), Всероссийская научная конференция «Печать и слово Санкт-Петербурга» (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна, 2014, 2016, 2018), «Современные проблемы авторской лексикографии» (Москва, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2018), Вторые Григорьевские чтения с международным участием по теме «Неология как проблема лингвистической поэтики» (Москва, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2018).

Результаты исследования были также представлены в форме докладов на заседаниях семинара «Теория и практика авторской лексикографии» (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, 2013, 2017) и на заседаниях Словарного отдела Института лингвистический исследований РАН (Санкт-Петербург, 2013–2016).

Основные положения и результаты исследования изложены в 73 публикациях общим объемом 61 п.л., в том числе в 17 статьях, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, рекомендуемых ВАК РФ: «Acta linguistica petropolitana: Труды Института лингвистических исследований РАН», «Филологические науки», «Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова», «Политическая лингвистика», «Сибирский филологический журнал», «Мир русского слова», «Филология и человек», «Известия РАН. Серия литературы и языка», а также в издании, входящем в

библиографическую и реферативную базу данных SCOPUS: «Studia Slavica. Linguistics and literature» (Венгрия). По теме диссертации опубликованы две монографии.

Результаты исследования отражены в поддержанных Российским фондом фундаментальных исследований проектах: № 17-29-09049 офи-м («Словарь авторских философских терминов Н.Ф. Федорова»), № 18-011-00953 А («Н.Ф. Федоров. Энциклопедия с онлайн-версией») и 18-112-00286 Д (издание научного труда «Язык русской религиозной философии: от текста к термину и от термина к тексту»).

Объем и структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения и приложения. Список литературы включает 355 наименования, в том числе 23 на иностранных языках. Список словарей включает 28 наименований, список источников – 53 наименования. Общий объем работы составляет 542 страниц печатного текста: основное содержание изложено на 530 страницах, приложение занимает 12 страниц.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. РУССКИЙ ФИЛОСОФСКИЙ ТЕКСТ И ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОВЕДЕНИЯ
РАЗДЕЛ I. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РУССКОГО РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОГО ТЕКСТА

§ 1. Основные черты русской философии второй половины XIX — начала XX в.: «возникновение систем»

Целью вводного параграфа является краткая характеристика русской философии на том временном этапе, который вынесен в название диссертационного исследования: *вторая половина XIX — начало XX в.*

Важнейшим в развитии русской философской мысли описываемого периода стало движение «от чужого к своему», «от подготовительного к построительному». Историки философии неоднократно отмечали связь отечественной мысли с ее внешними источниками: «В русской философии следует различать два направления: во-первых, то, которое развилось под влиянием чужой мысли — сначала византийской, потом польской и, наконец, западно-европейской вообще — и не противопоставляло себя этому иноземному течению, и, во-вторых, то, которое, появившись под чужим влиянием, стремилось выразить национальное миросозерцание, соответствующее духовным свойствам русского народа» [Радлов 1920: 8].

Именно исходя из параметра «чужое — свое» А. И. Введенский различал три периода в истории русской философии: подготовительный, период господства немецкого идеализма и период самостоятельной мысли, см.: [Введенский 1898]. Э. Л. Радлов выделяет только два периода: подготовительный (до Ломоносова) и построительный, в котором различает два направления: отражающее течения западной мысли и национальное, см.: [Радлов 1920].

Возможная перспектива появления отечественных философских школ и направлений и появления на их основе самобытной русской философии сформулирована П. С. Авсеневым в 1869 году — в начальный период формирования русской религиозной философии: «В философском отношении

мы, русские, не отличились ничем самостоятельно-оригинальным, но можно заметить, что отвлеченные диалектические умозрения, подобные немецким, едва ли приживутся на почве нашего духа. Мы с трудом и понимаем этого рода философствование. Но, с другой стороны, у нас едва ли разовьется и чисто эмпирическая философия, подобная английской. Можно гадать, что философия у нас будет иметь характер преимущественно религиозный, ибо религия глубоко укоренилась в нашем духе и вошла в самое существо его» [Авсенев 2008: 110].

Принято различать объективное существование русской философской мысли и ее научное описание, сформировавшееся в XIX веке, см.: [Емельянов 2007: 218]. Используя термин «русская религиозная философия» в применении к периоду «вторичного расцвета, или самостоятельной мысли» [Радлов 1920: 8], необходимо учитывать, что существует иная (возможно, более точная) трактовка понятия. Так, А. Ф. Замалеев относит зарождение религиозной философии в России к XI веку и включает в это понятие такие составляющие, как: «богословская экзегеза в средневековой Руси», «академическое богословие и духовное любомудрие XVIII в.», «Оптина пустынь и ее философское окружение», «философия всеединства» и «философская антроподицея», см.: [Замалеев 2007].

Внешнее деление материала в «Истории русской философии» В. В. Зеньковского распадается на четыре периода: 1. Пролог к русской философии (до Петра Великого и XVIII век); 2. Первый период — до возникновения систем (XIX век — до 70-х годов); 3. Второй период — возникновение систем (конец XIX века — первые два десятилетия XX века); 4. Третий период — XX век после 1917-го года [Зеньковский 1991: Т. 1: 23].

Интересующий нас период развития отечественной мысли (соотносимый с периодом построения систем в терминологии В. В. Зеньковского) в энциклопедии «Русская философия» под ред. М. А. Маслина нетерминологически обозначен как «так называемое религиозно-философское возрождение»: «развитие отечественной культуры,

по определению известного американского исследователя России Дж. Биллингтона, было настоящим “культурным взрывом” и “изысканным пиршеством” [Маслин 2007: 479]. В этом же издании находим терминологическое определение, принятое в современной науке: понятие “русская философия” дефинируется как «органическая часть всеобщей истории философии, являющаяся специфическим отображением многовековой истории развития русского самосознания, выраженная в идеях, взглядах и концепциях, отражающих национально-своеобразное осмысление универсально-философских проблем» [Маслин 2007: 477].

Принято выделять пять сущностных черт русской религиозной философии:

1. сотериология: сосредоточенность на идее спасения человека через приобщение к религиозному опыту;
2. связь с этической и нравственной проблематикой, стремление преобразить саму природу человека путем неуклонного соблюдения нравственных норм;
3. социально-исторический утопизм: стремление к преобразованию несовершенного общества в идеальное;
4. мессианизм и эсхатологичность: утверждение роли России как уникальной и судьбоносной для всего мира; вера в преображение человека и общества в абсолютную соборность и гармонию всеединства;
5. тесная связь гносеологической и онтологической проблематики (см.: [Караджев 2002, Голубева-Монаткина 1995]).

Н. О. Лосский, автор хрестоматийной «Истории русской философии», главной задачей философов считал такую разработку теории о мире, которая в качестве опоры использует все многообразие опыта, прежде всего религиозного, придающего человеческому миросозерцанию окончательную завершенность и раскрывающего смысл вселенского существования. «Философия, принимающая во внимание этот опыт, неизбежно становится религиозной» [Лосский 2007: 544].

Представляется необходимым прояснение соотношения понятий, обозначающих в научной и научно-учебной литературе одно и то же явление конца XIX — начала XX в. — философию «построения систем». Речь идет о составных наименованиях «русская философия» и «русская религиозная философия», которые проецируются на интересующие нас в исследовательском плане понятия «русский философский текст» и «русский религиозно-философский текст».

На наш взгляд, в целях лингвистического исследования эти понятия в применении к философии указанного периода можно использовать как взаимозаменяемые, но с двумя уточнениями.

Первое уточнение касается проблемы марксистской философии, которая начала распространяться в России с середины XIX столетия. О возрастании влияния марксизма писал Э. Л. Радлов в «Очерке истории русской философии» в 1912 году (первое издание): «Марксизм проник в Россию весьма рано, о нем говорили уже в конце 40-х годов, и с тех пор интерес к Марксу, а также и интерес Маркса к России постоянно возрастал» [Радлов 1920: 27]. В этой же книге Э. Л. Радлов пишет о сущностных чертах марксизма, отличающих его от других типов философского мировоззрения: «...он (*марксизм* — Н. К.) не желает быть только объяснением явлений, а хочет влиять и на саму природу, создавая, напр., и исторические явления. <...> Будучи одним из видов социалистической философии, марксизм естественно на первом месте ставит вопросы экономического и политического характера, остальные вопросы — гносеологические и физические — играют в марксизме лишь второстепенную роль. <...> Центральным и безотносительным является в марксизме человек и его интересы. Человек есть безусловное начало, заменившее собой Бога...» [Радлов 1920: 27]. Эти размышления, выявляющие сущностные различия между марксистской и немарксистской философией, объясняют, почему в настоящей работе не предполагается анализ терминологии русской марксистской философии, которая де факто является одной из составляющих научного понятия «русская философия конца XIX —

начала XX в.»

Добавим к этому попутное соображение: превращение марксизма из философии в государственную идеологию в течение длительного времени препятствовало (и препятствует по сей день!) объективному описанию терминологии этого направления в отечественной лингвистике. Равно как по идеологическим соображениям русская религиозная философия — соответственно, и её терминология – надолго «уплыли в небытие» на «философском пароходе».

Похожая мысль высказана в заключительной части опубликованной в 1951 году «Истории русской философии» Н. О. Лосского: «В настоящее время в СССР вся религиозная философия подвергается бешеным нападкам со стороны приверженцев диалектического материализма» [Лосский 2007: 547].

Второе необходимое для нашего исследования уточнение также связано с определением «религиозная»: несмотря на то, что русская философская школа складывалась в рамках религиозного мировоззрения, большое количество трудов, написанных в указанный период времени, выполнено вне религиозной проблематики. К примеру, один из наиболее последовательных в методологическом отношении философов, Г. Г. Шпет оставался в стороне от религиозно-догматической мысли и «вообще довольно скептически, если не сказать иронично, воспринимал христианство» [Караджев 2002: 22].

Учитывая эти исключения, мы будем использовать в нашей работе оба термина — «русская философия конца XIX — начала XX в.» и «русская религиозная философия» — как равнозначные, подразумевая произведения данного периода времени, относящиеся к идеалистической философии и связанные с фидеистической проблематикой.

Перспективы терминологического описания предполагают опору на систематизацию философских произведений. Самое общее деление связано с философским направлением, к которому относятся произведения того или иного философа.

Одной из самых значительных фигур в истории русской мысли является

Владимир Соловьев, в центре философии которого лежит софиологическая доктрина: мыслитель понимал изменение мира как возвращение к идеям античности, к основам христианского учения, софийной традиции. «Влияние Соловьева, – писал Э. Л. Радлов, – сказалось на Н. Гроте, Л. Лопатине, на кн. С. Трубецком и кн. Ев. Трубецком, наконец, на ряде раскаявшихся марксистов, как, например, на С. Булгакове, Бердяеве (*так* — Н. К.) и др.» [Радлов 1920: 44]. В современной науке философскую систему Вл. С. Соловьева принято называть метафизикой всеединого и всеединства; можно говорить о развитии философии всеединства в трудах последователей Вл. С. Соловьева (С. Н. Трубецкой, Е. Н. Трубецкой, С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский, В. Ф. Эрн, Л. П. Карсавин), см.: [Столович 2005: 493]. В. В. Зеньковский также относил к метафизике всеединства «системы» Л. П. Карсавина и С. Л. Франка.

Философские взгляды К. Н. Леонтьева характеризуются как эстетический консерватизм [Авдеева 2007], а также — очень обобщенно — как «поиски идеального начала» [Столович 2005].

Оригинальное учение Н. Ф. Федорова о преодолении смерти и всеобщем имманентном воскрешении, названное автором «философией общего дела», во многом предвосхитило философию космизма и развитие активно-эволюционной мысли в XX веке.

Творчество Н. А. Бердяева и Л. И. Шестова принято соотносить с экзистенциальным направлением отечественной мысли, при этом взгляды Н. А. Бердяева относят к религиозному неоромантизму (В. В. Зеньковский) и экзистенциальному персонализму (Л. Н. Столович), а о Л. И. Шестове историки философии говорят как о представителе иррационализма.

Кроме того, в русской философии описываемого периода выделяются: конкретный идеал-реализм Н. О. Лосского, абсолютный реализм С. Л. Франка и феноменология Г. Г. Шпета.

Развитие философской мысли на национальной почве стало важнейшим импульсом для формирования собственной жанровой системы философского

текста и создания оригинальной терминологии (о чем свидетельствует, в частности, появление в 1904 году «Философского словаря» Э. Л. Радлова).

Именно в этот период формируются авторские философские терминосистемы, в которые включаются термины, заимствованные из других языков (*эмпириокритицизм, интроекция, имморализм, трансцендентальный*); переосмысленные слова литературного языка (*беспочвенность, почва, родство, неродственность*); авторские новообразования различного типа (*всемство, супраморализм, психократия, моральный аморфизм*) и др.

Философские понятия терминируются, и философские термины начинают осознаваться единицами языка для специальных целей. Так, К. Н. Леонтьев в статье «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения» пишет: «Я же потому предпочитаю всем этим терминам мой термин вторичного упрощающего смешения, что все поименованные названия имеют смысл гораздо более тесный, чем мое выражение; они имеют смысл — политический, юридический, социологический, пожалуй, не более, не шире и не глубже. Мой же термин имеет значение органическое, естественно-историческое, космическое, если угодно...» [Леонтьев 2002: 215*]*. У Н. А. Бердяева в «Философии свободы» читаем: «В терминах же историко-философских кризис мысли может быть, скорее всего, определен как переход от субъективизма к объективизму, от индивидуализма к универсализму» [Бердяев 1989: 168].

Таким образом, исследование философской терминологии осуществлено преимущественно на материале произведений, созданных в период «построения систем», или «самостоятельной мысли», образующих в совокупности русскую религиозную философию, или русский религиозно-философский текст. Эти понятия с учетом сделанных выше уточнений используются в работе как взаимозаменяемые и обозначают совокупность произведений русских мыслителей конца XIX — начала XX в., относящихся к идеалистической философии и связанных с фидеистической (теологической) проблематикой. С лингвистической точки зрения этот период особенно важен

потому, что именно к нему относится основной этап формирования национальной русской философской терминологии.

§ 2. Философский текст как способ представления научного знания и форма отражения духовной деятельности человека

В настоящем разделе работы решается несколько сложных и внутренне противоречивых задач: раскрытие связи философии и науки, определение и уточнение понятия «русский философский (религиозно-философский) текст», характеристика основных лексических и стилистических особенностей произведений русских мыслителей.

Основная цель диссертации – описание терминологии русской религиозной философии – подразумевает работу с текстовым воплощением философских концепций, т.е. лингвистический анализ видов и способов вербализации философских понятий.

Типологические исследования такого рода в лингвистике основываются на систематизации понятий какой-либо области знания или прикладной деятельности. «Терминология, – пишет Н. Б. Гвишиани, – в общетеоретическом плане может рассматриваться как завершающий этап научного исследования» [Гвишиани 2008: 7].

Автор «Языка научного общения» использует слово «термин» и словосочетание «научный термин» как взаимозаменяемые понятия, не подразумевая между ними родо-видовых отношений. Все сказанное обнажает некое противоречие: философию трудно безоговорочно назвать прикладной деятельностью (исключая преподавание философии в университетах как учебной дисциплины), поскольку индивидуальную философскую систему — даже самого высшего порядка — трудно отнести к сфере науки. Это, в свою очередь, порождает проблему стилистической характеристики философского текста (научный или ненаучный?) и проблему специфики философского термина.

Типологические, функционально-стилистические и жанровые особенности русского религиозно-философского текста изучены недостаточно: так, например, не определено место данного текста в привычной системе функциональных стилей. Текст учебника или диссертации по философии вписывается в традиционную стилистическую парадигму, но, к примеру, произведения Л. И. Шестова или С. Л. Франка объективно трудно признать образцами научного или научно-популярного стилей.

По всей вероятности, традиция безоговорочного отнесения философских текстов к научным возникает на определенном этапе развития философии (третий этап в хронологии В. В. Зеньковского, т. е. XX век после 1917 года) и имеет идеологическую природу. Русская философия периода «возникновения и построения систем» (уже упоминавшиеся в настоящей работе термины В. В. Зеньковского) представляет собой совокупность ярких, оригинальных учений разных авторов, которые не образуют науки или научного направления в строгом смысле этого слова — это именно свободное философствование, творчество, фиксация работы духа. В. В. Зеньковский называет философию «самостоятельной и свободной формой духовного творчества» [Зеньковский 1991: Т. 1: 34], а П. А. Флоренский разводит философию и науку как два вида описания действительности, имеющие общую природу и цель, но противоположные в своих задачах:

«И наука, и философия – описание действительности, т.е. язык, тут и там имеющий свой особый закал. Словесная природа – это их общее, родовая стихия их жизни. Но они противоположны и противоречивы в своих устремлениях. Несокрушимым кристаллом хотела бы отвердеть наука; огненным вихрем, ветром вьющимся, коловращением, упругим, как гиростаты, - явит свою определенность философия. Неизменности и окончательности противостоит пульсирование и рост. Охранительная и старческая в существе своем, наука соперничает с юной и безоглядочно зиждущей силой философии. Наука приспособляет к себе, философия –

приспособляется. Та субъективна, эта объективна. Ту, вопреки заверениям ее адвокатов, занимают лишь ею построенные схемы и фикции; эта, как росток, тянется к свету и воздуху Божиего мира. Та – искусственна и в искусности своих имитаций жизни, в своих фарфоровых цветах, железных венках, цементных скалах, анилиновых красках и государственных конституциях, в условной, выгодной посадке всей мысли видит обетованную землю своих странствований; эта, напротив, об одном старается: о чистом оке, мир созерцающем» [Флоренский 1988: 88].

В. В. Казютинский считает понимание философии как «науки наук» устаревшим, поскольку философия является феноменом культуры: «Ее цель – выработка системы ценностей, касающихся предельных оснований человеческого бытия и познания, смысложизненных императивов, которые в отличие от научных знаний не являются общезначимыми, не могут быть обоснованными и доказанными подобно фактам и законам науки» [Казютинский 2004: 25].

Тем не менее, сохраняется и другой подход, признающий научный статус и системность подлинной философии. Эти подходы не исключают, а дополняют друг друга, оба необходимы и целесообразны.

Проблема научности философского текста заявлена Н. М. Азаровой «Философия является самостоятельным видом духовной деятельности человека (особой формой культуры), подразумевающей особый статус существования языка, отличный от языка науки, а философские тексты нельзя считать подвидом научных текстов. В рамках лингвостилистики философские тексты неверно рассматривать в составе научного стиля речи» [Азарова 2010а: 18].

Тезис Н. М. Азаровой о невозможности отнесения русского религиозно-философского текста к научному стилю речи представляется верным и интересным, но он, на наш взгляд, не исчерпывает лингвистической проблемы. Вопрос о том, является ли философия наукой, по всей вероятности, не имеет прямого и однозначного ответа, и не все философские тексты нельзя

считать подвидом научных текстов. Не случайно в энциклопедических и толковых словарях философия определяется двояко: как наука и как форма сознания.

Менее строгое решение проблемы предлагает Г. Л. Тульчинский, разделяющий академическую философию, в рамках которой существуют диссертационные советы и научные специальности, и «живое философствование»: «Титульные и культовые для нынешнего понимания российской философии фигуры – П. Я. Чаадаев, ранние славянофилы, Н. Ф. Федоров, Н. А. Бердяев, Л. И. Шестов, В. В. Розанов, Вяч. Иванов, П. А. Флоренский, П. Савицкий и др. – не являлись философами ни по специальной подготовке, ни по роду занятий. Можно сказать, что типологической закономерностью развития российской философии является *философская канонизация нефилософского философствования*» [Тульчинский 2011: 68].

Признание деления на академическую философию и «живое» философствование порождает новую проблему: являются ли единицы «ненаучного» философского текста объектами терминоведения и в чем их специфика? Эти вопросы будут подробно рассмотрены в настоящем исследовании.

Под определением «русский философский (религиозно-философский) текст» подразумевается совокупность основных произведений русских мыслителей конца XIX — середины XX в., то есть, по хронологии В. В. Зеньковского, второго и третьего периодов в развитии русской философии. Второй период начинается с 70-х годов XIX века, когда философия «вступает на путь построения систем» и начинается время интенсивного философского движения [Зеньковский 2001: 17], и заканчивается в конце второго десятилетия XX века. Третий период — XX век после Октябрьской революции.

Вопрос о временных границах философского текста как объекта исследования по-своему решается разными исследователями. Так,

Н. М. Азарова называет русским философским текстом произведения XX века, поскольку именно в это столетие активно формировались и развивались основные течения русской философской мысли и именно XX век стал периодом сложения корпуса русских философских текстов (см.: [Азарова 2010а; Азарова 2010б]). Посвященные языку и стилю русской философской литературы лекции Л. М. Грановской охватывают вторую половину XIX-го столетия и первые десятилетия XX-го, «за пределами которых обозначился в России новый поворот философской мысли, последовавший после дискуссий 20-30-г годов XX в. и названный ее исследователями (не терминологически) подавлением» [Грановская 2013: 3].

С точки зрения анализа терминологии представляется необходимым сосредоточиться на периоде «построения систем», однако целесообразно привлекать для рассмотрения и более поздние произведения русских философов, написанные в эмиграции (к примеру, «Самопознание» Н. А. Бердяева), поскольку в этих произведениях продолжалось активное терминотворчество.

Охарактеризуем основные факторы, обусловившие смысловое и лексико-стилистическое своеобразие русского религиозно-философского текста в рамках обозначенного периода времени.

Историки философии неоднократно подчеркивали связь этой философии с религиозным мировоззрением: «Русская мысль всегда (и навсегда) осталась связанной со своей религиозной стихией, со своей религиозной почвой; здесь был и остается главный корень своеобразия, но и разных осложнений в развитии русской философской мысли» [Зеньковский 2001: 19]; «религия есть жизненная основа философии, религия питает философию реальным бытием» [Бердяев 1989: 20]; «философия немыслима без Бога» [Ухтомский 1996: 234]. Типологической чертой русской религиозной философии является антропологизм, в рамках которого человек предстает творческим существом, продолжающим дело божественного творения. Новое воззрение, по словам А. Ф. Замалеева, «не требует, чтобы

человек сравнялся с Богом, но зато побуждает жить в условиях физического мира «по сознанию в себе образа Божия» [Замалеев 2007: 6]. На лексическом уровне это проявилось в наличии большого количества привлеченных и переосмысленных теологических терминов и их производных: *антипасха, антроподицея, дух, падшесть, Пасха, пасха, пасхальные вопросы, пятидесятница, София, софийность, теодицея, усия, феофорность* и т.д.

Второе необходимое условие и начало философского творчества, которое выделяют историки философии, — это внутренняя и внешняя свобода, во многом определившая содержательные особенности религиозно-философского текста: «Философская мысль растет лишь в условиях свободы исследования» [Зеньковский 2001: 24]. Не случайно термин «свобода» является одним из важнейших как в конкретных авторских терминосистемах, так и в терминосистеме русской религиозной философии в целом. Вспомним, например, бердяевское понимание свободы как «безосновной основы бытия» или как «свободы знать высшее добро и идти к нему»: «Свобода есть моя независимость и определяемость моей личности изнутри и свобода есть моя творческая сила, не выбор между поставленным передо мной добром и злом, а мое созидание добра и зла» [Бердяев 1991: 70].

Свобода — «основная метафизическая идея» Н. А. Бердяева, и философ часто включал термин и его производные в названия своих работ и их частей: *«Философия свободы»; «О рабстве и свободе человека»* (Опыт персоналистической философии»; *«Философия свободного духа»; «Творчество и свобода. Индивидуализм и универсализм»* (название VI главы книги «Смысл творчества. Опыт оправдания человека»); *«Свобода»* (название III Главы «Миросозерцания Достоевского»); *«Свобода, бытие и дух. Эссенция и экзистенция. Творческий акт»; «Человек и история. Свобода и необходимость в истории. Промысел, свобода и фатум»* (названия IV и V глав книги «Истина и Откровение» (Пролегомены к критике Откровения); *«Одиночество. Тоска. Свобода. Бунтарство. Жалость. Сомнения и борения духа. Размышление об эросе».*

Внутренняя свобода мыслителя — основная идея книги Льва Шестова «Апофеоз беспочвенности», ср.: «Не является ли главной задачей нашего времени научиться искусству обходить (а то и разрушать) все те многочисленные заставы, которые под разными предлогами выстраивались в старину могущественными феодалами духа и лишь в силу вечного консерватизма трусливой и близорукой человеческой природы и доныне продолжают еще считаться непреодолимыми, даже "естественными" преградами для движения нашей мысли?» [Шестов 1991: 35].

Отметим также, что в русском религиозно-философском тексте описываемого периода доминируют свободные формы, очень развито явление «жанровой переходности», возникшее в результате своеобразной «деканонизации» традиционных жанров философии и литературы, сильно влияние художественного текста, особенно поэтического.

Третьим фактором, определившим своеобразие русского религиозно-философского текста и его лексической структуры (терминосистемы в первую очередь) стало влияние западной философии; не случайно, характеризуя процесс формирования языка и стиля русской философской литературы, Л. М. Грановская отмечает: «Все течения западной мысли находят отражение в России» [Грановская 2013: 4]. Это влияние было огромным, но не абсолютным: «...философия в России... нашла свои пути – тоже не чуждаясь Запада, даже учась у него постоянно и прилежно, но все же живя своими вдохновениями, своими проблемами. XIX век окрылил философское дарование у русских людей. Россия вышла на путь самостоятельной философской мысли» [Зеньковский 2001: 24].

Итак, несмотря на содержательное и структурное своеобразие работ каждого из русских мыслителей, мы можем предварительно обозначить три фактора, обусловившие структурно-семантические особенности русского религиозно-философского текста в целом:

- религиозная проблематика, оказавшая сущностное влияние на русскую философию описываемого периода, которое выразилось не только в

обширном цитировании богословской литературы, но и в привлечении и транстерминологизации большого количества теологических терминов;

- свобода мысли и свобода изложения, и – как следствие – оригинальные идеи и авторские терминосистемы как их воплощение, развитие «свободных» жанровых форм, — к примеру, философского эссе;
- влияние античной и западной философии, обусловившее терминологическую полилексию; обилие ссылок, заимствований, в том числе терминологических.

Отметим, что эти начала — тесная связь с религией и внутренняя свобода — зафиксированы в определении философии в весьма объемной статье Словаря Брокгауза и Ефрона (составленной Э. Л. Радловым и Н. Г. Дебольским), которая начинается с такого предложения: «Философия есть свободное исследование основных проблем бытия, человеческого познания, деятельности и красоты. Философия имеет задачу весьма сложную и решает ее различным образом, стараясь соединить в одно разумное целое данные, добытые наукою, и религиозные представления» (см.: [Брокгауз, Ефрон, 1902, Т. 70, с. 822-842]). Словарь Брокгауза и Ефрона интересен прежде всего тем, что он соотносим по времени создания со вторым периодом развития русской философии.

Очень важной представляется характеристика философии как свободного исследования, предполагающего соединение данных науки и религии, а также многообразие способов решения задач. Именно эти признаки, на наш взгляд, во многом предопределяют философский текст как самостоятельную функционально-стилистическую разновидность речи, требующую особого изучения и заслуживающую места в стилистической таксономии. Особенно актуальным представляется тезис о соединении данных науки и религии, ибо именно в нем, на наш взгляд, содержится разгадка многих тайн русского религиозно-философского философского текста, его двойственности и необычности.

Термин «симпосийность» в применении к русской философии впервые употребил М. Эпштейн, подчеркивая особую близость русского религиозно-философского текста традиции платоновских диалогов — в первую очередь, «Пира» (буквально — «symposion»). М. Эпштейн говорит об особой «полифонии духовности, интегрирующей абстрактные идеи, телесность и душу философа, науку и поэзию, фантазию и критику, анализ и синтез, историчность и утопизм» (см.: [Epstein 1996]).

Симпосийность как типологическая черта русского религиозного текста проявляется в органическом соединении самых разных стилевых и стилистических начал: элементы научного стиля, публицистическое начало, связь с поэзией и художественным текстом в целом. Эта черта проявляется в специфике деления философского текста на формы и жанры.

§ 3. «Живое философствование»: формы и жанры

В творчестве русских философов конца XIX – начала XX в. переплетены разные способы философствования, которые Г. Л. Тульчинский обозначил как «вербальные и невербальные» [Тульчинский 2011: 6].

«Правополушарное» философствование реализуется при помощи иконических знаков: различных изображений, рисунков, схем. Так, на геометрически наглядном рассуждении основаны целые главы произведений П. А. Флоренского «Философия культа» («Освящение реальности»; «Примечания»); «У водоразделов мысли» («Форма и организация»; «Обратная перспектива и иллюзионизм»). С невербальным способом философствования связана идея Symbolarium’a П. А. Флоренского – книги, задуманной как словарь иконических знаков символов (точка, круг, строительный кирпичик, исчезновение, смерть).

Вербальные способы философствования реализуются в различных жанровых вариациях, образующих стилистическую систему. О важности и необходимости описания этой системы – наряду с изучением

терминологического словаря – говорила Н. Ю. Шведова, слова которой приводятся в статье-воспоминании Л. М. Грановской [Грановская 2012: 117].

Жанровая дифференциация русского религиозно-философского текста в период «построения систем» претерпела значительные изменения, во многом обусловленные сближением философии с художественной литературой и богословием. Симпосийность как сущностная черта философского текста вызвана стремлением авторов к особому синтетическому знанию, сочетающему в себе разные начала: религию, философию, науку и искусство.

Соединение этих начал привело к переосмыслению традиционных философских жанров и частичному отказу от традиционных жанровых форм — классического трактата и монографии. В то же время философы конца XIX – начала XX веков были очень внимательны к «литературным» жанрам.

Письменные жанры русского религиозно-философского текста представлены (в самых разных вариациях) следующими разновидностями: философский трактат, статья, диалоги, очерк, эссе, афоризм, «портреты и параллели», реплики, письма, автобиография и философский роман.

К основным жанрам — трактат, философское эссе (афоризм), различные формы эпистолярного жанра — относятся терминопорождающие (термин В.М. Лейчика, см.: [Лейчик 2009]) тексты, формирующие авторские философские терминосистемы. Прочие жанры (критическая статья, философская автобиография, «философский некролог», «философское жизнеописание», обзор) являются в основном терминоиспользующими (термин В.М. Лейчика, см.: [Лейчик 2009]): авторские философские термины функционируют в них в соответствии с жанром.

Наиболее распространёнными литературными формами представления философского знания в русской философии описываемого периода были, по-видимому, статья и обновленные формы трактата, которые в ряде случаев указывались в подзаголовках (опыты, созерцания и умозрения, пролегомены), например:

Н. А. Бердяев: *Я и мир объектов (Опыт философии одиночества и общения); О рабстве и свободе человека (Опыт персоналистической философии); Истина и откровение (Пролегомены к критике Откровения);* особо следует упомянуть книгу *«Самопознание (Опыт философской автобиографии);* С.Н. Булгаков: *Свет невечерний (Созерцания и умозрения);* Л. И. Шестов: *Апофеоз беспочвенности (опыт адогматического мышления).*

Философский трактат в его классическом варианте представляет собой смысловую конструкцию, содержащую две основные составляющие: «во-первых, описание структуры некоторого философского универсума, а во-вторых, описание своего рода ландшафта данного универсума» [Хлебникова 2013: 202–203]. Автор трактата создает некую совокупность принципиальных понятий, задающих «философское видение» определенного аспекта действительности, и на протяжении всего текста проясняет сущностные черты и внутренние закономерности сконструированного «возможного мира».

Своеобразной разновидностью философского трактата является философская автобиография, в рамках которой происходит дальнейшее развитие и усовершенствование традиционной системы литературных приёмов жанра.

Дистанцируясь от других «типов книг, написанных о себе и своей жизни» (воспоминания, дневник, исповедь), Н. А. Бердяев определяет особенности философской автобиографии: это история трансформации личностного самосознания: «познание собственного духа и духовных исканий», в котором автора интересует «не столько характеристика среды, сколько характеристика (*его собственных* — Н.К.) реакций на среду» [Бердяев 1991: 14].

Развитие жанра трактата, на наш взгляд, осуществляется за счёт появления в нем ярко выраженного эссеистического начала, которое проявляется в первую очередь в отсутствии исчерпывающего анализа проблемы, точнее, в кажущемся или прямо обозначенном отсутствии намерения автора эту проблему исчерпать. В то же время философское эссе

предполагает «известную законченность, отточенность и вывод» [Грановская 2013: 13]. Добавим, что в русской религиозной философии эссе существует и как самостоятельный жанр, и как составляющее начало в более крупных жанровых формах.

Л.М. Грановская считает, что жанр философского эссе воскресил под новым названием известные в XVIII веке «Опыты», и связывает появление этого жанра с «проникновением новой образности в язык новейшей философии, обратившейся к миру реалий в противовес абстрактной сфере идеальностей» [Грановская 2013: 13].

О.В. Хлебникова рассматривает философское эссе как разновидность философской публицистики, формирующей философское «общественное» мнение; само возникновение идеи «подачи» философского материала в таком виде является показателем высокого уровня развития письменной литературной традиции: «Появление жанра философского эссе стало возможно только с появлением достаточно обширного текстового пространства, позволяющего быть разного рода аллюзиям и реминисценциям» [Хлебникова 2013: 204].

Форма философского эссе, или афоризма, особенно характерна для творчества Л. И. Шестова, предпочитавшего в структуре текста фрагментарность, недосказанность, нарочитую непоследовательность изложения: «На Западе афористическая форма изложения — явление довольно обычное. У нас полагают, что книга должна представлять из себя последовательно развитую систему мыслей, объединённых общей идеей — иначе она не оправдывает своего назначения... <...> С удивлением и недоумением я стал замечать, что, в конце концов, “идее” и “последовательности” приносилось в жертву то, что больше всего должно оберегать в литературном творчестве, — свободная мысль» [Шестов 1991: 33–34].

«Апофеоз беспочвенности» состоит из небольших частей, связанных с общей идеей текста (отказ от традиционных истин, морали, закона, т.е. «почвы») и имеющих форму философского афоризма, например:

«Говорят, что нельзя обозначить границу между "я" и обществом. Наивность! Робинзоны встречаются не только на необитаемых островах, но и в самых многолюдных городах. Правда, они не одеваются в звериные шкуры и не имеют при себе чернокожих Пятниц, оттого-то никто их и не узнает. Но ведь Пятница и звериная шкура - последняя вещь, и не они делают человека Робинзоном. Одиночество, оставленность, бесконечное, безбрежное море, на котором десятки лет не видно было паруса, — разве мало наших современников живут в таких условиях? И разве они не Робинзоны, для которых люди обратились в далекое воспоминание, с трудом отличаемое от сновидения? <...>

Философы ужасно любят называть свои суждения "истинами", ибо в таком чине они становятся общеобязательными. Но каждый философ сам выдумывает свои истины. Это значит: он хочет, чтобы его ученики обманывались по выдуманному им способу, право же обманываться на свой манер он оставляет за одним собой. Почему? Почему не предоставить каждому человеку права обманываться, как ему вздумается?» [Шестов 1991: 77-78].

Жанр диалога (диалогов) совмещает литературное, богословское и философское начала. Яркими образцами этого жанра являются произведения В. С. Соловьева «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об Антихристе и с приложениями» [Соловьев 1974] и содержательно связанные с соловьевским текстом «На пиру богов. Современные диалоги» С. Н. Булгакова, см.: [Булгаков 1993]. В диалогах действует система персонажей (Генерал, Политик, Дама, Князь; Общественный деятель, Известный писатель, Боевой генерал, Светский богослов и Беженец) и обсуждаются актуальные для того времени вопросы философского, политического и богословского характера. Философский диалог, восходящий к «состязаниям в речах» в древнегреческой драме, в

русской традиции реализуется как способ самопознания: это цель, ради которой говорящий обращается к собеседнику.

К жанру диалогов относится также произведение С. Н. Булгакова «У стен Херсониса», см.: [Булгаков 1993], участниками диалогов, происходящих в Крыму, «в виду Херсонисского монастыря», являются Беженец, Светский богослов, Ученый иеромонах и Приходской священник. Основная тема произведения – трагическое разделение между восточной и западной Церковью, которую автор называет «основной болезнью всего христианского мира». Диалогическое начало произведения обусловлено большим количеством неразрешимым проблем, которые формулируются в виде полемических вопросов, задаваемых друг другу участниками споров.

А. Ф. Лосев и А. А. Тахо-Годи, анализируя диалоги Платона, предлагали рассматривать их в качестве своего рода «драм мысли». На наш взгляд, эта характеристика в полной мере соответствует жанру диалога в русской религиозной философии: «Сам по себе диалог является непременным элементом драмы. Однако драматичность может быть разная. Бывает драматизм сюжетной завязки, драматизм ситуации, а бывает внутренний драматизм борющихся идей, противоположных утверждений, отчаянно защищаемых спорящими сторонами» [Лосев, Тахо-Годи 1993: 101].

Эпистолярный жанр также становится значимым элементом в формирующейся в конце XIX века стилистической системе языка философии. Прямое обозначение адресанта и адресата позволяют говорить о наличии эпистолярного начала в программном произведении Н. Ф. Федорова «Вопрос о братстве…» с подзаголовком: «Записка от неучёных к учёным, духовным и светским, к верующим и неверующим» [Федоров 1995].

Н. Ф. Федоров считал, что «учёные» исказили естественный и ясный взгляд на мир, свойственный народу. С. Г. Семенова, анализируя философию Федорова, отметила, что понятие «неучёные» являются своеобразной философской категорией, выражающей идеал общих, совместных, коллективных способов познания, оценок и выражения эмоций в

противоположность индивидуализированному умствованию. «Самый жанр проникновенно “простодушного” обращения с самыми главными, больными вопросами, мучающими всех, и “учёных” и “неучёных”, определяет особый тон и слог автора» [Семенова 2004: 466].

Ю. В. Маринина считает эпистолярный жанр ведущим в творчестве П. А. Флоренского, многие работы которого представляли собой личные беседы или письма, обращённые к читателю-другу. «Иногда письма, доработанные П. А. Флоренским, превращались в главы его трудов. Так, например, предисловие «На Маковце» к труду «У водоразделов мысли» выросло из письма к В. В. Розанову, который сам жанр переписки назвал «золотой частью литературы» [Маринина 2011: 374].

Эпистолярное начало организует текст фундаментального труда П. А. Флоренского «Столп и утверждение истины», в котором собрано 12 писем к другу. В христианской письменности форма письма имеет апостольскую традицию: «Писатели Средних веков... не писали из удовольствия высказать свои идеи. Их вынуждало писать или какое-нибудь важное событие в мире христианском, или просьба друга. Так образовалась литература Средних веков; господствующая ее форма была форма писем к другу и к Церкви» [Егишэ 1971: 88].

По словам Игумена Андроника (Трубачева), «написание «Столпа» в виде писем к Другу должно было свидетельствовать об особой приверженности отца Павла к типу средневекового мировоззрения и к дружескому общению» [Игумен Андроник (Трубачев) 2012: 824]. Символично число писем: их двенадцать, что соответствует символу божественной сущности. Письма начинаются с описания природы или выражения личных переживаний, затем автор переходит к раскрытию темы письма, большинство их которых представлены в тексте «парами»: *Истина — Сомнение; Дружба — Ревность; Тварь — София.*

Четырнадцать писем, адресатом которых являются «недруги по социальной философии», составляют книгу Н. А. Бердяева «Философия

неравенства»: «Письма эти, в которых я хочу подвести итог всем мыслям моим по социальной философии, обращаю непосредственно к моим недругам, людям враждебного мне духа, противного мне чувства жизни, чужих мне мыслей» [Бердяев 1990, Т.3: 156]. Темы писем очень разнообразны и охватывают все стороны материальной и духовной жизни общества: о русской революции; о войне; о религиозно-онтологических основах общественности; о нации; о консерватизме; о культуре и др. Помимо «недругов», письма с ярко выраженным проповедническим и нарастающим от середины к концу произведения полемическим началом, обращены к потомкам, что и обусловило жанровые особенности «Философии неравенства».

Ещё одна заметная черта русской религиозной философии и связанный с ней терминоиспользующий жанр вызваны к жизни вниманием мыслителей к творчеству своих идейных союзников и оппонентов; речь идёт о большом количестве разного рода критических и биографических обзоров, включающих содержательный анализ одного произведения или всего творчества философа: *«Некоторые черты религиозного мировоззрения Л. И. Шестова»* [С. Н. Булгаков]; *«Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли»* [Н.А. Бердяев]; *«О книге С. Л. Франка «Непостижимое»* [Н.А. Бердяев]; *«Стилизованное православие (Отец Павел Флоренский)»; «Основная идея философии Льва Шестова»* [Н.А. Бердяев]; *«Личность Вл. С. Соловьёва» Е. Н. Трубецкого; «Умозрение и апокалипсис (Религиозная философия Вл. Соловьёва)»* [Л. Шестов] и др.

Литературоведы пишут о формировании в конце Серебряного века жанра философского романа, наполненного новым религиозно-философским содержанием, «основанным на поисках синтеза, новой философской мысли, которая примирила бы дух и плоть, земное и небесное, науки и искусства, различные грани “единого знания”: “Женщина-мыслитель” и “Трио Чайковского” А. Ф. Лосева; “Петербургские ночи” Л. П. Карсавина» (см., к примеру: [Маринина 2011, Голубева-Монаткина 2014]). Этот жанр не связан

напрямую с философской терминологией, поэтому ограничимся лишь перечислением названных произведений.

Итак, жанровую систему русского религиозно-философского текста характеризуют свобода форм, явление жанровой переходности, развитие и видовая дифференциация традиционных жанров. Наибольший интерес с точки зрения терминоведения представляют терминопорождающие тексты, к которым относятся разновидности философского трактата, философское эссе и письма; из терминоиспользующих текстов исследовательскую ценность представляют критические статьи и обзоры, а также различные виды своеобразных «философских некрологов» — статей, написанных в качестве отклика на смерть какого-либо мыслителя и содержащих анализ его философского наследия.

Новизна и оригинальность русской философской мысли выразилась не только в создании новой стилистической системы, но и в формировании новой терминологии. В терминологии, как и в стилистических чертах, проявляется органическое соединение разных черт и элементов; обе эти системы — жанровая и терминологическая — отразили важнейший этап «построения систем» в русской религиозной философии.

§ 4. Лингвостилистические особенности текстов русских мыслителей конца XIX – начала XX в.

Понятие «философский текст» содержательно пересекается с понятием «художественный текст»: и философское и художественное произведения не умещаются в «прокрустово ложе» стиля по причине отсутствия заданных параметров нормы и нормативности, а также ввиду основополагающего принципа полной свободы индивидуального творчества — и философского, и художественного.

В то же время, несмотря на наличие собственной терминологии, философский текст не является научным: термин «научный текст» равен

функциональному стилю, поскольку определяется законами логики и прагматики.

Функциональные стили складываются из разного сочетания трёх функций: сообщения, выражения, воздействия. Философский текст — это интеллектуальное (или интеллектуально-эстетическое) самовыражение мыслителя, основанное на системе взглядов, образующих систему понятий, которые вербализуются посредством особых терминов — терминов философии.

Не преследуя цели дать исчерпывающее описание стилистических свойств русского религиозно-философского текста, попытаемся обозначить его основные доминанты, главным образом, на лексическом уровне. Конечно, мы не вправе говорить об особом функциональном религиозно-философском стиле как об «общественно осознанном типе функционирования языка» [Стилистический энциклопедический словарь 2003: 156], однако можем выявить характерные для русского философского текста принципы отбора и сочетания языковых средств, а также наметить контуры лингвистического описания метаязыка религиозной философии.

Ядро метаязыка русского религиозно-философского текста составляет терминосистема (или, точнее, совокупность терминосистем, соответствующих метадиалектам разных авторов) — следовательно, можно говорить о том, что русский философский текст типологически соотносим с научным текстом: он вбирает в себя некоторые черты научного стиля, обусловленные преобладанием в этом тексте когнитивной (интеллектуальной) функции.

В то же время язык русских философских текстов обладает многими характеристиками поэзии: яркая образность, экспрессивность, метафоричность изложения. Эстетическая функция философского текста подразумевается и угадывается в словах Г. Г. Шпета: «Философия есть искусство как высшее мастерство мысли» [Шпет 2007: 45].

Функциональная характеристика русского религиозно-философского текста сближает его с научным стилем речи, однако основной конструктивный

принцип последнего — «открытая, последовательная, подчеркнутая логичность речи» [Котюрова, Тихомирова, Соловьева 2011: 26] — в анализируемых произведениях реализуется далеко не всегда, так как определяется в первую очередь конкретным идиостилем. И в этом нельзя не увидеть нарушение одной из аксиом научного стиля: надличностный характер, минимум индивидуализации, — напротив, в русском-религиозно философском тексте проявляется «максимум индивидуализации»; он может быть подчеркнуто логичным и даже сверхлогичным, а может разрушать этот принцип, поскольку этого требует свобода творчества и желание автора освободиться от всех и всяческих установок во имя «адогматического мышления».

Так, например, «Философия имени» С. Н. Булгакова может служить иллюстрацией научного стиля: это текст научной тематики, которому в полной мере свойственны обобщенность, отвлеченность, абстрактность изложения, доказательность положений и насыщенность фактической информацией.

«Апофеоз беспочвенности» Льва Шестова демонстрирует совсем другой принцип — принцип открытой *не*логичности. Не случайно уже в самом начале книги автор пишет о том, что свободная мысль обычно приносится в жертву идее и последовательности — а значит, от оформленности текста, от отчетливой определенности, от логики следует отказаться. «Нет идеи, нет идей, нет последовательности, есть противоречия, но ведь этого именно я и добивался, как, может быть, читатель уже и угадал из самого заглавия. Беспочвенность, даже апофеоз беспочвенности, — может ли тут быть разговор о внешней законченности...» [Шестов 1991: 34].

Еще одна особенность русского религиозно-философского текста во многом обусловлена логикой субъекта познавательной деятельности — от далекого предшественника к современнику.

Философские сочинения, являющиеся материалом настоящего исследования, как и святоотеческие тексты, касаются высших целей и

предельных онтологических задач человека; их авторы прямо говорят о христианском духе и христианской перспективе своих мировоззрений.

В произведениях русских религиозных философов очень много цитат, по-разному оформленных и по-разному включенных в текст. Источники цитирования — самые разнообразные: научные работы, словари, художественные произведения, публицистика. Но основная черта русского религиозно-философского текста — связь с фидеистической проблематикой – выражается, в частности, в заимствовании и переосмыслении теологических терминов *(антроподицея, теодицея, грех, седмица, служба как разрядительница аффектов)*.

Нельзя утверждать, что все философские тексты имеют прямую связь с Библией и Евангелием. Это не так: к примеру, у С. Л. Франка есть работы, в которых названные источники не цитируются и не упоминаются — а есть работы, посвященные нравственной философии («Свет во тьме») или религиозно-философские («Смысл жизни»), в которых пространные цитаты из Евангелия и Деяний апостолов являются важной составляющей текста:

«Все же верующие были вместе и имели все общее... И каждый день единодушно пребывали в храме и, преломляя по домам хлеб, принимали пищу в веселии и простоте сердца, хваля Бога и находясь в любви у всего народа» (Деян 2.41 – 47). Но совершенно также и сам Спаситель, на обращеный к нему вопрос: «что нам делать, чтобы творить дела Божий?», дал ответ: «вот, дело Божие, чтобы вы веровал и в того, кого Он послал» (Ев. Иоан. 28 – 29). На искушающий вопрос законника: «что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?», Христос отвечает напоминанием о двух вечных заповедях: любви к Богу и любви к ближнему; «так поступай, и будешь жить» (Ев. Лук 10.25 – 28)». [Франк 2011: 46].

Кроме самого текста Библии, много цитируются или упоминаются известные ученые-богословы, религиозные деятели: Блаженный Августин, протопоп Аввакум, Ансельм Кентерберийский, Григорий Палама, Игнатий Богоносец, архимандрит Мелетий, Фома Кемпийский и др.

Библейское знание совмещается в произведениях философов со знанием научным. Можно сказать, что экзистенциальная пресуппозиция русского религиозно-философского текста базируется одновременно на научных фактах и на метафизике. Обращение к научным источникам, цитирование и упоминание научных текстов — это то, что непосредственно роднит русский философский текст с языком науки. Перечислим ряд имен авторов, на которых ссылается Павел Флоренский в книге «Столп и утверждение истины»: *М. Планк, И. Ньютон, И. И. Срезневский, Я. К. Грот, П. Л. Чебышев*. Развернутые цитаты используются редко, как правило, вместо них — указание на мнение, краткое обозначение идеи, концепции, проблемы, например:

«Психологическо-физиологическую сторону ее (*Гетевской теории цвета.* — Н. К.) восприняли физик Томас Зеебек, Л. Геннинг и, отчасти, знаменитый физиолог Иоанн Мюллер; но наиболее последовательно пытался обосновать физиологически Гетевскую теорию Арт. Шопенгауэр» [Флоренский 2012: 557].

Основными механизмами экспликации старого знания в научном тексте являются прямое и непрямое цитирование, отсылка к предшествующему опыту: *по мысли.., по мнению.., трактовка (кого), точка зрения (кого, чья), по идее... и т. д.* Отсылка и к научным и к богословским авторитетам — яркая черта русского философского текста, в котором, наряду с номинациями конкретных субъектов знания, используются лексемы со значением обобщенного субъекта *(ученые, авторы...)*.

На наш взгляд, обращение к ментальному опыту предшественников — одна из самых ярких черт научного текста; эта особенность в полной мере характерна и для русского религиозно-философского текста, что еще раз убеждает нас в наличии в тексте этого типа элементов научного стиля. Автор философского текста, выступая как создатель нового знания, обращается к интеллектуальному опыту предшественников и актуализирует в новом тексте важные фрагменты «старого знания».

Философский и научный текст обладают общим признаком —

диалогическим началом, в котором проявляется высокая степень преемственности идей, понятий и обозначающих их терминов. Философское произведение, подобно научному тексту, может рассматриваться, по наблюдению К. Б. Свойкина, «не как нечто, принадлежащее одному индивидуальному автору, а как конструкция, входящая в “бесконечный диалог”, в котором каждый имеет право как на внесение своего собственного вклада, так и на использование общих результатов» [Свойкин 2009: 109].

Элементы этого «старого знания» могут получать в философском тексте различные способы введения:

- отсылка к источнику при помощи глаголов (реже существительных; существительных с предлогами) мышления и речи: Генрих Фосс *рассказывает;* Георг Кантор *указал аналитический прием; ту же мысль развивает, со ссылкой* на *Плотина,* Шопенгауэр; таково *доказательство* Юргенса; *мысли* молодого Маха; *в учении* Фрейда; *имел в виду* Кант; *по выражению* Мюллера (Лекции о науке о языке); как *выразился* Гумбольдт; *мысль* Шеллинга;
- отсылка при помощи предлога *по*: существо антиномии *по* Гумбольдту; восприятие мира *по* Канту;
- отсылка к явлению, названному именем ученого: *типом* первого *служит прием* Георга Кантора, а вторых — *кривая* Пеано или *кривая* Гильберта;
- отсылка, совмещенная с оценкой: *острые анализы* Пьера Дюгема; *громкая* своим общественным действием *натурфилософия* Вильгельма Освальда; таково беспристрастное *суждение* Э. Маха; *по глубокой мысли* апостола Павла; как *говорит* один проницательный современный немецкий религиозный *мыслитель* (Макс Шелер); *по прекрасному выражению* Гумбольдта; Ницше *ненавидел* метафизику;
- отсылка к имени автора и типу источника: *трактаты* Штейнталя; *механика* Галилея; *закон* Галилея; соловьевская *школа*; *учение* Толстого;
- отсылка к малоизвестному имени с краткой характеристикой: как

это *выразил* немецкий философ XIX века Риль;

- отсылка при помощи глаголов (существительных) обучения: Освальд Шпенглер *учит*; по *учению* Дарвина; биология *учит* о рождении организмов; механика Галилея *учит*; чему *учил* Шеллинг;
- отсылка-иллюстрация: философская антропология *в духе* Гете; эту мысль *можно было бы проиллюстрировать* бесконечным множеством весьма актуальных примеров; *для примера можно указать* на мифологическое *толкование* памяти у Meynert'a.

Приведенные языковые факты свидетельствуют о том, что реализация когнитивно-информативной и прагматической (убеждение, доказательство) функций в работах русских философов предполагает обращение к интеллектуальному опыту прошлого, к «старому знанию», научному и религиозному, элементы которого включаются в текст на правах цитаты (библиографированной или нет; точной или измененной) или в виде упоминания, ссылки. Особенностью русского философского текста является его связь с тремя типами источников: философскими, научными и религиозными (последние, на наш взгляд, преобладают).

Еще одна отличительная черта русского философского текста связана с его лексической структурой. Яркая особенность терминологии русской религиозной философии заключается в связи каждого термина не только или не столько с целой областью знания или духовной деятельности (то есть не с философией вообще), а с философским мировоззрением и творчеством конкретного мыслителя: так, например, можно говорить об авторском наполнении термина «истина» у Шестова, об «истине Флоренского», «истине Бердяева» и так далее. Влияние экстралингвистических факторов обусловливает появление субъективного компонента философского термина, который проявляется в авторской дефиниции и в использовании разными философами одного и того же языкового знака в индивидуальном значении.

«Максимум индивидуализации» религиозно-философского текста проявляется и в метафоризации. Метафоричность текста и использование

образных средств представляется нам сущностным свойством русского религиозно-философского текста, создающим его функционально-стилистическое своеобразие, реализующим познавательную функцию метафоры, не просто оживляющей, но поясняющей, раскрывающей суть оригинальных рассуждений автора. Основной формой концептуализации действительности в анализируемом тексте является когнитивная метафора, которую Е. С. Кубрякова в «Кратком словаре когнитивных терминов» определяет как «когнитивный процесс, который выражает и формирует новые понятия и без которого невозможно получение нового знания» [Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 55]. По своим источникам когнитивная метафора «отвечает способности человека улавливать и создавать сходство между разными индивидами и классами объектов» [Арутюнова 1990: 9]. Художественный текст строится на метафорах-образах, религиозно-философский — на когнитивных метафорах (отметим, что такое явление встречается и в науке, но достаточно редко).

Метафоричным в философском тексте (и в этом проявляется его отличие от научного) может быть определение термина, основного или периферийного, дополнительного, например:

«Пока остановимся лишь на изначальном, корневом значении, от которого образуются разные гнезда и семейства слов и грамматических употреблений. Такое рудиментарное слово — ни существительное, ни глагол — обрубок слова, его туловище, еще не вполне оформлено, чтобы жить полною жизнью, но оно уже родилось как слово, как смысл, как значение, как идея» [Булгаков 2008 : 18].

Пространственная метафора служит П.А. Флоренскому для определения сущности имени в народном сознании: «Предуказание именем судьбы и биографии — в произведениях народной словесности служит свидетельством, что для народного сознания есть четырехмерная временно-пространственная форма личности, ограничивающая ее от головы до пят, от правого плеча до левого, от груди до спины и от рождения до могилы. Краткая же формула

содержания в этих границах – есть имя» [Флоренский 2013, Т.2: 195].

Пространство может быть реальным и интеллектуальным, ср.: «Антиномии языка или, скорее, созвездие этих антиномий, путеводит языкознание» [Флоренский 2013, Т.1: 156].

Метафоричность философского текста роднит его с художественной речью, но в художественном тексте на первый план выходит эстетическая функция, в религиозно-философском — познавательная, он «пробивается к знанию» через метафорическое окружение термина.

На наш взгляд, сущность русского философского текста обусловлена сочетанием функций, которые выполняет этот текст: информативная, прагматическая (функции воздействия) и эстетическая (функция художественной речи). Совмещение разноплановых функций задает определенный функционально-стилистический регистр: с одной стороны, философы часто используют терминологическую лексику, точные библиографированные цитаты, следуют принципу логичности, и в то же время — откровенно любуются словом, приглашая к этому любованию и наслаждению читателя.

Контекст философского произведения часто формируется за счет смыслового поля метафоры, что можно продемонстрировать на примере нескольких фрагментов из книги Л. Шестова «Апофеоз беспочвенности». Текст «Апофеоза» предельно метафоричен, и это свойство проявляется и на глубинном (т.е. содержательном) уровне и на стилевом, ср:

«...если задача познания — исчерпать всю глубину действительной жизни — то ведь опыт, поскольку он повторяется, не интересен или, по крайней мере, имеет ограниченный интерес. Важно узнать то, чего еще никто не знает, даже не предчувствует, а потому нужно идти не по общей дороге Allgemeingültigkeit, а по новым, еще не видавшим человеческой ноги тропинкам. Оттого мораль, дающая известные правила и тем оберегающая на некоторое время жизнь от сюрпризов, имеет условное значение и в конце концов пасует пред аморальной своеобразностью отдельных человеческих

стремлений. Законы — все — имеют регулирующее значение и нужны ищущему отдыха и поддержки человеку. Но первое и существенное условие жизни — это беззаконие. Закон — укрепляющий сон. Беззаконие — творческая деятельность» [Шестов 1991: 120].

Здесь следует обратить внимание на «семантику преодоления», которая пронизывает весь текст «Апофеоза беспочвенности» и во многом создается за счет метафоры пути. Жизнь предстает в этом произведении как *дорога, тропинка, твердая почва*, как *вечно колеблющаяся под ногами почва*... Задача ищущего истину — выбрать «не видавшие человеческой ноги тропинки», а еще лучше — сойти с почвы, то есть сознательно отказаться от порядка, общепринятости, закона в пользу беззакония, то есть подлинного творчества.

Шестовский термин *беспочвенность*, имеющий статус авторского, основан на метафоре, буквально пронизывающей весь текст. *Беспочвенность* — положенный в основу философской концепции Льва Шестова отказ от догматического мышления, аксиом и «вечных истин» разума; отказ от системности и поиска поддающейся наблюдению внешней связи; от законов логики, от бесспорных авторитетов и принципов морали — в пользу действительных переживаний человека и временных истин. Беспочвенность противопоставляется почве, опоре, необходимости как реальности человеческого, в том числе и философского бытия и носит характер идеального, неосуществимого (подробнее об этом см. в четвертой главе).

Проведенный анализ языковых фактов позволяет охарактеризовать основные лингвостилистические особенности русского религиозно-философского текста, обусловленные сочетанием нескольких функций: когнитивной, информативной, эстетической и прагматической. Русский религиозно-философский текст формально и содержательно связан с библейским текстом, с трудами античных и западноевропейских философов и с научным текстом. Присутствие этих трех начал составляет диалогическое начало текста и проявляется в обилии разного рода цитат и отсылок. Ядро лексической структуры русского религиозно-философского текста составляют

философские термины, в том числе авторские. Одним из способов концептуализации действительности и репрезентации нового знания в философско-религиозном тексте является когнитивная метафора.

РАЗДЕЛ II. ПРОБЛЕМАТИКА ТЕРМИНОВЕДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

§ 1. Основные аспекты современного терминоведения

Терминоведение занимает особое место в современной научной парадигме, поскольку его основной объект — термин — обладает сильнейшей интегрирующей функцией, объединяя лингвистику с самыми разными областями специального знания. Являясь гибридной наукой, терминоведение и терминография связаны с философией, гносеологией, логикой, семиотикой и различными науковедческими дисциплинами.

Авторы коллективной монографии «Общая терминология» определяют современное научное пространство как континуум, условно разделенный на определенные дисциплины: «Размежеванию их способствуют системы терминов, которые при, казалось бы, близком предметном содержании позволяют рассматривать объект исследования с разных позиций» [Суперанская, Подольская, Васильева 2011: 9].

Таким образом, интегрирующая функция термина тесно связана с дифференцирующей; «содружество» этих функций определяется антиномичной природой термина.

Терминоведение — наука, изучающая особенности образования и развития терминологий; общее терминоведение изучает общие свойства, процессы и закономерности функционирования специальной лексики, а частное терминоведение описывает специальную лексику отдельной области знания, см.: [Гринев-Гриневич 2008: 11].

Как самостоятельная лингвистическая дисциплина терминоведение оформилось в середине XX века в результате дифференцированного развития отдельных научных дисциплин с последующей их интеграцией. Стоит отметить, что в конце XX в. произошло изменение в терминологическом узусе науки о термине: изменилось название самой науки. Ср. заголовки

монографий «Общая терминология: вопросы теории» (первое издание 1973 г.), «Терминоведение» С.В. Гринёва-Гриневича, «Терминоведение: предмет, методы, структура» В.М. Лейчика (первое издание 2006 г.). При этом в толковых словарях у лексемы *терминология* отмечают только одно значение «Совокупность, система терминов, употребляемых в какой-л. области знания, искусства, общественной жизни» [БАС, Т. 15, 1963: 333], а слово *терминоведение* в МАС и БТС отсутствует. Считаем возможным в виде особого исключения привести в диссертации начало словарной статьи из Википедии: «Терминове́дение (терминология — устар.) — наука, изучающая специальную лексику с точки зрения её типологии, происхождения, формы, содержания (значения) и функционирования, а также использования, упорядочения и создания»[1]

Для определения места настоящего исследования в новой парадигме терминоведения кратко охарактеризуем основные аспекты категоризации и периодизации этого научного направления.

В. В. Татаринов определяет понятие «аспект терминоведения» как некая совокупность различных подходов, лежащих в основе научного анализа основного объекта и выделяет следующие аспекты изучения термина: теория термина, лингвистические, психолингвистические, социолингвистические, филологические аспекты, функционально-стилистические, дискурсивные, диахронические, функциональные, философские, семиотические, логические, гносеологические, системные, дидактические, информационные, прагматические и переводческие (аспекты). Кроме того, объектом изучения термин является также в недавно сформировавшихся отдельных отраслях терминоведения: когнитивное терминоведение, отраслевое терминоведение, историческое терминоведение и др., см.: [Татаринов 1994, Татаринов 2006].

Для нашего исследования особую важность имеют лингвистические, философские, семиотические, исторические и диахронические, а также системные аспекты терминоведения; теория термина, терминообразование,

1 https://ru.wikipedia.org/wiki/Терминоведение

(терминологическая номинация, ономасиологическое терминоведение), а также описание авторской терминологической единицы в аспекте авторской лексикографии.

Теория термина как терминологический аспект сформировалась уже на первых этапах развития терминоведения как науки: в работах К. Я. Авербуха (1985, 1988), Г. О. Винокура (1939), А. С. Герда (1968), С. В. Гринева-Гриневича (1993; 2008), В. П. Даниленко (1977), Л. А. Капанадзе (1965), Р. Ю. Кобрина (1976, 1979), Н. З. Котеловой (1975, 2015), В. М. Лейчика (1986, 1989, 2009), Д. С. Лотте (1961), А. А. Реформатского (1959, 1968) С. Д. Шелова (1990, 2003) и ряда других исследователей представлен анализ специфики термина как слова особого рода.

Эта специфика («Пусть термин не “просто слово”, пусть это “необычное слово”, пусть он “умный” (а слова могут быть и “глупые”), пусть его можно рационализировать, и даже – придумать») [Реформатский 1968: 121]), но тем не менее термин – это прежде всего, все же и очень – слово, а тем самым термин должен быть нормальным членом лексической системы языка, а если не нормальным, то не вопреки этой системе, а именно в силу этой системы» [Реформатский 1968: 121].

Термин как logos связан с понятием соответствующей области науки и техники и рассматривается как репрезентант данного специфического понятия, чем и определяется сущность термина. Задача лингвиста — определить, как соотносится логическое и лексическое в термине, т.е. какова понятийная реляция термина, как именно соотносится термин с репрезентируемым им понятием.

«Проблема «логоса» – это структурный анализ слова как термина в его номинативных и семасиологических интенциях, в его особенностях и потенциях. Это рассмотрение слова-термина изнутри» [Реформатский 1959: 53]. Проблема «лексиса» предполагает рассмотрение слов-терминов снаружи, она предполагает определение места термина в терминосистеме и анализ места терминологии в общей системе лексики того или иного языка, а также

положения термина среди терминологии, около – терминологии и нетерминологии; см.: [Реформатский 1968: 103].

Для этапа оформления терминоведения как особой области лингвистической науки были характерны длительные дискуссии о функциональном предназначении термина: называет ли термин понятие или определяет его, т.е. выполняет ли он номинативную функцию или дефинитивную. Г. О. Винокур полагал: «Термины – это не особые слова, а только слова в особой функции. Особая функция, в которой выступает слово в качестве термина, это функция названия. В функции названия очень часто выступают и слова вполне обиходного значения, и бытовые слова могут быть терминами. Но бытовой термин – есть название вещи. Между тем научно-теоретический термин есть непременно название понятия» [Винокур 1939: 56]. Сейчас концепцию Г. О. Винокура принято называть лингвистической (см., к примеру: [Авербух 2005: 22]).

Точку зрения Г. О. Винокура принято противопоставлять «инженерной концепции» (термин К. Я. Авербуха) Д. С. Лотте и его последователей, основанной на том, что термины – это особые слова в структуре любого развитого национального языка, требующие упорядочения и целенаправленного воздействия. Д. С. Лотте считал, что термин выражает строго фиксированное понятия и потому должен быть краток, однозначен, лишен синонимии и омонимии [Лотте 1961: 18-38].

Сравнительно недавно К. Я. Авербухом был сформулирован третий подход к оценке термина. Автор предлагает расширительный семиотический взгляд на термины не только как на слова (словосочетания) естественного языка, но и как знаки-образы, представленные различного рода графическими символами, см.: [Авербух 2004].

Присоединяясь к точке зрения Г. О. Винокура о том, что термины – это слова в особой функции, считаем необходимым процитировать здесь утверждение В. М. Лейчика: «положение о том, что термин — это особое слово, может считать отклоненным современной наукой» [Лейчик 2009: 28].

Терминообразование — один из лингвистических аспектов термина, который подробно анализируется в работе применительно к терминам русской философии. В качестве базовых теоретических источников используются книги М. Н. Володиной [Володина 1993, 1996, 1997], В. М. Лейчика [Лейчик 2009], в которых охарактеризованы основные принципы и аспекты терминологической номинации: психолингвистический, когнитивно-информационный и лингвопрагматический. Подробный анализ способов создания новых терминов («терминологических приемов») представлен в коллективной монографии «Общая терминология», см.: [Суперанская, Подольская, Васильева 2012].

Диахроническое терминоведение исследует эволютивные процессы в терминологической лексике и раскрывает основные пути формирования терминологий различных наук в определенный период времени. Монографии Л. Л. Кутиной посвящены формированию русской естественно-научной терминологии [Кутина 1964, 1966, 1976], в работах Л. М. Грановской охарактеризованы язык, стиль и основные терминологические единицы русской философской литературы [Грановская 1981, 2013], А. И. Моисеев исследует этапы употребления и лексикографической фиксации лингвистической терминологии первой половины XIX века [Моисеев 1981], О. В. Борхвальдт описала лексику русской золотопромышленности в историческом освещении [Борхвальдт 2000, 2006].

Типологическое терминоведение устанавливает общие свойства терминологий и исследует особенности отдельных терминологий, обусловленные характером отображаемых ими знаний; см.: [Азарова 2010а; Азарова 2010б; Алексеева 2010; Казарина 1998; Куликова, Салмина 2002, 2017; Виноградов 2005; Шурыгин 2005].

Традиционно выделяют три основных направления терминологических исследований: терминологическое, терминографическое и (условно) терминоведческое.

В рамках терминологического направления решается задача

общелингвистического рассмотрения проблемы термина и терминологии (определение термина, признаки термина, соотношение терминологии и номенклатуры). Это направление квалифицируется как общее, логико-лингвистическое: «его разработка требует совместных усилий как лингвистов широкого профиля, так и логиков» [Хаютин 1972: 111]. Второе направление — «терминография» — особая отрасль лексикографии, в которой создаются отраслевые терминологические словари.

Третье направление в области исследований терминов и терминологий А. Д. Хаютин условно называет «терминоведческим». Задача этого направления, которое можно обозначить как «частное терминоведение» — «в исследовании конкретных терминов и конкретных терминосистем в конкретных языках и в определенных науках (областях знания) и других областях деятельности... Терминоведение, очевидно, связано с исследованием преимущественно синтагматического аспекта единиц терминологии (терминологий) и состоит в исследовании конкретных единиц терминологии в конкретных текстах. «Терминоведение» не чуждается, однако, рассмотрения и парадигматического аспекта единиц терминологии, имеет целый ряд соприкосновений с «культурой речи» и представляет собой область конкретно-лингвистических исследований» [Хаютин 1972: 119].

Мы сочли возможным привести здесь столь пространную цитату, поскольку именно данное направление терминологического исследования связано с целями и задачами настоящей работы.

Промежуточное положение между терминоведением и терминографией занимает научное направление, описывающее принципы управления процессом формирования терминосистем отдельных областей знания. Кроме того, А. Д. Хаютин говорит о метатерминологическом направлении, в задачи которого включается логико-философски-общелингвистическое рассмотрение сущности термина как реальности мысли, а также создание лингвистических оснований для формирования моделей терминов и терминосистем.

Терминоведение как самостоятельная лингвистическая дисциплина начало формироваться в первой половине XX века в результате дифференциации отдельных научных областей и формирования внутри них терминологических систем. Ведущими направлениями структурного и структурно-функционального (или «классического») терминоведения были: «методологические исследования, теория термина, филологические и функционально-стилистические исследования терминологии, диахронические исследования терминологии, упорядочение и стандартизация терминологии, терминография, научно-технический перевод, профессиональная лингводидактика и отраслевые исследования терминологии» [Татаринов 1996. Т. 1 : 273].

Характеризуя современный этап развития терминоведения, С. Д. Шелов пишет, что с начала своего формирования до настоящего времени «терминоведение выделилось из лингвистики в самостоятельную дисциплину со своими вариантами общих и частных теорий, сохранив с лингвистикой тесные связи в вопросах изучения языковой природы термина, мотивированности термина как языкового знака, понятийной структуры терминологии и ее системной организации» [Шелов 2013: 54].

В последние годы принято говорить о новой парадигме терминоведения, его новых направлениях и перспективах. Традиционная связь терминоведения с науками о мышлении сформировала базу для перехода от структурной и структурно-функциональной парадигм к когнитивному терминоведению: «сама логика формирования и развития терминоведения, заключающаяся в последовательной смене прагматически-прескриптивного, классификационно-структурного и функционального направлений, предопределяет появление следующего направления терминоведения, развивающегося в недрах функционального направления, — когнитивного терминоведения» [Мишланова 2003: 96].

В ряду «важнейших идей терминоведения, которые сформировались под влиянием когнитивных терминов и понятий», Е. И. Голованова отмечает

следующие, имеющие непосредственное отношения к исследованию формирования терминологии русской религиозной философии: «признание приоритетности когнитивной функции термина (по сравнению с традиционным выделением в качестве ведущей номинативной функции или функции фиксации знания)»; «рассмотрение термина в качестве динамического образования, в связи с чем приписываемая ему дефиниция трактуется как имеющая относительный, а не абсолютный характер» [Голованова 2010: 89]. Однако ориентирующая функция термина, рассматриваемая Е. И. Головановой как «одна из важнейших в ряду когнитивных функций» именно в аспекте профессиональной коммуникации [Голованова 2011: 69], неактуальна для философских текстов: во-первых, ориентирующих терминов в них почти нет; во-вторых, не вполне корректно называть философский термин «единицей профессиональной коммуникации».

По мнению С. Л. Мишлановой, термины конкретных областей знания представляют собой особые когнитивные структуры — фреймы; следовательно, возникает необходимость не только исследования языковой категории (традиционный подход), но и анализа внутренней стороны ментальной репрезентации, особенности структурирования непосредственного опыта человека: «...важно выявление того, какие именно концепты (по структуре, по содержанию и по степени конкретности) лежат в основе терминологической номинации и более всего способствуют фиксации, хранению и передаче научных знаний» [Мишланова 2003: 98]. Следовательно, когнитивное терминоведение, с одной стороны, продолжает традиции традиционного терминоведения, и в то же время, приобретает инновационные черты, присущие современному этапу научного познания.

В. М. Лейчик назвал когнитивное терминоведение закономерным этапом развития терминоведения как нового направления в его истории и определил термин как «квант когниции», «единицу специального знания, функционирующую в рамках фрагмента научной картины мира» [Лейчик 2007: 124]. Характеризуя новую парадигму терминоведения, В. М. Лейчик и

С. Д. Шелов сформулировали главные положения современной науки о термине.

Термин начинает пониматься и описываться в современной лингвистике как результат вербализации специального концепта, то есть мыслительного предмета, содержащего как объективные знания о мире, так и субъективные компоненты, включающие результаты категоризации и концептуализации знания.

Термин осознается как элемент структурированной, иерархически организованной терминологической системы, сознательно конструируемой в результате накопления фактической информации об определенном участке мира. Термины и терминологические системы понимаются как динамические конструкты, которые рождаются в речемыслительно деятельности человека и изменяют свое содержание и форму в процессе когниции, см.: [Шелов 2013: 57-58].

Однако классическая парадигма терминоведения, основанная на принципиальных положениях Д. С. Лотте, А. А. Реформатского, Г. О. Винокура, не теряет своей актуальности: в рамках «старого» терминоведения лингвисты продолжают развивать теорию термина, исследовать терминологическую семантику и терминологические определения.

Настоящее исследование выполняется в русле традиционного (описательного) терминоведения, однако отдельные сюжеты и — в особенности — дальнейшая перспектива исследования предполагают анализ когнитивных моделей терминологических систем.

§ 2. Лингвистическая и логическая природа термина и его основные свойства

Помимо общеупотребительного языка, существует множество языков для специальных целей, предназначенных для обслуживания конкретных предметных и теоретических областей деятельности человека. Каждая профессиональная отрасль, направление искусства или особая область духовной деятельности (философия) имеет свой языковой аппарат, включающий лексические единицы, необходимые для вербализации специальных знаний.

Языки для специальных целей («language for specific purposes») являются средством общения и познания в профессиональных сферах; в таких языках, помимо общеупотребительной лексики, используются термины (системы терминов).

Многоаспектность термина как единицы научного знания обусловила трудности создания бесспорного и общепризнанного определения этой единицы: каждая наука или раздел науки стремились и стремятся выделить в термине существенные с ее точки зрения признаки, при этом происходило смешение языковых и логических аспектов определяемой сущности. Согласимся с мнением В. М. Лейчика: «Такое объединение в одном определении признаков многоаспектного объекта принципиально невозможно и логически неправомерно» [Лейчик 2009: 20].

Вопрос о присущих термину функциях и свойствах и о месте терминов в лексической системе языка стал объектом исследований многих отечественных и зарубежных учёных (Авербух 2005, 2006; Алексеева 1998; Володина 1997; Гвишиани 2008; Герд 1980, 1986; Головин 1981, 1987, Городецкий 1969, 1987, 2006; Гринев-Гриневич 2008; Даниленко 1977, Журавлева 1995; Икере 1983, 1991; Канделаки 1977; Капанадзе 1965; Кобрин 1987, 2002; Куликова, Салмина 2002, 2017; Лейчик 1986, 1989, 2007, 2009; Лотте 1961; Суперанская 2012; Табанакова 1999, 2013; Татаринов 1996, 2006;

Шелов 1996, 2003, 2013; Cabré 2003, Felber 1984, 1992; Kageura 2002; Packeiser 2009; Picht 2006, Rey 1995; Sadeger 2010; Temmerman 1997, 2000).

Проблема определения термина является в терминоведении общепризнанной и не утрачивает своей актуальности. Несмотря на то что дефиниции термина в работах разных лингвистов имеют много общего, единого понимания термина и его сущностных свойств в науке нет, что во многом обусловлено значительными отличиями терминов разных терминосистем: трудно сформулировать общее определение для терминов химического машиностроения и терминов русской религиозной философии. Очевидны потенциальные различия в лингвистическом описании технических терминов, терминов естественных и гуманитарных наук.

По наблюдениям В. М. Лейчика, все лингвистические дефиниции термина можно разделить на две группы в соответствии с двумя позициями, обозначенными нами в предыдущей части работы: «школа Д. С. Лотте» и «функциональный лингвистический подход» Г. О. Винокура; см.: [Лейчик 2009, 26-29].

Первая позиция реализована, в частности, в определении, данном термину А. С. Гердом: «Научный термин — это лексико-семантическая единица какого-либо конкретного естественного или искусственного языка, <...> существовавшая ранее или специально созданная вновь, акцентологически, фонологически и структурно-грамматически оформленная по внутренним законам данного языка и обладающая в результате особой сознательной коллективной договоренности специальным лексическим значением, которое выражено либо в словесной форме, либо в том или ином формализованном виде и достаточно полно отражает существенные на данном уровне развития науки признаки существующего научного понятия» [Герд 1991: 2-3].

В определениях второй группы развивается мысль Г.О. Винокура о том, что термины не являются особыми единицами: это слова в особой функции, см.: [Винокур 1939]. Специфика функционирования слов с особой

функциональной нагрузкой обусловлена тем, что термины «функционируют именно как лексические единицы языка специальных целей» [Лейчик 1986: 91]. Здесь уместно привести слова Л. А. Капанадзе: «термин — это такая единица наименования в данной области науки и техники, которой *приписывается* (*выделено нами* — Н. К.) определенное понятие и которая соотнесена с другими наименованиями в этой области и образует вместе с ними терминологическую систему» [Капанадзе 1965: 76].

Множество разнообразных и разноаспектных определений термина говорит о сложности выделения облигаторных признаков данной единицы, о дискуссионном характере каждого из них. Свойства, приписываемые термину, в работах разных исследователей определяются по-разному, следовательно, в дефиниции понятия «термин» могут включаться разные дифференциальные признаки:

«Слово (или словосочетание) специальной сферы употребления, являющееся наименованием специального понятия и требующее дефиниции» [Даниленко 1977: 14].

«Термин — это слово или подчинительное словосочетание, имеющее специальное значение, выражающее и формирующее профессиональное понятие и применяемое в процессе познания и освоения научных и профессионально-технических объектов и отношений между ними» [Головин, Кобрин 1987: 5].

«Термин — это инвариант (слово или словосочетание), который обозначает специальный предмет или научное понятие, ограниченное дефиницией и местом в определенной терминосистеме» [Комарова 1991: 17].

«Узаульный термин – это слово или словосочетание определенного подъязыка, взятое в фиксированном узуальном значении, для которого существует в более или менее явном виде сознательно выработанная дефиниция в рамках конкретного вида человеческой деятельности, причем носители подъязыка при использовании термина сознательно ориентируются на эту дефиницию» [Городецкий 2006].

Сопоставление совокупностей выделяемых признаков показывает, что различные исследователи определяют сущностные свойства терминов по-разному. Н. З. Котелова, анализируя специфику термина и терминологии как одного из разрядов лексики, выделяет конвенциональность как «основное, неповторимое качество термина» и говорит о конвенциональности наименования и содержания существующего знака-термина [Котелова 2015: 26]. Вторая особенность термина, по Н. З. Котеловой — это «наличие у него строгой, точной дефиниции, однозначность его содержания <...> не в смысле моносемии, а как наличие у термина (или его значения) тесного смысла...» [там же, с. 26].

В. Д. Табанакова, обобщая научные результаты дискуссии 70-х годов о том, что такое термин, выделяет следующие свойства термина как языкового знака: точность и однозначность в пределах одной терминосистемы; отсутствие идеографических (понятийных) синонимов; полное отсутствие эмоциональности; мотивированность; номинативность; дефинитивность — свойство, в рамках которого значение термина формулируется в виде логического определения; системность — «свойство занимать определенное место в системе терминов, которое обусловлено точным местом специального понятия, обозначаемого термином, в системе специальных понятий» [Табанакова 1999: 25]; систематичность — «свойство отражения системности на морфологическом и словообразовательном уровнях» [Табанакова 1999: 27].

При сопоставлении наборов свойств, выделяемых разными исследователями, становится очевидной значительная сложность проблемы выявления специфики данного языкового знака. Многое, на наш взгляд, зависит от того, определяют ли идеальный термин (логическая школа Д. С. Лотте) или реальный термин как слово в особой функции (функциональный подход). Например, из следующего высказывания очевидно, что требования точности, предъявляемое многими лингвистами к значению термина, само нуждается в уточнении и конкретизации, ср.: «требовать от каждого термина точности, по меньшей мере, наивно: во-

первых, и слова повседневного обихода обладают точностью, а во-вторых, о какой точности может идти речь, если неточна, неясна научная идея, термином выражаемая?» [Головин 1979: 15].

С. В. Гринев-Гриневич выстраивает систему требований к содержанию и форме «идеального» термина.

Такой термин должен обладать следующими свойствами: непротиворечивость семантики (это означает полное отсутствие смыслового противоречия между лексическим значением термина как общеупотребительного слова и значением, реализуемым им в пределах терминосистемы), однозначность в пределах терминологии; минимальное количество признаков, необходимых и достаточных для идентификации обозначаемого им понятия), отсутствие идеографических синонимов (это требование, предъявляемое и к термину и к терминосистеме).

К форме термина, по мнению С. В. Гринева-Гриневича, следует предъявлять следующие требования: соответствие нормам языка; лексическая и формальная краткость; деривационная способность; инвариантность (неизменность формы); мотивированность (систематическая прозрачность, позволяющая связать термин с понятием).

Прагматические требования к термину включают внедренность (общепринятость, употребительность), интернациональность, современность, благозвучность и эзотеричность (к примеру, оправданная недоступность терминов медицины), см.: [Гринев-Гриневич 2008: 30-36].

Автор подчеркивает: сущностные свойства термина и требования к нему со стороны лингвистов представляют собой только тенденции, реализуемые в конкретных терминосистемах в большей или меньшей степени. Эта же мысль звучит в монографии Н. А. Шурыгина: признаки, приписываемые термину, «являются, скорее требованиями к «идеальному» термину, это «тенденция» или «желательные качества» терминов [Шурыгин 2005: 26].

Случаи недостаточной системности, нестрогости и неопределенности значений, омонимия и многозначность терминов хорошо известны

современному терминоведению и отражаются в исследованиях терминологий различных отраслей знания. Это во многом подтверждает анализ философских терминов русских метафизиков.

С. Д. Шелов объединил основные языковые черты терминов, которые чаще всего называются терминоведами: «связь термина с понятием и точность понятийной семантики термина; однозначность термина или, по крайней мере, тенденция к ней; стилистическая нейтральность и отсутствие экспрессивности у термина; номинативность термина; системность термина» [Шелов 2003: 4]. Этот краткий список завершается парадоксальным высказыванием: «Несмотря на традиционность обсуждения этих вопросов, вряд ли даже по одному из них имеется единодушие мнений» [Шелов 2003: 5].

Способность к обозначению понятия большинством исследователей признается сущностным свойством термина и отмечается в большинстве определений этой единицы, ср.: «Они (*термины* — Н. К.) не имеют того, что обычно именуется лексическим значением, но только обозначают четко определенные научные понятия и явления» [Звегинцев 1956: 29]; «основным свойством термина является его соотнесенность с понятием соответствующей области науки и техники» [Марусенко 1981: 4]; «специальные лексемы неразрывно связаны с понятиями соответствующих областей знания» [Гринев-Гриневич 2008: 11].

Говоря о соотношении понятия и термина, М. А. Марусенко отмечает: если текст специально создан для выражения понятия (словарь, справочник), то это достигается в виде определения понятия или в виде текста энциклопедической статьи. В тексте, описывающим некую ситуацию, понятие «опредмечивается» в форме номинативных групп. «Собрать эти группы в единый пучок и означает сформировать текстуальное выражение понятия» [Марусенко 1981: 6].

Различные подходы к определению термина связывают с лингвистической дискуссией, противопоставляющей «лексическое значение термина» и «понятие, называемое термином». Обзор этих точек зрения был

произведен А. С. Гердом:

«термины имеют лексическое значение, но оно не сводится к обозначаемому понятию;

термины имеют лексическое значение, которое и есть понятие;

значение терминов и есть понятие, но лексического значения они не имеют;

термины обозначают научные понятия, обычные слова обозначают наивные понятия» [Герд 1980; цит. по: Лейчик 2009: 29-30].

В. М. Лейчик считает, что эти противоречия могут быть сняты, «если признать правомерным понятие терминологизации нетермина и проанализировать в содержательной структуре термина то, что он получил от исходной лексической единицы с ее лексическим, неспециальным значением и что он приобрел, получив специальное значение, став термином, войдя в терминосистему и сделавшись обозначением специального понятия» [Лейчик 2009: 30]. По мнению ученого, с точки зрения терминоведения следует выделять в термине «естественноязыковой субстрат (которым является исходная лексическая единица языка) и логический суперстрат — признаки, позволяющие термину обозначать специальные понятия» [там же, с. 30-31].

На первых этапах развития терминоведения в большинстве терминологических исследований было принято говорить об однозначности термина. А. А. Реформатский определял термины как «однозначные слова, лишенные экспрессивности» [Реформатский 1959: 6]; «Термин — это лексико-семантическая единица, выступающая в дефинитивной функции и отличающаяся строго системным характером, однозначностью, отсутствием синонимов и омонимов в пределах данной науки или отрасли знаний» [Герд 1968: 61].

С течением времени в терминоведческих работах стала рельефнее проявляться связь между языком и языковой личностью, отражаемая в термине, поэтому моносемантичность термина, его интеллектуальная чистота, безэмоциональность во многих работах в настоящее время признаются лишь

желательными чертами термина.

Термин как языковая единица антиномичен по своей сути и обладает свойством, которое П.А. Флоренский назвал «движущимся покоем» [Флоренский 1988].

А. А. Брагина говорит о нерасторжимой связи системы терминов с естественным языком: «Определенная доля семантической и эмоционально-коннотативной подвижности отличает ее от замкнутых кодов – искусственных знаковых систем. Общественные функции языка не могут быть чем-то внешним относительно его структуры, системных связей, закономерностей его развития... Полисемантичность термина может возникнуть ... как результат понятийной дифференциации» [Брагина 1981: 41].

Л. М. Алексеева также считает, что говорить об «однозначности» термина допустимо лишь условно. Однозначность термина понимается исследователем не как некий инвариант, а как один из вариантов знака, эквивалентного определенной интерпретации явления действительности, и в этом смысле понятие однозначности термина не может быть постоянным. Временные рамки однозначности термина искусственны, иллюзорны, они совпадают с границами порождающего данный термин конкретного текста, т.е. не распространяются за пределы порождающей базы термина [Алексеева 1998: 39-40].

Наиболее же отчетливый и разделяемый многими терминоведами вариант «компромиссной» позиции по данному вопросу таков: термин многозначен в системе (в «сфере фиксации») и однозначен в контексте (в «сфере употребления»).

С. Д. Шелов призывает рассматривать однозначность лишь как «предварительное» [Шелов] свойство термина: «изучая функционирование термина в характерной для него специальной сфере, следует ограничивать употребление слова «термин» лишь знаковой единицей в одном и только одном значении; единицы с разными значениями — хотя бы и весьма близкими — именно как термины следует считать различными единицами»

[Шелов 2003: 13].

К признакам разграничения терминов и нетерминов часто относят такую характеристику, как понятийная (семантическая) строгость, или точность; эта характеристика включена в словарное толкование лексемы термин в МАС: «слово (или словосочетание), являющееся точным обозначением определенного понятия какой-либо специальной области науки, техники, искусства, общественной жизни и т.п.» [МАС, Т.4: 498].

В «Кратком методическом пособии по разработке и упорядочению научно-технической терминологии» одним из основных требований, предъявляемых к термину, является точность; под которой традиционно понимают смысловую ограниченность значения. Точность обусловлена тем, что специальное понятие, как правило, имеет строго очерченные границы, устанавливаемые, как правило, при помощи дефиниции термина. В этом плане особую актуальность представляют философские размышления П. А. Флоренского об этимологии слова «термин»: от латинского terminus — граница (см.: [Флоренский 1988]).

С точки зрения отражения содержания понятия «точность термина» означает, что в его дефиниции представлены все достаточные признаки обозначаемого специального понятия. «Термин должен также (прямо или косвенно) отражать признаки, по которым можно отличить одно понятие от другого» [Краткое методическое пособие... 1979: 14]. Правда, здесь же оговорка: термины могут обладать разной степенью точности, наиболее точными считаются мотивированные термины.

Н. Г. Комлев называет «стремление к точности (четкости, очерченности, однозначности)» одним из основных качеств термина, однако конкретизирует понятие точности при помощи пояснения: логическая и эпистемиологическая очерченность [Комлев 2007: 153 — 155].

Автор считает, что точность термина может рассматриваться в трех разных аспектах, поскольку семантическая структура слова-термина состоит из знака, а также лексического понятия и денотата. Во-первых, точность

термина может быть снижена под влиянием этимологического фактора: «сплошь и рядом встречаются термины с этимологией, уводящей в другую тематическую область, либо навязывающей ложную картину мира» [там же, с. 155].

Кроме того, пределы точности термина ограничены еще и разницей в лексических понятиях на уровне сознания участников научной коммуникации. Различия в лексических понятиях на уровне сознания Н. Г. Комлев считает серьезным источником «межперсональной неадекватности» терминологии».

Третий аспект анализа терминологической точности связан с тем, что термин соотносится с неким множеством объектов и способен обозначать отдельный объект или множество в целом. Понятийная часть термина является более устойчивым элементом, чем сама неязыковая действительность. «Следовательно, лабильность этого сочленения составляет другой источник нерезкости термина. Не подлежит сомнению, что нерезкость значения, а также нерезкость смысла - явление чисто неязыковое. Нельзя приписывать ее вещам как таковым» [Комлев 2007: 165].

С. Д. Шелов говорит о связанных, но различных пониманиях «точности» термина. С одной стороны, о точности говорят, имея в виду мотивированность термина своими терминоэлемантами — в этом случае «точность» есть сугубо лингвистическое явление. Неточность терминов становится следствием несоответствия их внутренней формы понятийному содержанию. С другой стороны, о точности термина говорят, имея в виду «степень однозначности и определенности процедуры соотнесения смыслового содержания термина с некоторым участком внеязыковой действительности» [Шелов 2003: 14].

В этом случае анализируемая категория есть и лингвистическое и внелингвистическое явление — в силу соотнесенности наименования с участком действительности. С. Д. Шелов считает, что целесообразно оценивать точность значений терминов, анализируя конкретные способы толкования, объяснения, определения их значения.

Кроме того, С. Д. Шелов анализирует терминологические определения,

включающие выражения, которые допускают различные интерпретации («полиморфные определения» и соответствующие им «полиморфные термины»). Определения многих философских терминов имеют целый ряд дефиниционных прочтений, так как их смысл можно интерпретировать по-разному. В связи с этим С. Д. Шелов пишет: «если учесть описанное свойство полиморфизма, квантитативной и квалификативной мягкости некоторых терминов, то окажется излишне категоричным традиционное мнение о том, что термины – это слова со строго определенным, совершенно точным значением» [Шелов 2003: 71].

В последнее время тезис о понятийной точности термина как условии выделения этого языкового знака часто подвергается сомнению. Б. Ю. Городецкий пишет, что нечеткость термина проявляется практически во всех областях научного общения (см.: [Городецкий 2006]). С этой категорией связана принципиальная неполнота любого терминологического определения: в нем не может быть отражено все, поскольку научная картина мира постоянно развивается и обогащается.

С. Д. Шелов размышляет: «Терминологичность – комплексное свойство, ведущим фактором которого является степень дефинированности, т. е. степень конвенциональной закрепленности за фрагментом системы знаний, степень сознательной дефинированности в рамках конкретного подъязыка и конкретной человеческой деятельности. В принципе, степень дефинированности может убывать плавно. Между терминами и нетерминами имеются, следовательно, различные переходные случаи — квазитермины» и делает вывод о том, что «специальность» понятия, по-видимому, относительна и допускает большую или меньшую степень, «традиционную дихотомию *термин-нетермин* естественно изменить и трансформировать в более гибкое и относительное понятие терминологичности» [Шелов 2003: 22-25].

Дискуссионным является и вопрос об эмоциональности термина. Некоторые исследователи считают тезис об эмоциональной нейтральности термина очевидным и аксиоматичным: «Экспрессия, модальность,

выражающие отношение говорящего к высказываемому — это все элементы лексического значения, которым термин не обладает» [Капанадзе 1965: 77]. По мнению Э. Б. Фигона, при сопоставлении языковых знаков — слова и термина — выявляется, что прагматический аспект, релевантный для слова, элиминируется для термина, так как термин эмоционально нейтрален [Фигон 1972: 208]. В. Н. Прохорова считает, что позиция по этому вопросу зависит от взгляда исследователя на природу и характер термина и терминологии. Собственная позиция автора такова: эмоциональная окрашенность и экспрессивная насыщенность могут быть свойствами термина; эти свойства в значительной мере зависят от времени и способов образования терминологической системы; см.: [Прохорова 1970: 154 –155].

В понятие коннотации в лексическом значении термина В. Н. Прохорова включает эмоциональность (выражение отношения говорящего к обозначаемому), экспрессивность (отступление от узуального) и образность (экспрессивная мотивированность слова). Характер эмоциональной окраски термина зависит от выбора объектов сравнения: «Одно и то же специальное понятие можно сравнить с общеупотребительным понятием о «вещи» ненужной или некрасивой, вредной или мешающей — отсюда отрицательная эмоциональная окраска у термина, или же красивой, ценной, нужной — отсюда положительная эмоциональная окраска» [Прохорова 1998: 26].

Несмотря на то, что работы В. Н. Прохоровой считаются программными и на автора часто ссылаются, приведенное мнение небесспорно: ни один из многочисленных примеров не содержит в своем значении положительной или отрицательной оценки, элементов выразительности и не может в научном или ином профессиональном общении выражать силу проявления чувств и переживаний. Кроме того, став термином, слово теряет образность.

К особым случаям функционирования терминологических единиц принято относить их использование в текстах иной, нежели научно-техническая, художественно-стилистической природы: в этом случае в семантике термина могут возникать эмоциональные и экспрессивные

коннотации.

В связи с этим очень точными представляются слова С. Д. Шелова: «...даже разделяя мнение о внеположности термина экспрессии, мы не может признать нейтральность специфической чертой термина ввиду безраздельного преобладания лексики, лишенной эмоциональности, над экспрессивно или стилистически окрашенной лексикой в языке вообще» [Шелов 2003: 18].

Одним из важнейших вопросов терминоведения представляется вопрос соотношения значения термина и научного знания. По мнению А. С. Герда, значение термина в форме его дефиниции, определения никогда не передает всего содержания понятия и потому никогда с ним не совпадает. «Семантику любого термина составляют знания об объектах, фактах, явлениях, об их взаимосвязях с другими явлениями» [Герд 1991: 2].

Значение научного термина принято определять его местом в терминосистеме — в связи с этим особенно актуальным представляется высказывание А. А. Реформатского: «Значение термина — это его место в теории» [Реформатский 1968: 23]. А. С. Герд рассуждает о значении термина в двух аспектах: как о месте термина в терминосистеме и как обо особом логико-семантическом феномене, который существует только в форме определения, являющегося удобным и кратким типом представления семантики термина: «Семантика научного знания может быть представлена различными способами. Это и описание значения термина в форме его дефиниции, и краткое толкование термина, и краткий текст со строгой структурой, и тезаурус, и фрейм, и матрица, и глубокая ассоциативная и строгая терминосистема» [Герд 1991: 3-4].

Сложность специфики термина как языкового знака приводит лингвистов к признанию его свойств «идеальными», то есть желательными, а не обязательными, и к отказу от строгого и закрытого списка лингвистических свойств термина. Считая, что «наиболее существенные признаки термин приобретает, становясь термином и как бы противопоставляясь своему естественноязыковому субстрату» [Лейчик 2009: 31], В. М. Лейчик

формулирует «терминоведческое» определение термина: «лексическая единица языка для специальных целей, обозначающая общее — конкретное или абстрактное — понятие теории определенной специальной области знаний или деятельности» [там же, с. 32]. Это определение — квинтэссенция основных положений монографии В. М. Лейчика: за терминами сохраняются все формальные и содержательные признаки слов; подчеркивается неразрывная связь терминов и языка для специальных целей, в котором термины обозначают специальные понятия; термины являются элементами терминосистем (системность в определении, к сожалению, не отражена, хотя в работе этот критерий представлен), отражающих и моделирующих различные теории.

В описании философского термина и философской терминологии мы будем опираться на теоретические положения, выдвинутые С. Д. Шеловым и В. М. Лейчиком с учетом взаимовлияния терминоведения и теории языка для специальных целей, а также в свете формирования когнитивного направления в теории термина. Термин понимается как вербализованная единица специального знания (единица когниции). «С содержательной точки зрения термин представляет собой обозначение... специального понятия, или... концепта некоторой области знания или деятельности, причем в случае наличия в этой области теории это понятие или концепт, а также их отношения с другими понятиями или концептами обусловлены содержанием именно данной теории. <...> Термин может выполнять функцию открытия нового знания и его фиксации» [Шелов, Лейчик 2012: 7].

§ 3. Терминосистема как объект терминоведения

Впервые вопрос о системности терминологии был поставлен Д. С. Лотте, который подчеркивал, что эта системность требует соблюдения трех условий: «терминосистема должна основываться на классификации

понятий; необходимо выделять терминируемые признаки и понятия, основываясь на классификационных схемах; слова должны отражать общность терминируемого понятия с другими и его специфичность» [Лотте 1961: 10].

Терминологию отличает прежде всего то, что это — обозримая, исчислимая и наиболее четко очерченная подсистема внутри общей лексической системы языка. Вторая особенность терминологической системы, отмеченная Д. С. Лотте и важная в аспекте нашего исследования, состоит в том, что совокупности терминов различных научных областей организованы по-разному. Лингвист — наряду с формально-логическими критериями, общими для построения любой системы терминов — должен учитывать и специфические особенности обслуживаемой данными терминами области знания [Лотте 1971: 72].

Анализируя типы и основания различения терминосистем, Б. Н. Головин (не различавший понятия терминология и терминосистема) выделил их основные признаки. По мнению учёного, «случайного скопления терминов, системно не связанных и не организованных, не имеет ни одна <...> область науки или управления, потому что в любой... сфере вещи и их признаки соотнесены и связаны, системно организованы; связаны, системно организованы и понятия той или иной области знания» [Головин 1981: 4].

Теминосистема определяется автором как совокупность терминов, совместно обслуживающих коммуникативно-тематическое или коммуникативно-ситуативное задание; элементы терминосистемы прямо или косвенно соотнесены и структурно связаны друг с другом и с системой в целом; вне какой-либо терминосистемы не существует ни один термин. Кроме того, границы между терминосистемами могут характеризоваться большей или меньшей чёткостью; возможны случаи «наложения» и пересечения терминосистем; межотраслевой терминологический фонд также представляет собой терминосистему (см.: [Головин 1981: 3-4]).

Типология терминосистем может строиться на разных основаниях:

внешних, обусловленных внеязыковыми связями (соотнесённость терминов с областями науки и техники; с научными направлениями и школами; с личностными системами научных взглядов) и внутриструктурных, формально-семантических признаках термина. К последним относятся: понятийная сторона семантики термина, формирующая терминологические пласты, ряды и поля; словообразование и дериватология терминов; логико-семантическая, семантико-морфологическая и семантико-дериватологическая парадигматика терминов; внутренняя и внешняя синтагматика; лексико-семантические свойства терминов, обусловливающие формирование синонимических и антонимических связей, пересечение и подчинение их смысла, см.: [Головин 1981: 6].

До определённого этапа развития терминоведения понятия *терминология* и *терминосистема* употреблялись как синонимы: свойство системности приписывалось терминологиям априори. Многие терминоведы и сейчас отождествляют эти понятия, ср.: «Терминология конкретной научной области – это не просто совокупность (список) терминов, а семиологическая система, т.е. выражение определенной системы понятий, в свою очередь, отражающей определенное научное мировоззрение» [Володина 1997: 30].

Авторы коллективной монографии «Общая терминология» вводят понятие системности в определение термина: «словесное обозначение понятия, входящего в систему понятий определённой области профессионального знания» [Суперанская, Подольская, Васильева 2011: 14].

Одним из первых проблему разграничения понятий *терминология* и *терминосистема* в середине 1980-х затронул Р. Ю. Кобрин, в работах которого терминология определялась с опорой на научную традицию: «Соотнесенная с определенной областью знаний, темой, научной школой… совокупность терминов, связанных друг с другом на понятийном, лексико-семантическом, словообразовательном и грамматическом уровнях» [Кобрин 2002: 54].

Терминологическую систему Р. Ю. Кобрин рассматривает как

когнитивную модель терминологии, отражающую наиболее информативные объекты, характеристики и отношения терминологии; это «упорядоченное множество терминов с явно выраженными и зафиксированными в словарях и классификационных схемах отношениями между ними» [Кобрин 2002: 54].

Под моделью понимается мысленный образ объекта, отражающий его существенные свойства; когнитивная модель определяется как ориентированное на познание различных сторон объективной действительности формализованное знаковое представление об объектах действительности, их свойствах и отношениях между ними, см.: [Кобрин 2002: 48].

Системные свойства терминологий представлены имплицитно, системные свойства терминосистем ярко выражены, особенно в тех случаях, когда терминосистемы являются результатом лексикографического описания.

Эти положения получают дальнейшее развитие в работах В. Д. Табанаковой, которая также относит терминосистемы к вторичным системам, возникшим в результате сознательной деятельности специалистов как средство выражения и фиксации научных знаний и как элемент специальной коммуникации; системность в терминологии может быть установлена как на основе экстралингвистических факторов, так и на основе анализа языковых факторов, см.: [Табанакова 2013].

Последовательно и принципиально понятия *терминологии* и *терминосистемы* как два основных вида совокупностей терминов разграничивает В. М. Лейчик [Лейчик 2009]. Терминология мыслится как стихийно складывающаяся совокупность терминов, являющаяся предметом лингвистики и терминоведения; терминосистема – как сознательно формируемая или конституируемая совокупность терминов, то есть собственное понятие терминоведения.

«Терминология – это языковое образование парадигматического типа, представляющее собой стихийно сложившуюся совокупность лексических единиц, обладающих семантической общностью и сходством (близостью)

формальной структуры, которые совместно функционируют в одном из языков для специальных целей, обозначая общие понятия области знаний и (или) деятельности, обслуживаемой данным ЯСЦ» [Лейчик 2009: 116].

Терминологии, по В. М. Лейчику, становятся источниками терминосистем, которые – как модели областей знания – появляются на том этапе, когда научная или специальная область знаний в достаточной степени оформилась, получила теоретическое обоснование, объекты анализа и осознанные связи между ними.

Для формирования терминосистемы учёный считает необходимым выполнение нескольких условий: наличие специальной (научной) области с достаточно чёткими и определяемыми границами; наличие у элементов этой области системы общих понятий; наличие строгой научной концепции, описывающей данную область; наличие языка для специальных целей, лексические единицы которого могут быть использованы для обозначения данной системы понятий.

Терминосистему В. М. Лейчик определяет как «знаковую модель определённой теории специальной области знаний или деятельности»; «элементами терминосистемы служат лексические единицы (слова и словосочетания) определённого языка для специальных целей какого-либо естественного языка, а структура в целом адекватна структуре системы понятий данной теории» [Лейчик 2009: 129].

С позиций когнитивного подхода терминосистема определяется как структура, отражающая специальную картину мира: так, Л. А. Манерко определяет терминосистему как сознательно конструируемую совокупность терминов, выявленную посредством категоризированной и концептуализированной информации на основе логико-понятийных, когнитивно-языковых, дискурсивных и собственно терминологических требований (см.: [Манерко 2009: 119–120]). Исходя из этого, Л. А. Манерко делает вывод, что не следует отождествлять понятия «терминология» и «терминосистема», так как понятие «терминология» имеет отношение к

упорядочивающей деятельности человека в рамках процесса номинации, в то время как «терминосистема» непосредственно связана с классифицирующей деятельностью человека, направленной на сортировку и квантификацию отношений между терминами через обозначаемые ими понятия.

Следовательно, терминология представляет собой вербализованный результат когнитивной деятельности специалиста, связанный с осмыслением и освоением им специального знания. Терминосистема является своеобразным «отражением» того, как специалист концептуализирует и категоризирует фрагмент окружающей действительности: какие ее элементы оказываются для него наиболее значимыми.

При таком подходе субъектом конструирования может выступать «внутренний субъект», создающий или разрабатывающий новую теорию и ее понятийно-терминологический аппарат, или внешний субъект — к примеру, терминовед.

Таким образом, в применении к объекту нашего исследования терминология представляет собой вербализованный результат когнитивной деятельности философа, связанный с осмыслением и освоением им интеллектуального и духовного опыта, а терминосистема эксплицирует (через посредство историков философии, терминологов и лингвистов) те связи между понятиями, которые имплицитно существуют между элементами языка для специальных целей.

ВЫВОДЫ

В конце XIX — начале XX в. наблюдается расцвет русской философской мысли, формируется большое количество оригинальных философских концепций, которые в совокупности принято называть «русская религиозная философия». В настоящем исследовании это понятие (наряду с понятием «русская философия») используется для обозначения совокупности философских произведений данного периода времени, относящихся к

идеалистической философии и связанных с фидеистической проблематикой.

Развитие философской мысли на национальной почве стало важнейшим импульсом для формирования собственной жанровой системы философского текста и создания оригинальной терминологии (о чем свидетельствует, в частности, появление в 1904 году «Философского словаря» Э. Л. Радлова). Философские понятия терминируются, и философские термины начинают осознаваться единицами языка для специальных целей.

Вопрос о временных границах философского текста как объекта исследования по-своему решается разными исследователями. В настоящей работе под определением «русский философский (религиозно-философский) текст» подразумеваются произведения русских мыслителей конца XIX — середины XX в., то есть, согласно хронологии В. В. Зеньковского, второго и третьего периодов в развитии русской философии.

К основным факторам, обусловившим смысловое и лексико-стилистическое своеобразие русского религиозно-философского текста, относятся: теологическая (религиозная) проблематика; отказ от традиционных строгих жанровых форм, а также тесная связь со святоотеческой литературой, с античной и западноевропейской философией.

Основные лингвостилистические особенности русского религиозно-философского текста обусловлены сочетанием нескольких функций: когнитивной, информативной, эстетической и прагматической. Русский религиозно-философский текст формально и содержательно связан с библейским текстом, с трудами античных и западноевропейских философов и с научным текстом. Присутствие этих трех начал составляет диалогическое начало текста и проявляется в обилии разного рода цитат и отсылок. Ядро лексической структуры русского религиозно-философского текста составляют философские термины. Одним из способов концептуализации действительности и репрезентации нового знания в философско-религиозном тексте является когнитивная метафора.

Религиозное начало обусловило обширное цитирование богословской

литературы и включение в философские произведения большого количества теологических понятий-терминов как в их собственном значении, так и в переосмысленном употреблении.

Западноевропейский философский «субстрат» в русской философии стал причиной явления терминологической полилексии (соответствие одному философскому понятию нескольких означающих: русского, транслитерированного и иностранного слов), обусловил появление большого количества цитат, ссылок, заимствований, в том числе терминологических.

Развитие философской мысли на национальной почве стало важнейшим импульсом для развития собственной жанровой системы русского религиозно-философского текста, которую характеризуют свобода форм, явление жанровой переходности, развитие и видовая дифференциация традиционных жанров.

К основным жанрам русской философии изучаемого периода (трактат и его разновидности, философское эссе (афоризм), различные формы эпистолярного жанра) относятся терминопорождающие тексты, формирующие авторские философские терминосистемы. Прочие жанры (критическая статья, философская автобиография, «философский некролог», «философское жизнеописание», обзор) являются в основном терминоиспользующими: авторские философские термины функционируют в них в соответствии с жанром.

В период «построения философских систем» происходит формирование русской философской терминологии: философские термины начинают осознаваться единицами языка для специальных целей; происходит формирование философских терминосистем, в которые включаются термины, заимствованные из других языков *(эмпириокритицизм, интроекция, имморализм, трансцендентальный);* переосмысленные слова литературного языка *(беспочвенность, родство, неродственность);* авторские новообразования различного типа *(супраморализм, психократия, моральный аморфизм)* и др.

На основе теоретических положений терминологических исследований последних лет в работе принято следующее понимание термина как элемента структурированной и иерархически организованной терминологической системы: термин есть результат вербализации специального концепта, то есть мыслительного предмета, содержащего как объективные знания о мире, так и субъективные составляющие этого знания, отражающие результаты категоризации и концептуализации знания в конкретной области интеллектуальной деятельности.

Терминосистема, вслед за Л. А. Манерко, понимается в работе как сознательно конструируемая совокупность терминов, выявляемая посредством категоризированной и концептуализированной информации на основе логико-понятийных, когнитивно-языковых, дискурсивных и собственно терминологических требований. Субъектом конструирования может выступать т.н. внутренний субъект (автор, создающий или разрабатывающий новую теорию и ее понятийно-терминологический аппарат) или внешний субъект (в нашем случае – лингвист-терминовед).

Термины и терминологические системы понимаются как динамические конструкты, которые рождаются в речемыслительно деятельности человека и изменяют свое содержание и форму в процессе когниции.

Анализ русской философской терминологии выполняется в русле традиционного (описательного) терминоведения, однако отдельные сюжеты и перспектива исследования предполагают использование когнитивных моделей исследования терминологических систем.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ФИЛОСОФСКИЙ ТЕРМИН И ПРИНЦИПЫ ЕГО ОПИСАНИЯ

§ 1. Лингвофилософская интерпретация понятия «термин» в работах русских мыслителей конца XIX — начала XX в.

Современное терминоведение во многом опирается на идеи русских мыслителей, сформулированные ими на рубеже XIX — XX в. в связи с активным поиском философских оснований естественно-научного знания. Первые лингвистические наблюдения, не содержащие ещё «терминоведческого аппарата» в полном смысле этого слова и опирающиеся на философские категории, способствовали формированию системы понятий и заложили теоретические основы будущего частного раздела языкознания.

Предпосылками возникновения терминоведения в России начала XX века Л. М. Алексеева называет достижения научной мысли, к которым относятся: теорема неполноты или противоречивости логических исчислений, открытие нелинейных пространств, проблема континуума, допущение неопределённости, распространившееся затем в науке в виде принципа дополнительности; открытие релятивного движения атома и вторичного квантования и т.д., см.: [Алексеева 2010: 12].

Второй предпосылкой для формирования философии термина стало развитие психологической теории К. Г. Юнга, который ввёл понятие архетипов, функционирующих в сознании как инстинкты представления. Описание процесса вербализации обыденного знания во многом предвосхитило лингвистический анализ процесса терминологизации научной мысли.

Кроме того, большую роль в осмысления природы термина как языковой единицы сыграло формирование собственного понятийного аппарата философии как особой области духовной и интеллектуальной деятельности человека. Философский язык постепенно становился развивающейся стилистической системой со своей собственной терминологией, о чем свидетельствует появление первых философских словарей.

Г.Г. Шпет охарактеризовал развитие русской философии в конце XIX века как «новый взлёт культурно-исторической волны» [Шпет 1989: 355]: философия не только начала определяться как университетская дисциплина со своим понятийным аппаратом, но стала осознаваться как один из важнейших факторов духовного и идеологического единства общества того времени.

По данным Л. М. Грановской и М. А. Алиева, именно в это время русские философы «включают в научный язык и речевую практику ряд терминов: византизм (в учении К. Н. Леонтьева <совокупность принудительных начал в человеческом обществе>), моральный аморфизм (Вл. Соловьев), инфинизм (И. И. Лапшин), монодуализм (Н. Я. Грот), беспочвенность (Л. Шестов), философология (Григ. Ландау) и др. Некоторые из них заимствуются из переводной литературы: безусловное тождество, абсолютная идея (Гегель), эмпириокритицизм, интроекция (Р. Авенариус), имморализм (Ницше), инспирация (Р. Штейнер), пантеизм (объединение теизма и пантеизма — термин К. Краузе, введен С. Н. Булгаковым) и широко комментируются» [Грановская, Алиев 2013: 4].

Философские понятия терминируются, и философские термины начинают осознаваться единицами языка для специальных целей. Так, Н. А. Бердяев в статье «Душа России» пишет: «В терминах философских это значит, что Россия всегда чувствует мужественное начало себе трансцендентным, а не имманентным, привходящим извне» [Бердяев. Душа России (1915)].

Мысль об авторском характере философской терминологии отчётливо звучит в итоговом труде Н. А. Бердяева «Самопознание». Анализируя роль своей ранней книги «Философия свободы» (1911) в истории российской общественной мысли, автор говорит о своей неудовлетворённости тем, какое выражение получила идея свободы в этой работе: «Терминология в ней недостаточно выработана» [Бердяев 1991: 210]. Далее в тексте неоднократно подчёркивается мысль о важности точной терминологии для развития философского мировоззрения: «Я остался верен основной идее «Смысла

творчества». Философски я даже очень усовершенствовал выражение своей мысли, более определил терминологию» [там же, 215].

Наибольший вклад в формирование теории термина как обозначения специального понятия внесли П. А. Флоренский, С. Н. Булгаков и Г. Г. Шпет.

Рассмотрению термина и его сущностных свойств П.А. Флоренский посвящает отдельный раздел книги «У водоразделов мысли». Особый интерес вызывают приложения, в частности, рабочие материалы курса «Из истории философской терминологии» для студентов Московской Духовной Академии. П. А. Флоренский говорит о важности терминов для любой области науки, о роли термина в процессе научного познания и о системности терминологии: «Слово... выковать в удачный термин — это и значит решить поставленную проблему. Всякая наука — система терминов. <...> не ищите в науке ничего кроме терминов, данных в их соотношениях: все содержание науки как таковой сводится именно к терминам в их связях...» [Флоренский 2009: 230].

Флоренский неоднократно затрагивает вопрос о соотношении термина и слова — вопрос, который впоследствии волновал поколения отечественных лингвистов: термин — это специальная единица языка или слово в особой функции? Язык Флоренского предельно метафоричен, и здесь автор вновь прибегает к образу: если наука и философия — это язык «закаленный и уплотненный», то термин — это «слово созревшее», противопоставленное слову общеупотребительного языка.

Мысль П. А. Флоренского оказывается в тесном соотношении с современными представлениями о научном термине: в ней — констатация наличия противопоставленных друг другу реализаций языкового знака: терминологическое и общеязыковое значения слова. «Это зрелое слово относится к слову житейскому, как яблочко садовое — к маленькому яблочку лесному (…) далее мы увидим, что то и другое слово разделяются расстоянием гораздо большим, характером их функций» [Флоренский 2009: 199]. Эти положения реализованы и развиты в современных лингвистических исследованиях: «термины фигурируют как таковые именно в лексике языка

для специальных целей» [Лейчик 1987: 142]; «сохраняя внешний вид слова, термин полностью размежёвывается с ним по своему содержанию» [Суперанская, Подольская, Васильева 2012: 83].

Термин и общеупотребительное слово у П. А. Флоренского связаны онтологически, не случайно термин назван также культивированным словом (то есть это то же слово, но «обработанное, отборное» [Флоренский 2009: 202]). Рассуждения философа соотносятся с функциональным, дескриптивным направлением в современном терминоведении: главное — разница в функциях. «Особая функция, в которой выступает слово в качестве термина, – это функция названия... Бытовой термин есть название вещи. Между тем научно-теоретический термин есть непременно название понятия» [Винокур 1939: 355].

В теоретических построениях П. А. Флоренского предвосхищены научные предпосылки современных представлений о термине как о слове с сигнификативной семантикой, ср.: «В нем словно преобразованы все могущие возникнуть оттенки и направления духовных движений... рассматриваемое слово мыслится как не имеющее в себе ничего готового, ничего заранее намеченного: пластическою массою, ждущею велений духа и податливою на первое оформление, равно как и на первое же снятие прежде приданной формы, а точнее, — как бы газообразною средою духоявлений, вовсе не имеющею собственной формы и годною в любой момент на все, — должно служить нам рассматриваемое слово» [Флоренский 2009: 200].

Отсутствие денотативной направленности, связи с классом обозначаемых фактов («ничего готового») — главное в знаковой природе термина. Термин есть чистый сигнификат, вмещающий общие признаки всех фактов данного класса. О природе такого знака писала Н. Д. Арутюнова: «Слова, обладающие только понятийным содержанием, сигнификатом, и сами по себе не приспособленные к денотации» [Арутюнова 1998: 4]. Термины, по ощущению П. А. Флоренского, лишены референции, т.е не служат знаковыми заместителями предмета. Многие современные исследователи [Голованова

2011; Лейчик 2007; Мельников 2014; Сложеникина 2013; Татаринов 1996; Cabre 2000] отмечают, что именно сигнификативная семантика и интенсиональная неопределенность употребления термина как знака создают особую сложность изучения данных единиц.

У П. А. Флоренского термин — это средство, отграничивающее два полюса сознания, наивную и научную картины мира. Не случайно философ неоднократно напоминает читателю об этимологии слова: «Это какие-то границы, какие-то межи мысли... неподвижные межевые камни. <…> Термин есть граница, которою мышление само-определяется, а потому и само-осознается» [Флоренский 2009: 228].

Говоря о связи термина и понятия, П. А. Флоренский неоднократно подчеркивает роль термина в истории мысли: «Каждое удачное название опирается на годы внимательнейшего вглядывания» [Флоренский 2009: 210]. «Объяснение понятий есть синтез, опирающийся на углубленное созерцание той реальности, к которой понятие относится <...> «определить» значит отчасти открыть <...> Определение, как и научное открытие, предполагает уже сделанным некоторый решительный шаг в нашем знании. Средневековые логики считали определение последнею степенью в процессе знания...» [там же: 216].

Связь термина и понятия, слова и мысли — квинтэссенция рассуждений Флоренского. Термин есть «некое окончательное слово, которое настолько попало в самую точку, в самую суть познаваемой реальности, настолько в нем выразилась природа человечности, — что никто и никогда не посмеет и не сумеет посягнуть на это слово, не обкрадывая духовно себя самого» [Флоренский 2009: 199].

В рассуждениях П. А. Флоренского о значении слова «термин» особо подчеркивается семантика предела, семантика исчерпанности смысла, законченности: «попало в самую точку», «некое окончательное слово», «максимум словесности», «предельная достигнутость».

Известно, что в современном терминоведении нет общепринятого

определения термина, способного отразить его сущность и типологические разновидности, а сам термин представляет собой «наиболее слабое звено в теории терминоведения, так как является не только многоаспектным, но и внутренне противоречивым объектом исследования» [Алексеева 1998: 10]. Представление о противоречивости термина как знака нашло выражение в положении П. А. Флоренского об антиномичной природе термина.

Антиномичность в работах философа тесно связана с понятием аритмологии. Аритмология является способом философствования П. А. Флоренского, пронизывающим все его творчество. В узком смысле аритмология — это теория прерывности функций. В широком смысле — это идея прерывности, свойственная всему формирующемуся миросозерцанию, грядущему на смену аналитическим миросозерцаниям разного рода, в основе которых лежит идея непрерывности. «Аритмология противопоставляет аналитической рассудочности интуитивное озарение, мгновенный скачок от предваряющего знания к истине. В социальной сфере аналитик говорит о непрерывной эволюции, а аритмолог — о мировых катастрофах, о революциях, о переворотах в индивидуальной и общественной жизни, о смене типов культур» [Флоренский 2009: 299].

С несколько иных позиций эту идею в 60-е гг. XX в. сформулировал Томас Кун: «переход к новой парадигме является научной революцией» [Кун 2015: 126-127]. «Именно потому, что это есть переход между несовместимыми структурами, переход между конкурирующими парадигмами не может быть осуществлён постепенно, шаг за шагом, посредством логики и нейтрального опыта. Подобно переключению гештальта, он должен произойти сразу (хотя не обязательно в один приём) или не произойти вообще» [там же, с. 198].

Идея динамизма составляет основу современных представлений о природе языковых явлений: динамизм выражается в постоянном взаимодействии его потенциальных и актуальных состояний, статики и динамики. «Если мир познаваемый надтреснут, и мы не можем *на деле* уничтожить трещин его, то не должны и прикрывать их. Если разум

познающий раздроблен, если он — не монолитный кусок, если он самому себе противоречит, — мы опять-таки не должны делать вида, что этого нет. Бессильное усилие человеческого рассудка примирить противоречия, вялую попытку напрячься давно пора отразить бодрым признанием противоречивости» [Флоренский 2009: 159].

Семантика противоречивости и легла в основу термина антиномизм: «диалектическое философствование, основным признаком которого является антиномия, т. е. напряжённое противостояние противоположных, рассудочно несовместимых понятий» [Флоренский 2009 :199].

Внутренняя противоречивость заключается в единстве таких свойств термина, как статичность и динамический потенциал. С одной стороны, термин у Флоренского – «законченное произведение человечества», которым надлежит пользоваться как «окончательно готовым». С другой стороны, значение термина принципиально изменчиво, готово к обновлению, «пластично до предела», поскольку термин, как любая другая языковая единица, отражает противоречия самого языка. Утверждение об изменчивой природе термина имеет особую значимость в аспекте современной динамической лингвистики.

Ещё одно проявление внутренней противоречивости термина заключается в индивидуальности и одновременно универсальности значения. «Вот таким-то, и неизменным, и все-приспособительным, должно быть то зрелое слово, на котором развиваются и наука и философия и которым живы обе они» [Флоренский 2009: 201].

Это в полной мере соотносится с мыслью о том, что термин отграничивает сферу науки от бытовых представлений; П. А. Флоренский неоднократно настаивает на том, что границы могут быть раздвинуты, а путь познания действительности — продолжен.

Антиномичность термина как проявление его внутренней противоречивости (по всей вероятности, в большей степени это касается терминов фундаментальных наук) признаётся современной лингвистикой.

Любое семантическое требование к термину может быть оспорено – следовательно, любое свойство, приписываемое термину, обладает противоречивостью.

Кроме того, и в функционировании терминов, и в их лингвистическом описании одновременно существуют две тенденции: строгость, точность, стремление избежать многозначности и нежелательной синонимии — и нежёсткость семантики, наличие синонимов или аналогов, субъективность значения.

Последние качества образно и ярко охарактеризованы П. А. Флоренским. В его характеристике термина важна не только семантика предела, «предельной достигнутости», но и метафора пути, семантика движения. Это особое движение сродни, на наш взгляд, научному поиску: «Путник, достигший высшей точки своего пути, заменяет продвижение — вращением...перед ним открылись горизонты столь широкие, что есть что созерцать, а малейший поворот вправо или влево даст ему новую полноту возвышенных зрелищ» [Флоренский 2009: 204]. Не об интерпретационных ли возможностях термина, основанных на субъективном компоненте значения, говорит П. А. Флоренский?

Философская интерпретация термина, осуществлённая П. А. Флоренским, выявила глубинные, сущностные стороны этого знака. Термин у философа одновременно орудие познания и объект познания: «Над термином можно медитировать» [Флоренский 2009: 229]. П. А. Флоренский не только заложил основы философии термина, но и «вывел аналогию между смыслом естественно-научных открытий и теорией термина» [Алексеева 2010: 17].

В центре «филологических» размышлений С. Н. Булгакова — слово в формальном и содержательном планах. Вопрос «Что же такое слово?» для Булгакова не лингвистический и даже не филологический, а философский, ибо «в слове и через слово» совершается познание; самая суть слова не может быть понята или угадана лингвистами. Науке о языке Булгаков отводит важную

роль (изучение строения, истории, морфологии слова, семасиологии и психологии), но далеко не главную, поскольку лингвистика не затрагивает главной проблемы: «что делает слово словом, в чем его естество, эйдос, при всяком положении вещей, во всяком языке» [Булгаков 2008: 9].

Первая из обозначенных Булгаковым антиномий — принадлежность слова к двум семиотическим системам. Слово, «облечённое в историческую плоть и имеющее своё определённое место в языке», есть объект лингвистического анализа, а «пришелец из другого мира» [там же] — философского. Язык и мышление слиты воедино: «Человек мыслит в словах и говорит мысль» [Булгаков 2008: 14].

В булгаковской «Философии имени» представлено несколько определений слова, не связанных между собой и образующих одну протяжённую контекстуальную дефиницию. В своих рассуждениях Булгаков идёт от формы к содержанию, и первые дефиниции слова связаны именно с формальной стороной, «телом слова», формой, которая может быть разной. От рассуждений о материи слова (написанное, напечатанное, произнесённое, звучащее из фонографической трубы, осязаемое слепым) Булгаков переходит к очень важной идее — идее внутреннего слова и внутреннего языка.

Философское осмысление слова у С. Н. Булгакова соотносится с мыслью П. А. Флоренского о гносеологическом потенциале слова: познание совершается в речи и окончательно оформляется в термине. Философ вводит понятие *первообраза*, который формируется в сознании человека до начала момента речи: это идеальный образ, хранящийся в представлении субъекта. Процесс воплощения мысли в слове характеризуется в концепции С. Н. Булгакова целостностью и завершённостью: слово возникает одновременно со смыслом. Эта мысль получила терминологическое выражение в авторских терминах «слово-идея», «смысл-слово-идея», «слово-мысль». Слово-мысль есть, по Булгакову, некий психический эквивалент произносимого или иным путём материализуемого слова, ср.: «слово-мысль никогда не может быть показано в своём чистом виде» [Булгаков 2008: 18].

Слово и мысль онтологически связаны, они не могут существовать в отрыве друг от друга: «Мы не можем отмыслить мысль от слова и слово от мысли, <...> но мы сознаем мысль, рождённую в слове, и слово, выражающее мысль» [Булгаков 2008: 27].

Размышляя о когнитивной функции языка и о процессе словотворчества, философ затронул проблему создания научных терминологий, состоящих из слов, корневые значения которых служат «для выражения комплекса наличных смыслов, понятий и слов» [Булгаков 2008: 47]. Создание термина — особый вид словотворчества: термин «измышляется»; «переживается как самостоятельное, новое слово» [там же], создаётся на основе уже существующих в языке «первослов». С.Н. Булгаков анализирует явление формирования терминологических систем, названное им «терминологическим процессом». Особый интерес с точки зрения современной лингвистики представляют рассуждения философа о таких свойствах терминосистем как творимость, системность и закрытость.

Большой вклад в философское осмысление термина внёс также Г. Г. Шпет. Наиболее отчётливо терминологическая рефлексия обнаруживается в «Эстетических фрагментах», в которых противопоставляются *слово-образ* и *слово-термин*.

При решении задачи «отличать, хотя бы по тенденции, слово-образ от слова-термина» автор использует функциональный подход к слову. Г. Г. Шпет считает, что слово можно анализировать только в контексте: изолированное слово «лишено смысла, оно не есть λόγος... Оно не есть слово сообщения, хотя и есть уже средство общения» [Шпет 2007: 146]. Следовательно, информативную функцию Г. Г. Шпет приписывает только слову, взятому в контексте. Кроме того, философ разводит понятия «слово-образ» и «слово-термин» в функциональном аспекте: в осмыслении слова-образа на первый план выходит эстетическая функция, поскольку это слово есть «орудие творчества языка самого» [Шпет 2007: 181], а слово-термин — это средство фиксации и передачи знания. Когнитивная функция есть сущностная функция

слова (а значит, и термина): «Когда выдумывают термин, стараются припечатать его существенным признаком. – Это – слово запечатанное; главным образом, орудие сообщения. <...> Мысль рождается в слове и вместе с ним. Даже и этого мало, – мысль зачинается в слове» [Шпет 2007: 180-181].

Конституирующий признак термина Г. Г. Шпет видит в его системности. Эта точка зрения («терминирование... есть включение в систему понятий») реализуется во многих современных терминологических исследованиях, например: «слова... особого типа, соотносящиеся по преимуществу с понятием... вступающие в системные отношения с другими подобными словами и словесными комплексами» [Хаютин 1972: 81]. Системность как свойство терминологии разными авторами может пониматься по-разному (словообразовательная системность, классификационная соотносимость, понятийная и лексическая системность). Г. Г. Шпет говорит о системности, которая присуща термину как единице данной терминологии, о «системности в логосе» (см.: [Реформатский 1959, 1968]).

Важной является мысль Г. Г. Шпета о различных принципах мотивированности значения слова-образа и слова-термина. Образ может основываться на случайном признаке денотата — на ярком признаке, который произвольно выбирает творческое воображение. Этим обусловлен переносный характер значения слова-образа. Слово-термин основывается на «прямом выражении», на существенных признаках понятия.

Именно существенные связи, свойства и отношения предмета составляют понятие — а понятие реализуется в термине, языковом знаке, который отражает научную информацию об определённом объекте действительности.

Некоторые характеристики термина представлены в рассуждениях Г. Г. Шпета имплицитно, как черты, не являющиеся сущностными для слова-образа. Например, если образ у философа есть отражение индивидуальной, случайной вещи и в то же время вбирает в себя черты некой идеи, он есть

«овеществляемая идея и идеализованная вещь» [Шпет 2007: 176].

Эти признаки образа составляют своеобразное «отрицательное определение» термина в концепции Г. Г. Шпета. Термин отражает не индивидуальное, а типичное; к нему приложимы законы логического образования понятий. Он статичен, в отличие от динамичного образа.

Понятие отражает конституитивные, онтические, сущностные признаки предмета; увеличение количества признаков сужает понятие и уточняет термин, который является знаком понятия. Принимаемый наукой знак (название) понятия притягивает к себе другие названия как новые терминирующие знаки. Для названия образа невозможны постоянство и статичность: «Его нужно тормошить, расцвечивать» [Шпет 2007: 183]. Для термина постоянная связь плана выражения и плана содержания есть необходимое условие существования.

Представленные наблюдения позволяют сделать вывод о том, что в работах русских философов содержатся идеи, определившие природу термина и предвосхитившие появление терминоведения как особой лингвистической области. Философская трактовка позволила раскрыть сущностные свойства термина как единицы с субъективным компонентом значения, предполагающей множественность интерпретаций. Термин предстаёт как орудие и объект познания, как один из основных способов моделирования научной или философской картины мира.

В философской интерпретации термин антиномичен: это статичная и одновременно принципиально изменчивая единица обозначения знания, в которой соединены индивидуальность и одновременно универсальность значения. И наконец, философская рефлексия над термином предвосхитила начавшуюся много позже лингвистическую разработку сущностных свойств термина: связь с понятием, точность и системность.

§ 2. Принципы формирования словника терминов русской философии: от терминофиксирующего к терминосоздающему тексту

Исследование философской терминологии конца XIX — начала XX в. носит по преимуществу дескриптивный характер: в работе описываются языковые явления, характерные для сложившейся совокупности закрытых терминосистем. Базовой для нашей работы является терминоведческая теория текста, в рамках которой методами терминоведения выявляется специфика функционирования терминов в языках для специальных целей (см.: [Лейчик 2002]).

В руководстве по формированию словника терминологических словарей А. С. Герд говорит о важности определения хронологических рамок словаря (см.: [Герд 1986: 24]). Применительно к нашему исследованию хронологические рамки заданы в названии диссертации: конец XIX — начало XX в., то есть период оформления русской философской общественной мысли и построения оригинальных терминологических философских систем.

В процессе освоения философского наследия русских мыслителей происходит включение языковой личности в коммуникативную ситуацию, связанную с потребностью освоения новых терминов и понятий. Такие ситуации названы в монографии И. С. Куликовой и Д. В. Салминой металингвистическими коммуникативными ситуациями (МКС): «Основной «приметой» такой МКС является термин или серия тематически связанных терминов, которые сознательно, целенаправленно и обычно эксплицитно ставятся автором в центр текстового или речевого (дискурсного) фрагмента для решения той или иной коммуникативной задачи» [Куликова, Салмина 2002: 103].

МКС, тематическим ядром и предметом рассуждения которых является термин, реализуются в текстах, отличающихся по структуре и по типу адресата.

Разработанная В. М. Лейчиком типология текстов, в которых

используются термины, состоит из трех элементов: терминоиспользующие, терминофиксирующие и терминосоздающие тексты (см.: [Лейчик 2009: 146-147]). К терминоиспользующим относятся тексты, содержащие термины в статусе заранее закрепленных и известных авторам: обзорные статьи, научно-популярные, публицистические, художественные произведения, различного рода документы и т.д. Вторая группа текстов — терминофиксирующие — включает словари, энциклопедии, справочники, стандарты, некоторые учебники. В третью группу входят тексты, в которых формируются новые понятия и появляются термины, их обозначающие: «В этих текстах термины рождаются вместе с идеями...» [Лейчик 2009: 147].

Уточним эту классификацию в применении к русскому философскому тексту изучаемого периода: какие именно тексты оказываются наиболее важным источником исследовательского материала и как их следует использовать для составления словника?

На первом этапе, который можно охарактеризовать как «предварительная выборка», автором работы использовались терминофиксирующие тексты: словари и энциклопедии. Словарь, названный А. С. Гердом «собранием единиц естественного и искусственного языка, снабженных той или иной семантической информацией» [Герд 1991: 202], является основным средством фиксации, описания и систематизации специальной лексики. В практике составления философских словарей отразилось отчетливое стремление их составителей закрепить в словарной форме результаты развития отечественной философской мысли, охватив все понятийные области, связанные с философией.

Первым русским философским словарем принято считать «Философский словарь» С. С. Гогоцкого. Полное название книги: "Философский словарь, или Краткое объяснение философских и других научных выражений, встречающихся в истории философии" (Киев, 1876).

Этот словарь составлен по материалам четырехтомного «Философского лексикона» С. С. Гогоцкого, изданного в 1857 — 1873 гг. Словарь содержит

более полутора тысяч терминов из смежных интеллектуальных и духовных областей: логика, схоластика, литература, философия, религия, психология, биология, этика; есть и общенаучные термины (*курс* — определенный состав наук или одной науки, продолжающийся определенное количество времени; *классификация* — распределение каких-нибудь предметов или произведений природы по каким-нибудь обобщениям и в постепенном порядке подобных обобщений, как-то: по видам, родам, семействам, классам и т.д).

Словарные статьи неоднородны по структуре, определения преимущественно описательные, однако в ряде случаев толкования представлены синонимическим способом (диалог — разговор), этимологическая информация представлена непоследовательно — видимо, только для тех слов, заимствованный характер которых был очевиден для носителей языка того времени.

Несмотря на то что словарь не может быть использован как источник составления выборки для анализа выбранного нами объекта, он оказался очень полезным на первом этапе исследования. Зафиксировав сложившуюся в середине XIX века философскую терминологию, словарь отразил уровень развития отечественной философской мысли того времени и ее основные черты. Это неустоявшаяся терминология, находящаяся на этапе формирования, когда связи с другими науками и религией еще слишком тесны и границы философии неопределенны, о чем свидетельствуют выбранные *подряд* словарные статьи:

Гистрионы — *у римлян танцовщики или вообще актеры.*

Гиератический*. Так иногда называют особенное направление греческой скульптуры, состоявшее в подражании древнейшим ее образцам.*

Гиерократия*. Священноначалие.*

Гиероглифы*. Гиероглифами называют священные письмена древних египтян, состоявшие в том, что им выражали не звуки, но целые представления какими-нибудь аналогическими образами или символами.*

Гиерофант *— вообще толкователь или учитель, объяснявший смысл и*

ход религиозных обрядов. <...>

***Глаголица** — древняя славянская азбука, бывшая в употребении в Далмации.*

***Гиома**. Гиомами у древних греков называли притчи или краткие остроумные и наставительные изречения. <...>*

***Гносеология**. Часть философии, рассматривающая законы и значение познания.*

Словарь объединяет термины, принадлежащие к разным терминополям, что свидетельствует о стадии формирования во второй половине XIX века философской терминологии и философской науки в целом. Это подтверждает сформулированные выше предположения. Отразивший находящуюся на стадии формирования терминологию периода, предшествующего заявленному в нашей теме, словарь не может служить полноценным и достоверным источником исследовательского словника философских терминов.

В 1904 г. издательство Брокгауза и Ефрона выпустило "Философский словарь логики, психологии, этики, эстетики и истории философии", под ред. Э. Л. Радлова (в. 1–2, СПБ, 1904), отразивший следующий этап формирования философской терминологии в России. Будучи автором многих статей и редактором отдела философии «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона», Э. Л. Радлов объединил статьи отдела в словарь, дополнив их кратким историческим материалом: «Казалось необходимым не ограничиваться одним определением терминов, но внести и исторический материал, во-первых, потому, что история философии имеет философское значение, во-вторых, и потому, что термины вне исторической рамки не всегда понятны и объяснимы» [Радлов 2010: 4].

В названии словаря отражена его основная особенность: словарь не является философским в строгом смысле этого слова и включает в себя большое количество терминов смежных областей знаний, а также имена собственные, которые значительно преобладают над остальными единицами:

так, из 69 заголовочных слов на букву «В» 33 являются именами философов, писателей, математиков, психологов, к примеру:

Вагнер Иоганн, 1775-1841, немецкий философ; Валла Лаврентий, 1407-1457, итальянский гуманист; Варрон Марк Теренций, I в. до н.э., древнеримский эклектик; Введенский А.И., род. В 1856, профессор спб университета; Вейгель Валентин, 1533-1588, немецкий теолог; Вейгель Эргард, 1625-1699, математик. (Философская заслуга его заключается в попытке применить математический метод в философии); Вико Джованни Баттиста, 1688-1744, родоначальник философии истории; Вильгельм из Ламарра, францисканский монах XIII в. Вундт; Вильгельм Макс, современный немецкий философ.

Включение такого большого количества имен философов, теологов, ученых, связанных с философией, говорит о важности этого понятийного пласта для философской терминологии и конструируемой на ее основе терминосистемы.

Философских терминов в строгом смысле слова на букву «В» в словаре представлено одиннадцать, к примеру:

Вещь в себе *(«Ding an sich») – термин Канта, обозначает то, что лежит в основе объектов внешнего мира. Вещь, как ее следует представлять вне познающего субъекта. В. в себе — понятие трансцендентное. Агностицизм утверждает непознаваемость вещи в себе и противополагает их явлениям. На противоречие в понятии В. в себе указывали Маймон и Фихте-старший. Если В. в себе есть нечто трансцендентное, то она не может быть причиною явления, ибо быть причиною значит принадлежать феноменальному миру, т.е. Быть явлением, могущим быть познанным. Поэтому идеализм отвергает понятие В. в себе, в этом пункте идеализм сходится с позитивизмом.*

Всеединство *— термин Владимира Соловьева: Всеединое целое — для обозначения высшего начала бытия.*

Вечность *означает безвременность, т.е. В. есть признак того, что находится вне времени, а также признак самого времени, поскольку мы представляем себе абсолютное время не имеющим ни начала, ни конца. В. как признак времени есть лишь отвлеченное понятие, коему не соответствует реальность; это есть, сверх того, отрицательное понятие, заключающее в себе указание, что мы должны мыслить абсолютное течение времени как процесс без начала и без конца. Представить себе бесконечность времени или В. человек не может, но и обратного он также не в состоянии представить себе. В. есть, сверх того, признак всего изъятого из времени, т.е. безусловного, напр. Бога. Человек одаряет и душу В., считая душу бессмертной. Некоторые философы приписывали В. миру (Аристотель), или вселенной (Бруно), или материи, или тому, что имеет абсолютную ценность (Лотце).*

Помимо философских терминов и имен философов, в раздел словаря на букву «В» входят термины других областей знания, к примеру: *викариат чувств, влечение, внимание, восприятие, воспроизведение представлений (психология); вкус, вкус эстетический, возвышенное (эстетика); вина, вменение, воспитание (социальные науки); всеобщность, вывод (общенаучные).*

«Философский словарь» Э. Л. Радлова представляется важным источником для составления словника подлежащей анализу терминологической лексики, так как он позволяет выявить не только лексико-семантические, но и ономасиологические особенности лексики, использующейся в философских текстах изучаемого периода. Кроме того, отличительной особенностью словаря является указание на авторство ряда терминов и на дискурсивную функцию терминов в текстах, созданных в рамках определённых философских направлений и школ.

Из словаря Э. Л. Радлова в исследовательский словник включены 277 философских и теологических терминов (термины отбирались на основе

анализа толкования и наличия в нем семантических компонентов «в философии», «философский», «в религии» и т.д.):

абсолютное знание, абсолютный идеализм, абсолют, агностицизм, адиафора, адрастеа, акосмизм, алетофил, амфиболия, английская философия, анимизм, антагонизм, антиномия, антитетика, антитринитарии, антиципация, антиципия, антропоморфизм, арабская философия, ариане, ассистенция, атеизм, бесконечность, бессмертие души, бессознательное, благо, богословие, богооправдание, Бог, вещество, вещь, вещь в себе, византийская философия, внешний мир, волюнтаризм, веданта, время, всеединство, вера, вечность, гедонизм, генотеизм, гилозоизм, гиперфеномен, гномы, гномическая философия, гносеология, гностицизм, греческая философия, даосизм, двойная истина, деизм, действие, действительность, демонолатрия, демонология, демон, деонтология, детерминизм, динамизм, дихотомия, диалектический метод, диотелитизм, диофизиты, добро, догматизм, догматик, докетизм, долг, донатисты, дружба, дух, душа, еврейская философия, единство, естественная религия, естественное право, естественный, желание, жизненная сила, жизненные духи, жизнь, закон, закон противоречия, зло, идеализм, идеалреализм, идеал, идея, израильская религия, иллюзионизм, илозоизм, имманентная философия, имматериализм, императив категорический, импрессионизм, индетерминизм, индивидуализм, индифферентизм, индийская философия, интеллектуализм, интеллекстуальная система, ителлигибельный, интуитивизм, искусство, ислам, истина, итальянская философия, каббала, канон (в теологии), катарсис, категория, качество, кембриджская школа философов, космическое, конститутивный, концептуализм, концепт, космология, космополитизм, космос, красота, критицизм, личность, логос, любовь, макрокосм, максима, манихейство, материализм, материализм экономический, материя, меон, мессианизм, метафизика, механическое мировоззрение, микрокосм, мистика, мистицизм, мир, мировая душа, множественность, момент, монада, монадология, монархианизм, монизм,

монотеизм, монотелизм, монофизитство, мораль, моральность, нативизм, натурализм, натур-философия, наукословие, научная философия, национальность, небытие, неделимое, необходимость, неовитализм, неосхоластика, непознаваемое, нигилизм, новогегельянство, новокантианство, новопифагорейцы, новоплатоники, номинализм, номиналисты, неологисты, ноуменон, немецкая философия, общество, общность, объективация, объективный, объективирование, объект, окказионализм, оккультизм, онтология, опыт, относительность, отцы церкви, палигенезис, панентеизм, панлогизм, панпсихизм, пантеизм, пантелизм, пелагианство, первичный, перипатетики, персонализм, пессимизм, плюрализм, пневма, пневматик, пневматология, позитивизм, познавание, познание, политеизм, полифилетический, положительная философия, польская философия, понятие, практическая философия, предетерминизм, предопределение, престабилизм, преформизм, принцип, природа, причинность, пробабилизм, произвол, промысл, простота, пространство, противоречие, рационализм, реализм, религия, релятивизм, русская философия, самопознание, сверхчеловек, свобода, сенсуализм, синтетизм, системы философские, скептицизм, совершенство (энтелехия), сознание, солипсизм, софисты, справедливость, стоицизм, субстанция, субстрат, субъект, субъективизм, суфизм, сущность, схоластика, счастье, творчество, теизм, телеология, теодицея, теократия, теология, теория познания, теософия, тритеизм, универсализм, утилитаризм, феноменализм, феноменология, феномен, философия, философия тождества, форма, ценность, чудо, эвдаймонизм, эволюция, эманация, эмпиризм, эмпириокритицизм, энергетическое миросозерцание, энергия, энтелехия, Я.

На основе этих терминов был сформирован первый вариант словника, слова из которого на втором этапе проверялись по текстам конкретных авторов в текстовых базах данных.

Третий терминофиксирующий источник — составленный Г. В. Беляевым «Философский словарь Владимира Соловьева», в котором

содержится полное собрание энциклопедических статей философа, извлеченное из «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона». Из этого словаря в словник вошло 83 (всего словарных статей более 200) термина: *веданта, вера, вероятность, вечность, вещество, вещь, вид, видимость, власть, возможность, возникновение, возрождение, воля, время, всеединство, гегельянская школа, гилозоизм, гностицизм, действие, действительность, демон, жизнь, западники, западничество, зло, знание, идеал, идеализм, идеократия, идеология, идея, идол, имманентность, имматериализм, индивидуализм, индивидуальность, индийская философия, индифферентизм, иррационализм, истина, каббала, конечная причина, красота, личность, ложь, любовь, мандеи, манихейство, материя, мессинаизм, метафизика, мир, мировая душа, мировой процесс, мистика, мистицизм, монофелиство, монофизитство, монтанизм, мормонство, наука, национализм, несториане, объект, объективизм, онтология, оптимизм, особь, откровение, офиты, пессимизм, предопределение, предсуществование, принцип, природа, причина, провидение, пространство, разум, рассудок, рационализм, рок, свобода воли.*

Эта выборка по понятным причинам пересекается с выборкой из «Философского словаря» Э. Л. Радлова (словники обоих словарей «извлечены» из одного источника), однако толкования в составленном Г. В. Беляевым словаре гораздо объемнее и подробнее, что обусловливает его дополнительную ценность. Кроме того, анализ толкований позволил включить в реестр термины логики и психологии, в которых выявлен философский аспект, ср: *возникновение — главный мотив древнейшей философии, возрождение — широкое по смыслу и значению богословское понятие, идеология — метафизическая философия, понимаемая как учение об идеях.*

Дополнительный терминофиксирующий текст — это «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона», сплошная выборка из которого не проводилась, однако он использовался как дополнительный источник информации при анализе ряда философских и общественно-политических терминов (*нация, социализм* и др.).

Терминофиксирующие тексты (философские словари и энциклопедии советского периода) как источник терминологических сведений использовать, по всей видимости, нецелесообразно, так как они не отражают в полной мере объекта нашего исследования или отражают тенденциозно, с идеологических позиций. Так, например, ни в «Советском философском словаре» 1974 года, ни в «Философской энциклопедии» 1960-1970 гг. в интересной и подробной статье с заголовочным словом «теодицея» не упоминается П. А. Флоренский, для философской терминосистемы которого этот термин очень важен (хотя названы — из русских философов — Бердяев и Достоевский). Статьи с заголовочным словом «антроподицея» в указанных изданиях нет.

Кроме того, словари советского периода обычно содержат дополнительную информацию прагматического характера, искажающую семантику термина, ср. фрагменты словарной статьи «теодицея»: «оправдание бога», общее обозначение религ.-филос. доктрин, стремящихся согласовать идею «благого» и «разумного» божеств. управления миром с наличием мирового зла, «оправдать» это управление перед лицом темных сторон бытия. <...> Последовательно атеистич. мировоззрение отвергает проблему Т., «оправдания бога», как лишенную к.-л. смысла» [Советский философский словарь 1974: 560].

Философские словари постсоветского периода использовались для уточнения окончательного списка терминов и для выявления логико-понятийной структуры философской терминологии. Так, подробный список терминов и понятий (более 400) представлен в «Современном философском словаре» под ред. В. Е. Кемерова и Т. Х. Керимова (2015); также в качестве дополнительных источников использовались «Философский словарь» Г. Шмидта (2003) и интернет-версия издания «Новой философской энциклопедии», представленная на сайте института философии РАН.

Основным терминофиксирующим текстом для формирования словника настоящего исследования является энциклопедия «Русская философия» под ред. М. А. Маслина (2007), включающая около 800 статей, раскрывающих

взгляды русских мыслителей «с XI века до наших дней». Методом сплошной выборки из энциклопедии были извлечены 240 терминов с толкованиями. В реестр вошли не только заголовочные слова словарных статей *(аритмология, антроподицея, беспочвенность, борьба за невозможное, византизм, всеединство, евразийство, жалость, идеальное, икона, кенотизм, коммюнотарность, космизм, либерализм, личность, меонизм, непостижимое, ничто, ноосфера, онтология, панмонголизм, психократия, рассудок и разум, реальность, русская идея, славянофильство, смерть, соборность, софиология, теория познания, теософия, трансрациональность, трансцендентальный монизм, философская антропология, человекобог* и др.), но и термины, извлеченные нами из словарных статей, посвященных творчеству конкретного философа изучаемого периода. Так, из статьи «Бердяев» извлечено 38 терминов, также вошедших в реестр: *богоподобие, Богочеловек, Богочеловечество, бытие из человека, бытие через человека, дегуманизация, духовный первофеномен, интериоризация, истина, конец истории, личность, метаистория, метафизика, неохристианство, новое религиозное сознание, объективация, откровение, падшесть, первофеномен, пневмо (духовно) центрический, персонализм, персоналистическая философия, перманентная эсхатология, самопознание, соборность, творчество, теодицея, человек, экзистенциальная диалектика, экзистенциальный субъект, эсхатология, эсхатологическая метафизика, экстериоризация*.

Анализ статьи «Леонтьев» позволил добавить в выборку 15 терминов: *всесилие небытия, вторичное смесительное упрощение, жизненность, индивидуализированность, красота, культурно-исторические типы, культурородный, метод действительной жизни, нация, национальность, национальный идеал, прогресс, смерть, триединый процесс развития, цветущая сложность.*

Дополнительным источником исследовательской выборки стал краткий аннотированный указатель Л. М. Грановской и М. А. Алиева «Философские

термины и понятия в русском литературном языке» (2013), включающий 130 заголовочных слов. Этот терминофиксирующий источник позволил включить в выборку интерпретационные варианты терминов (*истина, конкретность, свобода* и др.), а также уточнить информацию о происхождении и употребительности некоторых специальных лексем.

Итак, первым источником для отбора лексики, являющейся объектом диссертационного исследования, стали словари — терминофиксирующие тексты, отличающиеся четкой структурой и систематизированным представлением материала. Не случайно С. В. Гринев-Гриневич назвал словари одним из наиболее надежных видов источников специальной лексики: «Наиболее очевидным типом источника лексики являются существующие терминологические словари» [Гринев-Гриневич 2008: 20]. Энциклопедии также отнесены терминоведом к «достаточно надежным» источникам специальной лексики, поскольку они содержат важные данные об условиях появления и семантическом окружении терминов. Это особенно актуально в аспекте нашего исследования, поскольку многие философские термины являются авторскими или употребляются в особой (дискурсивной) функции. В этом случае особое значение приобретает текст словарной статьи отраслевой энциклопедии.

Вторым важным источником пополнения исследовательской выборки философской терминологической лексики стали терминоиспользующие тексты: «статьи обзорного характера, научно-популярные, публицистические и художественные произведения и т.п.» [Лейчик 2009: 147].

К числу таких текстов относятся критические очерки, содержащие анализ одного или нескольких произведений, и биографические обзоры (а также своеобразные философские «некрологи»), посвященные описанию жизни и творчества определенного философа. Эти жанры, как уже отмечалось выше, составляют заметную черту русской философии изучаемого периода и представлены большим количеством произведений, к примеру:

С. Н. Трубецкой. Смерть Соловьева. *Е. Н. Трубецкой.* Знакомство с

Соловьевым; Личность Вл. С. Соловьева; *Л. Шестов.* Николай Бердяев (Гнозис и экзистенциальная философия»); *С. Н. Булгаков.* Некоторые черты религиозного мировоззрения Л. И. Шестова; *Вл. С. Соловьев.* Памяти К. Н. Леонтьева; *Н. А. Бердяев.* К. Леонтьев — философ реакционной романтики.

Чем ценен терминоиспользующий текст такого типа? Характеризуя философское мировоззрение, критик, историк или автор некролога всегда выделяет базовые понятия описываемого учения, используя термины, которые входят в ядро терминополя и составляют основу авторской терминосистемы. В статье Н. А. Бердяева «Основная идея философии Льва Шестова» используются терминологические единицы, играющие важную роль в авторской терминосистеме, но не отраженные в словарях и энциклопедиях, ср.:

«Л. Шестов подчинял основной теме своей жизни все, что он думал, что говорил и писал. <...> Как ее формулировать? Он был потрясен властью необходимости над человеческой жизнью, которая порождает ужасы жизни. Его интересовали не грубые формы необходимости, а формы утонченные. Власть неотвратимой необходимости была идеализирована философами, как разум и мораль, как самоочевидные и общеобязательные истины. Необходимость порождена познанием. Л. Шестов целиком захватывается той мыслью, что грехопадение связано с познанием, с познанием добра и зла. <...> Л. Шестов боролся за личность, за индивидуально неповторимое против власти общего. <...> Он, в сущности, думал, что у каждого человека есть своя личная истина. Но этим ставилась все та же проблема сообщаемости. Возможно ли сообщение между людьми на почве истины откровения, или это сообщение возможно лишь на почве истин разума, приспособленных к обыденности, на почве того, что Л. Шестов вслед за Достоевским называл "всемством"?» [Бердяев 1990: 45].

Второй важнейший источник формирования исследовательского словника — историко-философские и философские статьи, посвящённые

одному из аспектов творчества конкретного философа или содержащие сопоставительный анализ репрезентации одних и тех же понятий в разных философских системах. Эти тексты взяты из разных источников, в числе которых и электронные ресурсы: «Библиотека Якова Кротова», Библиотека русской религиозно-философской и художественной литературы «Вехи», Библиотека Института философии РАН.

Особого упоминания заслуживает антология «Русский путь», которая, по замыслу авторов, представляет «феномен национального самосознания, один из путей, которым русская культура пытается осмыслить свою судьбу» [Исупов 2001: 5]. Это подготовленные авторитетной редакционной коллегией сборники статей и мемуаров «П. А. Флоренский: pro et contra»; «Н. А. Бердяев: pro et contra»; «К. Н. Леонтьев: Pro et contra» и др., в которые включены, помимо аналитических статей, библиографические списки работ о жизни и творчестве философов. Этот источник, как и предыдущий, позволяет создать представление о совокупности ключевых терминов, их значениях и понятийных связях.

Терминоиспользующие тексты другого рода — научные и научно-учебные книги по истории русской философии. Они позволяют наметить контуры моделирования логико-понятийной системы в той степени, в которой это возможно для философских терминов. О важности такого моделирования применительно к работе над терминологическим словарем писал А. С. Герд: «Логико-понятийный анализ специальных текстов — необходимое предварительное условие создания ТС» [Герд 1986: 26].

Анализ монографий, оглавлений и разделов книг по истории философии дал возможность очертить такие «понятийные узлы» в общей структуре отраслевого знания, как, например, *«Учение об Абсолюте», «София и софиологическая проблематика», «Философская антропология», «Неолейбницианство в русской философии», «Новейший позитивизм», «Метафизика всеединства», «Философская космология», «Трансцендентализм»* и т.д.

На этапе составления словника необходимо было установить связи и взаимоотношения русской философии изучаемого периода с другими областями научной и духовной деятельности, в частности, с религией.

Терминосоздающие тексты — основной источник картотеки терминов исследования и словника. К этому типу относятся тексты, «авторы которых впервые вводят новые термины в процессе формулирования или изложения новой теории или концепции» [Лейчик 2009: 147]. Если в текстах первых типов специальная лексика «содержится в сконцентрированном виде» [Гринев-Гриневич 2008: 82], то в исходных, оригинальных трудах философов терминология, как правило, рассеяна по всему тексту, что обусловливает значительную трудоёмкость составления выборки. Однако мы считаем анализ таких текстов необходимым на первом этапе отбора терминологической лексики, поскольку термины периферийные, как правило, в текстах первых двух типов не отражаются и могут быть извлечены только из терминосоздающих текстов. К примеру, именно методом сплошной выборки из работы К. Н. Леонтьева «Византизм и славянство» была извлечена группа терминов, обозначающих яркую особенность конкретной национальной культуры: *руссизм (противопоставляемый панславизму и европеизму), китаизм, германизм, азиатизм* и др.

Однако внимательное прочтение всех произведений каждого философа — задача, неосуществимая в рамках одного диссертационного исследования, поэтому терминологическая лексика извлекалась нами только из основных, т.н. «программных» произведений. Добавим также, что в ряде случаев проблема трудоемкости разрешалась за счет использования предметных указателей, которыми снабжены, к примеру, последние издания трудов П. А. Флоренского: в предметный указатель к «Философии культа» входит более 3000 слов и словосочетаний.

В качестве дополнительного источника использовались электронные корпуса текстов, поиск в которых осуществлялся по определенной модели, характерной для слово- и терминотворчества конкретного автора. Так,

заданная в поисковой строке формула позволила на начальном этапе формирования словника выявить более 150 дефисных комплексов (в том числе нетерминологического характера) в текстах П. А. Флоренского и С. Л. Франка.

Работа с тремя типами источников позволила составить исследовательскую выборку объёмом 1558 терминов.

§ 3. Основные признаки терминов русской религиозной философии

«Странный язык философии. И трудный. Здесь ничего не возьмешь одним энтузиазмом, ничего не возьмешь раз навсегда, да и вообще ничего не возьмешь. Новый автор, новая мысль ставят новые вопросы, исканию нет конца...» [Бибихин 2007: 104]. Жанровое своеобразие и предельная смысловая сложность философского текста обусловили специфику терминологии, организующей его лексическую структуру.

Функционирование в условиях «пульсирования и роста» [Флоренский 2013: Т. 1, 154] во многом предопределило основные лингвистические особенности терминологических единиц русской религиозной философии: сложность семантической структуры (наличие нескольких родовых идентификаторов), отсутствие строгой дефиниции, определяемость целым текстом, многозначность (полиинтерпретируемость) термина в терминосистеме философии и относительная однозначность в терминосистеме конкретного философа, авторский (субъективный) компонент лексического значения.

По степени абстракции философские термины являются теоретическими в силу отвлечённо-умозрительного характера их значений, в отличие от эмпирических терминов, или терминов наблюдения, значения которых характеризуются конкретно-предметной направленностью; см.: [Гринев-Гриневич 2008: 63].

Базовой характеристикой термина являются связь с понятием и точность понятийной семантики. Философские термины являются носителями

сигнификативной семантики, которая связана со способностью «виртуального языкового знака описывать сущности, которые могут быть им обозначены» [Никитин 1996: 124]. Объектами референции философских терминов являются абстрактные сущности *(антрополятрия, не-делание, свобода, беспочвенность, объективация, аритмология, монада, духо-явление, слово-смысл-идея, бого-сыновность).*

Особую сложность изучения философских терминов создают их интенсиональная неопределенность и сложность определения границ экстенсионала, то есть объема понятия. Сделаем необходимую оговорку: не все значения терминов русской религиозной философии представляют собой «чистый сигнификат»: так, в семантике ряда авторских терминов Н. Ф. Федорова присутствует денотативное начало, некий «заряд предметности», выражаемый интенсиональной семой «помещение»: *храм, собор, школа, музей*. Но это исключение лишь подтверждает общую закономерность.

Смысловое содержание философского термина определяется и уточняется в сфере их реального функционирования. Интенсиональная неопределённость философского термина может способствовать появлению в значении термина нескольких родовых идентификаторов, наличие которых подтверждается авторскими дефинициями. Так, разные аспекты понятия *антроподицея* неоднократно раскрываются в различных по тематике и времени написания работах П. А. Флоренского:

«Антроподицея <...> есть, по преимуществу, таинство, мистерия, т. е. реальное нисхождение Бога к человечеству, само–уничижение Божие» [Флоренский 1994, Т.1: 551].

«Антроподицея должна ответить на вопросы “как делается эта система переживаний и действований спасительною именно для меня, поскольку я убедился в ее спасительности вообще?”; “в какой реальной среде должен я вращаться и в какую связь с нею должен вступить, чтобы усвоить себе спасение? *Это* —в терминах феноменологии»; «какими путями человек

принимает Божие спасение в себя и спасается своим Спасителем?" (*Это*—в терминах онтологии)» [Флоренский 1996: Т.2: 451].

Ядро значения термина *антроподицея* в философской терминосистеме П.А. Флоренского включает несколько родовых семантических признаков, выявляемых в родо-видовых и контекстуальных определениях понятия, данных самим автором: «таинство», «Божие спасение», «противоречие», «система переживаний», «путь религии».

Множественность родовых идентификаторов – явление, характерное для базовых единиц терминосистемы конкретного мыслителя. Подробнее этот вопрос рассмотрен в 5 главе настоящей диссертации на примере термина «супраморализм», созданного Н. Ф. Федоровым.

Проблема одновременного выделения нескольких родовых идентификаторов соотносится с проблемой точности философского термина. Точность понятийной семантики занимает важнейшее место среди требований, предъявляемых терминоведами и терминографами к «идеальному» термину.

Н. Г. Комлев рассматривает границы точности термина в трех аспектах: «в аспекте знака, лексического понятия и денотата» [Комлев 2007: 155]. На знаковом уровне термин характеризуется с точки зрения внутренней формы. О возможности такой трактовки понятия точности термина пишет С. Д. Шелов: «С другой стороны, говорят о точности или неточности термина, имея в виду разнообразные явления мотивированности термина своими терминоэлементами, и тогда категория точности/неточности выступает только как лингвистическое явление» [Шелов 2003: 14–15].

С этих позиций можно оценить философскую терминологию как явление неоднородное. На одном полюсе – лингвистически «точные» термины, то есть термины с прозрачной внутренней формой, или мотивированные термины, значения которых объяснимы значениями слов, от которых они образованы: *антитеологизм, антроподицея, антрополятрия, аритмология, бестиализм, византизм, всеединство, детственность,*

*живознание, многоединство, патрофикация, патрофагия, психократия, отцетворение, соборность***.**

На другом полюсе – термины, мотивированные семантически. Это транстерминологизированные специальные лексемы разных областей знания, перенесённые в авторскую философскую терминосистему с полным или частичным переосмыслением, а также терминологизированные и переосмысленные общеупотребительные лексемы (ср. у К.Н. Леонтьева: *развитие, процесс, организм, простота, (цветущая) сложность, охранение, охранитель, бесцветность, простейшее, сложнейшее, однообразие, многообразие, угасание, разложение*; у Н.Ф. Федорова: *музей, родство, родственность, сыны, отцы, университет, храм, школа*).

Точное восприятие значений таких терминов может быть затруднено в силу их смысловой связи с тем дискурсом, в котором они возникли: сохранившиеся семантические компоненты исходного значения обусловлены иной картиной мира.

К примеру, лексема *музей* в работах Н. Ф. Федорова может употребляться нетерминологически, в своем общеязыковом значении, и терминологически. В первом случае лексема обозначает понятие, почти адекватное общеязыковому лексическому значению слова, но отличающееся ярким прагматическим зарядом. Во втором случае можно говорить о термине *музей*, обозначающем понятие, связанное с лексическим значением слова, но не равное ему. Семантический объем термина *музей* в терминосистеме философа Н. Ф. Федорова значительно богаче, чем семантический объем общеязыковой лексемы; это сложный, многоаспектный термин, степень терминологичности которого возрастает на протяжении целого текста.

Значение термина неоднократно раскрывается в работах Н. Ф. Федорова при помощи конструкций *«музей есть...»*, что указывает на важность понятия и осознаваемую автором необходимость его семантизации через ряд определений.

Объединим авторские дефиниции термина *музей* в три группы: к первой

относятся определения, в которых слово семантизируется через семы *собрание, коллекция, собор*; во вторую собраны определения, раскрывающие функциональное предназначение федоровского музея. Третья группа определений раскрывает проективное и духовное начала в значении описываемого понятия.

В определениях первой группы в качестве родового идентификатора используются семы «совокупность», «собрание», дифференциальные семы условно можно разделить на две группы: «предметные» *(материальные доказательства, все отжившее, картинные, скульптурные галереи, записи наблюдений и опытов)* и «непредметные» *(лица, человечество, живущие сыны, души-книги)*. Связь с «живым словом» (термин Н. М. Азаровой) ослабляется (но не исчезает) параллельно с расширением семантического объема слова-термина: федоровский *музей* — не только коллекция предметов, но прежде всего *«само человечество в его книжном и вещественном выражении»*. Функциональный аспект, отраженный в определениях второй группы, может быть представлен в виде списка дифференциальных сем: функция отражения (образ мира); выражение поклонения и почитания по отношению к отцам, носитель памяти об отцах (остаток культа предков); функция собирания, исследования и воспитания; функция объединения (объединяющее учреждение; церковь). одним из основных семантических компонентов значения термина, раскрывающим роль музея в «Общем деле», является сема «способность к воскрешению (отцов)». Собранные в третью группу определения раскрывают фазисный характер федоровского «проекта воскрешения»: осознание долга перед отцами — собирание и примирение — увеличение музея — возвращение жизни. Именно это предназначение делает федоровский музей подобием Пресвятой Троицы «как образца единодушия и согласия» (подробнее об этом см. в пятой главе).

Можно предположить, что большое количество компонентов смысла, образовавшихся в результате процесса терминологизации, не способствует повышению формальной точности термина, поскольку на базе общеязыковой

лексемы происходит формирование новой когнитивной ментальной реалии – философского концепта.

Возвращаясь к проблеме точности, отметим, что характеристика философского термина в аспекте точности/неточности связана с проблемой однозначности и определенности соотнесения значения термина с каким-либо участком внеязыковой действительности. Характерное явление русской религиозно-философской терминосистемы как целостного явления – семантическая неоднозначность строевых элементов.

Полисемия (в широком смысле слова) философского термина связана с неоднозначной трактовкой философских понятий разными мыслителями и разными философскими школами. Каждый мыслитель наделяет философский термин сугубо индивидуальным, авторским содержанием, поэтому понимание философского термина возможно лишь в контексте всего творчества конкретного автора.

Помимо субъективного компонента, философский термин под влиянием экстралингвистических факторов может включать идеологический компонент значения, который в работах советских терминоведов назван идеологической связанностью и определен как семантическая детерминированность слова, заданная его принадлежностью к терминологической системе определенной идеологии или какого-нибудь ее варианта, а также местом, занимаемым им в этой системе, см.: [Крючкова 1989, Малиновская 1984, Пастухов 1986].

Философские и энциклопедические словари, как правило, отражают несколько дефиниций одного и того же термина, принадлежащих разным философам и отличающихся друг от друга на уровне интенсионала значения. Подтверждение находим, к примеру, в словарной статье «Красота» в энциклопедии «Русская философия»: «Красота — одно из центральных понятий русской философской и эстетической мысли. <...> Достоевский стремился осмыслить красоту во всей ее объективной сложности и противоречивости. «Красота — загадка», — считал он. «Красота есть не только страшная, но и таинственная вещь». «Тут берега сходятся, тут все

противоречия вместе живут», «тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей». В формуле Достоевского «мир спасет красота» последняя мыслится как нечто «доброе», «положительное», идущее от Бога, а не от дьявола. В. С. Соловьев был также убежден в спасительной силе красоты, ибо красота, как благо и истина, являются «положительными идеальными определениями достойного бытия», где не будет ни «анархической множественности» (разделенности) добра, истины и красоты, ни их мертвого единства. В XX веке понимание красоты шло различными путями. Для Н. О. Лосского К., как любовь, истина, свобода, — аспекты полноты бытия, воплощаемого Царством Божием. В. И. Иванов называл объективное начало красоты «общей категорией человеческого единения». Для Бердяева «природа красоты – онтологическая и космическая». Его не удовлетворяют все определения красоты, ибо они «формальны и частичны», а «в красоте нужно жить, чтобы узнать ее». По Шестову, «каждая прекрасная вещь есть нечто абсолютно незаменимое»: «прекрасное небо не заменит прекрасного моря, а прекрасное море — прекрасной картины». «Стало быть, нечего и спрашивать, что такое красота» [Столович 2007: 267].

Лексикографический облик философских терминов свидетельствует о несостоятельности идеального представления об изосемантичности терминологии: в период расцвета русской религиозно-философской мысли в этой области духовной деятельности постоянно возникали новые концепции и связанные с ними терминологические системы, менялись взгляды мыслителей на объект исследования, происходило смещение значений терминов при переходе из одной терминосистемы в другую. Эти и другие причины обусловили явление *полиинтерпретируемости* философских терминов разных уровней. Как уже было сказано, в терминосистемах разных мыслителей по-разному интерпретируются базовые философские категории: *свобода, истина, бытие, вера* и другие.

Полиинтерпретируемость может восприниматься как разновидность семантической многозначности в широком смысле слова: «Семантическая

многозначность, как известно, достаточно разнородна. Многозначностью обладают практически все слова: звуковые комплексы ассоциируются с разнообразными лексическими понятиями, каждое из которых также семантически многопланово» [Комлев 2007: 159].

Вопрос о семантической многозначности философского термина снимается в пределах конкретной философской терминосистемы: к примеру, термин «свобода» в терминологии всей философии многозначен, однако принадлежность термина к определенному философскому течению и к философской терминосистеме одного конкретного мыслителя определяют его относительную однозначность. Эту относительную однозначность можно определить как однозначность в пределах терминосистемы.

Полиинтерпретируемость термина может проявляться и в творчестве одного автора – в тех случаях, когда философская концепция допускает одновременное сосуществование разных представлений об одном и том же явлении, что позволяет, к примеру, историкам философии говорить о «трех свободах Николая Бердяева». Проделанный нами анализ нескольких произведений Льва Шестова («Апофеоз беспочвенности», «На весах Иова», «Шекспир и его критик Брандес» и др.) и обзор научных публикаций, посвященных творчеству Шестова, позволил выделить четыре значения лексемы истина: *‘обыкновенная истина’, ‘догма’, ‘личная истина’, ‘подлинная истина’.* Представляется, что в данном случае следует говорить не о четырех самостоятельных терминах, а о взаимодействии четырех пониманий истины в рамках одной философской терминосистемы (подробный анализ представлен в четвертой главе).

С проблемой семантической сложности связана такая важнейшая характеристика философского термина, как дефинированность. Характеризуя признаки и свойства, позволяющие выделить термины в относительно самостоятельный класс, Н. Г. Комлев определяет точность как «логическую и эпистемологическую очерченность, т. е. наличие дефиниции» [Комлев 2007: 154]. С понятием «дефиниция» в терминоведении связаны слова

дефинитивность и дефинированность, значения которых в разных работах представлены неодинаково. Так, например, В. М. Лейчик определяет факультативный признак термина дефинитивность как мотивированность: «Дефинитивный термин – это неточное название полностью мотивированных терминов... если любой термин называет понятие, то каждый термин делает это по-разному, с разной степенью полноты, расчлененности, точности. В этом плане можно далее говорить, что не все термины выражают понятия» [Лейчик 2009: 67].

Уточнение содержания схожих по форме терминологических понятий находим в работе Е. И. Голованової, которая со ссылкой на С.В. Гринева-Гриневича разводит понятия следующим образом: дефинированность термина – это наличие у термина дефиниции, а дефинитивность термина есть «отражение в форме термина основных признаков называемого им понятия» [Голованова 2012: 30].

Специфика философского языка конца XIX – начала XX в. (а возможно, и философского языка в целом) заключается, в частности, в полном отсутствии или необычайном своеобразии контекстуальных дефиниций, которые, взятые по отдельности, на первый взгляд, не дают полного представления о сути явления. Например, у П. А. Флоренского: «Имя — новый высший род слова и никаким конечным числом слов и отдельных признаков не может быть развернуто сполна»; «Имя — тончайшая плоть, посредством которой объявляется духовная сущность» [Флоренский 2013: Т. 2, 192].

Строгих родо-видовых терминологических определений в работах русских философов изучаемого периода очень мало, преобладают определения контекстуальные, иногда расширяющиеся до пределов целого текста. Отсутствие в тексте классического родо-видового определения понятия «имя» вовсе не означает отсутствия определения вообще. С. Д. Шелов пишет, что текстовые границы контекстуальных дефиниций определяются «точным перечнем всех контекстов, задающих значение определяемого термина» [Шелов 1998: 38].

Учитывая онтологическую близость философского и художественного текстов, можно говорить о постепенном накоплении смысла термина, о росте терминологического «заряда» языковой единицы в пределах текста или его завершённого фрагмента.

«Пульсирование и рост» – так метафорически, вслед за П. А. Флоренским, можно передать основную идею бытования философского понятия (и термина) в тексте: вводимое автором понятие все время получает дополнительное обоснование для того, чтобы стать в результате одним из краеугольных камней в теории. Философ как будто предвосхитил появление в конце следующего столетия когнитивного терминоведения, охарактеризовав термин орудием познания «в руках» самого философа.

Произведение Л. Шестова «Апофеоз беспочвенности» написано в жанре философского афоризма, единственного, по мнению автора, жанра, который не сковывает свободу мысли. Афоризм потому является «лучшей литературной формой», что «освобождает от последовательности и синтеза», позволяет «вытравить» общую идею – «самое обременительное и тягостное в книге» [Шестов 1991: 33].

Если бы речь шла о художественном тексте, то мы могли бы сказать, что ключевое слово этого текста – «беспочвенность». В данном случае проблематично говорить о концепте, поскольку это входит в противоречие с замыслом Л. И. Шестова: «вытравить» общую идею, т. е. с установкой на антиконцептуальность. Однако намерение и его реализация у автора не всегда совпадают: можно ли вытравить идею из философского трактата? В таком случае – зачем он пишется? В функции языка для специальных целей у Л. И. Шестова выступает естественный язык, основной единицей текста должен быть термин. Слово *беспочвенность* – это слово, терминологичность которого задается жанром текста и самим философским дискурсом и создается в рамках текста.

Правило «роста терминологичности» [Шелов 2003: 57] сопоставимо, на наш взгляд, с механизмом приращения смысла ключевого слова в

художественном тексте. Термину нигде не даётся строгого определения, смысл его наращивается постепенно с изложением научной концепции, понятие варьирует своё смысловое поле, беспрерывно расширяя его. Можно сказать, что, становясь термином в философии Л. И. Шестова, слово *беспочвенность* утрачивает свою прагматическую коннотацию (со знаком минус), свойственную ему как общеязыковой лексеме; у Л. И. Шестова *беспочвенность* – это та идея, которую защищает и «навязывает» читателю автор – лишь на почве беспочвенности рождается творчество и оказывается возможным познание (подробный анализ представлен в четвертой главе).

Системность термина признается одной из важнейших языковых черт, отделяющих термины от нетерминов: «Нет ни одного термина, который не входил бы в ту или иную терминосистему» [Головин 1981: 3].

Как указывала Т. Л. Канделаки, в характеристике системных связей терминов должны учитываться две системы – система понятий и языковая система, см.: [Канделаки 1977].

С точки зрения языковой системы важным для выбора оснований систематизации оказываются формально-семантические признаки терминов. Так, на базе словообразования и дериватологии оказываются соотнесены и связаны термины: *почва, беспочвенность* (Шестов); *Пасха, Антипасха, антипасхальный; братство, братский, братственность, братственный, небратственность, небратственный, лжебратство, небратство* (Федоров), *теодицея, антроподицея* (Флоренский). Термины С. Франка *бытие, самобытие, для-себя-бытие, я-ты-бытие, бытие-в-мире, бытие-с-миром, бытие-у-себя-самого, бытие-вне-себя-самого* образуют своеобразную родо-видовую парадигму с гиперонимом «бытие».

Терминологическую парадигму образуют синонимы, неточные синонимы и аналоги термина «беспочвенность» в творчестве Л. Шестова: *безосновность, произвол, дерзновение, адогматическое мышление, живая жизнь, свобода*.

С понятийной точки зрения принято говорить об адекватности системы

понятий и терминосистемы: терминосистема является знаковой моделью определенной специальной области. В зависимости от обозначаемой терминами области принято выделять большие и малые системы [Лейчик 2013: 123]. Область философии адекватно передается большой терминосистемой, которая распадается на ряд систем, подсистем и микросистем. Для последних характерно единство логического основания деления, которое обеспечивает одинаковость структуры входящих в них единиц. В качестве примера можно привести лексемы *гебраизм, германизм, китаизм, русизм, славизм* и др., образующие микросистему, входящую в подсистему «Философская терминология К. Н. Леонтьева», которая входит в систему философской терминологии религиозной философии изучаемого периода.

Добавим, что важным признаком терминологичности лексемы является *конвенциональность*: «Мы можем даже сказать: термин есть всякое выражение, которое автор и адресат считают термином. Других обязательных внешних специфических признаков у термина нет» [Комлев 2007: 155]. С проблемой конвенциональности связана проблема авторства философских терминов, о которой речь пойдет ниже.

Одним из сложных аспектов изучения терминов вообще и философских терминов в частности является аспект функциональный. Участие в процессе познания бытия и человека осуществляется за счёт реализации гносеологических функций философских терминов, среди которых можно особо выделить функцию фиксации знания, инструментальную функцию (оперирование понятиями) и эвристическую (открытие нового знания) [Гринев-Гриневич 2008: 216].

Отрывок из письма П. А. Флоренского В. И. Вернадскому фиксирует этап присвоения имени особой сфере вещества в космосе и содержит оговорку, что *пневматосфера* ещё не стала предметом научного изучения. Но именно для того, чтобы данное понятие стало предметом научной и философской мысли, за ним должен быть закреплён соответствующий термин.

«...Со своей же стороны хочу высказать мысль, нуждающуюся в конкретном обосновании и представляющую, скорее, эвристическое начало. ...Есть много данных, правда еще недостаточно оформленных, намекающих на особую стойкость вещественных образований, проработанных духом, например, предметов искусства. Это заставляет подозревать существование и соответственной особой сферы вещества в космосе. В настоящее время еще преждевременно говорить о пневматосфере как предмете научного изучения... С уважением к Вам П. Флоренский 1929. IX. 21» [Флоренский 1995: 118].

Приведем еще несколько примеров. Опыт адогматического мышления был пройден западной философией задолго до Л. Шестова, но это понятие обрело научную и философскую ценность с момента точного терминологического обозначения: *беспочвенность*. Еще пример: оживление внутренней формы слова, столь характерное для идиостиля Флоренского, не только способствует созданию новых терминов, при помощи которых можно оперировать понятием, но и позволяет объяснить новое через старое, ср.: до-научность, духо-носец, едино-сущее, живо-носный, за-словесный.

Важнейшей из гносеологических функций терминов С. В. Гринев-Гриневич считает эвристическую функцию, связанную с парадигматическими отношениями терминов. Организованная в систему философская терминология позволяет построить гносеологический образ познаваемого мира как объекта отражения, познать русскую религиозно-философскую картину мира. «Эвристическая ценность парадигматической структуры терминов – в возможности установления и использования семантических ассоциаций терминов, сближения и систематизации понятий, а тем самым и систематизации знаний, локализации концептуальных лакун...» [Гринев-Гриневич 2008: 220].

Итак, философские термины вообще и термины русской философии изучаемого периода характеризуются наличием ряда признаков. Сложность семантической структуры значения в ряде случаев обусловливает наличие

нескольких родовых идентификаторов: это явление особенно характерно для терминов, входящих в ядро терминосистемы конкретного автора.

Специфика терминологии русского религиозного текста заключается также в «определяемости целым текстом»: термину, как правило, не дается строгой и краткой авторской дефиниции; «рост терминологичности» философского термина схож с процессом приращения смысла в художественном тексте.

С точки зрения точности понятийной семантики терминология русской религиозной философии неоднородна: на знаковом уровне наиболее «точными» оказываются термины, мотивированные входящими в их структуру терминоэлементами, наименее «точными» – транстерминологизированные единицы других областей знания.

Характерное явление русской религиозно-философской терминосистемы как целостного явления – семантическая неоднозначность строевых элементов, обусловленная различными трактовками философских понятий разными мыслителями и разными философскими школами. Смысловое содержание философского термина определяется и уточняется в процессе их реального функционирования.

Вопрос о семантической многозначности философского термина снимается в пределах конкретной философской терминосистемы: термин может быть многозначным в составе «большой» терминосистемы философии, однако принадлежность термина к определенному философскому течению и к философской терминосистеме одного конкретного мыслителя обусловливают его относительную однозначность. Эта относительная однозначность является однозначностью в пределах терминосистемы.

Соотнесенность терминов с мировоззрением конкретного мыслителя позволяет говорить об авторских философских терминосистемах, изучение и лексикографическое описание которых составляют важную задачу современного терминоведения.

§ 4. Авторский термин и авторская терминосистема как объекты лингвистического описания

Одной из самых сложных в изучении русской философской терминологии следует признать проблему определения понятия «авторский термин». Функционирование этих лексических единиц в русской религиозной философии обусловлено особой ролью личности автора и стоящих перед ним предельных онтологических задач: не случайно Н. А. Бердяев назвал философию «раскрытием разумом вселенской истины», а ее основными задачами – «истинное решение проблемы *реальности,* проблемы *свободы,* проблемы *личности»* [Бердяев 1989: 21].

В современных лингвистических словарях отсутствует определение авторского термина. Рассуждения на эту тему встречаются в монографиях и в научных статьях. Не случайно В. Д. Табанакова предварила свою попытку охарактеризовать авторский термин таким утверждением: «Выражение «авторский термин» не имеет закрепившегося специального значения. <…> ни в каком лингвистическом словаре мы не найдем определения специального понятия «авторский термин» [Табанакова 2013: 141].

Прежде чем перейти к характеристике авторского философского термина, обратимся к истории вопроса. В ряде работ авторским называют такой термин, у которого есть установленный автор. Так, А.П. Дьяченко в аннотации к «Словарю авторских терминов, понятий и названий» (2003) говорит о необходимости строгой корреляции между понятиями «авторский термин» и «установленная атрибуция»: «В словаре приведены лишь только те термины, авторство которых достоверно или почти достоверно известно» [Дьяченко 2003: 2]. Такой же подход лежит в основе «Указателя терминологических диссертаций» [Гринев-Гриневич 2006: 151-156], авторы которого относят к авторским только те термины, в названиях которых включено имя ученого или название письменного источника.

Известный исследователь русского философского текста Н. М. Азарова

называет авторскими термины, которые появились в текстах одного философа и ассоциируются в настоящее время с именем этого философа [Азарова 2010а: 62]. Однако следует отметить, что факт появления термина в текстах определенного автора не всегда общеизвестен и в ряде случаев может потребовать дополнительных исследований текстологического и историко-лингвистического характера.

Традиционное понимание авторского термина как специальной лексемы с установленным авторством аргументированно оспорено И. Ю. Кухно, которая полагает, что термин, автор которого известен, не есть в полном смысле слова авторский термин: «Представления об авторском вкладе должны выходить на уровень гипотезы, теории» [Кухно 2017: 30]. Ученый рассматривается И. Ю. Кухно как создатель инновационной, творческой научной концепции, отличной от общепринятой. Авторская концепция устанавливает целую систему причинно-следственных, иерархических и линейных отношений, проецируемых на авторскую терминологическую систему: «Единичный авторский термин может рассматриваться только как компонент авторской терминологии. Изолированного авторского термина не существует. Некий термин, введенный ученым в качестве компонента метаязыка своей научной теории, может покинуть рамки исходного понятийного поля, войти в узус. В таком случае он теряет родство с породившей его гипотезой и перестает восприниматься носителями ЯСЦ как авторский». [Кухно 2017: 31].

В диссертационном исследовании, посвященном лингвистическому описанию метаязыка произведений Л.Н. Гумилева, И.Ю. Кухно дает развернутое определение авторского термина: авторский термин – это «созданный в рамках креативной научной концепции специальный знак, элемент системы понятий, взаимосвязанный в другими терминами и понятиями оригинальной гипотезы, соотносимый носителями языка для специальных целей с конкретной авторской идеей, необщепринятой научной картиной мира» [Кухно 2017: 34].

В. Д. Табанакова, рассуждая об авторском тексте в аспекте переводоведения, вводит новую трактовку понятия: авторский термин есть дискурсивная функция термина. «Понятие “авторский термин” расширяется до авторского концепта, авторской предикации, авторской интерпретации специального понятия в тексте и дискурсе. <...> Авторским станет центральное специальное понятие, несущее основную идею, концепцию, смысловую нагрузку в тексте. Это всегда новый ракурс, новый аспект... Он выстраивает свою логико-понятийную систему» [Табанакова 2013: 6]. Следовательно, максимально точный в смысловом отношении перевод такого термина на другие языки включает в себя «не только установление объема и содержания понятия, но и проведение лингвистического, логико-понятийного, контекстуального и дискурсивного анализа» [Табанакова 2013: 6].

Очевидно, что позиции Н.М. Азаровой, И.Ю. Кухно и В.Д. Табанаковой авторов не противоречат друг другу, а взаимодополняют: даже не располагая фактами о связи термина с определенной совокупностью текстов одного автора, мы можем интуитивно присвоить термину статус авторского в тех случаях, когда он обозначает одно из центральных или просто значимых понятий философского мировоззрения. Так, историки философии признают термин *византизм* авторским термином К. Н. Леонтьева (этот факт зафиксирован, к примеру, в энциклопедии «Русская философия» под ред. Маслина), однако этот термин нельзя назвать «первоначально появившимся в текстах одного философа», так как он был известен и до К. Н. Леонтьева: данные «Библиотеки лексикографа» и НКРЯ свидетельствуют о том, что ранее лексема *византизм* встречается у А. И. Герцена (1859).

Однако именно К. Н. Леонтьев наполнил термин новым смыслом, что обусловило семантическое варьирование слова и появление у него новых парадигматических, синтагматических и ассоциативных связей – вследствие этого термин «византизм» как концептуальный знак, как обозначение особого типа отношений между церковью и государством является авторским термином К. Н. Леонтьева: «Византизм в государстве значит самодержавие. В

религии он значит христианство с определенными чертами, отличающими его от западных церквей, от ересей и расколов. В нравственном мире <…> византийский идеал не имеет того высокого и во многих случаях крайне преувеличенного понятия о земной личности человеческой, которое внесено в историю германским феодализмом» [Леонтьев 1996: 45].

В. Д. Табанакова связывает авторский термин с авторским замыслом, имея в виду семиотический план последнего, и ограничивает понятие «авторский термин» результатом контекстуального семантического анализа языковых форм в специальном тексте (см.: [Табанакова 2014: 144]).

В применении к объекту нашего анализа конкретизируем мысль В.Д. Табанаковой об авторском термине как о термине в дискурсивной функции: можно предположить, что авторский философский термин характеризуется наличием субъективного компонента лексического значения, который в работе З. Я. Икере обозначен и определен как «субъективный момент в употреблении и истолковании общепринятых терминов в разных философских направлениях и школах» [Икере 1983: 14].

Отметим, что речь не обязательно идет об общепринятых терминах: авторское начало может проявляться и в редких, малоизвестных терминах. Кроме того, неясно, как соотносятся понятия «субъективный компонент значения» и «авторский неологизм»: можно ли считать все значение вновь созданного философского термина субъективным? Для уточнения определения понятия «авторский термин» обратимся к способам образования этих единиц. К авторским философским терминам изучаемого периода относятся лексемы, образованные традиционными для терминообразования способами, а также при помощи комбинации этих способов:

1. Термины, образованные морфологическим (*бытиебоязнь, всемство, всечеловечность, многоединство, пневматосфера, первожизнь, первосимвол*) и синтаксическим (*дурная бесконечность, хорошая бесконечность, конец истории, добытийственная свобода*) способами. К этому типу относятся также дефисные комплексы разной степени терминологичности: *бытие-в-*

себе, бытие-в-Боге, бытие-космос, без-вид, ан-архия, Жизнь-чрез-Смерть, много-образие, ничто-перед-лицом-Бога, само-бытие, все-единство.

2. Термины, образованные семантическим способом (терминологизация общеязыковой лексемы): *беспочвенность, имя, мочь, непостижимое, почва, сомнение, творчество.*

3. Теологические термины и переосмысляемые термины других наук (транстерминологизация, разновидность семантического терминообразования): *дух, грех, крест, Крещение, Пасха и пасха, троичность, пятидесятница; крейсерство, литургия, материализм, пауперизм.*

4. Философские термины многоаспектного характера, оригинально интерпретируемые конкретным философом (термины в дискурсивной функции, разновидность семантического терминообразования): *бытие, добро, зло, истина, свобода, смерть, онтологизм, сверхдобро, человек*. Классификация терминотворческих приемов позволяет сделать вывод о том, что понятие «авторский термин» объединяет неоднородные по происхождению лексемы, авторское начало в которых может проявляться на уровне содержания и на уровне содержания и формы.

Во-первых, к авторским терминам русской философии изучаемого периода относятся авторские новообразования, в которых авторское начало выражено наиболее ярко: авторскими являются и форма и содержание *(ктовость, самость, этость, органотворение, полноорганность, добытийственная свобода, состав душевной жизни, религиозное «вообще»).* Это термины с наиболее ярко выраженным субъективным компонентом значения; термины, в создании которых находит активное выражение философское мировоззрение их создателей. В отличие от художественного текста, в котором окказиональные слова и окказиональная синтагматика являются способом «обновления устойчивых смысловых связей» [Кожевникова 1992: 175], в философском тексте словотворчество служит преимущественно для объективации нового знания.

Во-вторых, авторский характер носят термины, образованные на основе терминологизации и транстерминологизации, то есть при помощи всех разновидностей семантического способа.

При терминологизации общеупотребительного слова происходит перегруппировка и уточнение его семного состава: новое, специальное значение лексемы, является авторским по отношению к словарному: ср. у Н. Ф. Федорова: *музей* как научно-просветительское учреждение нового типа, *собор* как общее воспоминание живущих, *отцы* как умершие, которых необходимо воскресить, *совершеннолетие* как обретение высшего смысла существования и т.д.

При транстерминологизации термин реализует новую дискурсивную функцию, о которой писала В. Д. Табанакова: «авторский термин отличается в плане содержания своей концептуальной нагрузкой, многозначностью и предикативностью» [Табанакова 2015: 195].

В результате переноса терминов из других областей знаний в философскую терминосистему на основе переосмысления образуются межотраслевые омонимы, ср.: *аритмология* (мат.) – *аритмология* у П. А. Флоренского (филос.), *регуляция* (биол.) – *регуляция* у Н.Ф. Федорова (филос.). Такое явление в чистом виде наблюдается в философской терминологии сравнительно редко: как правило, процесс транстерминологизации дополняется синтаксическим терминообразованием.

Наиболее характерно для философии изучаемого периода переосмысление философских терминов, которые в тексте конкретного философа выступают в особой дискурсивной функции, обозначая новый «квант» философского знания. Применительно к таким словам выделяемый В. Д. Табанаковой признак многозначности авторского термина представляется небесспорным, небезусловным: в предыдущем параграфе мы говорили о том, что свойственная философским терминам многозначность, обусловленная диалектическим характером философского знания и

историческим развитием содержания философских понятий, снимается в пределах конкретной философской терминосистемы.

Принадлежность авторского термина к авторской терминосистеме одного философа определяет его относительную однозначность, или однозначность в пределах терминосистемы.

В значении философского термина «ничто» можно выделить инвариантную часть: «отсутствие, небытие конкретного сущего или вообще бытия»[2]. В «Новом философском словаре» многозначность (полиинтерпретируемость) термина представлена как основная характеристика его смыслового содержания: «В истории философии, начиная с античности, можно проследить два альтернативных подхода к Ничто» [там же].

В терминосистеме русской религиозной философии Ничто есть онтологический принцип, рассматриваемый в его отношении к Богу: такая интерпретация термина характерна для философских концепций В. С. Соловьева, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, С. Л. Франка, Л. П. Карсавина): «Обычно здесь фигурирует концепция «Божественного Ничто», изначального непостижимого тождества ничто и Бога, которое развертывается затем в онтологический дискурс» [там же].

Различная трактовка этого термина разными мыслителями обусловила появление в его значении субъективного компонента, который реализуется в конкретных терминосистемах. Так, в мировоззрениях В. С. Соловьева и С. Л. Франка Ничто предполагалось движимым различными началами: Эн-Соф (каббалой) и непостижимым.

Наиболее ярко субъективный компонент значения представлена в терминосистеме С. Н. Булгакова, для которого Ничто – независимый от Бога принцип, являющийся ключом к решению апорий зла и свободы твари.

Полученные данные позволяют выделить основные характеристики авторского философского термина изучаемого периода: это лексическая

[2] См. данные «Новой философской энциклопедии», размещенной на сайте Института философии РАН: https://iphlib.ru

единица языка для специальных целей (языка русской религиозной философии),

- образованная морфологическим, синтаксическим или семантическим способом;
- реализующая философский концепт (авторскую идею, «квант» философского мировоззрения конкретного автора) и вследствие этого включающая субъективный компонент значения;
- ассоциирующаяся с текстами определенного автора (мысль об актуализации связи «термин – текст» принадлежит Н. М. Азаровой, см.: [Азарова 2010]);
- входящая в авторскую философскую терминосистему.

Таким образом, авторский философский термин изучаемого периода можно определить как вербализующую философский концепт и образованную морфологическим, синтаксическим или семантическим способом специальную лексему, значение которой определяется только в составе философской терминосистемы конкретного автора, или авторской терминосистемы.

Особой разновидностью терминосистем являются индивидуальные (личностные), или авторские терминосистемы, возникающие на основе теорий, созданных их авторами, к примеру: терминосистема Н. Ф. Федорова, терминосистема С. Н. Булгакова, терминосистема Н. А. Бердяева и др. (см.: [Головин 1981: 6]). Без их описания мы не можем говорить о терминосистеме иного уровня — терминосистеме русского философского текста, являющейся когнитивной моделью терминологии русской философии и «конституируемой» (Лейчик) терминологами на основе анализа нескольких десятков пересекающихся и взаимосвязанных авторских терминосистем.

Авторская терминосистема обладает теми же онтологическими свойствами, что и обычная, поэтому мы считаем возможным применение к анализу и конструированию личностных терминосистем системного подхода, изложенного в уже цитировавшейся нами книге В. М. Лейчика.

Важнейшим признаком терминосистемы является ее целостность, которая проявляется в том, что элементами терминосистемы охвачены все необходимые (и достаточные) составляющие определенной области знания. В применении к терминосистеме, репрезентирующей философское мировоззрение, понятие целостности означает, что элементами терминосистемы должны быть охвачены все положения философского учения, включая совокупность основных идей, онтологию и гносеологический «инструментарий».

Например, личностная философская терминосистема Н. Ф. Федорова служит для выражения комплекса идей онтологического характера: преодоление смерти, разумное управление силами природы, обращение мира из «неродственного» состояния в «родство и братство», воскрешение умерших, выход человечества в космос, объединение людей в общем деле воскрешения и преобразования мира. Целостная совокупность терминов включает в себя следующие составляющие: термины, называющие учение (супраморализм; «философия общего дела»); термины, составляющие философские предпосылки учения «общего дела»: *неродственность мира; небратство вещества; смерть; половое рождение; сыны; отцы; ученые; неученые, проект, мечта*; термины, обозначающие различные аспекты регуляции природы: *метеорический, космический и теллуросолярный процессы; автотрофность человека; естественное тканетворение*; термины, связанные с темой космоса: *миры вселенной; эфироезоты; корабли; электроходы; эфирное пространство* и т. д. Всего таких терминов, совокупность которых восстанавливает и отражает философскую картину мира автора «Философии общего дела», по нашим подсчетам, около 120.

Лингвистическая целостность терминосистем проявляется в парадигматических, синтагматических и деривационных отношениях между терминами.

В этом плане особенно актуальна мысль А. А. Реформатского о роли словообразовательных связей в лексическом поле, спроецированная

А. В. Суперанской на терминологию: «...в терминологическом поле, где много создается путем включения или исключения отдельных элементов, словообразованию принадлежит несравненно большее значение. В каждом терминологическом поле формируются свои словообразовательные и словоизменительные парадигмы, невозможные в общей лексике или в другом поле» [Суперанская, Подольская, Васильева 2011: 113].

Одним из средств реализации лингвистической связности авторской философской терминосистемы является образование производных терминов на базе уже имеющихся в системе слов: *проект – проективный, проективность; сын – сыновство; братство – небратство и небратственность; отец – отцетворение; школа – школа-музей, школа-храм* (Н. Ф. Федоров). Производные и сложные термины могут формироваться в виде словосочетаний, создающих сложную сеть родо-видовых отношений внутри терминосистемы, например, у С. Л. Франка в «Непостижимом»: *мировое бытие, вселенское бытие, бытие человека, общественное бытие, коллективное бытие, предметное бытие, бытие «вообще», бытие-для-себя, бытие «есмь», бытие одного-в-другом, бытие одного-для-другого*.

В. М. Лейчик называет гнезда однокоренных слов и регулярных рядов одноструктурных терминов, обозначающих однородные понятия, терминологическими парадигмами и считает их характерными формальными признаками терминосистем (см.: [Лейчик 2009]).

Связность авторских философских терминосистем проявляется также в наличии терминологических оппозиций, ср. у Н. Ф. Федорова: *родственность – неродственность, ученые – неученые, психократия – материализм*; у Н. А. Бердяева: *неравенство бытия – равенство бытия; истина познания – истина действия; дурная бесконечность – хорошая бесконечность; свобода «от» – сводода «для».*

С точки зрения логических связей основным признаком терминосистем признается их структурированность. На наш взгляд, авторские философские терминосистемы организованы не по линейному или иерархическому

принципам, а по принципу поля, ядро которого составляют лексемы, обозначающие основные метафизические идеи автора; термины сложной семиотической природы, которые предварительно можно назвать «терминами-символами» (ср. у К. Г. Исупова: «термин-символ с плывущей семантикой»). Таковыми, к примеру, являются терминологические лексемы *Истина, Культ, теодицея, Человек и Космос, София, Троица, Тварь* в творчестве П. А. Флоренского.

Учитывая особый, полевый принцип внутренней организации авторской философской терминосистемы, считаем возможным выделить в ее составе следующие группы терминов:

1. Основные (ядерные) термины, обозначающие ключевые идеи мировоззрения автора и в совокупности формирующие ядро терминосистемы.

Список таких терминов целесообразно составлять с опорой на терминофиксирующие тексты: в нашем случае – словари философских терминов, научные и научно-популярные работы историков философии.

Основными критериями отнесения терминов к ядру терминосистемы являются частота, соотнесенность термина с основным философским концептом, степень реализации словообразовательного потенциала, вхождение в ряды терминологических парадигм; соотнесенность с другими ядерными терминами.

Так, к числу основных в авторской философской терминосистеме Н. А. Бердяева относится термин «свобода»: идея свободы — «основная метафизическая идея» Н. А. Бердяева. Об этом свидетельствует собственное признание Н. А. Бердяева в его философской автобиографии: «Меня называют философом свободы. Какой-то черносотенный иерарх сказал про меня, что я “пленник свободы”. И я действительно превыше всего возлюбил свободу. Я изошел от свободы, она моя родительница. Свобода для меня первичнее бытия. Своеобразие моего философского типа прежде всего в том, что я положил в основание философии не бытие, а свободу. В такой радикальной

форме этого, кажется, не делал ни один философ. В свободе скрыта тайна мира» [Бердяев 1991: 23].

Ключевой характер этой лексической единицы проявляется, в частности, в том, что философ часто включал термин и его производные в названия своих работ и их частей: *«Философия свободы»; «О рабстве и свободе человека»* (Опыт персоналистической философии»; *«Философия свободного духа»; «Творчество и свобода. Индивидуализм и универсализм»* (название VI главы книги «Смысл творчества. Опыт оправдания человека»); *«Свобода»* (название III Главы «Миросозерцания Достоевского»); *«Свобода, бытие и дух. Эссенция и экзистенция. Творческий акт»; «Человек и история. Свобода и необходимость в истории. Промысел, свобода и фатум»* (названия IV и V глав книги «Истина и Откровение» (Пролегомены к критике Откровения); *«Одиночество. Тоска. Свобода. Бунтарство. Жалость. Сомнения и борения духа. Размышление об эросе».* (название II Главы «Самопознания»).

Ядро авторской терминосистемы Н. Ф. Федорова составляют лексические единицы *супраморализм, Пасха, имманентное воскрешение*, *регуляция природы, сына, отцы, психократия, родственность/ неродственность* и некоторые другие.

2. Ядро терминосистемы окружено большой зоной периферии, к которой относятся термины, обозначающие видовые и аспектные понятия.

Так, у Н. А. Бердяева это разные проявления и виды свободы, о которых исследователи говорят как о «трех свободах Николая Бердяева» (см.: [Ермичев 1990]): *свобода первичная (добытийственная, безосновная, первородная, не детерминированная бытием); свобода отрицательная (переходящая в своеволие, «свобода от») и «свобода в Боге и для Бога», божественная свобода.*

У Н. Ф. Федорова производными по отношению к термину «регуляция природы» будут лексические единицы, обозначающие конкретные

проявления победы человеческого разума и труда над стихийными силами природы. «Регуляция, «правящий разум природы», — пишет С. Г. Семенова, исследователь творчества философа, — широко и многосторонне разработанная идея. Тут и овладение природой в противоположность ее эксплуатации и утилизации, и переустройство самого организма человека, и управление космическими процессами, и, как пик регуляции, в котором фокусируются все ее усилия, — победа над смертью, установление преображенного, бессмертного порядка бытия» [Семенова 1990: 178].

«Понятийное пространство», связанное с идеей «правящего разума природы», формируется терминами: *санитарный вопрос, продовольственный вопрос, возвращение разложенных частиц, влажные и сухие течения воздуха, небесное пространство, экономический вопрос, крейсерство, аэро- и эфиронавтические средства, органотворение, тканетворение, гетеротрофный, автотрофный.* Эти термины, на наш взгляд, образуют «приядерную зону» и служат для выражения, развития и фиксации основных идей философов.

Заметим, что авторская терминосистема включает в себя и неавторские терминологические единицы, а также особую нетерминологическую лексику: названия известных философских трудов и имена их авторов.

3. Дальнюю периферию авторской философской терминосистемы составляют философские и общенаучные термины, играющие важную роль в лексической структуре текстов философских произведений: *абсолютный, гегелевский, гегельянство, гностик, гностицизм, гуманистический, идеализм, индивидуализм, персонализм, онтологизм, онтология и др.; закон (закон мира, закон Бога, гносеологический закон); принцип (принцип новой истории, принцип формального легитимизма); система (индустриальная система, система конкретного идеализма).*

4. Кроме того, важнейшими единицами лексической структуры

философских текстов, примыкающими к авторским философским терминосистемам, являются имена философов и богословов, а также названия известных произведений: *Беме, Ницше, Парменид, св. Исаак Сирин, Фукидид, «Критика чистого разума» (Кант), «Феноменология духа» (Гегель), Сумма теологии (Фома Аквинский)* и др.

Завершая размышления о системности авторских философских терминов, отметим, что проблема описания авторских философских терминосистем нами лишь намечена и требует дальнейшей научной разработки и конкретизации. Кроме того, открытым остается вопрос о единой терминосистеме русского философского текста (не философии как науки, а именно «свободного философствования»): представляется вероятным, что она может быть описана только как совокупность авторских терминосистем, отражающих индивидуальные философские картины мира русских мыслителей.

ВЫВОДЫ

Проведенный анализ философского осмысления лингвистического понятия «термин» в произведениях П. А. Флоренского, С. Н. Булгакова и Г. Г. Шпета позволил охарактеризовать базовые предпосылки возникновения философии терминоведения в России начала XX века: достижения в области математики и физики, развитие психологической теории К. Г. Юнга, описание процесса вербализации обыденного знания.

Важнейшим импульсом для осмысления природы термина как языковой единицы стало «построение систем» (термин В. В. Зеньковского) в отечественной философии. Философский язык постепенно становился развивающейся стилистической системой со своей собственной терминологией, о чем свидетельствует, в частности, появление в 1904 году «Философского словаря» Э. Л. Радлова. Первые лингвистические наблюдения, не содержащие ещё «терминоведческого аппарата» в полном

смысле этого слова и опирающиеся на философские категории, способствовали формированию системы понятий и заложили теоретические основы терминоведения как частного раздела языкознания. Наибольший вклад в формирование теории термина как обозначения специального понятия внесли П. А. Флоренский, С. Н. Булгаков и Г. Г. Шпет.

П. А. Флоренский одним из первых определил роль термина в процессе научного познания и поднял проблему соотношения термина и слова. Философ охарактеризовал внутреннюю противоречивость термина, которая заключается в единстве таких свойств, как статичность и динамический потенциал. Утверждение об изменчивой природе термина имеет особую значимость в аспекте современной динамической лингвистики.

Размышляя о когнитивной функции языка и о процессе словотворчества, С. Н. Булгаков затронул проблему создания научных терминологий и проанализировал явление формирования терминологических систем, названное им «терминологическим процессом». Особый важность для современной лингвистики представляют рассуждения философа о таких свойствах терминосистем, как творимость, системность и закрытость.

Системность охарактеризована Г. Г. Шпетом как конституирующий признак термина. Эта точка зрения («терминирование... есть включение в систему понятий») реализуется во многих современных терминологических исследованиях. Важной является мысль Г. Г. Шпета о различных принципах мотивированности значения слова-образа и слова-термина: слово-термин основывается на «прямом выражении», на существенных признаках понятия.

Философская трактовка позволила раскрыть сущностные свойства термина как комплексной мыслимой единицы, предполагающей множественность интерпретаций. Термин в философском осмыслении предстает как орудие и объект познания, как один из основных способов моделирования картины мира; термин антиномичен: это статичная и одновременно принципиально изменчивая единица обозначения знания, в которой соединены индивидуальность и одновременно универсальность

значения.

Философская рефлексия над термином предвосхитила начавшуюся много позже лингвистическую разработку сущностных свойств термина: связь с понятием, точность и системность.

Исследовательская выборка проведена по философским энциклопедическим и терминологическим словарям (в том числе по тем, которые относятся к описываемому периоду времени), которые принято относить к терминофиксирующим текстам. Вторым важным источником пополнения словника исследуемой лексики стали терминоиспользующие тексты: статьи, критические очерки, содержащие анализ одного или нескольких произведений, биографические обзоры (а также своеобразные философские «некрологи»), посвященные описанию жизни и творчества определенного философа.

Дополнительным источником картотеки стали терминосоздающие тексты, в которых в процессе изложения философского мировоззрения вводится новое понятие, выражаемое новым термином. Работа с тремя типами источников позволила составить исследовательский словник объёмом 1558 терминов.

Во второй главе выявлены и охарактеризованы основные черты философского термина как особой единицы русского религиозно-философского текста: сложность семантической структуры (наличие нескольких родовых идентификаторов), отсутствие строгой дефиниции, определяемость целым текстом, многозначность (полиинтерпретируемость) термина в терминосистеме философии и относительная однозначность в терминосистеме конкретного философа, авторский (субъективный) компонент лексического значения.

Наличие нескольких родовых идентификаторов особенно характерно для терминов, входящих в ядро философской терминосистемы.

Философский термин русского религиозного текста определяется контекстуально: термину, как правило, не дается строгой и краткой авторской

дефиниции; во второй главе показано, что «рост терминологичности» философского термина схож с процессом приращения смысла в художественном тексте.

С точки зрения точности понятийной семантики терминология русской религиозной философии неоднородна: на знаковом уровне наиболее «точными» оказываются термины, мотивированные входящими в их структуру терминоэлементами, наименее «точными» – транстерминологизированные единицы других областей знания.

Во второй главе показано, что семантическая неоднозначность строевых элементов, обусловленная различными трактовками философских понятий разными мыслителями и разными философскими школами является характерным явлением религиозно-философской терминосистемы как целостного явления. Установлено, что смысловое содержание философского термина определяется и уточняется в процессе их реального функционирования.

Аналитические данные позволили сделать вывод о том, что вопрос о семантической многозначности философского термина снимается в пределах конкретной философской терминосистемы: термин может быть многозначным в составе «большой» терминосистемы философии, однако принадлежность термина к определенному философскому течению и к философской терминосистеме одного конкретного мыслителя обусловливают его относительную однозначность. Эта относительная однозначность является однозначностью в пределах терминосистемы.

В диссертации сформулировано положение об авторском философском термине и *о*характеризованы основные способы образования авторских философских терминов.

К авторским философским терминам изучаемого периода отнесены лексемы, образованные традиционными для терминообразования способами, а также при помощи комбинации этих способов:

1. Термины, образованные морфологическим (*бытиебоязнь, всемство,*

всечеловечность, многоединство, пневматосфера, первожизнь, первосимвол) и синтаксическим (*дурная бесконечность, хорошая бесконечность, конец истории, добытийственная свобода*) способами. К этому типу относятся также дефисные комплексы разной степени терминологичности: *бытие-в-себе, бытие-в-Боге, бытие-космос, без-вид, ан-архия, Жизнь-чрез-Смерть, много-образие, ничто-перед-лицом-Бога, само-бытие, все-единство*.

2. Термины, образованные семантическим способом (терминологизация общеязыковой лексемы): *беспочвенность, имя, мочь, непостижимое, почва, сомнение, творчество.*

3. Теологические термины и переосмысляемые термины других наук (транстерминологизация, разновидность семантического терминообразования): *дух, грех, крест, Крещение, Пасха и пасха, троичность, пятидесятница; крейсерство, литургия, материализм, пауперизм.*

4. Философские термины многоаспектного характера, оригинально интерпретируемые конкретным философом (термины в дискурсивной функции, разновидность семантического терминообразования): *бытие, добро, зло, истина, свобода, смерть, онтологизм, сверхдобро*, *человек.*

Сделан вывод о том, что понятие «авторский термин» объединяет неоднородные по происхождению лексемы, авторское начало в которых может проявляться на уровне содержания и на уровне содержания и формы.

Полученные аналитические данные позволили выделить основные характеристики авторского философского термина изучаемого периода: это лексическая единица языка для специальных целей (языка русской религиозной философии),

- образованная морфологическим, синтаксическим или семантическим способом;
- реализующая философский концепт (авторскую идею, «квант» философского мировоззрения конкретного автора);

- ассоциирующаяся с текстами определенного автора (мысль об актуализации связи «термин – текст» принадлежит Н. М. Азаровой, см.: [Азарова 2010]);
- входящая в авторскую философскую терминосистему.

Авторский философский термин изучаемого периода определен как образованная морфологическим, синтаксическим или семантическим способом единица языка русской религиозной философии, которая вербализирует философский концепт и значение определяется только в составе философской терминосистемы конкретного автора, или авторской терминосистемы.

Охарактеризованы основные признаки авторской философской терминосистемы изучаемого периода:

- понятийная целостность (охват элементами терминосистемы всех элементов философской концепции),
- лингвистическая целостность (парадигматические, синтагматические и деривационные отношения между терминами),
- лингвистическая связность (гнезда однокоренных слов и регулярных рядов одноструктурных терминов, а также терминологические оппозиции, играющие роль терминологических парадигм),
- структурированность (полевый характер).

Охарактеризована структура авторской философской терминосистемы как сознательно конструируемой совокупности специальных лексем, имеющей полевую организацию. Посредством категоризированной и концептуализированной информации на основе логико-понятийных, когнитивно-языковых, дискурсивных и собственно терминологических требований в составе авторской философской терминосистемы выделены следующие группы терминов: основные (ядерные) термины, обозначающие ключевые идеи мировоззрения автора и формирующие ядро терминосистемы; большая зона периферии, к которой относятся термины, обозначающие видовые и аспектные понятия.

Определены основные критерии отнесения терминов к ядру терминосистемы: таковыми являются частота, соотнесенность термина с основным философским концептом, степень реализации словообразовательного потенциала, вхождение в ряды терминологических парадигм; соотнесенность с другими ядерными терминами.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX В.

§ 1. Особенности терминологического творчества русских религиозных философов второй половины XIX – начала XX в.

В третьей главе анализируются основные принципы формирования авторских, или личностных, терминосистем, то есть основные механизмы философского терминообразования.

Терминообразование − это создание терминов определённой области знания. Модели терминообразования и соответствующие им типы терминов в русском философском тексте отличаются большим разнообразием, и соотношение их различно в разных авторских философских терминосистемах.

В современном терминоведении сложилось два подхода в изучении терминообразования: семасиологический и ономасиологический, см.: [Татаринов 1996: 217]. В настоящем разделе работы реализуется второй подход, в рамках которого традиционно исследуются терминомодели и словообразовательные приёмы.

Ономасиология — «семантическое изучение наименований, номинаций» [Гак 1998: 199]; раздел лингвистики, объектом анализа в котором являются имена, природа наименования, типы и средства обозначений. Основной целью ономасиологии является создание теории номинации, а также изучение средств и способов называния отдельных элементов действительности. Средства номинации, формирующиеся в каждой языковой системе, разнообразны и неоднородны: каждый уровень строения языка и каждая конкретная подсистема вносит свой вклад в образование новых наименований.

По мнению В. Г. Гака, «наибольшую трудность в ономасиологических исследованиях составляет самый характер понятий, которые кладутся в основу анализа» [Гак 1998: 200]. Применительно к изучению философской

терминологии особенно важен тезис о том, что «человеку свойственно оперировать расплывчатыми понятиями, имеющими чёткое ядро и нечёткие границы» [там же]. Философский термин создаётся по законам терминологической номинации, для которой «расплывчатость» понятия может препятствовать формированию критерия точности «термина-границы».

Специальное, или терминологическое словообразование – это образование терминов, соотносимое с классификацией выражаемых ими понятий: «В ряду этих понятий будет находиться вновь образуемый термин (как наименование понятия этого ряда), поскольку термины одного классификационного ряда по возможности должны быть образованы по одной словообразовательной модели (будь то слово-термин или термин-словосочетание)» [Даниленко1977:164].

Ю. В. Сложеникина говорит о пяти свойствах специального словообразования. Важнейшей особенностью терминообразования признается сознательность, контролируемость, регулируемость этого процесса, протекающего параллельно с развитием научной мысли. Сознательностью процесса терминообразования обусловлено наличие у большинства терминов конкретных авторов и закреплённой за специальными единицами информации о времени создания (см.: [Сложеникина 2013]).

Ономасиологический подход к исследованию философской терминологии предполагает рассмотрение содержательной стороны терминологических единиц «не с точки зрения формирования их внутрисистемных значимостей и механизма семантического распространения слов и словосочетаний, а с точки зрения предметной направленности, т. е. соотнесённости с внеязыковым предметным рядом как средства обозначения, именования последнего» [Языковая номинация 1977: 19].

М. Н. Володина определяет терминологическую номинацию как процесс именования научных понятий, относящихся к различным областям знаний о мире. «Неразрывно связанная с языковой номинацией, терминологическая номинация зависит от познавательной способности

людей, обусловлена языковым выражением результатов познания и взаимодействием внешних и внутренних языковых факторов. <...> Языковая (а значит, и терминологическая) номинация − это определённая интерпретация именуемого предмета или явления через призму их субъективно-объективного восприятия со стороны именующего» [Володина 1997: 41].

В философской терминологии, как в любой области специальной лексики, можно выделить две основные группы терминов: слова и словосочетания, или однословные (монолексемные) и многословные (полилексемные) термины.

В сфере философского терминообразования действуют те же модели и способы, что в литературном языке: семантический, морфологический и синтаксический. Среди разновидностей семантического способа терминообразования С. В. Гринев-Гриневич, выделяет терминологизацию общеупотребительного слова, межсистемное заимствование лексем (перенос терминов из одной области знаний в другую), а также заимствование иноязычных лексем и терминоэлементов, см.: [Гринев-Гриневич 2008].

Поскольку терминологическое заимствование не было основным источником формирования лексического состава языка русской общественной мысли в описываемый период, этот процесс в настоящем исследовании не является объектом специального рассмотрения.

Основной поток заимствованной философской лексики пришел в русский язык ранее описываемого периода: во второй половине XVIII – первой четверти XIX в., когда философская мысль была представлена в России главным образом переводной литературой. Так, огромное влияние на формирование русской философской терминологии оказало вольфианство, которое, по данным Т. Н. Артемьевой и М. И. Микешина, преподавалось в российских университетах на протяжении длительного времени: с 20-х гг. XVIII в. до 40-х гг. XIX в. Христиан Вольф разработал и ввел в научный обиход большое количество философских терминов, многие из которых

используются в современной науке: *дуализм, плюрализм, монизм, онтология, телеология* и др. По оценкам авторов, «именно вольфианство стало первым мощным поставщиком философской терминологии на иностранном языке, <…> пример немецкого философа послужил важным стимулом создания национального философского языка» [Артемьева, Микешин 1990: 70].

Еще в XVIII в. российскими мыслителями предпринимались попытки создания собственных философских терминосистем. Наиболее известен опыт В. К. Тредиаковского, снабдившего «Слово о мудрости, благоразумии и добродетели» толкованиями более двухсот латинских и греческих терминов, однако разработанный поэтом «Вокабулярий» не получил признания. Т. Н. Артемьева пишет по этому поводу: «Нормой философского языка, как, впрочем, и языка вообще, была полисемия, поэтому даже самая совершенная система, построенная на принципе взаимной однозначности понятия и выражающего его термина, не могла органично вписаться в существующую традицию» [Артемьева 2002: 43].

Важную роль в развитии философского языка сыграла философская проза первой половины XIX в. (П. Я. Чаадаев, А. И. Герцен, любомудры, петрашевцы), демократизировавшая средства выражения. К 70-м гг. XIX в. относятся первые попытки построения философского категориального аппарата (труды А. А. Козлова, Б. Н. Чичерина, Н. Я. Грота, П. Д. Юркевича). К созданию своих терминосистем русская философия пришла довольно поздно: отправной точкой можно признать 80-е гг. XIX в., время основания Философского общества при Петербургском университете (1897) и выхода в свет религиозной публицистики Вл. Соловьева.

Начало XX в. – время активного формирования философских систем и терминологии русской религиозной философии. «Важнейшим способом экспликации (уточнения) терминов становится их анализ, корректировка общего, терминологического и частного значений» [Грановская, Алиев 2013: 14]. Явление заимствования отчасти сохраняется и в этот период, но основную

роль в формировании терминологического аппарата русской религиозной философии играют другие процессы, и даже заимствованные термины имеют тенденцию к переосмыслению. Из переводной литературы в русскую философскую терминологию входят термины: *субъективный дух, объективный дух, абсолютный дух, феноменология* (Г. Гегель), *чистая феноменология, ноэма, ноэзис, эпохэ, интенциональность* (Э. Гуссерль), *имморализм, Сверхчеловек, воля к власти* (Ф. Ницше), *метаорганизм (мета-организм), реальная субстанция* (Л. Гелленбах), *самодух, духочеловек, инспирация* (Р. Штейнер), *панентеизм* (К. Краузе и Ф. Бутервек). Примечательно, что термин *панентеизм*, созданный К. Краузе и развитый в трудах Ф. Бутервека, был введен в русскую философию С.Н. Булгаковым, а позже использован С.Л. Франком для именования своей философской системы.

Большое количество понятий и терминов введено в это время русскими философами в научный обиход, в том числе европейский: *актуальная бесконечность* (П. А. Флоренский, по данным Л. М. Грановской), *антитеологизм* (М. А. Бакунин), *беспочвенность* (Л. И. Шестов), *богоматериализм* (Вл. Соловьев), *византизм* (К. Н. Леонтьев), *гносеологическая координация* (Н. О. Лосский), *идеал-реализм* (С. Н. Булгаков, Н. О. Лосский), *конкретно-идеальное бытие* (Н. О. Лосский), *меонизм* (М. Н. Минский), *многоединство* (Л. П. Карсавин), *монистический реализм, моралисм* (С. Л. Франк, по данным Л.И. Грановской), *монодуализм* (Н. Я. Грот, С. Л. Франк), *пробабилизм* (П. А. Флоренский), *психургия* (В. С. Соловьев), *супраморализм* (Н. Ф. Федоров) и др.

Анализ принципов философского терминотворчества предполагает учет сформулированного А. А. Реформатским различения в термине двух его сторон — «поля логоса» и «поля лексиса». Эти два аспекта оказываются весьма значимыми для выявления принципов философского терминологического творчества. Не случайно авторы «Общей терминологии»

говорят об «экспланаторности» осуществленного А. А. Реформатским подхода: «Самая необходимость в том или ином термине и его общий тип мотивируется сферой логоса (движением научного знания), а его конкретный облик в значительной мере определяется сферой лексиса» [Суперанская, Подольская, Васильева 2011: 193].

Взаимодействие и различная значимость логосных и лексисных факторов определяют основные способы пополнения авторских философских терминосистем. Одним из важнейших в языке философии является семантическое терминообразование, которое включает следующие процессы: заимствование из общеупотребительного языка (терминологизация) и перенос готового термина из одной области знания в другую с полным или частичным переосмыслением (транстерминологизация). По данным В.Н. Прохоровой, семантическое терминообразование не является результатом длительного, диахронного расщепления значений, а возникает в результате быстрого, часто единовременного переноса названия на специальное понятие (см.: [Прохорова 1996: 10]). Положение о синхронном характере семантического терминообразования как языкового явления справедливо для философского терминотворчества.

Как правило, в процесс терминологизации вовлекаются слова общеупотребительного языка, имеющие сложную семантическую структуру, например: *братство, воскрешение, Дело, долг, несовершеннолетие, проективный, совершеннолетие, сыновство* (Н.Ф. Федоров), *бесцветность, любовь к ближнему, оригинальность, простота, сложность (цветущая сложность), угасание, упрощение (смесительное упрощение)* (К.Н. Леонтьев), *бесконечное, бесконечность, время, власть, действие, имя, имена, истина, личность, прерывность, слово* (П.А. Флоренский*), земля, мать, хозяин, хозяйство* (С.Н. Булгаков), *безнадежность, беспочвенность, вера, вечность, вопрошание, все, добро, истина, невозможное, необходимость, обыденность,*

разум, почва, трагедия (Л.И. Шестов), *безверие, душа, конкретность, непостижимое, реальность* (С.Л. Франк).

Вторая разновидность семантического терминообразования — транстерминологизация, предполагающая оригинальную философскую трактовку терминов других областей научной, духовной и общественно-политической сфер деятельности. Помимо терминологических заимствований, в русском философском тексте активно используется явление привлечения непереосмысленных терминов других областей знаний.

Особого упоминания заслуживает такая разновидность транстерминологизации, как активное переосмысление собственно философских терминов, а также нетерминологических лексем, начавших активно функционировать в философском дискурсе описываемого периода: *абсолют, абсолютное, бытие, вера, дух, истина, зло, личность (личностное), материя, ничто, свобода, объективация, рациональное, рациональность, творчество.* Эта разновидность терминологической конверсии подтверждает точку зрения З. Я. Икере о семантических особенностях философского термина: «философский термин как термин мировоззренческих наук имеет следующие семантические особенности: а) исторический компонент значения, б) идеологический компонент значения, в) субъективный компонент значения в работах представителей разных философских школ и направлений» [Икере 1983: 17].

В аспекте терминотворчества особую значимость приобретает явление полиинтерпретируемости: когда разные философы, живущие и творящие в одну эпоху, дают определенному философскому термину свои субъективные дефиниции, отражающие авторские представления о соотносящихся с ним понятиях, и используют этот языковой знак в сугубо индивидуальном значении, отличающемся от общепринятого даже в рамках одного философского направления.

Примером такого понятийного «варьирования» знака является философский термин «свобода», дефиниции которого разнятся, порой существенно, в произведениях русских религиозных философов. В качестве аргумента приведем фрагмент терминоиспользующего текста — современной аналитической статьи, посвященной, в частности, проблеме разного понимания свободы Н. А. Бердяевым и Л. И. Шестовым:

«Бердяев различает три вида *свободы*[3]: первичную иррациональную *свободу*, т. е. произвол; разумную *свободу*; *свободу*, проникнутую любовью к Богу. <…> В отличие от Бердяева, Шестов мало философствовал о *свободе*, полагая, видимо, что *свобода* — это *свобода* индивида, и ничего более...» [Захарова 2010: 138].

Сопоставление текстовых дефиниций также приводит к выводам о наличии субъективного компонента в значении философского термина, ср.:

«Для рационалистической философии *свобода* непостижима и всегда сводится к необходимости или оказывается иллюзией. Для мистической философии *свобода* есть исходное, она утверждается в ее безмерности и бездонности и ни на что не сводима. *Свобода*, как и реальная действительность, иррациональна для рационалистической, интеллектуалистической философии, но постижима для философии цельного духа» [Бердяев 1989: 56].

«Способны мы проявить такую решимость, так осуществить *свободу* воли, которой нас прельщали философы? Или лучше: хотим мы такой *свободы*? Такой *свободы*, чтоб и законы тождества и противоречия, и сама Ανάγκη (*Необходимость* — Н.К.) у нас на посылках были?» [Шестов 2007: 98].

Признание наличия фактора субъективности в значении термина-знака не означает, что философская терминология полностью субъективна. Однозначность философского термина имеет особую природу, отличную от

[3] Здесь и далее в третьей главе курсив в примерах (кроме особо оговариваемых случаев) наш. – Н.К.

однозначности, к примеру, технического термина: как отмечалось ранее, это однозначность в пределах терминосистемы. Представляется возможным говорить о существовании инвариантной части значения философского термина «свобода», представленном, к примеру, в таких терминофиксирующих текстах, как философские словари и энциклопедии.

Общая (инвариантная) часть содержания философского понятия, как правило, представлена в первом блоке словарной статьи, к примеру, в «Философском словаре» Э.Л. Радлова: «*Свободою*, вообще говоря, называется отсутствие принуждения. Можно говорить о различных видах *свободы*... <...> Философия занимается решением вопроса о *свободе* воли, т. е. вопросом о том, в какой степени действия человека независимы от внешних и внутренних причин, его определяющих». Вторая часть словарной статьи — представление вариантов термина в разных терминологических системах, к примеру: «Немецкая идеалистическая философия рассматривает *свободу* как свойство человеческого духа, выводя ее главным образом из нравственной природы человека. <...> В системе Канта есть, однако, мысль, которая могла бы повести к более реальному пониманию *свободы*: обыкновенно *свободу* противополагают необходимости...» [Радлов 2010: 231].

В «Современном философском словаре» словарная статья также начинается с описания общего содержания понятия, однако после вводящего в тему предложения авторы приводят информацию о полиинтерпретируемости выражаемого термином понятия: «*Свобода* – способность человека действовать в соответствии со своими интересами, целями, осуществлять намеченный выбор в рамках конкретных условий, ответственности и сознательности. <...> В философии существуют разные понимания *свободы*. С позиций онтологического подхода *свобода* рассматривается как основополагающий, субстанциональный принцип. Так понимаемая *свобода* определяет возникновение мира, его сущность, место человека в мире. В рамках гносеологического подхода к проблеме *свободы*

исследуются возможности и границы осознания человеком своей собственной деятельности, анализируется проблема соотношения средств и целей деятельности, проблема предпосылок целеполагания» [Современный философский словарь 2014: 575].

Характерным примером, подтверждающим феномен субъективного (авторского) начала философского термина, является тема статьи Н. О. Лосского «Идея конкретности в русской философии». В аннотированном указателе Л. М. Грановской и М. А. Алиева содержание статьи раскрывается так: «термин *конкретность* в его толковании А. С. Хомяковым, Н. В. Киреевским, Вл. Соловьевым, С. Н. Булгаковым, Л. П. Карсавиным, С. Л. Франком, Д. Чижевским и др.» [Грановская, Алиев 2013: 20]. Данный пример содержит подтверждение тезиса об относительной однозначности философского термина, которая отражена в терминофиксирующем (аннотированный указатель) и терминоиспользующем (статья Н. О. Лосского) текстах. Подобных примеров можно привести очень много. Религиозная природа русского философского текста и стремление философов к решению предельных онтологических задач обусловило переосмысление очень большого количества теологических терминов. К примеру, в «Философии культа» П. А. Флоренского переосмысляются лексема «культ», входящая в состав терминов-словосочетаний *культ как бого-человеческая содеятельность, культ как перманентное чудо, культ как соединение горнего с дольним, культ как деятельность совмещения смысла и реальности, культ как живой организм.*

Еще одной яркой особенностью целого ряда философских терминосистем является включение в них большого количества привлеченных и переосмысляемых лингвистических и семиотических терминов: *агглютинация, агглютинирующее вещество, глагол, глагольность, глагольный предикат, грамматическая функция, лицо, междометие, местоимение, модальность, номинативность, онтологический акцент, падеж,*

сказуемость, слова-корни, части предложения, этимология (С. Н. Булгаков), *язык, языковая форма* (В. С. Соловьев), *антиномичность языка, антиномия языка, внешняя форма слова, душа слова, корень, корнеслов, модус языка, морфема, номенклатура, окончательное слово, семема, система терминов, словоупотребление, строение слова, термин, терминология, фонема, этимология, языкознание* (П. А. Флоренский), *внутренняя форма слова, знак, знак как отношение знак-значение, знаковая система, семиотика, семиотический регресс* (Г. Г. Шпет).

Синтаксический способ, по данным С. В. Гринева-Гриневича, является наиболее продуктивным способом образования терминологической лексики: «с помощью этого способа образуется 60–95 % состава различных исследованных терминологий европейских языков, что свидетельствует о преобладании терминологических словосочетаний (составных терминов) над однословными терминами в современной терминолексике» [Гринев-Гриневич 2008: 135–136]. Ю. Н. Сложеникина также отмечает, что наиболее актуальным в терминообразовании является синтаксический способ (см.: [Сложеникина 2013: 39]).

Многословные термины в терминоведении получали различные обозначения: термины-описания (А. В. Исаченко), термины-словосочетания (С. В. Гринев-Гриневич), термины-фразы (А. В. Суперанская). В словоуказателе Л. М. Грановской и М. А. Алиева отражены следующие терминологические словосочетания: *атеистический морализм, нигилистический индивидуализм* (С. Н. Булгаков*), иерархический персонализм* (Л. П. Карсавин), *имманентный субъективизм* (Р. В. Иванов-Разумник), *нигилистический византизм, моральный спиритуализм и философский спиритуализм* (К. Н. Леонтьев), *оправдание добра, положительное всеединство* (В. С. Соловьев), *религиозная реформация* (Н.А. Бердяев), *соборная и симфоническая личность* (Л. П. Карсавин) и некоторые другие.

Указатель «центральных понятий» в монографии Н. В. Мотрошиловой «Мыслители России и философия Запада» содержит термины-словосочетания, являющиеся ключевыми в концепции Н. А. Бердяева (отсортировано по времени возникновения): *пролетарский мессианизм, монистическая теология, объективный антропоцентризм, конкретный идеализм и спиритуализм, динамический догматизм, длящийся процесс откровения, гносеологический реализм, трансцендентальное сознание, человек как самоцель, глубина бытия, свободная теократия, творческий консерватизм, исторический динамизм, заостренный пессимизм, русская всечеловечность, исторически великое, мистерия развивающейся единственности, провокативный баланс христианства, свободно полагающее соотнесение с Богом, материальная свобода для богочеловеческого двойного восхождения и нисхождения, философия конца, противоречивая экзистенциальность, столкновение силы и ценности, несотворенная свобода, экзистенциализм творческого субъекта, теоморфная человечность, примат свободы над бытием, истина как путь* и некоторые другие.

Отличительной особенностью философской терминологии, отражающей ее системный характер, является образование терминологических гнезд терминов-словосочетаний, центром которых является гнездообразующий элемент. Так, например, в предметном указателе к «Философии культа» П. А. Флоренского (предметный указатель относится к типу терминофиксирующих текстов) представлено не менее 25 различных терминологических гнезд с гнездообразующими элементами (главными словами в словосочетаниях): антропология *(религиозная, философская),* бытие *(внекультовое, ипостасное, культовое, усийное),* вина *(бытийственная, усийная, мнимая ипостасная),* Истина, истина *(Воплощенная, объективная)* и т. д. Синтаксическое терминообразование часто сопровождается полным или частичным переосмыслением входящих в составной термин лексем.

В третьей главе диссертационного исследования анализируется явление терминологической деривации. Процесс терминологической деривации двусоставен: вначале появляется новое специальное слово, следующим этапом является закрепление за ним дефиниции.

В. М. Лейчик выделяет следующие особенности терминологической деривации, которые характерны и для терминологий разных наук и для авторских философских терминосистем:

- иное процентное соотношение продуктивности способов словообразования в терминологиях по сравнению с аналогичными процессами в общеупотребительной лексике;
- наличие собственных моделей словопроизводства внутри узкоограниченной лексики (в качестве примера можно привести дефисные комплексы типа «*бытие-с-Богом*», «*для-себя-бытие*» в языке русской философии);
- преобладание того или иного способа словообразования в каждой конкретной терминологии (см.: [Лейчик 2009: 48−63]).

Отметим, что в аспекте темы настоящего исследования этот последний признак оказывается особенно актуальным, поскольку данные, полученные при анализе авторского словообразования, репрезентируют особенности конкретного философского идиолекта: каждая авторская терминосистема строится на основе предпочтения тех или иных терминоэлементов и композиционных моделей.

Так, продуктивным способом пополнения ряда авторских терминосистем является сложение: *антрополатрия* и *антропоцентризм* (Н. А. Бердяев), *богоматериализм* (В. Базаров), *всеединство*, *историология* (Н. И. Кареев), *месторазвитие* (П. Н. Савицкий), *многоединство* (Л. П. Карсавин), *моноплюрализм* (Н. А. Бердяев), *патрофикация*, *психократия, супраморализм* (Н. Ф. Федоров), *папоцезаризм*, *цезаропапизм* (С. Н. Булгаков).

Данные исследовательской выборки позволяют сделать выводы об активности использования тех или иных терминоэлементов в творчестве разных авторов (см. Раздел II настоящей главы).

Заключительный раздел третьей главы посвящен описанию и анализу специфического для религиозно-философского текста языкового феномена — дефисных комплексов. Типология дефисных образований в философском тексте принадлежит Н. М. Азаровой (см.: [Азарова 2010а]), в настоящей работе осуществлено дальнейшее, углубленное описание дефисной модели в приложении к терминотворчеству русских философов.

Анализ существующих моделей философских терминов позволяет выявить и описать основные механизмы терминообразования, а также проанализировать наиболее продуктивные модели образования специальных лексических единиц русского религиозно-философского текста конца XIX – начала XX в.

РАЗДЕЛ I. РАЗНОВИДНОСТИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ТЕРМИНООБРАЗОВАНИЯ

§ 1. Терминологизация общеупотребительных лексем в русском философском тексте

Явление перехода слова из разряда общелитературной лексики в разряд терминов принято называть терминологизацией, которая является основной разновидностью лексико-семантического способа терминообразования.

Лексико-семантический способ терминообразования, по оценкам специалистов, является традиционным и исконным в образовании русской специальной лексики: «Семантический способ образования характерен… для формирования разных отраслей русской профессиональной лексики XVIII–XIX в. Этот способ образования продуктивен в различных подсистемах современной русской терминологии как сам по себе, так и во взаимодействии с синтаксическим способом терминообразования» [Прохорова 1996: 6].

А. В. Суперанская, образно называя терминологизацию «семантической конверсией», определяет это явление как использование для обозначения специального понятия слова общеупотребительного языка, как «перевод этого слова в разряд терминов» [Суперанская 2011: 194].

Обращение к изучению лексико-семантического терминообразования в сфере свободного философствования предполагает лингвистический анализ конкретного языкового материала из различных авторских терминосистем с целью выявления сходства и различия семантики общелитературной лексемы и семантики философского термина. Изучение явления терминологизации может основываться на сопоставлении сигнификативных особенностей, парадигматических и синтагматических отношений, а также текстовых ассоциативных связей слова и образованного на его основе философского термина.

Прежде чем перейти к анализу лексического материала, охарактеризуем особенности понятия «терминологизация» применительно к философскому дискурсу.

Лингвистический термин «терминологизация» не имеет строгой понятийной отнесенности в отечественном терминоведении: по мнению М. В. Косовой, в широком понимании терминологизацией называют «все процессы образования новых терминов в результате семантического переосмысления общеупотребительной лексики: способ языковой номинации, при котором основным средством создания нового термина является семантическое развитие слова» [Косова 2004: 45].

В узком смысле терминологизацией принято называть отдельные, частичные семантические изменения при переходе общеупотребительного слова в специальную сферу. Так, С. В. Гринев-Гриневич описывает терминологизацию как процесс конвертации общеязыковой лексемы в специальную с сохранением исходного объема семантики (см.: [Гринев-Гриневич 2008: 129–132]). Это термины общеславянского и древнерусского происхождения, составляющие самый старый пласт специальной лексики: названия материалов, сооружений, ландшафтных элементов, растений, животных и т. д. Наличие терминологического значения в таких случаях определяется контекстными факторами: фактически речь идет только о консубстанциональности терминов.

Применительно к философскому тексту целесообразно говорить о терминологизации, опираясь на лингвистическую традицию широкой трактовки этого понятия. Специальные понятия разных областей научной и духовной деятельности формируются на основании так называемых «языковых понятий», на которые накладываются понятия, логически обработанные. По словам В. П. Даниленко, лингвистически это приводит «к усложнению семантической структуры слова, и лексическое значение становится недостаточным для выражения содержания научного понятия,

вследствие чего происходит его конкретизация – за счет расширения или сужения значения слова» [Даниленко 1977а: 16–17].

Сложность использования понятия «терминологизация» в применении к философскому тексту отражена в книге Н. М. Азаровой, которая подчеркивает наличие в русской философской словесности тенденции к переосмыслению неспециальных лексем: «целый ряд "живых слов" со сложной семантической структурой тяготеют к позиции ключевых в философском тексте»; «ключевое слово должно обладать потенцией расширения семантического объема и установления многообразных связей с нетерминологическими словами» [Азарова 2010а: 46–47].

К сожалению, мы не можем согласиться с предложенным Н. М. Азаровой делением философской лексики на специальные философские термины (аксиологический, априори, трансцендентальный и др.) и неспециальные философские лексемы, к которым исследователь относит, в частности, такие слова, как *истина, бытие, сущность*.

Во-первых, эти слова являются заголовочными в большинстве философских словарей, включая словари, изданные в период времени, к которому относятся описываемые здесь процессы. К примеру, в «Философском словаре» Э. Л. Радлова читаем: «*Бытие* — отвлеченное понятие от глагола быть. <...> Наука, изучающая *бытие*, называется онтологией. Представление о *бытии* в различных философских системах чрезвычайно различно...»; «Истина есть цель человеческого познания. <...> Уже древность спрашивала о критерии истины... <...> Кант отличает формальную истину от материальной»; «Сущность обозначает незримую внутреннюю природу предмета... Познание, образовывая понятия, желает схватить сущность вещей» и т. д. (см.: [Радлов 2010]).

Функционирование этих единиц в качестве заголовочных слов словарных статей в главном по значимости терминофиксирующем тексте,

коим является терминологический словарь, говорит о необходимости их отнесения к философской терминологической лексике.

Во-вторых, эти и другие лексемы нельзя назвать неспециальными применительно к их функционированию в философском тексте, в рамках которого они и обретают свою специальность, то есть специфику, будучи переосмысляемыми разными авторами и разными научными школами.

Их сущность соответствует философско-гносеологическому определению термина, которое подчеркивает, что термины закрепляют результаты познания в специальных областях научной, физической и духовной деятельности человека, становятся элементами научного аппарата новых теорий и концепций, то есть, наряду с функцией фиксации, выполняют функцию открытия нового — в применении к нашему материалу философского — знания (см.: [Лейчик 2013: 21]).

В применении к нашему материалу терминологизация есть переосмысление лингвистической реалии (обычного слова) и формирование на его основе «схваченного» [Кубрякова 2004: 305] этим словом-знаком философского концепта, представляющего собой когнитивную ментальную реалию: всегда сохраняя семантический объем общелитературного слова, авторский философский термин вбирает философские значения, сформированные мировоззрением конкретного мыслителя и реализующиеся первоначально в текстах этого мыслителя.

В связи с обсуждением терминологизации общеупотребительных лексем напрашивается интересная параллель с понятием «термин-символ», предложенным К. Г. Исуповым. Данное понятие не дефинируется автором, однако его содержание можно извлечь из контекста статьи К. Г. Исупова о Флоренском: термины-символы обладают «плывущей» семантикой; смысл этих слов проясняет «центральные парадигмы мышления философа» и устанавливает «адекватные сегодняшнему взгляду» «уровни усвоения его наследия» [Исупов 2001: 28] — следовательно, речь идет об основных

философемах, к которым применительно к творчеству трех философов К. Г. Исупов относил Софию, свободу и истину, ср.: «Свои философемы синтеза эпоха религиозного ренессанса нашла на онтологическом уровне: у С. Булгакова — София, у Н. Бердяева — свобода, у П. Флоренского — Истина» (орфография автора. — *Н.К.*) [Исупов 2001: 13].

Приведенная цитата позволяет сформулировать следующее предположение: в ядро авторской философской терминосистемы изучаемого периода входят главным образом единицы двух типов: терминологизированные (переосмысленные) обычные слова с отвлеченной семантикой и транстерминологизированные (переосмысленные) теологические и философские термины.

Переосмыслению подвергаются, как правило, отвлеченные лексемы со сложной семантической структурой. Наиболее ярко это проявляется в философском творчестве К. Н. Леонтьева и Н. Ф. Федорова, для которых терминологизация общеупотребительного слова является ведущим терминотворческим приёмом. Отметим, что переосмысление общеупотребительной лексемы может дополнять процесс синтаксического терминообразования: так, соединение двух способов терминообразования встречается в книге К. Н. Леонтьева «Византизм и славянство».

Н. А. Бердяев, называя К. Н. Леонтьева мистиком и романтиком, дает оценку «оригинальной теории развития» философа (см.: [Бердяев 1995: 216]). Развитие — одно из базовых понятий в мировоззрении К. Н. Леонтьева, слово, входящее в лексико-смысловое ядро его основных произведений.

Л. Л. Шестакова и А. Ф. Яковлева выявляют семантическую основу лексикона книги «Византизм и славянство» на основе методики ключевых слов: «Работа с выбранным текстом показала важность, наряду с частотностью, таких критериев, как соотнесенность слова с заданной темой (воспроизведение слов заглавия), степень реализации словообразовательного потенциала (высокая степень ее порождает наращивание, сгущение основных

смыслов), его формально-грамматическая репрезентация, вхождение в ряды содержательно и формально близких слов; соотнесенность с другими ключевыми словами...» [Шестакова, Яковлева 2009: 98].

На основе этих критериев исследователями были выделены ядерные слова текста, первый ряд среди которых составили *развитие, процесс, организм, простота, сложность,* второй – *картина, система, единство, постепенный.* Анализ ряда других произведений К. Н. Леонтьева позволяет расширить список ключевых лексем: *охранение, охранитель, бесцветность, простейшее, сложнейшее, однообразие, многообразие, угасание.*

Функционирование таких слов в статусе ключевых подразумевает расширение их семантического объема и включение в философскую терминосистему. Здесь уместно привести слова Н. А. Слюсаревой о том, что термин «возникает в качестве инструмента как раз в тот момент, когда происходит приближение ученого к открываемому, когда контуры устанавливаемого понятия еще не полностью обозначаются...» [Слюсарева 1979а: 74]. Процесс переосмысления слова *развитие*, своеобразной конвертации его в философский термин подробно проанализирован Л. Л. Шестаковой и А. Ф. Яковлевой с учетом роли однокоренных слов и синтагматических партнеров лексемы *развитие*: развитие ума, науки, учреждений — развитие общества и государства (см.: [Шестакова, Яковлева 2009: 99–100]).

Развитие как авторский философский термин К. Н. Леонтьева включает в свой семантический объем такие компоненты смысла, как *первичная простота, цветущая сложность, вторичное смесительное упрощение.*

Описание объема понятия в терминологическом словаре служит дополнительным доказательством в пользу терминологического статуса слова. Наряду с дефинированностью, важными оказываются критерии понятийной отнесенности термина и его системности. Приведенные примеры показывают, что семантический объем слов *развитие, простота, сложность*

и др. в литературном языке не совпадает с семантическим объемом философских терминов, которые в произведениях К. Н. Леонтьева выражают сложное, многомерное и вместе с тем строго определенное понятие, соотнесенное с другими понятиями леонтьевской органической теории общества.

Приведем несколько авторских терминов Н. Ф. Федорова с дефинициями, составленными нами на основе конкордансов к ключевым словам, а также с использованием примечаний и комментариев составителей собрания сочинений философа С. Г. Семеновой и А. Г. Гачевой, см.: [Федоров 1995–1999]. Толкования и текстовые фрагменты, в которых в качестве философских терминов функционируют переосмысленные общеязыковые лексемы, убедительно показывают изменение семантического объема анализируемых единиц, а также демонстрируют смысловую взаимосвязь понятий и их соотнесенность с основными философскими идеями автора.

Дефиниция термина для лингвистического словаря отличается от философской дефиниции. Лингвистическая дефиниция философского термина создается для описания конкретной терминосистемы, поэтому в ней не должна отражаться полиинтерпретируемость (или многозначность в широком смысле слова), отражающаяся в словарной статье энциклопедического (философского) словаря.

Определение философского термина, создаваемого в целях лингвистического описания, должно соответствовать принципам лексикографического представления лексического значения слова в толковом словаре. В таком определении должны быть выделены существенные признаки понятия, которые отграничивают предметы (явления) одного класса от предметов (явлений) другого класса. Каждый признак должен отражать существенный элемент значения слова: по словам В. В. Морковкина, «с лингвистической точки зрения существенными элементами значения слова являются такие, сумма которых обеспечивает возможность

функционирования слова в качестве коммуникативной единицы» [Морковкин 1970: 55]. Уточним, что в нашем случае речь идет о возможности функционирования слова в качестве коммуникативной единицы языка для специальных целей, т.е. языка философских произведений.

В связи с обсуждением принципов лингвистического определения философского термина и его отличий от энциклопедической дефиниции уместно вспомнить слова А. А. Потебни о том, «что под значением слова вообще разумеются две различные вещи, из коих одну, подлежащую ведению языкознания, назовем ближайшим, другую, составляющую предмет других наук, — дальнейшим значением слова. Только одно ближайшее значение составляет действительное со держание мысли во время произнесения слова [Потебня 1958: 19-20].

«Ближайшее» значение термина родство можно представить в виде родо-видового определения: *Братство* — одно из центральных понятий мировоззрения Н. Ф. Федорова, сознательное коллективное сосуществование людей в соответствии с принципом «со всеми и для всех» с целью воскрешения умерших; то же, что *родство*.

Это значение уточняется и подтверждается при помощи иллюстративного материала (цитаты): «Таково общее значение вопроса о небратстве, а отсюда следует, что смысл *братства* заключается в объединении всех в общем деле обращения слепой силы природы в орудие разума всего человеческого рода для возвращения вытесненного» [Федоров 1995, I: 39].

В значении термина сохраняются семантические компоненты значения общеупотребительной лексемы: «единение», «(наличие) духовных оснований» (ср.: БРАТСТВО, -а; ср. 1. Высок. Единение всех людей, основанное на христианских представлениях о любви, милосердии, взаимопонимании. Верить в человеческое б. Проповедовать всемирное б. //

Содружество; тесное единение. Студенческое, журналистское б. Б. учёных всех стран) [БТС 1998]).

К переосмысляемым общеязыковым лексемам в «Философии общего дела» Н. Ф. Федорова можно отнести обозначения таких понятий, как *выставка, родство, неродственность, сыны, отцы, несовершеннолетие, храм, школа* и некоторые другие.

Отметим также, что в творчестве Н. А. Бердяева семантическая конверсия затрагивает главным образом лексемы, активно осваиваемые философским дискурсом того времени, но не имеющие статуса философского термина: *самопознание*, *талант, творчество* и т. д.

В заключение рассмотрим процесс терминологизации слова «непостижимое» в творчестве С. Л. Франка. Отметим, что в «Философском словаре» Э. Л. Радлова (1904 г.) этого термина нет, а в энциклопедии «Русская философия» (2001 г.) он представлен как авторский: «одно из центральных понятий философии Франка» [Кураев 2001: 359].

Непостижимое — ключевое слово, во многом определившее философское творчество С. Л. Франка; раскрытию этого многомерного понятия посвящена одноименная книга, написанная им в 1938 г. Разграничение постижимой и непостижимой (невидимой, трансрациональной) реальностей используется С. Л. Франком в теории познания и онтологии.

Языковое, словарное значение лексемы непостижимый – такой, который невозможно постичь, понять. «НЕПОСТИЖИМЫЙ, -ая, -ое; -жим... 1. Недоступный пониманию, непонятный, необъяснимый. <...> Непостижимое, -ого, ср. (1 зн.)» [БТС 1998: 634].

Философское понятие выражается субстантивированным прилагательным среднего рода. Философскому переосмыслению общеязыковой лексемы и способствует постоянная определяемость

философского понятия в тексте. На первых этапах функционирования слова связь с лексической системой языка и сохранение исходного семантического объема особенно очевидны, что проявляется, в частности, в текстовой синтагматике и парадигматике; так, в приведенном ниже фрагменте выстраиваются определяемые системным значением слова текстовые синонимические связи: непостижимое – *темное, скрытое, искомое, чудесное, таинственное:*

«Наряду с *непостижимым* для нас, как "темным", "скрытым", "недостижимым", лишь "искомым", мы улавливаем в интуитивном металогическом знании *непостижимое* в себе. <…> Мы лишь редко <…> сознаем отчетливо, что то, что явно, без всякого покрывала предстоит нашему взору и непосредственно нам дано, не перестает быть чем-то *непостижимым*, чудесным, таинственным — более того, что в этой *непостижимости* и чудесности состоит само существо реальности как таковой. — То, что отличает ее самое от всех наших понятий о ней» [Франк 1990: 167].

В этом фрагменте текста, который является одним из начальных, происходит формирование новых синтагматических и парадигматических связей, что является свидетельством изменения семантики слова, то есть начала процесса переосмысления, расширения объема значения. Расширяется круг синтагматических партнеров слова: наряду с обычным «что-то непостижимое» появляются сочетания, «определяемые логосом», то есть развитием философской мысли: *трансрационально-непостижимое, непостижимое в себе, непостижимое в сфере предметного знания, непостижимое как безусловное бытие и реальность, непостижимое по существу, непостижимое по существу в предметном бытии;* появляются текстовые синонимы (или аналоги)*: сверхрациональное, металогическое, трансрациональное, неисповедимое, вещь-в-себе,* уточняющие именно философское, а не обыденное понятие.

В значении термина сохраняются основные семы значения общеупотребительной лексемы («недоступный пониманию, необъяснимый»), что проявляется в сохранении у слова ряда синтагматических партнеров, характерных для обычного употребления: само непостижимое, непостижимое для нас, знание непостижимого, непостижимое и таинственное.

Постепенно, с развитием философской мысли, в тексте книги образуются смысловые слои нового концепта, в который входят смыслы, не связанные с семантическим объемом исходной лексемы: *металогичность, иррациональность, индивидуальность, трансфинитность, потенциальность и свобода:* «Отвлечённое знание обусловлено принципом определённости и в этом смысле дефинитно. Металогическая реальность трансдефинитна, т. е. выходит за рамки принципа определённости и содержит в себе неопределённость. Одно из частных проявлений трансдефинитности — трансфинитность, т. е. способность непостижимого быть больше всего данного, подчинять себе всё остальное <...>. Как трансфинитное, непостижимое в то же время соединяет в себе определённое и неопределённое... Обращаясь на себя, непостижимое оказывается больше самого себя (антиномия абсолютного)» [Франк 1990: 207].

Эти примеры не претендуют на целостное описание процесса переосмысления, или философской терминологизации: видимо, процесс концептуализации «живого слова» может быть исчерпывающе проанализирован только на основе всего текста произведения.

Итак, в данном разделе работы на конкретных примерах проанализировано явление переосмысления общеупотребительных слов, реализующееся в формировании на основе обычной лексемы ментальной реалии – философского концепта.

Анализ примеров из творчества К. Н. Леонтьева, Н. Ф. Федорова и С. Л. Франка показал: сохраняя семантический объем общеупотребительного слова, авторский философский термин вбирает в себя философские значения,

сформированные мировоззрением конкретного мыслителя и реализующиеся первоначально в текстах этого мыслителя.

Описанный в параграфе механизм терминотворчества характерен для всех авторских философских терминосистем.

§ 2. Термины точных и естественных наук в философском тексте: привлечение и транстерминологизация

Термины естественных наук могут встраиваться в лексическую структуру философского текста на двух основаниях: как единицы естественно-научной терминосистемы, сохраняющие исходное значение и связь с порождающим дискурсом, или как переосмысленные единицы синкретичного плана содержания.

Процесс транстерминологизации характеризуется в «Общей терминологии» следующим образом: «Так же, как и слово общелитературного языка способно стать термином в результате процесса терминологизации, так и термин одной области знания может быть подвергнут переосмыслению и войти в терминосистему другой науки» [Суперанская, Подольская, Васильева 2012: 203]. Привлеченными терминами В. М. Лейчик называет особый тип терминов в составе терминосистемы, которая описывается с собственно терминоведческих позиций: «Привлеченные термины заимствуются из смежных областей знания, но представляют собой неотъемлемую часть терминосистемы» [Лейчик 2009: 127]. Транстерминологизация – это сопровождаемый переосмыслением переход терминов из одной области знания в другую, привлечение – переход без переосмысления.

Научные термины могут подвергаться транстерминологизации, переходя из одного языка для специальных целей в другой. Результатом процесса транстерминологизации является образование межотраслевых

омонимов; из одного языка для специальных целей в другой могут переноситься как отдельные термины, так и целые участки терминосистем.

Транстерминологизацию, или заимствование терминов из других терминологий, называют разновидностью семантического терминообразования. Этот способ образования терминов считается довольно редким: так, по данным С. В. Гринева-Гриневича, на заимствования из других терминосистем в русской терминологии приходится всего 2 % специальных лексем. Автор «Терминоведения» высказывает предположение о том, что семантическое терминообразование, разновидностью которого является транстерминологизация, характерно для формирующихся и молодых терминологий; см.: [Гринев-Гриневич 2008: 125–129].

В целом, этот тезис соотносится с научными представлениями о тех процессах, которые происходили в русском философском тексте на рубеже веков: появление новых жанров, выработка понятийных систем, активное слово- и терминотворчество.

Кроме того, естественно-научные термины могут, сохраняя свое значение, включаться в философский текст в качестве «привлеченных» специальных лексем. Эти два процесса — транстерминологизация и «привлечение» специальных лексем — и характеризуют функционирование естественно-научных терминов в русском философском тексте описываемого периода.

Привлечение терминов других наук в философское произведение предполагает, в отличие от транстерминологизации, сохранение их понятийного объёма и понятийного содержания в новом текстовом окружении, ср.: в «Философии хозяйства» С. Н. Булгакова: «Единство вселенной имеет *аксиоматический характер* для всего мироведения... <...> То, что я вожу сейчас пером по бумаге и произвожу новое размещение *атомов* чернил, бумаги, стали пера ... есть такое же космическое событие, как *астрономические или геологические* катастрофы... <...> Неуловимое для меня

по причинам своего возникновения *космическое изменение* может вызвать такое *состояние атмосферы*, такую жару, которая оказывается способна скосить дорогую для меня жизнь...» [Булгаков 2009: 156].

Включение естественно-научных терминов наиболее характерно для лексической структуры текстов произведений трех русских философов: Н. Ф. Федорова, С. Н. Булгакова и П. А. Флоренского. Это обусловлено тематикой ряда произведений этих философов.

Так, Н. Ф. Федоров предложил основы нового мировоззрения, которое, с его точки зрения, должно было открыть человечеству путь за пределы земного времени и земного пространства. Главной задачей объединившихся в общем деле «сынов» Федоров считал воскрешение всех когда-либо живших на земле «отцов» при помощи естественно-научных методов (в частности, сбор неких атомизированных частиц тел).

Черты словоупотребления Федорова особенно ясно просматриваются на фоне его «магического и технического натурализма» (Г. В. Флоровский), который и предопределил появление в трудах философа-космиста большого количества терминов медицины, биологии, генетики, метеорологии, физики, химии и других естественных наук, а также большого количества технических терминов.

Специальная лексика без переосмысления используется в философском тексте для описания различных технических, физических и биологических процессов — уже протекающих или проектируемых. Формированию «проективного начала» федоровских текстов во многом способствует их особая лексическая структура, основу которой составляет специальная (в широком смысле слова) лексика: *метеорическая регуляция, метеорический механизм, метод взрыва (в облаках), сейсмические явления, погодный цикл, естествоиспытательная сила, змейковый аппарат, градобойные мортиры.* Вследствие этого, отдельные фрагменты федоровской «Философии общего

дела», если не знать их источника, вообще не воспринимаются как философский текст: так много здесь «нефилософской» лексики, ср.:

«*Регуляция метеорического процесса* нужна не для обеспечения только урожая, не для земледелия лишь, но и для замены каторжной подземной работы рудокопов, добывающих каменный уголь и железо, на коих основана вся современная промышленность; регуляция нужна для замены такого добывания извлечением *движущих сил* непосредственно из *атмосферных токов*, из *солнечной силы*, создавшей запасы угля, так как положение рудокопов столь тяжко, что забывать о нем было бы непростительно, и положением именно их пользуются враги общества, социалисты, для возбуждения смут. Таким образом, *в регуляции, в управлении метеорическим процессом* заключается разрешение и земледельческого, и промышленного вопросов» [Федоров 1995, I: 32].

В творчестве Н. Ф. Федорова и его последователей — философов-космистов — формируется идея необходимости отказа от созерцательного подхода к космосу и перехода к преобразовательной деятельности по освоению космического пространства — других планет, на которых Н. Ф. Федоров планировал расселение людей, возвращающихся к жизни в процессе имманентного воскрешения. Отметим, что эти идеи не были ограничены рамками творчества Федорова, а были довольно широко распространены в науке и литературе того времени.

Задача выхода человека в космос, бесконечный и неисчерпаемый в своих возможностях для бессмертной жизни, обусловила появление в лексической структуре «Философии общего дела» большого количества терминов, связанных с астрономией, физикой, изучением космоса: *солнечная система, воздухоплавание, космология, астрономия, аэро- и эфиронавтические* (авторское новообразование) *средства, крейсерство (?), космический процесс, космические вещества, космическая материя,*

космическая сила, звездные системы, теллурокосмический, теллуросолярный, макрокосм, мегакосм, вселенная.

Перед человеком ставится задача вечной жизни, для реализации которой необходима возможность восстанавливать утраченные или состарившиеся органы и ткани: «Нужно, чтобы *микроскопы, микрофоны, спектроскопы* и т. д. были естественною, но сознательною принадлежностью каждого человека, т. е. чтобы каждый обладал способностью воспроизводить себя из *элементарных веществ, атомов, молекул*, потому что только тогда он будет способен жить во всех средах, принимать всякие формулы и быть в гостях у всех поколений...» [Федоров 1995, I: 405]. Эта задача формулируется Н. Ф. Федоровым при помощи большого количества терминов биологии, генетики, анатомии: *гистология, организм, форма организма, нервно-мозговой аппарат, микроскоп, спектроскоп, животное гетеротрофное, существа автотрофные, бактерии, фотосинтез.*

Помимо привлечения терминов естественных наук, Н. Ф. Федоров активно использует способ транстерминологизации. Как правило, переосмысляемые лексемы становятся элементами авторских составных терминов, при этом к процессу транстерминологизации добавляется процесс синтаксического терминообразования, к примеру: *психофизиологическая регуляция, воздухоплавательные парки, небесно-земледельческая культура, проективный синтез, искусственные органы, синтезирование частиц умерших.*

Говоря о транстерминологизации per se, следует отметить, что этот процесс сопровождается изменением значения термина: в новой терминосистеме к вербализируемому понятию добавляются новые смысловые признаки, а часть существовавших ранее компонентов понятия исчезает. Характеризуя диахронические аспекты терминологии, Ю. С. Сложеникина делает вывод о том, что «изменение значения термина является результатом эволюции научного понятия, знания, выделения новых существенных

признаков в изучаемом денотате» [Сложеникина 2013: 69]. Применительно к объекту нашего анализа представляется возможным говорить о развитии философского знания, в процессе которой в известный научный термин включаются новые концептуальные признаки.

Так, одним из важнейших в философской терминосистеме Н. Ф. Федорова является термин *эволюция*, освоенный к XIX в. языком науки. В Словаре Брокгауза и Ефрона этому понятию посвящены 4 статьи: *Эволюция, Эволюция биологическая, Эволюция историческая* и *Эволюция литературы*. Кроме того, дополнительный материал о концептуальных признаках понятия *эволюция* содержится в статьях: *Эволюционизм в биологиии; Эволюционные законы; Эволюционные теории в биологии* (см.: [Брокгауз, Ефрон 1897]). Эти статьи в совокупности дают полное представление о содержании объемного понятия *эволюция*.

Новые концептуальные признаки, отражающие мировоззрение философа, обнаруживаются в ходе анализа функционирования термина в философском дискурсе. Отметим в первую очередь, что в текстах Н. Ф. Федорова *эволюция* выступает как родовой термин по отношению к трем составным наименованиям:

«Из трех видов эволюции: *неорганической* (под- и предорганической), *органической* (физиологической и психологической) и *надорганической* (культурной и социальной), ограничивать исторический процесс только последним (тогда как деятельность человеческая простирается и на первые два вида эволюции) есть крайний произвол; но и развитие способностей человеческих, физиологических, психических, влияние на природу, прогресс духовной культуры и социальных форм может ли быть назван совершенствованием?» [Федоров 1995, I: 62].

Уже это разделение понятия на составляющие нетрадиционно, неакадемично и потому является основанием для признания факта

философского переосмысления термина. Переосмысление проявляется в создании индивидуальной терминологической родо-видовой парадигмы.

Дополнительные аргументы в пользу изменения значения термина можно извлечь из анализа синтагматического окружения лексемы эволюция в произведениях Н.Ф. Федорова: *бессознательная, безвольная, слепая, невольная.*

«Исход из ужаса бессознательной и безвольной эволюции и из мерзости и преступности сознательного произвола — один: воскрешение! <...> ...дело человека относительно своего организма, как произведения слепой, бессознательной эволюции, состоит в том, чтобы обратить его в организм, управляемый разумом, воссозданный» [Федоров 1995, II: 140–146].

«На самом же деле последняя цель (всеобщее воскрешение) может быть достигнута не «уничтожением» вещественной стороны мира, не умалением ресурсов его, а объединением и усовершенствованным развитием всех сил природы, вещественных и духовных, но развитием не в процессе невольной эволюции, а в сознательном и волевом процессе регуляции существами разумными и нравственными, трудящимися в совокупности для общего дела» [Федоров 1995, II: 195].

Дальнейший контекстуальный анализ позволяет предположить, что в философском мировоззрении Н. Ф. Федорова противопоставлены два понятия: *невольная, бессознательная эволюция и сознательная эволюция.* Первое понятие опирается на достижения современного Н. Ф. Федорову научного знания, однако включает новые концептуальные признаки, важнейшим из которых является бессознательное начало. Текстовым синонимом термина является лексема *прогресс*.

Естественной бессознательной эволюции как проявлению «несовершеннолетия» Н. Ф. Федоров противопоставляет активную, сознательную, «волевую» эволюцию, получившую в авторской терминосистеме обозначение «регуляция».

В значении термина-словосочетания «бессознательная эволюция» выделяется наведенная сема «смерть», а в значении термина-словосочетания «сознательная эволюция» - сема «воскрешение»:

«Соловьев не понял воскрешения во всем его объеме, не понял, что *воскрешение есть* замена исторического процесса, эволюции, прогресса, *замена того*, что само собою делается, т. е. рождается, а потому и умирает» [Федоров 1995, I: 421].

Заимствованный термин, «втягиваясь» в новую терминосистему, значительно изменяет свой концептуальный объем — во-первых, за счёт включения в авторские составные термины, расширяющие сферу приложения привлечённого понятия, во-вторых, за счёт вхождения термина в новую родо-видовую парадигму: неорганическая *(под- и предорганическая), органическая (физиологическая и психологическая) и надорганическая (культурная и социальная) эволюция.*

Появление новых синтагматических предикатов, создающих оппозицию между *бессознательной и безвольной* эволюциями, установление синонимических отношений (эволюция – прогресс, эволюция – воскрешение) или замены термина *активная эволюция* термином *регуляция* способствуют содержательной перестройке термина.

Эти выводы подтверждаются при обращении к терминофиксирующим и терминоиспользующим текстам, каковыми в нашем случае можно назвать тексты работ, посвящённых философскому анализу творческого наследия Н. Ф. Федорова. Так, в предисловии к четырехтомному собранию сочинений философа С. Г. Семенова и А. Г. Гачева пишут об особом федоровском понимании эволюции: «Естественная эволюция для Федорова — процесс не случайный и хаотичный, а имеющий внутреннюю закономерность. <…> Еще в середине прошлого века Федоров выдвигает идею активной эволюции, т. е. необходимости сознательного этапа развития мира, когда человечество направляет его в ту сторону, в какую это ему диктует религиозный идеал, разум и нравственное чувство, берет, так сказать, штурвал эволюции в свои

руки. Эта новая ступень эволюции и получает у Федорова название "регуляции природы"» [Федоров 1995, I: 15].

Пространная, но необходимая цитата позволяет сделать вывод о том, что термин *эволюция* у Н. Ф. Федорова не только особым образом переосмысляется, включая новые концептуальные признаки, но и о том, что переосмысленный термин обладает эвристической и прогностической функциями.

Отметим, что наряду с симметричными терминами «бессознательная / безвольная эволюция – сознательная / активная / волевая эволюция» Н. Ф. Федоров использует асимметричные: «бессознательная эволюция – регуляция», а также «эволюция – сознательная регуляция».

Переосмысленный термин *эволюция* входит в ядро авторской философской терминосистемы Н. Ф. Федорова и активно используется в терминоиспользующих текстах.

Анализ терминосистемы П. А. Флоренского показал, что научная терминология составляет значительную ее часть, несмотря на парадоксальный факт неприятия философом научных методов познания. Тем не менее философский дискурс П. А. Флоренского во многом формируется за счет багажа естественно-научных знаний и использования терминов: автор обращал математику, биологию, химию, физику в своеобразное средство свидетельства реальности иного мира и доказательства своего религиозно-философского учения.

Анализ контекстов позволяет говорить о двоякой функции научных терминов в философии П. А. Флоренского. Во-первых, они могут быть использованы per se — как привлеченные специальные лексемы — для характеристики того или иного фрагмента научно-естественной картины мира и его текстовой репрезентации.

Примером такого использования может служить «Разъяснение о гомотипии человеческого тела» в семи (!) таблицах, приведенное

П. А. Флоренским в качестве пояснения к главе «Тварь» (Письмо девятое) в книге «Столп и утверждение истины». В этот раздел входит 178 анатомических терминов, отражающих развитие анатомии и медицины в то время, когда была написана книга: *гортань, желчный пузырь, первая черепная кость, большая спинная мышца, крестцово-поясничная мышца, сосудистая система сверх-диафрагматическая, сосудистая система под-диафрагматическая, внутренняя подвздошная артерия, кровотечение ртом, рак пищевода, воспалительное органическое сужение пищевода* и др**.** (см.: [Флоренский 2012: 270, 493]).

П. А. Флоренский часто вводит термины точных наук в текст с указанием области знания, из которой привлекается специальная лексема («*выражусь математически», «в логистике»*). Термины используются в своем прямом значении, т. к. П. А. Флоренский обращается к терминам, беря их не в отрыве от научных положений и сопряженных с ними практических расчетов, но в непосредственной их связи – доказывает положения христианского учения научными расчетами: «Итак, если Истина есть, то она – реальная разумность и разумная реальность; она есть конечная бесконечность и бесконечная конечность, или, – *выражусь математически*, – *актуальная бесконечность*. <...> Ведь Евангелие отменило то метафизическое понимание ближнего <...> и установило *геометрическое* понимание ближнего». «Ближний... есть тот, кто близко, ... под боком» [Флоренский 2012: 402].

Отметим, что в основной части книги (Письмо одиннадцатое. Дружба) термины вводятся как понятия очевидные, а смысл их (и стоящая за ними теоретическая составляющая) раскрывается в разделе «Разъяснение и доказательство некоторых частностей, в тексте предполагавшихся уже доказанными». Уже исходя из названия раздела, можно говорить о том, что эта часть особенно насыщена теоретическими рассуждениями и практическими расчетами и относящимися к математике и «логистике» (математической логике) терминами.

Перенос готовых терминов из одной дисциплины в другую без их переосмысления и превращения в межотраслевые омонимы может быть обусловлен переходом к новой микротеме сугубо научного содержания, что в целом характерно для «свободного философствования»: «Теоретическая физика приводит к более простому и в общих чертах производимому действию, именно к составлению двух функций U и T (U — функция q, а T — q и их производных по времени), причем U рассматривается как потенциальная, а T как кинетическая энергия придуманной нами механической системы. Если возможно придумать функции U и T, удовлетворяющие вышеуказанным условиям, то механическое объяснение занимающего нас физического процесса было бы возможно. Таков ход решения» [Флоренский 2013а: 302].

Помимо привлечения научного термина в рамках микротемы научного характера, П. А. Флоренский активно вовлекает термины в процесс метафоризации. Эта дискурсивная функция научного термина (подфункция терминологического привлечения) связана с его ассоциативным потенциалом и эвристическими возможностями: научный терминологический аппарат часто привлекается П. А. Флоренским для объяснения явлений духовной сферы, для установления неочевидной на первый взгляд связи между понятиями. Это нередко приводит к образованию текстовой метафоры с участием терминологической лексики: душа функции, сплетение звуковых энергий, осчастливленный в качестве резиденции оптический центр глаза, математическая одежда и т.д.

Термин метафорически изображен П. А. Флоренским как тончайший срез ментальной ткани под микроскопом: «Чтобы высказаться о философии по существу — надобно знать, что она есть по существу: а это узнается из *гистологического* исследования ее *тканей* — прежде всего — ее терминологии» [Флоренский 2014: 101].

Следующий пример демонстрирует использование физических и биологических терминов для метафорического описания материальной, или собственно физической, сущности слова: «Таким образом, со стороны *физической,* слово есть индивидуально отчлененный от прочей природы звуковой процесс, имеющий тончайшую <...> структуру, которую, говоря принципиально, можно видеть и глазом, подобно тому, как видим мы глазом *звуковые волны методом смещения,* изобретенным Теплером и разработанным Дворжаком, Махом и другими, — словом, самозамкнутый мирок своеобразной организации. И это *сплетение звуковых энергий,* конечно, не остается только таковым, но по необходимости развивает в себе процессы самые разнообразные: *электрические, магнитные, тепловые, химические и различные молекулярные и ультра-молекулярные изменения*» [Флоренский 2013: 251].

Помимо привлечения, П. А. Флоренский использует механизм транстерминологизации, что можно проследить на примере лексемы *аритмология*.

Транстерминологизация приводит к расширению значения термина, что подтверждается при обращении к терминофиксирующим и терминоиспользующим текстам: «П. А. Флоренский развивает аритмологию Н. В. Бугаева, дополняя ее понятийным аппаратом теории множеств Г. Кантора, немецкого математика XIX века, называющего множеством всякую совокупность определенных элементов, которая может быть связана в одно целое с помощью некоторого закона» [Малышко 2012: 658].

Аритмология у П. А. Флоренского разрастается до идеи прерывности («зернистости»), присущей всей объективной действительности, до обозначения порыва и подвига творческой мысли: «Встретив невозможную комбинацию символов, мы были абсолютно не в силах решить задачу. Мы наткнулись на стену... Оставалось одно: либо *отказаться* от самой задачи, либо *подняться над* тою плоскостью мышления, которая оперирует с

"конечными" символами, — привнести новую идею... <...> Мы совершили *скачок*, — перерыв в развитии; мы внесли нечто *существенно новое*. <...> Создание новой сущности требует *свободного* подвига. Свобода его выражается в том, что нам дана возможность либо оставаться при "хорошем" старом, либо подняться к "лучшему" новому. *Подвиг* же — в том, что "естественные силы", — присущие уму инертность и само-довольство, — толкают его к коснению в старом, в конечном, в "известном". Нужно преодолеть самодовольство рассудка, порвать магический круг его конечных понятий и выступить в новую среду, — в среду сверх-конечного, рассудку недоступного и для него нелепого» [Флоренский 2012: 401].

В философии П. А. Флоренского происходит перегруппировка семного состава значения слова «аритмология»: погашаются семы «раздел математики», «числовая функция»; при сохранении интегрального признака «прерывность» возникают дополнительные семы: «время», «пространство», «явление», «творение». Факт транстерминологизации отражен в терминоиспользующих текстах, ср.: «Понятие А., в этом значении впервые появившееся у Бугаева в ст. «Математика и научно-философское миросозерцание», переосмыслено в учении о прерывности свящ. П. Флоренского» [Половинкин 1989: 123]. Переосмысленный термин *аритмология* входит в ядро авторской философской терминосистемы П. А. Флоренского и широко представлен в словарях и терминоиспользующих текстах.

Совмещение различных пластов и источников познания — художественного, религиозного и научного — отличительная черта философского мировоззрения С. Н. Булгакова. Не случайно появление характеристики «религиозно-научный» в работе «Апокалиптика и социализм»: «И по содержанию своему апокалипсисы представляют собой как бы религиозно-научную энциклопедию народной мудрости, выражают народное миросозерцание с разных его сторон: в этой исторической

амальгаме, в которой под покровом псевдонимности соединяются в одном целом куски, принадлежащие разным эпохам, разным даже культурам и народностям, благоговейный читатель находил "откровения" и из области космологии, и астрономии, и физики, и демонологии, и ангелологии, и истории в прошедшем и будущем...» [Булгаков 2010: 234].

Признавая огромную важность научного знания, философ писал: «Наиболее понятна и бесспорна всеобщность потребности в положительном научном знании законов внешнего мира» [Булгаков 2010: 170].

Приведенные цитаты иллюстрируют процессы привлечения философом научных терминов в микротемах научного содержания и в составе текстовой метафоры, а также раскрывают механизм транстерминологизации.

Привлечение терминов точных наук характерно для многих работ С. Н. Булгакова, в частности, «Философии хозяйства». Название работы задает основное тематическое поле (политическая экономия), к терминологическому аппарату которого постоянно будет обращаться автор. Следовательно, термины типа *производство, потребление, хозяйство, труд, цена, рынок* и т. п. для этой работы естественны; они употребляются в своих прямых значениях и составляют основу лексической структуры текста.

Математика рассматривается С. Н. Булгаковым как наука, «приложимая всюду, где можно применить число и меру, где можно явления схематизировать как величины, хотя, впрочем, лишь постольку, поскольку это возможно» [Булгаков 2009: 153]. Именно это объясняет появление большого количества терминов математики в анализируемом произведении. Математические явления представляются как абстрактные, простые, используются в качестве аналогии при объяснении сложных явлений жизни.

Так, введение математических понятий (с использованием отрицания: *не слагаемое, не дробь, не алгебраическая сумма*) раскрывает противопоставление хозяйства как организма, т. е. сложной системы, в

которой каждый элемент должен выполнять определенную функцию в обязательном согласовании с другими элементами, сумме несогласованных единиц: «Хозяйство должно уже существовать в своих основах, чтобы возможны были эти отдельные акты, а не наоборот: они суть не *слагаемые*, не *дроби*, но части органического целого, которое больше *простой суммы* своих частей, и лишь оно определяет их смысл» [Булгаков 2009: 163].

Для С. Н. Булгакова, как и для П. А. Флоренского, помимо привлечения научных терминов в научных микротемах, очень характерно метафорическое использование математического термина; так, термин ‘*интеграл’* в метафорическом употреблении обозначает более сложное действие, чем математическая функция: «Человеческое хозяйство развивается не только экстенсивно, но и интенсивно, так что в каждом данном звене исторической цепи *интегрируется* если не весь предыдущий процесс, то некоторая его часть; настоящее вырастает из прошлого, его в себя поглощая, органически его усвояя, подобно тому как в зародышевом развитии вкратце повторяется биогенезис; но вместе с тем новый вид, этот *интеграл* предыдущего *исторического ряда* содержит в себе и нечто качественно новое в сравнении со всем предшествующим, и в этом состоит историческое развитие в природе и в человеческой истории» [Булгаков 2009: 184].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, в процессе транстерминологизации происходит перегруппировка семного состава значения термина; результатом транстерминологизации может являться вхождение термина в ядро авторской терминосистемы.

Привлечение терминов точных и естественный наук в философский текст обусловлено появлением в нем микротем научного характера: при помощи этих терминов мыслители моделируют возможный мир будущего (Н. Ф. Федоров), демонстрируют реальность и сущностные свойства познаваемых объектов и явлений (икона, перспектива, механизм восприятия,

орган зрения у П. А. Флоренского; экономические механизмы у С. Н. Булгакова).

При помощи механизма включения научных терминов в текстовые метафоры русские философы в рамках своего мировоззрения пытались раскрыть всеобщую закономерность и функциональную взаимосвязь различных явлений бытия.

Переосмысляемым специальным лексемам других наук и областей интеллектуальной и духовной деятельности принадлежит особая роль в формировании авторских философских терминосистем. В данном разделе это было показано на примере математических и естественно-научных терминов. Однако для русского религиозно-философского текста характерно также глубокое и многоаспектное переосмысление теологических понятий и лингвистических терминов (система которых в описываемый период находилась в стадии формирования). Анализу этих явлений посвящены специальные разделы четвертой главы настоящей работы.

РАЗДЕЛ II. МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ И СИНТАКСИЧЕСКОЕ ТЕРМИНООБРАЗОВАНИЕ

§ 1. Авторские новообразования в философском тексте и в философской терминосистеме

Философское мировоззрение ряда русских мыслителей изучаемого периода находило активное выражение в создании авторских неологизмов. В отличие от художественного текста, в котором окказиональные слова являются способом «обновления устойчивых смысловых связей» [Кожевникова 1992: 175], в философском тексте словотворчество служит преимущественно для объективации нового знания. Именно поэтому окказиональные образования нередко получают «заряд» терминологичности, утрачивают свойство «одноразовости» и становятся единицами авторской философской терминосистемы.

В научной литературе, посвящённой проблемам авторских новообразований, встречаются различные наименования, в которых подчёркивается фактор преднамеренности создания новых слов: окказионализмы, писательские новообразования, творческие неологизмы, индивидуальные неологизмы, индивидуально-авторские новообразования, произведения индивидуального речетворчества и другие. Особого внимания применительно к философскому терминотворчеству заслуживает предложенный А. А. Аржановым термин *эгологизм*, который подчеркивает субъективный характер новообразования, см.: [Аржанов 1968].

Точной и исчерпывающей представляется дефиниция, предложенная Р. Ю. Намитоковой: «Авторские новообразования — это речевые инновации, функционирующие на уровне текста — и не отмеченные в словарях национального языка соответствующего данному автору времени, обладающие в силу своей невоспроизводимости признаком новизны и могущие превратиться в единицы языка при определенных благоприятных условиях» [Намитокова 2015: 55]. Данное определение принимается нами

небезусловно: говоря об авторских неологизмах философского текста, мы имеем в виду, что они могут превратиться не просто в единицы языка, а в единицы языка для специальных целей, то есть стать авторскими философскими терминами.

В поисках подходящего «плана выражения» философы нередко создают новые слова или изменяют привычную форму обычных, общеизвестных слов. Такие лексемы являются авторскими философскими новообразованиями, которые содержательно и формально соотносятся с понятием «окказионализм» (индивидуальное новообразование, не вошедшее в общее употребление): *без-местие, безосновность, братственность, вселенскость, всекачественность, всеприсутствие, всемство, время-пространство, коммюнотарность, ктовость, небесно-земледельческий, самость, падшесть, органосозидание, органотворение, отцетворение, патрофагия, патрофикация, полноорганность, психократия, супраморализм* и др.

Приведенным лексемам свойственны такие свойства окказионализмов, как творимость и словообразовательная производность, ср.: «Окказиональное слово по самой своей сути обязательно должно быть производным словом, поскольку окказиональное слово представляет собой результат относительно свободной комбинации, по крайней мере, двух морфем, что неизбежно ведет к производности окказионального слова» [Лыков 1976: 11]. Свойство творимости обусловливает определенное сходство авторского философского термина анализируемого типа с поэтическим словом, на которое неоднократно указывалось в работах исследователей, ср. название книги Н. М. Азаровой «Язык философии и язык поэзии: движение навстречу» [Азарова 2010б]. Философский термин и поэтическое слово объединяет тенденция к текстовому приращению смысла, расширению семантического объема и многозначности.

Однако другие важнейшие свойства окказионализмов противоречат сущности термина как единицы лексической системы. Единой, общепризнанной теории окказионализмов в отечественной лингвистике нет,

хотя большинство исследователей сходятся в определении основных качеств этих слов: принадлежность к речи, зависимость от контекста, функциональная одноразовость и экспрессивность [Лыков 1976, Намитокова 2015, Попова 2005, Фельдман 1957].

Окказионализм тесно связан с определенным контекстом и реализуется только в нем, чего нельзя сказать о философских терминах, которые получают дальнейшее осмысление в трудах многочисленных последователей. Так, узуальные философские термины *всеединство, всемство, патрофикация, самость, супраморализм*, безусловно, вышли за рамки определенного контекста и даже конкретной терминосистемы.

Если окказиональные слова выражают в особых языковых формах предельную конкретность соответствующих ситуаций и не претендуют на статус общеупотребительного слова, то философский термин, напротив, стремится преодолеть границы авторской терминосистемы и закрепиться в философском терминологическом узусе, а в ряде случаев – и в общеупотребительном языке.

Тесная связь с контекстом обусловливает такое свойство окказионализма, как функциональная одноразовость, выражающееся в том, что окказиональное слово создается говорящим для того, чтобы оно было употреблено только один раз: «"Абсолютная свежесть" окказионального слова передает уникальность ситуации, для которой оно создано, ее предельную конкретность» [Попова 2005: 20]. В специальной литературе отмечается, что абсолютная одноразовость поэтического слова не снимается ни фактом употребления окказионализма одним и тем же автором в разных произведениях, ни фактом употребления одного и того же новообразования разными авторами с целью цитирования.

Однако закрепление слова в терминофиксирующих текстах – словарях и энциклопедиях – свидетельствует об утрате словом свойства одноразовости.

Многие лингвисты считают характерной чертой окказионализмов обязательную экспрессивность, эмоциональную окрашенность, эстетическую значимость [Попова 2005, Фельдман 1957]. На наш взгляд, эти качества в философском тексте не проявляются: мыслитель создает слово не для реализации эстетической функции, не для того, чтобы удивить, поразить или порадовать читателя. Главная цель — поиск наиболее точной формы обозначения нового или переосмысляемого понятия средствами родного языка. Показателен в этом отношении пример со стилистически нейтральным использованием слова «сплошность» в «Душе человека» С. Л. Франка:

«Первое, что мы наблюдаем в душевной жизни, есть присущий ей характер *сплошности, слитности, бесформенного единства.* ... Итак, невыразимый далее момент сплошности, слитности, бесформенного единства есть первая характерная черта душевной жизни» [Франк 1990: 198].

В данном фрагменте созданное автором по словообразовательной модели «существительные со значением «непроцессуальный признак, названный мотивирующим прилагательным с суффиксом -ость» слово реализует такие свойства окказиональной лексемы, как авторский характер, преднамеренность создания, соответствие продуктивной словоообразовательной модели. Имеет значение и вхождение в рамках контекста в парадигму других слов такой же модели: *интегрированность, дифференцированность, замкнутость и подчиненность*; а также принадлежность философскому дискурсу. При этом о функциональной одноразовости, об однократности употребления не может быть и речи: обозначая специальное (в данном случае философское) понятие, созданное слово стремится к росту терминологичности, что видно даже из приведенных выше контекстов.

Следовательно, слово *сплошность* является философским термином, в котором — на словообразовательном и семантическом уровнях — проявляется не окказиональность в строгом смысле этого понятия, но

окказиональное начало, или наличествуют некоторые признаки окказиональности.

Поскольку в философском тексте словотворчество служит преимущественно для объективации нового знания, окказиональные образования нередко получают «заряд» терминологичности и становятся единицами авторской философской терминосистемы.

Это напрямую соотносится с пониманием термина как вербализованной единицы специального знания, т.е. единицы когниции, сформулированным В. М. Лейчиком и С. Д. Шеловым: «С содержательной точки зрения термин представляет собой обозначение... специального понятия, или... концепта некоторой области знания или деятельности, причем в случае наличия в этой области теории это понятие или концепт, а также их отношения с другими понятиями или концептами обусловлены содержанием именно данной теории. <...> Термин может выполнять функцию открытия нового знания и его фиксации» [Шелов, Лейчик 2012: 7].

Характеризуя различные виды терминов, А. А. Реформатский отмечал, что они могут быть словами своего языка и заимствованными словами, международными, а также искусственно созданными словами. Американский терминовед У. Флуд делит термины с точки зрения их образования на два типа (взятые из родного («обычного») языка заимствования и «those which have been invented» — то есть изобретенные, созданные). К последним Флуд относит термины, образованные от топонимов (полоний, иттербий), от имен богов (торий, ванадий), от названий планет и астероидов (ураний, церий), от имен и фамилий ученых (кюрий, гадолиний, ватт, вольт, гаусс, джоуль, дальтонизм, никотин, бакелит, менделизм, фуксия, георгин), см.: [Flood 1960].

В зависимости от степени терминологичности философский термин может находиться на разных участках шкалы «окказиональное — узуальное». Однократно употребленные слова типа *патрофагия* (Н. Ф. Федоров), *машинность* (С. Н. Булгаков), *сатанократия* (Н. А. Бердяев), *демонократия*

(С. Л. Франк), которые мы вслед за Ю. С. Сорокиным называем терминологическими глоссами, тяготеют к окказиональности. Слова, обладающие терминологичностью (несущественно, в низкой или в высокой степени), сохраняют только некоторые свойства окказионализмов: творимость, авторский характер, заданность словообразовательной модели, характерной для философского языка.

К признакам, противоречащим окказиональности, относятся признаки терминов: воспроизводимость (в частности, в терминоиспользующих текстах), функционирование, выходящее за рамки одного текста, в ряде случаев — закрепление в терминологических словарях и других терминофиксирующих текстах.

Исследованные единицы философского текста, которые момент создания представляли собой окказионализмы, могут иметь различную судьбу в философском узусе. Некоторая часть таких слов сохраняет основные свойства окказионализмов: творимость, однократность, связь с порождающим текстом.

Другие авторские новообразования приобретают свойство терминологичности: дефинируются (в том числе при помощи контекстуального определения), обретают понятийные связи в авторской философской терминосистеме (Данное явление подробно охарактеризовано в пятой главе настоящей работы применительно к творчеству Н. Ф. Федорова). Это слова, обозначающие базовые, важнейшие понятия философского мировоззрения. Становясь терминами, авторские неологизмы теряют тесную связь с порождающим контекстом и начинают использоваться в терминофиксирующих и терминоиспользующих текстах (словари, учебники, статьи, монографии).

§ 2. Морфологический способ в философском терминообразовании

Характеризуя содержание процесса терминообразования, Л. М. Алексеева исходит из понимания противоречивости терминообразовательного процесса, заключающегося в диалектическом свойстве быть конечным и бесконечным одновременно: «Выступая деривационной единицей конкретного текста, порождаясь на основе определенной дефиниции, термин одновременно входит в новое понятие, в новое приращение знания. Таким образом, термин принадлежит одному конкретному тексту и одновременно всем последующим, в которых он может быть воспроизведен» [Алексеева 1998: 44]. Процесс терминообразования Л. М. Алексеева считает одновременно процессом порождения и процессом воспроизводства [Алексеева 1998: 47].

Это дает некоторые основания при описании особенностей использования морфологического способа в философском терминоведении не ограничиваться авторскими терминами и приводить примеры не только терминов, которые созданы конкретным автором, но и термины, которые этим автором активно используются.

Морфологический способ образования терминов, при котором новый термин создается на основе одной или нескольких производящих основ с помощью различных словообразовательных аффиксов, используется в философском тексте достаточно широко.

Способом морфологического словообразования в терминоведении называют объединение ряда словообразовательных типов, характеризующихся использованием одного форманта (приставка, суффикс, сочетание приставки и суффикса), в отвлечении от конкретных материальных воплощений, см.: [Бурсина 2004].

В смешанных способах словообразования различные средства комбинируются; модель равна сочетанию моделей, принадлежащих несмешанным способам. В русском языке выделяются следующие смешанные способы словообразования: префиксально-суффиксальный, префиксально-постфиксальный, суффиксально-постфиксальный, префиксально-суффиксально-постфиксальный, суффиксально-сложный, префиксально-суффиксально-сложный, сращение в сочетании с суффиксацией.

Способы словообразования закрепляют за обозначаемым определенные признаки. Г. А. Дианова отмечает наличие связи между степенью развитости терминосистемы и появлением терминологических гнезд: «Чем более развитой является система понятий, тем характернее для нее наличие производных, поскольку они обладают свойством расчлененного представления того, что именуется» [Дианова 2000: 114].

Характеризуя системность как одно из базовых качеств термина как языковой единицы, А. А. Реформатский писал, что «термин должен быть и лексически, и морфологически сугубо систематичен, способен к образованию производных и максимально парадигматичен в плане нормальной и типовой парадигмы» [Реформатский 1959: 7].

В философской терминологии проявляется системность терминов, созданных из однородных терминоэлементов. Е. С. Кубрякова, характеризуя роль суффиксов и префиксов в терминообразовании, определила, что «суффиксы отражают принадлежность понятий к определенному классу, при этом суффикс выступает в качестве ономасиологического базиса нового наименования, а основа — в качестве ономасиологического признака (величины переменной)» [Кубрякова 77: 282], ср. входящие в терминосистему Н. Ф. Федорова лексемы: *анимизм, аполлинаризм, гаманизм, гегелизм, релятивизм, супраморализм, феноменализм* и др.

Префиксы уточняют границы названного предмета или явления и указывают на переменный признак обозначаемого, например:

антииндивидуализм, антинациональный, антинигилист, антирелигиозный, антиэтатический панаризм, пангегелизм, панисламизм, панлогизм, панволюнтаризм, панмонголизм, панпсихизм, панславизм, пантеистический, панфизизм, панхристианизм, панэстетизм (Н. А. Бердяев, М. А. Бакунин, К. Н. Леонтьев, В. С. Соловьев, Н. Ф. Федоров).

В авторской философской терминологии активно используется несколько словообразовательных способов: сложение, дефисный комплекс, суффиксальное образование терминов, префиксальное образование терминов, префиксально-суффиксальное образование терминов. Рассмотрим каждый из способов в отдельности.

§ 3. Сложение как способ терминообразования в философском тексте

Сложение — это способ образования слов, «при котором опорный (последний) компонент равен целому слову, а предшествующий ему компонент (или компоненты) представляет собой чистую основу» [РГ 1980: 139]. Сложение может сочетаться с другими словообразовательными способами, в таких случаях говорят о двух смешанных способах: суффиксально-сложный и префиксально-суффиксально-сложный. С. В. Гринев-Гриневич относит сложение к морфолого-синтаксическому терминообразованию [Гринев-Гриневич 2008].

Сложение активно используется в терминотворчестве многих философов, однако роль этого морфологического способа в сопоставляемых терминосистемах неодинакова. Кроме того, образованные путем сложения лексемы имеют разную степень терминологичности у сопоставляемых авторов. Помимо корней, в сложении могут участвовать приставки и суффиксы.

Так, в авторской терминосистеме К. Н. Леонтьева выделяется гнездо-парадигма авторских и неавторских образований, образованных путем

сложения (и связанных с ним смешанных способов) с первым местоименным формантом «все»: *всеевропеец, вселикующий, всесвобода, всеславизм, всеславянский* (встречается также у Ф. И. Буслаева, Н. Я. Данилевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина – Н. К.), *всеславянство, всесмешение.*

Отметим, что и в случае с лексемой *всеславянство* авторство К. Н. Леонтьева под вопросом: по данным НКРЯ, в момент возникновения или активного освоения языком слово одновременно используется не только К. Н. Леонтьевым, но и Н. И. Костомаровым, Ф. М. Достоевским и Н. Я. Данилевским, однако Леонтьев использует слово гораздо чаще (показатель частоты 15 (против одного-двух у других авторов).

В целом, сложение для терминотворчества К. Н. Леонтьева не характерно.

Н.Ф. Федоров использует другую модель слово-осново-сложения, нежели К.Н. Леонтьев; отметим также, что образованные способом сложения лексемы входят в ядро авторской терминологической системы «Философии общего дела».

Н.Ф. Федоров использует русские и освоенные русским языком латинские и греческие корни и аффиксы для образования новых слов путем сложения, которое в ряде случаев дополняется аффиксальным способом: патрофикация (от греч. patēr, patros, лат. pater — отец и от лат. facio — делаю) — то же, что отцетворение; психократия (от греч. psyche — душа и kratos — власть); супраморализм (от лат. supra — над, сверх и лат. moralis — нравственность); богодействие, органосозидание, органотворение, очужетворение, полноорганность, тканетворение.

Приведем несколько подтверждающих примеров, извлеченных из картотеки составляемого в настоящее время словаря терминов Н.Ф. Федорова (см.: [Козловская 2014: 171–172]): *супраморализм* — центральное понятие «Философии общего дела», проект будущего объединения всех живущих

через самодержавие и православие с целью регуляции природных процессов и всеобщего воскрешения; *психократия* — идеальная форма общественного устройства, основанная не на принуждении, не на «внешнем законе», а на власти души; *тканетворение* — способность человека преображать свой телесный состав, сознательно создавая новые естественные ткани; наряду с *органосозиданием* является составляющей частью процесса психофизиологической регуляции человека, приводящей его к бессмертию.

Таким образом, можно говорить об активном использовании данного способа образования в терминотворчестве Н. Ф. Федорова. Образование словообразовательных гнезд-парадигм для терминосистемы Н. Ф. Федорова не характерно, но терминологические микропарадигмы встречаются, ср.: *супранатуралист, супраморализм; психократия, психократический; космология* (в данном случае речь идет не о создании, а об активном использовании термина – Н.К.), *космоантропологический; органотворение, органостроение, органосозидание.*

Для словотворчества Н.А. Бердяева характерно образование и использование словообразовательных гнёзд по продуктивным моделям с общими первыми компонентами перво-, само-, лже-, бог- , которые в толковых словарях фиксируются как первые части сложных слов: *боговдохновение, богоматериализм, богосыновство, богообщение, бытиебоязнь, лжебытие, лжеимянное, лжесоборность, лжесоединение, лжетеократия, лжецерковь, самоправедность, первожизнь, первооснова.*

Терминологический статус лексем в ряде случаев можно признать неопределенным, исключение составляет термин *первожизнь (перво-жизнь)*, который дефинируется в тексте и обозначает важнейшие для бердяевской «философии духа» понятия: «В философии космизма Бердяева Бог, первожизнь, дух, душа, духовная жизнь и духовный опыт являются онтологическими категориями, без которых невозможно понимание его представлений о мироздании. <…> Анализируя написанное Бердяевым о

феномене первожизни, можно сказать, что первожизнь – это дух, который пребывает в «ничто», Боге и человеке, составляя трансцендентное. Также можно сказать, что первожизнь – это само «ничто», в котором, согласно библейским текстам, пребывает Бог и из которого тот сотворил материальный мир, человека. Именно первожизнь связывает в единое целое Бога, как трансцендентное, и человека, как имманентное» [Ковалева 2013: 182-183].

Отрицая объективный мир не как некую бытийную, физическую реальность, а как ценность, Н. А. Бердяев считал бытие трансцендентальной иллюзией и в определении *первожизни* противопоставлял ее *бытию*: «*Перво-жизнь* есть творческий акт, свобода; носительницей *перво-жизни* является личность, субъект, дух, а не природа, не объект» [Бердяев 1991: 45].

Для терминосистем С. Н. Булгакова и В. С. Соловьева также характерны образование и использование сложных слов с первыми компонентами *антропо-; бого-; перво-, само-, лже-, номо-*, а также сочетание сложения и аффиксации: *антрополатрия, богоматеринство, боговдохновенность, гетерономный, идиографический, лжелик* (ср.: лик), *космотеизм, космотеос (?), лжепрагматизм, лже-философский, лжеэсхатологизм, номографический, первооснова.*

Таким образом, термины, образованные путем сложения, активно используются в произведениях В. С. Соловьева и С. Н. Булгакова.

Сложение как способ терминообразования характерно и для философского творчества П. А. Флоренского, однако большинство терминов этого типа пишутся через дефис и рассмотрены отдельно в параграфе, посвященном дефисным комплексам как словообразовательной модели русского философского текста. «Недефисное» сложение компонентов встречается реже, ср.: *пневматосфера, самоустроение, человекозверь.*

Сложение как способ терминотворчества активно привлекается и С. Л. Франком; среди наиболее востребованных в авторском терминообразовании и терминоиспользовании отметим форманты перво- и

само-, участвующие в образовании словообразовательных гнезд внутри терминосистемы: *первожизнь, первооснование, первореальность, самопроникнутость, самоявственность, самопротивоборство, самоосуществление, самооформление* и др. (Термины «первожизнь» и «самооформление» используются также Н. А. Бердяевым, установить их авторство не представляется возможным).

Эти лексемы часто встречаются в пределах одного предложения или одного абзаца текста, например, в «Непостижимом»:

«То же самое мы имеем в виду, называя *первооснову* (в смысле *первооснования*) *"первожизнью"* – живым первоисточником жизни» [Франк 1990: 299].

«Будучи светом правды, – тем, что внутренне обосновывает бытие, – будучи единством реального и идеального основания, – она могущественнее, глубже, значительнее всего вообще фактического – и именно поэтому ближе, роднее нам, нашему самобытию (несмотря на всю его шаткость), чем безличному и неосмысленному предметному бытию. В том, что наше субъективное непосредственное самобытие есть для нас единственная дверь к бытию духовному, в глубине которого мы обретаем *первооснову* как осмысляющее *первооснование*, – лежит непререкаемый онтологический приоритет нашего внутреннего самобытия, несмотря на всю его слабость, над всем чисто фактическим предметным бытием» [Франк 1990: 299].

«Эту родину, которая по заданию должна совпадать с глубочайшим единством, с *первореальностью* бытия, нет надобности – да нет и возможности – искать где-то в бесконечной дали от нас» [Франк 1990: 309].

Слова с первым компонентом перво- обладают высокой степенью терминологичности: в двух основных произведениях С. Л. Франка – «Непостижимое» и «Душа человека»; эти слова характеризуются высокой частотой употребления, наращивают терминологичность вместе с ростом объема обозначаемых ими понятий, часто выносятся в позиции подзаголовков (*Первооснова как первооснование, Свет и жизнь*).

«Мы сознаем наше "я", поскольку мы есмы "я", и в этом сходство самосознания с сознанием как душевной жизнью: то и другое суть непосредственная самопроникнутость или самоявственность простого бытия» [Франк 2011: 69].

Здесь нет еще сознания или оценки, которые *предшествовали бы* стремлению или действенности в отношении объекта оценки: само тяготение и отталкивание *и есть* здесь единственная действенность, которая поэтому есть не *реакция* на предшествующее состояние сознания, а чистая первичная *акция;* или, что то же самое, здесь нет объекта, противостоящего сознанию субъекта, а есть чисто внутренний динамизм *самопротивоборства или самоосуществления душевной жизни,* силой которого осуществляется самый ход душевной жизни» [там же, с. 76].

Подводя итог краткого обзора словосложения как способа пополнения авторских терминосистем, отметим, что этот способ наиболее ярко, хотя и очень по-разному, проявляется в терминотворчестве и терминоиспользовании Н. Ф. Федорова и С. Л. Франка: именно путем сложения образуются ядерные термины, или термины-доминанты, обозначающие основные, главные понятия философских мировоззрений. В ряде случаев парадигмы авторских терминов играют системообразующую роль в терминосистеме. Подобные словообразовательные гнезда есть и у Н. А. Бердяева, однако входящие в них слова не имеют статуса философского термина.

У других философов этот способ пополнения терминосистем представлен менее ярко, в большинстве случаев можно говорить не о создании авторских новообразований путем сложения, а только об использовании готовых слов-композитов, входящих в философский дискурс.

§ 4. Аффиксальные способы образования авторских философских терминов

Большинство терминоведов-ономасиологов считает, что наиболее распространенным способом морфологического терминообразования является суффиксация. Суффиксы отражают принадлежность понятий к определенному классу явлений, а префиксы, указывая на переменный признак обозначаемого, уточняют границы философского понятия.

Аффиксальные философские термины могут быть охарактеризованы с двух сторон: в аспекте терминоиспользования и в аспекте авторского терминотворчества. Состав используемых в философском тексте суффиксов достаточно разнообразен: *-изм, -ость, -енность/-нность, -аци(j), -ние* и некоторые другие.

Так, существительные с суффиксом *-ость*, используемым в различных сферах языка, составляют один из наиболее продуктивных типов словообразования в философском тексте. При помощи этого суффикса образуются слова с отвлеченным значением признака, совмещающие свойственное мотивирующему прилагательному значение признака (или значение склонности или способности к действию, обозначенному мотивирующим отглагольным прилагательным) с частеречным значением существительного, например: *индивидуальность, истинность, необходимость, неравноправность, неизмеримость, прерывность, принудительность, прогрессивность.*

Существительные с суффиксом *-изм* в философском тексте обозначают названия философских, идейных направлений и школ: *гегелианизм, индифферентизм, квиетизм, панпсихизм, панфизизм, позитивизм, психофизизм, рационализм, эвдемонизм* и др.

Значительное число философских терминов образовано с участием префиксов (в т.ч. в сочетании с суффиксами), причем в философском дискурсе наблюдается тенденция к использованию не только русских, но и заимствованных префиксов: *а-, ад-, анти-, гипер-, нео-, пан-, псевдо-, супер-, транс-* и др., к примеру: *адогматизм, антигуманистический, антииндивидуализм, антинигилист, неокантианство, неопозитивизм,*

псевдовещь.

Данные выборки позволяют составить общее представление об активности использования тех или иных терминоэлементов в терминотворчестве разных авторов.

Так, для Н. Ф. Федорова характерны «парные» термины к собственным авторским новообразованиям при помощи приставки не-: *неродственность, небратство, неученые.* Заслуживает особого внимания факт приставочного образования термина *антипасха*, который вначале был отнесен нами в категорию «переосмысленные богословские термины» (антипасха — православный праздник, празднуемый в следующее воскресенье после Пасхи; день, завершающий пасхальную седмицу). Однако контекстуальный анализ не подтвердил этих данных: значение авторского термина говорит о том, что он был образован от транстерминологизированного термина *Пасха* и создает с ним понятийную терминологическую оппозицию: *совокупность идей, противопоставленных Пасхе как объединению для воскрешения; рабское поклонение перед слепыми силами природы, несовершеннолетие; отчуждение сынов от отцов, замена братства цивилизацией и замена регуляции природы — эксплуатацией* [Козловская 2014: 175].

Выборка терминов Н. Ф. Федорова и словник словаря авторских терминов философа содержат всего три слова, образованных суффиксальным способом *(детственность, сыновство, проективизм)*, что свидетельствует о невысокой степени востребованности этого способа в авторском терминотворчестве.

К. Н. Леонтьев активно использует префикс *пан-*: термины *панславизм, панславист, панславистическое (государство), панэллинизм* с точки зрения словообразования нельзя считать авторскими новообразованиями, однако можно говорить, во-первых, о частотности употребления терминов с пан- (показатель частоты лексемы панславизм в НКРЯ равна 21 — по далеко не полному списку произведений) и об их важной роли в философской

терминосистеме К. Н. Леонтьева, а во-вторых, о возможном создании нового термина с помощью этого префикса: *пансербизм* (показатель частоты больше 1), ср.:

«Я говорил о самой России и Турции со дней Парижского трактата; о свободной Греции и объединенной Румынии; о болгарах, купивших первоначальную свободу свою отторжением от Вселенской Церкви, и о неизбежном в более или менее близком будущем *пансербизме*» [Леонтьев 1996: 342].

Анализ терминосистемы К. Н. Леонтьева показал, что ведущее положение в аффиксальном терминообразовании занимает, по всей вероятности, суффикс *-изм*, при помощи которого образуется целое «гнездо» терминов с общими семантическими компонентами «принадлежность к какой-л. культуре»: *китаизм; азиатизм; русизм (руссизм); гебраизм; германизм.*

Приведем небольшой пример из терминоиспользующего текста — статьи, посвященной анализу философских идей К. Н. Леонтьева. Автор статьи считает, что национальный идеал Леонтьева во многом схож с философскими идеями Ф. И. Тютчева, реализация этого идеала связана с разрешением Восточного вопроса. «По мнению Леонтьева, к 60-м годам XIX в. старая жизнь оказалась больше неприемлемой, возникла необходимость в новой жизни, требующей нового центра, новой культурной столицы, которой должен стать Царьград. Леонтьев полагал, что, когда Константинополь будет взят, на место старой невской цивилизации придёт новый босфорский *Русизм*» [Фетисенко 2012: 456].

Идее панславизма Леонтьев противопоставляет идею «русизма» как продолжение культурной традиции византизма. «Идея православно-культурного *русизма*, — пишет он, — действительно оригинальна, высока, строга и государственна. Панславизм же во что бы то ни стало — это подражание и больше ничего. Это стремление быть как все. Это все та же общеевропейская революция. Нужно теперь не *славянолюбие, не*

славянопотворство, не славяноволие; нужно *славяномыслие и славянотворчество, славяноособие*» [Леонтьев 2000: 608].

Нетерминологические авторские новообразования *славянопотворство, славяноволие, славяномыслие, славянотворчество и славяноособие*, образуя текстовую окказиональную микропарадигму, отражают творческое начало философского текста. Отметим также, что словообразовательные форманты (префикс *пан-* и суффикс *-изм)* «оформляют» философскую терминологическую оппозицию.

П. А. Флоренский активно использует префиксальный и префиксально-суффиксальный способы в своем словотворчестве, что отражается и на терминотворчестве философа. Авторские термины создаются при помощи большого количества префиксов и суффиксов: без-, -ость *(безопорный* и *безопорность, безсубстанциональный* и *безсубстанциональность),* взаимо-, -ниj *(взаимо-сопребывание),* вне- *(внебожественный),* от- *(от-обособление),* пре- *(пре-человеческий),* пред- *(предобразованный, предсуществующий),* со- *(содеятельность* и со-*деятельность)*, со-, -ств *(соработничество).*

Многочисленные примеры демонстрируют особенности префиксального и префиксально-суффиксального терминообразования П. А. Флоренского, в частности, возможность дефисного написания префикса.

«Но это предельно-скептическое сомнение возможно лишь как неустойчивое равновесие, как граница абсолютного безумия, ибо что иное есть *безумие*, как ни *без-умие,* как ни переживание *безсубстанциональности*, *безопорности* ума» [Флоренский 2012: 112].

«В так называемом "Втором послании св. Климента Римского к коринфянам" <…> мысль о *пред-существовании* Церкви звучит властно и расчлененно» [Флоренский 2012: 187].

В. С. Соловьев, С. Н. Булгаков и Н. А. Бердяев активно используют высокопродуктивные в терминологии вообще приставки *анти-, сверх-, интер-*

и некоторые другие; образованные таким образом специальные лексемы (к примеру: *антиэволюционист, антиэтатический, сверхнационализм, сверхличный, сверхистория, интерконфессионализм, метаистория, полусоциализм*) составляют яркую черту идиостилей философов.

Суффиксальный способ в терминотворчестве используется этими авторами редко: вообще, окказиональных образований такого рода нам встретилось достаточно много (к примеру, существительных на *-ость* — порядка 60), но в большинстве своем это все же однократные нетерминологические употребления. Вызывает интерес особое использование суффикса *-ость* у Бердяева. В общеупотребительном языке при помощи этого суффикса традиционно образуются абстрактные существительные от качественных прилагательных. Н. А. Бердяев использует эту общеязыковую модель активнее, распространяя ее на относительные прилагательные, что усиливает их окказиональное начало. В авторскую терминосистему входят: *вселенскость* (ранее встречается у А. С. Хомякова), *падшесть, коммюнитарность, и софийность* (встречается также у С. Н. Булгакова).

Проведенный анализ не претендует на исчерпывающую полноту и отражает самые общие тенденции в философском аффиксальном терминообразовании. Исследование этого способа терминообразования должно быть продолжено и расширено за счет привлечения первоисточников и больших текстовых корпусов, содержащих верифицируемые данные об авторстве того или иного термина.

§ 5. Синтаксическое терминообразование в русском религиозно-философском тексте

Преобладающим аспектом рассмотрения синтаксического терминообразования в философском тексте в настоящей работе является исследование природы термина на фоне порождения текста. Под текстовым

характером философского терминопорождения мы вслед за Л. М. Алексеевой понимаем «не столько его обусловленность контекстом, сколько полную зависимость данного процесса от потребностей самого порождаемого терминированного текста» [Алексеева 1998: 19].

Кроме типовых функций лексической единицы естественного языка, в философском тексте термин выполняет функцию открытия нового знания и его фиксации. Одним из основных путей образования терминов в языке (наряду с заимствованием и прямой терминологизацией) является их создание на основе ресурсов естественного языка. По мнению Л. М. Алексеевой, естественный язык как источник процесса терминообразования «предполагает лишь текстовой способ порождения терминоединицы, поскольку этот процесс всегда связан с семантическим преобразованием слова естественного языка [там же].

Синтаксическое терминообразование в современной русистике признается наиболее продуктивным способом пополнения терминосистем (см.: [Гринев-Гриневич 2008, Лейчик 2013, Никитина 2014, Суперанская, Подольская, Васильева 2011, 2012]). По мнению Ю. В. Сложеникиной, «способ производства составных наименований очень актуален в терминосистемах, так как именно внутри словосочетаний возможно уточнение, конкретизация научного понятия, а это – путь развития научного мышления» [Сложеникина 2013: 41].

С. В. Гринев-Гриневич характеризует синтаксическое терминообразование как преобразование обычных свободных словосочетаний в сложные «эквиваленты слов» [Гринев-Гриневич 2008: 135]. В зависимости от количества слов, входящих в синтаксическую терминологическую единицу, выделяются двух-, трех- и многокомпонентные термины.

Обобщив существующие в отечественной лингвистике точки зрения на термины-словосочетания, Н. А. Павлова и С. С. Лаухина сформулировали основные свойства, характеризующие полилексемные терминологические единицы: 1) аналитическое специальное значение; 2) отсутствие коннотаций;

3) тенденция к однозначности; 4) объективация сложных специальных понятий, которые не могут быть названы одним словом; 5) дефинитивность; 6) наличие определенной сферы функционирования (см.: [Павлова, Лаухина 2009]).

Термины-словосочетания могут иметь разную степень терминологичности. В поле анализа наряду со специальными единицами, отраженными в терминофиксирующих текстах, попадают также предтермины – «специальные лексические единицы, обозначающие или выражающие… специальные понятия, для которых еще не найден адекватный по семантике или по форме термин» [Шелов, Лейчик 2012: 29], см. также: [Лечик и др. 1977; Борхвальдт 2000; Лейчик 2009; Пристайко, Конопелькина, Неженец 2011; Фельде (Борхвальдт) 2001]. В этот подкласс специальной лексики принято включать многословные лексические единицы и словосочетания с нетипичной для термина структурой и др.

Отбор словосочетаний для анализа произведен на основании формальных и содержательных признаков: связь с понятием, соотнесенность с основной идеей текста, наличие любой дефиниции, частота, функционирование в терминоиспользующих и терминофиксирующих текстах, соотнесенность с другими терминами, а также невозможность для зависимых слов словосочетания иметь собственные синтаксические зависимые.

К синтаксическому терминообразованию в философском тексте в полной мере применимо высказанное Л. М. Алексеевой положение о двойственном характере терминологизации: с одной стороны, это формализованная последовательность процедур, с другой – творческий процесс: «Только в процессе анализа текстопорождения можно зафиксировать такие свойства термина, как динамизм, конструируемость, коммуникативность, являющиеся аналогами свойств самого текста. Следовательно, только в тексте предопределяется и обосновывается сложная природа термина» [Алексеева 1998: 23].

На основании данного положения и выделенных выше критериев объектами анализа в настоящем разделе являются словосочетания ненулевой степени терминологичности, в том числе и предтермины, используемые в свободном философствовании для вербализации новых понятий, или порождаемых конкретным текстом квантов философского знания.

В отличие от свободного словосочетания, терминологическое передает некую специальную информацию, заключенную в плане его содержания в определенных коммуникативных условиях. Общепринятое свойство термина заключается в способности формировать систему понятий какой-либо области знания. Сформированная система понятий обладает свойством, которое можно нетерминологически определить как воспроизводимость: полностью или частично элементы этой системы воспроизводятся в последующих текстах. Воспроизводимость терминологического сочетания – еще один критерий, позволяющий отделить образованный синтаксическим способом термин или предтермин от свободного словосочетания.

Данный критерий позволяет отнести словосочетание «конец истории» к терминам, а «суд на историей» - к свободным словосочетаниям. Термин «конец истории» входит в заголовок одной из глав книги Н. А. Бердяева «Смысл истории»: «Глава X. Учение о прогрессе и конец истории»; кроме того, он упоминается в очень большом количестве работ, посвященных анализу творчества философа, т.е. обладает высокой степенью частоты за пределами терминосоздающего текста, о чем свидетельствуют примеры:

И поскольку история не имеет смысла в себе, а имеет метаисторический смысл, постольку неизбежен конец истории и суд над ней, представленный в мифологеме апокалипсиса. Вопреки догматическому истолкованию апокалипсиса как “страшного суда”, Бердяев, исходя из своих персоналистических установок, полагает, что это будет суд во имя человеческой личности и конца бесчеловечной истории. Это будет своего рода персоналистическая революция во имя реализации полноты жизни человеческой личности. В этом смысле апокалипсис - это не только

откровение конца истории, но и откровение конца зла внутри истории [Новикова, Сиземская 1997: 298].

Если бы не было свободы зла, связанного с основными началами человеческой жизни, утверждает Бердяев, то не было бы и истории. Поскольку история не имеет смысла в себе, а имеет лишь метаисторический смысл, постольку неизбежен конец истории и суд над ней, представленный в мифологеме апокалипсиса» [Семенов 2003:345].

Совокупность перечисленных признаков позволяет выделить и охарактеризовать различные типы терминов-словосочетаний в произведениях целого ряда русских философов. В данном параграфе, следуя общему принципу анализа, заявленному во Второй главе настоящей работы, явление синтаксического терминообразования анализируется применительно к отдельным авторским философским терминосистемам.

Термины-словосочетания, выражающие единые целостные понятия, особенно характерны для философского творчества К. Н. Леонтьева. Двух- и многокомпонентные термины используются мыслителем как сложные номинативные единицы, включающие классификационные признаки базовых философских понятий.

Синтаксическое терминообразование способствует формированию в анализируемой авторской философской терминосистеме своеобразных парадигм родо-видовой структуры, которые в совокупности образуют терминологическое поле вокруг понятия «триединый процесс развития»: *восходящее развитие*, *нисходящее развитие, первоначальная простота, вторичная простота, срединная сложность, цветущая сложность, внутреннее равенство, вторичное принижение, высшая степень сложности, гипотеза вторичного упрощения и смешения, триединый процесс развития, вторичное смесительное упрощение, новое разнообразие в единстве, период вторичной простоты, период первоначальной простоты, период цветущей сложности, эпоха сложного цветения, идеал всеобщего равенства, метод*

действительной жизни, гипотеза триединого процесса (развития), наибольшая сложность с наибольшим единством.

Перечисленные примеры неоднократно встречаются в разных произведениях К. Н. Леонтьева, большинство из них имеет высокую степень дефинированности; отметим также, что термины-словосочетания у К. Н. Леонтьева могут иметь варианты, к примеру: *закон триединого процесса развития — гипотеза триединого процесса; племенное славянство — племенной славизм и др.*

Приведём несколько примеров, иллюстрирующих функционирование терминологических сочетаний в тексте:

«Я кончил предыдущую главу следующей мыслью: «*Триединый процесс: 1) первоначальной простоты, 2) цветущего объединения и сложности и 3) вторичного смесительного упрощения*, свойствен точно так же, как и всему существующему, и жизни человеческих обществ, государствам и целым культурным мирам. <...>

Ум мой, воспитанный с юности на медицинском эмпиризме и на бесстрастии естественных наук, — пожелал рассмотреть и всю историческую эволюцию человечества и, в частности, наши русские интересы на Востоке, с точки зрения особой естественно-исторической гипотезы (*триединого процесса развития*, кончающегося предсмертным смешением и растворением в большей против прежнего однородности)» [Леонтьев 2002: 308].

В большинстве случаев термины-словосочетания создаются путём добавления к термину, обозначающему родовое понятие, видовых, или конкретизирующих признаков: так образуются ряды, или *гнёзда,* видовых понятий, обозначающих понятийные разновидности исходного понятия и непосредственно связанных с ним. В терминосистему К. Н. Леонтьева входят термины, в значении которых варьируются значения исходных понятий *сложность* (первичная, цветущая, наибольшая), *национализм* (культурный, племенной, политический, государственно-племенной, свободный, славянский, эмансипационный), *прогресс* (эгалитарно-либеральный,

демократический, утилитарный, эвдемонический), *деспотизм* (внутренней идеи, формы, всех над каждым) и др.

Таким образом, синтаксический способ терминообразования является одним из важнейших в терминотворчестве К.Н. Леонтьева: предтермины и термины-словосочетания и терминологические оппозиции таких словосочетаний составляют понятийное ядро философской терминосистемы мыслителя.

В терминосистему Н. А. Бердяева входят составные термины, образованные по нескольким моделям. Преобладающей является модель двухкомпонентного атрибутивного словосочетания, состоящего из ядерного элемента (имя существительное в именительном падеже) и атрибутивного, определяющего элемента: *конкретный персонализм, космическая гносеология, трагическая гуманность, русская всечеловечность, персоналистическая революция, историческая одноразовость, историческая неповторимость, качественный эйкуменизм, социальная идолатрия, ложная антропология, лжерелигиозная антропология, теоморфная человечность, несотворённая свобода, эсхатологическое напряжение* и др.

Второй тип субстантивных терминологических словосочетаний в философской терминосистеме Н. А. Бердяева – генитивные субстантивные сочетания: *смысл истории, прерывность истории, свобода греха, свобода творчества, откровение творчества, обожение человека, этика закона, антиномии зла, истина познания, истина действия* (здесь и далее примеры взяты из работ по истории русской философии, в том числе из терминологических приложений, см.: [Бонецкая 2009; Дьяченко 2008; Ермичев 1990; Мотрошилова 2007; Паули 2008]).

Терминологические субстантивные словосочетания могут включать предлоги, например: *воля к смерти, тоска по трансцендентному.*

Особую модель, характеризующую авторское терминообразование Н. А. Бердяева на фоне словотворчества других русских философов, представляют двух- и многокомпонентные терминологические сочетания с

терминоэлементом «как»: *порабощение и рабство как впадение в грех, коммунизм как извращение русской мессианской идеи, акт познания как акт жизни, истина как путь, дух как энергия, личность как воплощенный божественный дух.*

Данные выборки позволяют говорить о наличии в терминосистеме Н. А. Бердяева своеобразных терминологических гнезд, которые формируются на основе ключевых слов, обозначающих базовые понятия авторской философской терминологии. Приведенные ниже примеры позволяют составить представление о таких гнездах и о функционировании входящих в них терминов в текстах произведений.

Так, термин *этика* входит в несколько терминологических сочетаний: *этика закона, этика гуманизма, этика искупления, этика творчества.*

«Новая *этика творчества*. <...> Традиционная мораль христианского мира доныне не была творческой… Мы увидели, что *этика творчества* не есть *этика гуманизма*… *Этика творчества* вызывает вражду к себе, ибо это этика празднично-поэтическая, а не буднично-прозаическая, этика духа аристократического, а не духа плебейского. <...> *Этика творчества* должна освободить человека от того давящего чувствования себя волом, от того самосознания, которое одинаково присуще и ветхой книге Бытия, и новым книгам по экономическому материализму» [Бердяев 1989: 455].

Видовые термины разной синтаксической структуры по сути являются сверхкраткими определениями, которые связывают видовые, частные понятия с более общими, родовыми, интегрирующими и указывают на дифференциальные признаки. Так в философском произведении формируются организующие лексическую структуру текста терминологические гнёзда, в основе которых лежат сложные родо-видовые отношения между терминами.

К примеру, на основе понятия *история* формируется группа терминологических словосочетаний, которые в большинстве своём используются Н. А. Бердяевым в позиции заголовка и подзаголовка, что

подтверждает высокую степень их терминологичности: *конец истории, прерывность истории, драма истории, смысл истории.*

Одним из важнейших понятий в философском мировоззрении Н. А. Бердяева является понятие *свобода:* мыслитель переосмысляет не общеязыковую лексему, а философский термин, обозначающий «одну из универсальных характеристик проблематики человеческого бытия» [Современный философский словарь 2015: 575], восходящий к Сократу, Платону и Аристотелю и многократно творчески переосмысленный в рамках различных философских направлений.

Результатом осмысления и переосмысления понятия становится обогащение авторской философской терминосистемы Н. А. Бердяева единицами разной степени терминологичности, образованными синтаксическим способом: *внешняя свобода, внутренняя свобода, до-бытийственная, формальная, бессодержательная свобода, свобода от «мира»* и др., способность которых к выражению специфических понятий подтверждается следующими контекстами:

«Свобода от "мира" есть соединение с подлинным миром — космосом»; «Из "мира" нужно уйти, преодолеть его до конца, "мир" должен сгореть, он аримановой природы. Свобода от "мира" — пафос моей книги»; «Космический, подлинный мир есть преодоление "мира", свобода от "мира", победа над "миром"» [Бердяев 1989: 108].

«Особенное значение XIX в. определяется тем, что, после долгого безмыслия, русский народ, наконец, высказал себя в слове и мысли и сделал это в очень тяжёлой атмосфере отсутствия свободы. Я говорю о внешней свободе, потому что внутренняя свобода была у нас велика. <…> Без внутренней свободы активность оказывается пассивностью духа, детерминированностью извне» [Бердяев 1994: 43].

Подобных терминологических гнёзд в выборке авторских терминов Н. А. Бердяева много, что позволяет сделать вывод о том, что наличие таких

гнёзд составляет яркую отличительную особенность авторской философской терминосистемы.

Исследование синтаксического терминотворчества П. А. Флоренского проведено нами на основе пятидесятистраничного предметного указателя к «Философии культа» (см.: [Флоренский 2014]), который позволил сформировать дополнительную к основной терминологическую выборку, состоящую более чем из 500 элементов. Подробность указателя и обусловленная ею тщательность выборки позволили выявить наличие в анализируемом произведении значительного количества терминологических гнёзд (рядов), группирующихся вокруг следующих понятий: *активность, антропология, бесконечность, богослужение, бытие, вещество, воля, время, грех, действие, жизнь, имманентность, истина, крест, культ, личность, мир, пространство, разум, реальность, религия, термин, терминология, Человек.*

Среди терминов-словосочетаний (это общее свойство составных терминов) преобладают двухкомпонентные атрибутивные образования с центральным компонентом-существительным: так, в терминологическое гнездо с родовым компонентом *бытие* входят терминологические словосочетания с прилагательными *Абсолютное (абсолютное), вне-культовое, временно-пространственное, вселенское, высшее, духовно-телесное, ипостасное, культовое, мировое, онтологическое, сверхвременное, усийное, человеческое, эмпирическое.*

Двухкомпонетные атрибутивные словосочетания образуют видовые разновидности понятия *миропонимание*, которое в терминосистеме П. А. Флоренского варьируется следующим образом: *кантовское, механистическое, натуралистическое, религиозное конкретное, символическое, христианское.*

«Следовательно: <если> мы видим "просто", как говорится, т. е. по-кантовски, кадильный фимиам, растекающийся струйками и клубами по воздуху, мы должны, в порядке *кантовского миропонимания*, признавать траекторию каждой молекулы ладанных испарений непрерывной линией,

выражаемую аналитической функцией; по-кантовски эта линия от кадила до нас принципиально не может иметь ни малейшего разрыва... <...> А если в вино впадет "некое скверное животное", то опять совершается особый чин благословения и освящения вина; в *конкретном религиозном миропонимании* скверна мыслится не позитивистически, в порядке только внешнем, почему от загрязнения животным необходимо очищение духовное, но и не в порядке отвлечнно-моральном...» [Флоренский 2014: 265].

Двухкомпонентные генитивные сочетания также составляют незначительную часть авторской философской терминосистемы П. А. Флоренского, например: *культ крови, культ огня, культ тайны, культ существа живого; святость вещи, святость лица*; упомянем также несколько субстантивных словосочетаний с существительными в других падежах: *имманентность миру, вера в механизмы, вера во Христа, вера в суд Божий.*

Одной из отличительных особенностей анализируемой терминосистемы являются дву- и многокомпонентные обороты тождества с союзом как, отражающие один из аспектов сложного, многомерного философского понятия. Поскольку эти словосочетания не отвечают требованиям к формальной и содержательной структуре терминов, они, по всей вероятности, являются предтерминами, несмотря на то, что зафиксированы понятийным указателем к произведению.

Таких единиц только в «Философии культа» около 40: *благодать как реальность и сила, Бог как источник силы, Бог как Слово, богоматерь как вход, дверь; вода как дар Божий, время как однородная среда, евхаристия как наикрепчайший и наионтологичнейший устой Земли, Евхаристия как последняя точка земного, жизнь как кенозис, жизнь как целое, имя как концентратор смысла, истина как предмет усвоения человеком, истина как свет, крест как организующая форма бытия, крест как пренебесная сущность, крест как существо живое, культ как деятельность горне-дольняя, культ как соединение горнего с дольним, культ как трансцендентное условия самосознания, предел как онтологическая реальность, предел как*

отвлеченность, предел как способ мысленного объединения ряда, престол как существо, разум как средоточие духа и т.д.

Итак, особенность философской терминосистемы П. А. Флоренского — понятийная «неравноценность» её компонентов, которая может быть представлена иерархически или в виде поля. Видовые понятия обозначены терминами и предтерминами, образованными синтаксическим способом.

Терминосистема С. Л. Франка также характеризуется наличием терминологических гнёзд, которые образуются вокруг ядерных терминов, являющихся формально-семантическими центрами для целой группы разнообразных видовых наименований. Такими «словами-основаниями» (см.: [Ярмолинец, Агафонова 1994: 50]) можно признать прежде всего терминологизированные лексемы *непостижимое, постижимое, бытие, трансцендирование.*

Авторский философский термин *непостижимое* (образованный способом терминологизации), вынесенный в позицию заголовка одного из фундаментальных трудов С. Л. Франка, имеет ряд двух- и многокомпонентных терминологических семантических вариантов, которые образуются при помощи атрибутивных и субстантивных сочетаний разных типов: *непостижимое для нас, непостижимое по существу, непостижимое как самооткрывающаяся реальность, абсолютно непостижимое, безусловно непостижимое, непостижимое в себе, непостижимое «во мне», область непостижимого, непостижимое «что-то», непостижимое как таковое, непостижимое как область отрицания отрицания, непостижимое как металогическая и трансрациональная реальность, непостижимое как непосредственное самобытие, непостижимое как безусловное бытие, непостижимое в сфере предметного знания.*

Терминологический характер приведённых словосочетаний подтверждается следующими факторами: 1) важностью философского концепта *непостижимое* для мировоззрения С.Л. Франка; 2) высокой частотой употребления; 3) включённостью большинства их них в заголовки и

подзаголовки глав книги «Непостижимое»; 4) воспроизводимостью за пределами терминопорождающего текста.

Добавим также, что *непостижимое* может выступать не только как родовой элемент словосочетания, но и как уточняющий постпозитивный элемент в конструкции с как: абсолютное как непостижимое.

Словосочетания *трансцендирование во-вне* и *трансцендирование во-внутрь* образуют важную для С. Л. Франка терминологическую оппозицию. Видовые разновидности термина трансцендирование образуют также сочетания: трансцендирование самобытия, трансцендирование к «ты», трансцендирование к реальности «другого», трансцендирование через мышление.

Попытка осознания многомерности бытия у многих философов ведёт к появлению большого количества составных терминов, в которых основное абстрактное понятие приобретает элемент конкретности и уточняется в рамках конкретной терминосистемы.

У С. Л. Франка имя концепта бытие образует терминологическое гнездо, состоящее из таких, например, единиц: металогичность бытия, *трансфинитность бытия, непрерывность бытия,* потенциальность бытия, сверхвременное бытие, конкретно-сверхвременное бытие, предметное бытие, всеединство бытия и др.

Одним из наиболее значимых в авторской философской терминосистеме С. Л. Франка является термин «душевная жизнь», с точки зрения структуры представляющий собой двухкомпонентное атрибутивное словосочетание. Этот термин многократно и подробно определяется в произведении «Душа человека», к примеру:

«Первый вопрос, подлежащий нашему рассмотрению, есть вопрос об области душевной жизни. Что мы называем душевной жизнью, "внутренним миром" психического бытия, в отличие от всякого "внешнего", "материального", "объективного" бытия? Каков круг явлений, которые входят

в состав "нашей *душевной жизни*" и объемлются ею? Речь идёт не о *логическом определении понятия душевной жизни:* такие определения, предвосхищающие исследование, всегда бывают или голословными, или бессодержательными, и в обоих случаях бесполезны. Здесь же мы просто пытаемся очертить, хотя бы приблизительно, группу явлений, которые мы называем "душевными" или явлениями *"душевной жизни".* Говоря языком логики, мы ищем не определения содержания понятия *"душевной жизни",* а лишь указания "объёма" этого понятия. <...> Поскольку под *"душевной жизнью"* мы разумеем всю область бытия, остающуюся за вычетом *материальных* предметов и процессов, очевидно, конечно, что *душевная жизнь* должна охватывать все виды сознания» [Франк 1990: 201].

Словосочетание *душевная жизнь*, являющееся результатом синтаксического терминообразования, является основой для дальнейшей синтаксической терминологической деривации, образуя многокомпонентные сочетания, к примеру: *непротяжённость душевной жизни, неограниченность душевной жизни, невременность душевной жизни, состав душевной жизни, динамизм душевной жизни, ядро душевной жизни*.

Таким образом, синтаксический способ терминообразования играет большую роль в образовании и видовой дифференциации основных философских понятий у С. Л. Франка.

Синтаксическое терминообразование активно используется и в авторской философской терминосистеме С. Н. Булгакова. В ней представлены самые разнообразные по структуре типы терминологических сочетаний (в том числе с предлогом и без предлога): атрибутивные, генитивные, обороты с союзом как, двух- и многокомпонентные сочетания и др.

К атрибутивным сочетаниям относятся, к примеру, следующие: *Двоякое Ничто, тварное подполье, религиозное «вообще», безбожная религия, религиозный реализм, экономический материализм, всечеловеческий организм, религиозная общественность, практический разум, действующее я,*

созерцающее я, наивный реализм, социальный идеал, метафизический монизм, православная эсхатология, Ничто мэоническое и т. д.

Большое количество дифференцирующих понятий обозначается терминологическими словосочетаниями генитивного типа: *переживание божественного, конкретность веры, объективность веры, образ всемогущества, двойственность власти, теургийность власти, материальность бытия, основа богоуподобления, онтология ада, онтология истории, очеловечение природы, антиномия боговоплощения, монизм тождества.*

Активно используются словосочетания с зависимым словом в предложном падеже: *зло в телесности, зло в мире, триипостасность в язычестве, рождение (человечества) в истории, цель в хозяйстве, этика в православии, тождество в абсолютном.*

Особую подгруппу у С. Н. Булгакова составляют терминологические сочетания, возникающие в параграфах и главах аналитического и обзорного характера, отсылающих к творчеству других философов и предваряющих авторскую разработку философского понятия: *гностицизм у Гегеля, учение Шлейермахера, мифотворчество у Канта.*

В терминосистему Булгакова входят также характерные для философского дискурса синтаксические обороты тождества с союзом как. У таких терминологических оборотов сложная когнитивная природа: они заключают в себе утверждение о принадлежности к определённому классу понятий или о сужении значения исходного понятия: *Бог как трансцендентное, Трансцендентное как абсолютное НЕ, Ничто как привилегия твари, мир как теофания и теогония, чудо как мировая закономерность, хозяйство как действие, христианство как монизм, хозяйство как целое, хозяйство как синтез свободы и необходимости, чувственность как основа красоты, церковь как предание, Боговоплощение как основание церкви, церковь как богоустановленное общество.*

В авторскую философскую терминосистему входят также многокомпонентные словосочетания*: трансцендентальная память разума, квиетистический идеализм Канта, космическая антиномия Канта, физический коммунизм бытия, проблема объективного действия, трансцендентальный субъект знания, единство субъекта знания, социологизм политической экономии* и др.

Терминотворчество С. Н. Булгакова характеризуется также обилием значимых для авторской терминосистемы понятийных оппозиций и гнезд, объединяющихся вокруг таких ключевых для философа понятий, как *хозяйство, тварь, София* и мн. др.

Напомним, что философская мысль С. Н. Булгакова развивалась от экономической проблематики («Философия хозяйства»), в связи с чем одним из важнейших в терминосистеме на первом этапе её формирования становится лексема хозяйство, образующая ряд синтаксических терминологических словосочетаний: *мир как хозяйство, субъект хозяйства, объект хозяйства.*

Субъектом хозяйства, по Булгакову, выступает человечество; в это понятие философ включал не только всех живущих в конкретный период времени, но всех когда-либо живших людей, на протяжении многих тысячелетий создававших материальную и духовную культуру. В ходе диспута по защите диссертации С. Булгаков раскрыл термин «субъект хозяйства»: «По вопросу о субъекте хозяйства или хозяине, точка зрения, защищаемая в "Философии хозяйства", сводится к признанию всеобщего (трансцедентального) субъекта хозяйства, носителя хозяйственной функции. Таковым субъектом может быть только человечество как таковое, не коллектив или собирательное целое, но живое единство духовных сил и потенций, к которому причастны все люди, умопостигаемый человек, который обнаруживается эмпирически в отдельных личностях» [Булгаков 200: 165].

В понятие «объект хозяйства» С. Н. Булгаков включает предметы труда, всю вселенную, а также духовное и физическое преобразование человека.

Синтаксический способ терминообразования у С. Н. Булгакова, как и у большинства других философов, неразрывно слит с семантическим: параллельно с переосмыслением в словосочетании происходит уточнение значения опорного компонента терминологического гнезда.

Одним из наиболее частотных и продуктивным в разных сферах терминотворчества С. Н. Булгакова является корень твар- (тварь, тварный, тварность, сверхтварность; лексемы с этим корнем объединяют вокруг себя терминологические гнёзда из более частных, видовых понятий, так, прилагательное «тварный» включено в словосочетания: *тварная человечность, тварное многоединство, тварная свобода, тварный мир, тварное сознание, тварное и тварно-относительное бытие, тварная божественность, тварное естество, тварное ничто, тварное подполье, тварная воля;* существительное «тварность» организует вокруг себя видовые понятия: *самосознание тварности, антиномия тварности, тварность бытия, тварность мира, тварный центр.*

Ключевым понятием в богословии С. Н. Булгакова является София Божественная и тварная. Это обусловливает активное участие слов с корнем софий- в семантическом и синтаксическом терминотворчестве философа: *софийность мира, софийность дольнего, софийность твари, софийность понятия, софийность земная, софийность хозяйства, софийность истории, софийность науки; софийное время, софийный мир, софийная основа бытия, софийная идея, софийная космология, софийная душа мира, софийное бытие, софийная телесность, софийное единство.*

Представленные данные позволяют сделать выводы о высокой значимости синтаксического способа для формирования авторских терминосистем в русском философском тексте описываемого периода. Как правило, синтаксический способ терминообразования неразрывно связан с семантическим: переосмысленные общелитературные лексемы или транстерминологизированные единицы других специальных областей

включаются в разнотипные словосочетания, образуя обозначения новых философских понятий.

Особенность философских терминосистем заключается в понятийной «неравноценности» ее компонентов, создаваемой в том числе с использованием синтаксического способа.

Итак, исследуемые философские терминосистемы характеризуются наличием терминологических гнёзд, образующихся вокруг ядерных терминов, являющихся формально-семантическими центрами для рядов или групп разнообразных видовых наименований.

«Слова-основания», или ядерные термины, являются специфическими для каждой из характеризуемых терминосистем.

РАЗДЕЛ III. ДЕФИСНЫЕ КОМПЛЕКСЫ И ИХ ТИПЫ В ФИЛОСОФСКОМ ТЕРМИНОТВОРЧЕСТВЕ

§ 1. Классификация дефисных комплексов

В произведениях русских философов второй половины XIX — начала XX в. одним из самых востребованных способов терминотворчества является дефисный комплекс, за которым стоит особый способ восприятия и отражения действительности.

В современной лингвистической литературе дефисные комплексы обычно анализируются как явление, свойственное поэтическому языку (см.: [Бабенко 1997, Зубова 2000, Николина 2009, Намитокова 2015, Тарасова 2014]).

Впервые о дефисном комплексе как о типологической особенности словообразования и как о явлении исключительной значимости в русской философском тексте XX в. написала Н. М. Азарова, предложив оригинальную детальную типологию этих единиц [Азарова 2010а, 2010б].

Отметим, что в работах Л. М. Грановской, посвящённых языку и стилю русской философской литературы, дефисные комплексы как отдельное явление не анализируются, однако примеры терминов, образованных по этой модели, довольно многочисленны: *конкретно-идеальный, идеал-реализм, София-Мудрость, это-то-препятствие* и др. [Грановская 2013].

По мнению Н. М. Азаровой, «дефисные комплексы, на первый взгляд кажущиеся простым графическим приёмом, на самом деле представляют собой в области, смежной между словообразованием и текстом, явление, отражающее взаимосвязь философского и языкового мышления» [Азарова 2010б: 105]. Посвятив дефисным комплексам отдельные главы обеих своих книг, исследователь выявила основные этапы становления дефисной модели, которая начала активно использоваться русскими философами начиная с 1930-

х гг. Особую роль в этом языковом процессе сыграли переводы с немецкого: так, Н. М. Азарова пишет о роли переводов гегелевской «Феноменологии духа» Г. Шпетом, который трансформировал сложные немецкие слова в русские дефисные образования.

В типологии авторских новообразований Р. Ю. Намитоковой способ образования дефисных комплексов относится к способам, «периферийным для словообразовательной системы языка» [Намитокова 2015: 177]. Дефис может соединять слова без дополнительного морфемного оформления (окказиональное сращение) и разъединять слово — например, префикс и корень. Настоящий раздел работы содержит анализ основных типов дефисных комплексов, которые входят в состав авторских терминосистем русских философов изучаемого периода. В основе исследования лежит типология Н. М. Азаровой, переработанная с учетом специфики анализируемого материала.

Классификация дефисных комплексов используется нами с целью выявления особенностей философских идиолектов и специфики структуры рассматриваемых в диссертации философских терминосистем. Опираясь на выдвинутые Р. М. Фрумкиной теоретические положения (см.: [Фрумкина 63], термин «концептуализация» мы понимаем как операцию поиска смысла, которая реализуется в пределах специальной области знания: свободного философствования.

В зависимости от характера концептуализируемого компонента представляется возможным выделять следующие основные типы авторских философских терминов с дефисом:

1) *Терминологические дефисные образования, основанные на концептуализации корня*

2) *Дефисные комплексы с концептуализацией префиксального компонента*

3) *Термины-дефисные образования с формантом «не-»*

4) *Дефисные комплексы с центральным местоименным компонентом*

5) *Дефисные комплексы, концептуализирующие предложно-падежные конструкции*

6) *Единые концептуальные комплексы, образованные по модели «N + N»*

Первоначально в отдельную (дополнительную к основной) выборку отбирались все дву- и многокомпонентные сложные слова или сращения с авторским дефисным написанием — без учёта степени терминологичности. Сплошная выборка производилась не по всем произведениям одного автора, а по основным четырем-пяти и более источникам с использованием корпусов и электронных библиотек, в которых такой поиск технически возможен. Полученные данные позволили сделать вывод об особенностях словотворчества конкретного автора в целом. Затем из состава выборки были извлечены специальные лексемы разной степени терминологичности — «вербализованные единицы специального знания» [Шелов, Лейчик 2012: 7], модели, опосредованно отражающие явление действительности, элементы кода, принадлежащие к определённой семиотической системе (см.: [Алексеева 1998]).

При отборе терминов учитывались показатели частоты, наличие/отсутствие дефиниции в любом виде, вынос/невынос в позицию заголовка или подзаголовка. В качестве основного фактора определения терминологического статуса лексемы используется анализ понятийного содержания, т. е. насыщенность лексемы элементами специального знания. При описании дефисных комплексов целесообразно опираться на когнитивно-дискурсный подход к терминоведению, в рамках которого термин является

орудием реализации когнитивной функции или способом познания действительности.

При отборе дефисных комплексов, являющихся терминами, мы опирались на положения, выдвинутые представителями когнитивного терминоведения Л. М. Алексеевой и С. Л. Мишлановой: «Термин следует понимать как компонент динамической модели языка, диалектически сочетающей в себе стабильную знаковую систему и её постоянное переосмысление... Более того, термин может быть рассмотрен как своеобразный коррелят некоторой ментальной операции, протекающей в сознании исследователя, и на этом основании в термине усматриваются субъективные свойства, представляющие в целом субъективный мир его создателя. Вместе с тем термин является универсальной языковой категорией, характеризующейся общими свойствами языкового знака» [Алексеева, Мишланова 2002: 16].

Следовательно, «конструирование» дефисного комплекса представляет собой особенную ментальную операцию, цель которой — трансформация или актуализация существующей в языке связи между понятиями и создание нового понятийного образования на основе концептуализируемого компонента.

Степень терминологичности дефисного комплекса может быть разной, однако термины и нетермины, образованные по данной модели, объединяет общность функций. Эти функции подробно проанализированы Н. М. Азаровой, поэтому ограничимся их перечислением: при помощи дефисных комплексов в философском тексте создается семантика движущегося покоя и актуализируется диалектическое мышление; дефисные комплексы способствуют снятию словесной оппозиции дискретности и континуальности при создании нового философского понятия, а также совмещению целостности и дискретности и созданию эффекта «связывание-и-раздельность» [Азарова 2010а: 109–117].

Дефисные комплексы активно используются в терминологических системах таких авторов, как Н. А. Бердяев, П. А. Флоренский, С. Н. Булгаков и С. Л. Франк; для терминотворчества других философов дефисные термины как специфический языковой феномен не характерны, исключение составляют единичные примеры, как, например, *перво-дух* у В. С. Соловьёва.

§ 2. Терминологические дефисные образования, основанные на концептуализации корня

Концептуализацией в философии называют первичную форму или единицу знания, обеспечивающую теоретическую организацию материала, схему связи понятий, а также способ построения картины видения фрагмента реальности [см.: Тульчинский 2011: 67]. По мнению Е.С. Кубряковой, процесс концептуализации связан с преломлением в голове человека не только сущностей внешнего мира, он «охватывает также осмысление и собственно внутреннего мира человека, а также, что не менее важно, своеобразное «освоение» любых выражаемых возможных миров» [Кубрякова 2002: 14]. Он «ориентирован на членение потока информации и порождение новых смыслов, отражающих его осмысление» [Кубрякова 2001: 190].

Концептуализация, осуществляемая при помощи дефиса, порождает новые смыслы и приводит к появлению новой единицы философского знания. «Дефис, объединяя слова <...>, одновременно концептуализирует как целый комплекс, так и отдельный элемент» [Азарова 2010а: 119].

Обособление корня в составе сращения или сложного слова характерно для слово- и терминотворчества П. А. Флоренского, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова.

В произведениях этих философов регулярно концептуализируется корень «бог»; появление дефиса может служить сигналом переосмысления

богословского термина и одновременно знаком роста терминологичности: *бого-дарованный, бого-зданный, бого-подобие, бого-человеческий.*

Интересно соотношение слитных и дефисных написаний слова Богочеловек у Н. А. Бердяева: при безусловном преобладании слитной формы (29 словоупотреблений в 41 документе в НКРЯ), в ряде случаев встречаются дефисные написания, к примеру, в «Миросозерцании Достоевского»:

«Этой веры нет в плоском гуманизме. Гуманизм губит человека. Человек возрождается, когда верит в Бога. Вера в человека есть вера во Христа, в *Бого-Человека*. <...> Через *Бого-Человека* вновь может быть восстановлен человеческий образ. <...> Бог открывает себя через Своего Сына, Сын же Его — совершенный Бог и совершенный человек. *Бого-Человек*, в котором в совершенстве соединено божеское и человеческое» [Бердяев 1990: 154].

Отметим, что в этом же произведении основной тип написания слова Богочеловек — слитное (ср.: «Дальше лежит путь или к Богочеловеку или к сверхчеловеку, человекобогу. <...> В человекобоге погибает человек, и в Богочеловеке сохраняется человек» [там же]); однако в начале и в конце текста используются дефисные комплексы, в которых, на наш взгляд, происходит концептуализация, т. е. выдвижение на первый план первой составляющей сращения — Бог, — что подтверждает использование слова в позиции уточнения к имени собственному Христос.

Теологический термин *Богочеловек* используется Н. А. Бердяевым как узуальный для русской религиозной философии в целом, и дефис, по всей вероятности, является знаком авторского переосмысления, необходимой семантической трансформации: Бого-Человек как цель и средство восстановления человеческого образа.

Лексема *человекобог* (9 словоупотреблений на 41 документ) также пишется слитно, а появление дефиса в «Духах русской революции» свидетельствует о формировании нового смысла понятия: «Человек

возвеличится духом божеской, титанической гордости и явится *человеко-бог*…» [Бердяев 1990: 188]. В этом фрагменте текста «высвечивается» важный для формируемого (переосмысляемого) понятия семантический компонент «смертен». При помощи дефиса актуализируется первая часть («человеко-»), но контекст («как бог»), поддерживая акцентуализацию обеих частей комплекса, способствует созданию семантики равенства бога и человека.

Дефисные комплексы с семантическим выдвижением компонента «бог» использует и С. Н. Булгаков: Бого-единица, бого-оставленный, Бого-единство, человеко-обожение, бого-мир, бого-воплощение, бого-бытие. Можно предположить, что приведенные примеры свидетельствуют о взаимодействии или конкуренции двух словообразовательных процессов: выделение компонента из уже существующего термина и образование (методом сложения) нового термина, который, однако. пишется (что важно для автора термина) через дефис, а не слитно.

Компонент «бог» также активно используется в слово- и терминотворчестве П. А. Флоренского: бого-дарованный, бого-зданное, бого-общение, бого-подобие, бого-сыновность, бого-уподобление, бого-человеческий. Активное использование этого компонента в составе дефисных комплексов обусловлено религиозной природой русского философского текста.

В составе дефисных комплексов у Н. А. Бердяева часто используются компоненты «перво-» (первый компонент) и «-сущее» (второй компонент), объединяемые в разные модели: сложные слова и сращения с этими корнями являются авторскими философскими терминами, формирующими и вербализирующими различные религиозно-философские концепты:

«*Перво-жизнь* есть творческий акт, свобода, носительницей перво-жизни является личность, субъект, дух, а не "природа", не объект»; «Христос победил смерть. Победа эта совершилась в субъекте, то есть в подлинной *перво-жизни* и *перво-реальности*» [Бердяев 2014: 136].

«Наука и есть *истинно-сущее*»; «*Перво-Божество* есть *Сверх-Сущее;* в Нём дано абсолютное тождество Единого и Троичного; оно не есть один из Трёх, подобно Богу Отцу. Теперь вопрос о происхождении зла представляется нам в ином свете» [Бердяев 1989: 89].

Особого внимания заслуживают терминологические дефисные комплексы С. Н. Булгакова, в которых дефис выступает средством соединения несоединимого, формируя сложные, диалектичные по своей сути понятия, состоящие из соотносительных частей: *абсолютно-относительное, трансцендентно-имманентное, имманентно-трансцендентное, бытие-небытие*.

«Человек, как живая икона Божества, и есть этот *бого-мир, абсолютно-относительное.* <...> Объект религии, Божество, есть нечто по существу своему *трансцендентно-имманентное* или *имманентно-трансцендентное.* Бог абсолютно возвышается над человеком <...> и в то же время бесконечно уничижается, снисходит к миру, являет себя миру, вселяется в человека...» [Булгаков 1993: 87].

Также следует отметить достаточно регулярный процесс концептуализации корня все-, к примеру: *все-имянное, все-народность, все-красота, все-единство*.

Дефисная модель русского философского текста наиболее ярко представлена в слово- и терминотворчестве П.А. Флоренского. В выборке, сделанной нами по трём основным произведениям философа *(У водоразделов мысли (1 и 2 тт.); Столп и утверждение истины; Философия культа),* очень велика доля дефисных образований, в которых выделяется один из корней.

Репрезентативная (более 150 слов) выборка позволяет выделить большую группу морфологически расчленённых слов, в которых дефис играет роль своеобразного «разделителя» и «соединителя», выполняя при этом все ту же функцию концептуализации: *брато-творение, взаимо-действие, все-*

общность, все-целостный, духо-носность, духо-носный, Духо-явление, едино-душие, едино-душный, едино-мыслие, едино-образие, миро-воззрение, миро-созерцание, перво-источник, само-бытность, само-вольно, свето-зарный, свето-носный; цело-купный, цело-мудрие и др.

Дефис служит выявлению или осознанию мотивационного значения слова, высвечивает внутреннюю форму: происходит дополнительное «выдвижение», усиление смысла первых частей дефисных комплексов.

Дефис в соединительной функции служит объединению слов в единый семантический комплекс; регулярно в произведениях П. А. Флоренского концептуализируются такие основы, как все-, духо-, живо-, много-, перво- , -мыслие, перспективо-, -сущее, -творение, цело- и др., к примеру: *взаимо-относительный, взаимо-сопребывание; все-светлый, все-слепящий, живо-творческий, миро-бесчувствие, миро-творение, миро-чувствие, много-объятность, подобно-мыслие, перво-значение, перво-коренной, перво-ощущение, перспективо-верие, перспективо-нарушение, перспективо-почитание, полно-реальность; звуко-речь, слово-речь, само-бóжество, само-живой, само-истукан, само-противоречие, само-противоречивость, само-разногласие, само-разногласный, само-разумный, само-свечение, подлинно-сущее, цело-мыслие, цело-разумие, цело-умие.*

Приведенный ряд примеров позволяет говорить о парадигмообразующей роли дефисных комплексов в философской терминосистеме.

Большой объём выборки свидетельствует прежде всего о том, что дефисизация с целью выделения одного из корней является характерной особенностью словотворчества и словоупотребления П.А. Флоренского, что проецируется естественным образом и на терминотворчество философа. Для присвоения лексической единице статуса термина используется несколько оснований: показатель частоты употребления, графическое выделение (к примеру, капитализация или курсив), а также последующее использование

слова в терминофиксирующих и терминоиспользующих текстах – к примеру, в книгах, содержащих анализ философского наследия философа. Важнейшим основанием являются способность анализируемой единицы к обозначению понятия определённой области знаний, наличие дефиниции или объяснения в любой форме, а также воспроизводимость.

Анализ выборки, произведённой по основным произведениям С. Л. Франка *(Смысл жизни; Непостижимое; Крушение кумиров; Свет во тьме)* не позволяет выделить корни, которые концептуализируются философом регулярно. Примеры использования данной модели единичны: *конкретно-сущее, объективно-сущее, само-ведение*. Однократное использование таких комплексов не позволяет рассматривать их в составе терминологической системы. Следовательно, для терминотворчества С. Л. Франка данная модель не характерна.

§ 3. Дефисные комплексы с концептуализацией префиксального компонента

Дефисные комплексы с префиксом в целом характерны для русского философского текста и используются преимущественно в функции этимологизации и для создания понятийных оппозиций, отражающих или моделирующих фрагменты философской картины мира автора.

Концептуализация дефиса с целью этимологизации или своеобразного «высвечивания» внутренней формы слова, как правило, не имеет прямого отношения к анализу философского терминотворчества, поэтому ограничимся простым утверждением этого факта и несколькими примерами из произведений разных авторов.

«Я верил всю жизнь, что божественная жизнь, жизнь в Боге есть свобода, вольность, свободный полёт, *без-властие, ан-архия*» [Бердяев 1989: 178].

С целью этимологизации, или этимологического расчленения, образования данного типа используются С.Л. Франком в «Непостижимом»: «Именно это начало *не*обузданности, *ан*-архии и составляет первичное элементарное существо непосредственного самобытия – тот "*хаос",* который, по слову Тютчева, "шевелится» в глубине души"» [Франк 1990: 92].

Прежде чем перейти к функциональной характеристике дефисных комплексов, представим полученные данные о продуктивности префиксов в творчестве конкретных философов в виде таблицы:

автор	**Продуктивность модели**	**префиксы**	**Примеры**
П.А.Флоренский	одна из самых продуктивных в словотворчестве	без-, взаимо-, за-, от-, пре-, пред-, противо-, сверх-, со-	*без-конечный, без-опорность, без-умие; взаимо-действие, взаимо-относительный, взаимо-помощь, до-логический, до-мысленный, до-научность, до-системность; за-словесный, за-умный, за-умность, за-умь; от-особление, пред-образованный, пред-существующий, пред-существование, пред-чувствие; сверх-личный, сверх-логический; со-брат, со-деятельность и др.*
Н.А. Бердяев	ограниченно	противо-, сверх-:	*Сверх-Сущее, сверх-исторично, сверх-исторический*
С.Н. Булгаков	чрезвычайно продуктивна	вне-, до-, за-, над-, сверх-, со-:	*До-сознательное, сверх-бытие, сверх-сознание*
С.Л. Франк	крайне ограниченно	во-	*«трансцендирование во-вне — трансцендирование во-внутрь».*
Г.Г. Шпет	чрезвычайно продуктивна	Во-, вос-, вне-, над, с-, со-	*Вне-эстетический, во-вне, возрождение, вос-познание, над-интеллектуальный, над-интеллигибельный, над-исторический, пра-центр, со-значение, со-мысль, со-мыслить, со-мышление, со-переживать*

Явление дефисизации префикса можно считать одним из самых продуктивных в творчестве П. А. Флоренского: двухударные образования с выделением префикса встречаются во всех основных произведениях автора. Наиболее часто отделяются префиксы без-, взаимо-, за-, от-, пре-, пред-, противо-, сверх-, со-: *без-конечный, без-опорность, без-умие; взаимо-действие, взаимо-относительный, взаимо-помощь, до-логический, до-мысленный, до-научность, до-системность; за-словесный, за-умный, за-умность, за-умь; от-особление, пред-образованный, пред-существующий, пред-существование, пред-чувствие; сверх-личный, сверх-логический; со-брат, со-деятельность* и др.

Основная функция авторского дефиса – этимологическое расчленение с целью дополнительного выделения смысла, которое, в свою очередь, может усиливаться за счет «нанизывания» или своеобразного «сгущения» в пределах одного-двух рядом стоящих предложений. Интересен пример нетерминологического употребления трёх существительных с без- в следующем фрагменте «Столпа», формирующем, кроме того, синтаксической конструкцией *ибо что иное .. как ни* есть отождествление с раскрытием глубинной сути обычного слова «безумие – без-умие»: «Но это предельно-скептическое сомнение возможно лишь как неустойчивое равновесие, как граница абсолютного безумия, ибо что иное есть *безумие*, как ни *без-умие*, как ни переживание безсубстанциональности, безопорности ума» [Флоренский 2012: 165]. Префикс без- фактически разворачивает свой концептуализированный дефисом смысл отсутствия в лексемах *безсубстанциональность и безопорность.*

Вторая функция дефисных комплексов с префиксом в философском тексте — создание обозначения нового философского понятия. Как правило, дефисное образование включается в понятийную терминологическую оппозицию с термином, употребляемым без префикса, ср.: исторический — сверх-исторический, история — сверх-история, сознательное —

бессознательное — до-сознательное, сознание — сверх-сознание, бытие — сверх-бытие, сущее — сверх-сущее и т. д.

Для терминотворчества Н.А. Бердяева характерна дефисизация префиксов противо-, сверх-:

«Сама эта неудача указывает на то, что высшее призвание человека и человечества *сверх-исторично,* что возможно лишь *сверх-историческое* разрешение всех основных противоречий истории. <...> Те задания, которые поставлены христианской верой <...> осуществлены они могут быть лишь в победе над временем, в переходе в вечность и в преодолении истории через переход в *сверх-исторический* процесс [Бердяев 1989: 402].

Процесс дефисизации префикса чрезвычайно продуктивен в слово- и терминотворчестве С. Н. Булгакова, наиболее часто выделяются дефисом префиксы вне-, до-, за-, над-, сверх-, со-:

*«*Даром дается только или инстинктивное, *до-сознательное*, или бессознательно-целесообразное, вполне объектное действие (напр., работа нашего сердца), или же, наоборот, высшее созерцание, откровение художественное или религиозное, при котором я само отдаётся объекту, сливаясь с ним, теряет себя, погружаясь в полноту переживаемого» [Булгаков 2009: 173].

«Местоимение есть символ усии, невыразимой глубины *сверх-бытия,* первоипостасности» [Булгаков 2008: 79].

В слово- и терминотворчестве С.Л. Франка подобные дефисные модели используются крайне ограниченно. Заслуживают упоминания две лексемы с префиксом во- (во-вне, во-внутрь), посредством которых реализуется одна из важнейших для С.Л. Франка терминологических оппозиций *«трансцендирование во-вне — трансцендирование во-внутрь».*

Таким образом, модель дефисного комплекса с концептуализацией префикса по-разному реализуется в разных авторских философских

терминосистемах. Будучи одной из наиболее продуктивных в словотворчестве П.А. Флоренского, модель практически не распространяется на терминосистему этого автора, однако оказывается чрезвычайно востребованной в терминотворчестве С. Н. Булгакова и Г. Г. Шпета.

§ 4. Термины-дефисные образования с формантом «не-»

Дефисные образования с концептуализацией форманта «не» — характерная черта многих авторских философских терминологических систем. Распространённость этой модели дает основание Н. М. Азаровой говорить о её нормативности в русском философском тексте. При этом нормативность не отрицает возможности конкретного философа не пользоваться этой частной «нормой»: так, дефисных комплексов с «не-» нет в произведениях Н. Ф. Фёдорова, К. Н. Леонтьева, В. С. Соловьёва, Л. И. Шестова (этот ряд можно продолжить).

Однако в авторских терминологических системах Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, П. А. Флоренского, С. Л. Франка роль и многообразие функций дефисных образований с «не-» настолько велики, что дают основание считать эту модель действительно очень значимой для русского философского текста.

К основным функциям дефисных образований с не- можно отнести следующие: создание понятийных терминологических оппозиций (я — не-я, сущее — не-сущее); этимологизацию (не-обходимость); уточнение, усиление смысла, придание дополнительной выразительности.

Применительно к анализу философской терминологии важнейшей является первая функция: формант «не» с дефисным написанием играет первостепенную роль в образовании понятийных терминологических оппозиций. Так, одной из ключевых для русского философского текста в

целом является понятийная оппозиция «я – не-я», которая входит в терминосистемы Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, П. А. Флоренского, и С. Л. Франка.

Сделаем необходимую оговорку: дефисный комплекс «не-я» можно отнести одновременно к двум типам: комплексы с формантом «не-» и комплексы с центральным местоименным компонентом. Концептуализация форманта «не-» в данном случае выражена очень ярко, поскольку лексема «не-я», как правило, противопоставляется в тексте «я», поэтому мы сочли возможным отнести комплекс к рассматриваемому здесь типу.

Дефисный комплекс «не-я» обладает высокой степенью терминологичности, о чём прямо и косвенно свидетельствуют различные факторы: высокий показатель частоты употребления, включение в состав заголовков и подзаголовков, наличие контекстуальных определений. Главным критерием отнесения «не-я» к терминам является понятийный: эта лексема служит для обозначения и выражения философского понятия, которое является элементом авторской системы понятий. Сам факт наличия терминологической оппозиции говорит о том, что каждый из её членов (я и не-я) тесно связан с другими терминами, а следовательно, является элементом терминологической системы, одним из «узлов» которой, в свою очередь, является терминологическая оппозиция.

Противопоставление я — не-я используется С.Н. Булгаковым для философского осмысления частеречной природы личных местоимений: «Всё мировое бытие есть я или *не-я* (конечно, не фихтевское), в частности, ты и он (вы, они). И вне этих категорий не дается бытие» [Булгаков 2008: 184].

Терминологичность *«не-я»* в «Столпе» П.А. Флоренского подтверждается тем фактом, что при помощи противопоставления «Я — не-Я» автор раскрывает содержание различных философских категорий.

Любовь: «Метафизическая природа любви — в сверх-логическом преоборании голого само-тождества и в выхождении из себя; а это происходит при истечении на другого, при влиянии в другого силы Божией, расторгающей узы человеческой конечной самости. В силу этого выхождения Я делается в другом, в *не-Я*, этим *не-Я,* делается едино-сущным брату…» [Флоренский 2012: 170].

Двоица: «Этот единый, вечный и бесконечный акт есть едино-сущие любящих в Боге, причём Я является одним и тем же с другим Я и вместе отличным от него. Каждое Я есть *не-Я*, т. е. Ты, в силу отказа от себя ради другого, и — Я, в силу отказа от себя другого Я ради первого. Вместо отдельных, разрозненных, само-упорствующих Я получается двоица, — дву-единое существо, имеющее начало единства своего в Боге...» [Флоренский 2012: 287];

Грех («Грех есть то, что закрывает от Я всю реальность, ибо видеть реальность — это именно и значит выйти из себя и перенести свое Я в *не-Я*, в другое, в зримое, — т. е. Полюбить» [Флоренский 2012: 199];

«Не-я» — одно из центральных понятий философии С.Л. Франка, тесно связанное с ключевыми единицами его терминосистемы: «я», личность, душа, субъект, духовная жизнь, единство духовной жизни. Краткое определения *«не-я»* представлено в «Непостижимом»: «Предметное бытие, взятое в его отношении к самобытию» [Франк 1990: 54]. «Я» и *«не-я»* у Франка антиномичны друг другу, существование одного предполагает существование другого. Интересны парадигматические связи термина: *«не-я»* соотносится с лексемой сознание как часть целого и противопоставляется «я» как антоним в произведении «Душа человека»:

«Возникновение предметного сознания есть, как было указано, выделение *"не-я"* из состава сознания-переживания; но "*не-я"* предполагает соотносительное себе "я", и, таким образом, вместе с "*не-я"* и рождается и "я"» [Франк 2004: 206].

Синонимами (или понятийными аналогами) *«не-я»* у Франка выступают лексемы: *несамость*, *ты* (ср.: «*"Ты" есть "не-я",* par excellence»). Кроме того, дефисный комплекс «не-я» включается в более сложные многокомпонентные дефисные образования с концептуализацией разных частей, к примеру: *мне-подобное-не-я.*

Ещё раз подчеркнём: в русском философском тексте дефисные образования с формантом *«не-»* выступают как важнейшее средство образования понятийных терминологических оппозиций: *бытие – не-бытие, детерминизм – не-детерминизм, живой – не-живой, жизнь – не-жизнь, икона – не-икона, мир – не-мир, слово – не-слово, сущее — не-сущее, человек – не-человек.*

Так, у С. Н. Булгакова в «Философии имени» находим: «Здесь нет того трансценза, прорыва из имманентного к трансцендентному, из мира и от человека в не-мир и к не-человеку, в Божественную область» <...> «При этом главный, центральный и единственный вопрос: как возникает слово из *не-слова*, или <…> как появляется первое слово в своеобразии своём, здесь не отвечается, но обходится ссылкой на постепенность перехода, как будто можно построить будущий эволюционный мост над пропастью» [Булгаков 2008: 87].

Особо подчеркнём, что формальное и семантическое «выдвижение» форманта «не-» при помощи дефиса может происходить не только в рамках противопоставления философских терминов; образование дефисных комплексов по этой модели — яркая черта словотворчества П. А. Флоренского.

В большинстве случаев дефисные комплексы с формантом «не-» проявляют те черты, которые, по мнению П. А. Флоренского, характеризуют философскую природу термина: это комплексная мыслимая единица, являющаяся средством постижения человеком мира и открытия нового смысла. Поэтому дефисные комплексы часто выступают в однородном ряду с

синонимами и аналогами, что помогает более полно раскрыть содержание дефисного термина. При этом дефисные комплексы с «не-» могут соответствовать как утвердительным, так и отрицательным суждениям.

Подача дефисных комплексов с формантом «не-» в однородном ряду с синонимами и аналогами – характерная особенность философского творчества С.Л. Франка. Именно так уточняется значение правого компонента терминологической оппозиции *«данное – не-данное»* в «Непостижимом»:

«Действительный состав нашего знания и познавания заключается, напротив, в том, что всё открыто или явно "*данное*" (в узком, специфическом смысле этого слова) дано лишь на фоне *не-данного*, неявного, неизвестного» [Франк 2004: 76].

Характерен в этом плане ещё один пример из «Непостижимого», в котором иррациональный субстрат определяется через ряд текстовых синонимов *«не содержание» — «не-содержание»,* ср.:

«Последний, как нечто безусловно неопределимое, "бессодержательное" (так как per definitionem он не есть содержание или есть *"не-содержание"*) есть что-то вроде сущего ничто, что никогда не может мыслиться сущим отдельно от своей рационально-качественной компоненты» [Франк 2004: 109].

Для П.А. Флоренского также характерна подача дефисных комплексов с «не-» в однородном ряду, ср. в «Философии культа»: «Необряд, таинство тем самым есть *не-мир*, от мира отделённое, обособленное, из мира изъятое, миру странное, миру трансцендентное. Короче говоря, таинство есть святое» [Флоренский 2014: 199].

Интересен также приём антитезы, позволяющей автору точнее раскрыть смысл лексем «иконы» и «святые одежды», которые в «Философии культа» обретают высокую степень терминологичности:

«Под святыми иконами разумеем мы не просто изображения и не простых людей, не для обыкновенного употребления, например, не для украшения комнат; *иконы — не-картины*» [Флоренский 2014: 119].

Итак, смысловое выделение форманта «не-» и регулярность концептуализации этого форманта делают этот тип дефисного комплекса заметным явлением в слово- и терминотворчестве Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, П. А. Флоренского и С. Л. Франка. Для идиостилей этих мыслителей характерно использование дефиса при написании слов с «не», однако эта тенденция выражена непоследовательно: одно и то же слово может быть написано с «не-» через дефис и слитно. По всей вероятности, этот вопрос требует отдельного текстологического исследования с обращением к рукописям и первым изданиям сочинений философов.

§ 5. Дефисные комплексы с центральным местоименным компонентом

Многие образования этой модели носят смешанный характер, поэтому ряд дефисных комплексов с местоимением «я» рассмотрен нами в разделе, посвящённом концептуализации префикса «не-»; большинство местоименных дефисных комплексов С. Л. Франка мы отнесли к следующему типу (предложно-падежные конструкции).

К дефисным комплексам этой модели относятся элементы терминосистем, отражающие философское мировоззрение и являющиеся результатом философской когниции с целью создания особого понятия: я-умирающий в Боге (Л. Карсавин), сверх-я, выше-я, вне-себя-бытие (С. Н. Булгаков), я-ты-бытие (С.Л. Франк) и др.

Дефисные комплексы с одним или несколькими местоимениями являются доминирующим типом в слово- и терминотворчестве С. Л. Франка. С некоторой долей условности можно разделить местоименные дефисные комплексы в философском идиолекте С. Л. Франка на две большие группы.

К первой отнесём образования, в которых соединяются местоимение (местоимения) и существительное (или другое имя): таким образом, здесь возникает своеобразная «зона пересечения» с другим типом дефисных комплексов: *Бог-со-мной, Бог-и-я, я-ты-бытие, мы-бытие.* Кроме того, в выборку вошли лексемы *ты-образность, я-подобное, ты-образный (характер), для-себя-сущее* и некоторые другие.

Ко второй группе отнесём местоименные дефисные комплексы разных типов (местоимения разных разрядов и разный тип связи слов в словосочетании): *я-ты, я-он, я-оно, я-мы, ты-для-меня.* Наиболее важным в терминосистеме Франка является термин *я-ты* с показателем частоты более 40, неоднократным выносом в позицию подзаголовка (ср. в «Непостижимом»: «Две основные формы отношения "я-ты"; «Отношение "я-ты" как единство раздельности и взаимопроникновения») и контекстуальной дефиницией большой протяженности [там же].

Н. М. Азарова выделяет в рамках местоименных дефисных образований отдельную группу дефисных комплексов, включающих компоненты «себя» и «сам» [Азарова 2010а: 124]. П. А. Флоренский использует дефисизацию местоимения *себя* как средство этимологического расчленения в нетерминологических конструкциях, к примеру: «Если же нет тех отношений, о которых я говорил, если *«отношения»* никого не соотносят и *«связи»* никого не связывают, — тогда их *вовсе* нет, и личности — не в дружбе, не друг в друге, а сами в себе и сами по себе, — в *себя*-любии» [Флоренский 2012: 339].

С точки зрения терминотворчества, интерес представляет один комплекс, образованный по данной модели и встречающийся в текстах П.А. Флоренского несколько раз, что говорит о наличии у лексемы достаточно высокой степени терминологичности:

«Реальность даётся лишь жизни, жизненному отношению к бытию; а жизнь есть непрестанное ниспровержение отвлечённого *себе-тождества*,

непрестанное умирание единства, чтобы прозябнуть в соборности» [Флоренский 2012: 213].

С позиции лексики и грамматики *«себе-тождество»* отличается от *«тождества себе»* в первую очередь как слово и словосочетание с разными фонетическими границами. Основной признак дефисного комплекса, отличающий его от сочетания слов, — цельнооформленность, с которой связаны звуковая, грамматическая и семантическая целостность слова. Н.М. Азарова характеризует дефисные комплексы как «идеальные ещё-не-понятия»; в применении к анализируемой лексеме можно сказать, что в сращении «себе-тождество» дефис значительно усиливает семантические признаки «совпадение» и «равенство».

§ 6. Дефисные комплексы, концептуализирующие предложно-падежные конструкции

Такие нерасчленённые структуры наиболее продуктивны в терминотворчестве С. Л. Франка: дефисные комплексы с участием лексем *Бог, бытие, сущее*, которые в соединении с существительными и местоимениями образуют единицы разной степени терминологичности: *Бог-со-мной, Бог-во-мне, Бог-и-я, Бог-с-миром, я-с-Богом, я-без-Бога, Бог-во-мне, я-в-Боге, с-нами-Бог, со-мной-Бог, мой-Бог-со-мной, Бог-с-миром, иной-чем-Бог, ничто-перед-лицом-Бога, бытие-как-не-Бог, от-себя-бытие, бытие-для-меня, бытие-для-себя, я-ты-бытие, бытие-у-себя-самого, бытие-рядом-с-ним, сущее-для-меня, для-себя-сущее, для-самой-себя-сущее* и др.

Заметим, что некоторые дефисные комплексы являются переводами с немецкого; в ряде случаев автор ссылается на создателя термина, например, в «Непостижимом»: «Поскольку мы для обозначения этой потенциальности или спонтанности пользуемся словом "свобода", весьма существенно усмотреть, — в связи с тем, что уже было сказано в отделе "Потенциальность и свобода", — что здесь мы имеем дело с двумя родами или двумя инстанциями свободы.

Гегель определял, как известно, свободу как "бытие-у-себя-самого" (Bei-sich-selbst-sein)» [Франк 1990: 84].

Терминологичность дефисных комплексов анализируемого типа подтверждается высоким показателем частоты (встречаются во всех основных произведениях С. Л. Франка), фактором включённости в подзаголовки и наличием авторских дефиниций: «Всякое "для-себя-бытие" по самому своему понятию есть собственно "бытие-с-Богом", "бытие-для-Бога" — всё равно, в какой мере мы это сознаем и в практическом образе нашего самосознания, нашей жизненной установке сознательно это осуществляем» [Франк 1990: 120]. Эти термины образуют терминологические оппозиции (ср.: *бытие-с-Богом – бытие-без-Бога, я-с-Богом – я-без-Бога*) и сложную систему гипер-гипонимических отношений, составляющую своеобразие терминосистемы С.Л. Франка.

§ 7. Единые концептуальные комплексы, образованные по модели «N + N...»

Предметом рассмотрения в этом разделе является образование и семантика дефисных комплексов, образованных по двух- и многокомпонентной модели «N + N», которая представляет собой единое концептуальное целое. В таких дефисных конструкциях, как пишет Н.М. Азарова, «могут формироваться отношения соположенности, равноположенности и/или взаимопревращаемости, однако эти отношения являются вторичными (не актуализируются) по сравнению с семантикой единого образования» [Азарова 2010а: 124]. Добавим, что описываемая модель не обязательно двучленна, количество «склеиваемых» в единый комплекс слов может доходить до трёх, реже четырёх: это явление можно назвать своего рода «дефисной агглютинацией».

Авторские дефисные образования особенно характерны для слово- и терминотворчества П. А. Флоренского, Н. А. Бердяева и С. Л. Франка: дефис в произведениях этих авторов способствует образованию единых, сложных

нерасчленённых понятий, служащих для передачи новых смыслов, становится средством объединения слов, обозначающих разные аспекты какой-либо идеи или части единой духовной сущности.

Своеобразной формой переосмысления важнейших богословских понятий у П.А. Флоренского становятся двучленные дефисные образования со словами «Бог» и «Дух», ср: *Бог-Слово (идея Бога-Слова), Бог-Троица, Завершитель-Дух, Дух-Голубь.*

«Этот Гераклит впервые ясно почуял, что существует *Бог-Слово* (*здесь и далее в примерах раздела курсив наш* – Н.К.), — впервые открыл высшую гармонию и сверх-мирное единство бытия» [Флоренский 2012: 160].

«Точно также, в упомянутой выше "Службе Софии" София иногда почти отождествляется с *Богом-Словом*» [Флоренский 2012: 394].

«И прибой подымается выше. Ничто не может быть выше его — ибо он бесконечный. <...> Ему, бесконечному, померяться бы с мощью Бесконечного — её он признаёт. И он стремится к Смыслу, который стоит пред ним окончательною гранью. Смысл этот Логос, *Бог-Слово*, абсолютный Смысл» [Флоренский 2014: 141].

«Но кто не успокоился в *Завершителе-Духе,* тот должен будет дать отчёт пред всепроникающим Словом Божиим» [Флоренский 2012: 194].

Как проявление процесса переосмысления богословских терминов и слов общелитературного языка можно рассматривать двучленные дефисные комплексы Н.А. Бердяева: *Христос-Логос, Христос-Мессия, мир-макрокосм, человек-микрокосм, Адам-Христос, любовь-причастность, дева-юноша.* Такие дефисные комплексы являются отличительной чертой идиолекта философа, что закономерно проецируется на его терминотворчество. В ряде случаев сложная природа понятия, стоящего за дефисным комплексом, особо подчёркивается автором в контекстуальном определении, ср.:

«Человек-микрокосм есть столь же многосложное и многосоставное бытие, как и макрокосм, в нём есть всё, от камня до Божества. Во всех оккультных учениях скрыта, в сущности, всё та же таинственная истина о *человеке-микрокосме*» [Бердяев 1989: 156].

Лексикализованные сочетания «существительное + существительное», образующие единый концептуальный комплекс с отношениями со- и равноположенности, встречаются среди авторских терминов С.Л. Франка сравнительно редко, но при этом несут серьёзную смысловую нагрузку и являются значимыми элементами терминосистемы: *Бог-добро, сознание-переживание, знание-жизнь.* Дефисизация, как и в предыдущих примерах, может способствовать процессу переосмысления терминологических и общелитературных лексем, ср.:

«Существует некая родина, некая онтологическая первооснова нашей души – но существует лишь обособленно, как далёкий, "неведомый" *Бог-отец, Бог-добро*…» [Франк 1990: 82].

«Бессознательное – или, как мы отныне будем говорить, – подсознательное есть для нас лишь бесконечно мало сознаваемое, предел ослабления *сознания-переживания*» [Франк 2004: 16].

«Исходя из нашего последнего размышления, мы можем и так формулировать этот вопрос: поскольку непостижимое как таковое раскрывается только в живом знании, в *знании-жизни* <…>?» [Франк 1990: 34].

Круг слов, входящих в двучленные дефисные комплексы исследуемой модели, довольно ограничен: *смысл, истина, Бог, Дух, слово, Слово, тьма, жизнь, бытие, небытие* и т. п. Анализ примеров позволяет сделать предположение о превращении сочетания существительного с приложением в отдельное знаменательное слово, которое терминологизируется, становясь вербализированной единицей специального знания особого типа —

религиозно-философского. Добавим также, что степень терминологичности двучленных дефисных комплексов может быть очень разной и определяется целым рядом факторов, среди которых понятийное содержание, частота употребления, включение в позицию заголовка, наличие дефиниции (в любой форме), графическое выделение и т. п.

Многочленные дефисные комплексы, концептуализирующие ряд равноположенных существительных, образующих единое понятие, регулярно встречаются в произведениях П.А. Флоренского: *грех-суета-мука-смерть, любовь-идея-монада, идея-сила-субстанция-слово, Слово-Разум-Дух* и др.

«Эта триединая идея *основы-разума-святости*, раскалываясь в нашем рассудке, предстаёт греховному уму в трёх взаимоисключающих аспектах: основы, разума и святости» [Флоренский 2014: 353].

«Всё "последование погребения" построено из этих неразрывных между собою идей *оправдания-покоя-блаженства-бессмертия* и противоположных им *греха-суеты-муки-смерти*» [Флоренский 2014: 196].

«Неописуемым актом (в котором соприкасаются друг с другом и содействуют друг другу неизреченное смирение Божественной любви и непонятное дерзновение любви тварной) входя в жизнь Божественной Троицы, стоящей выше порядка, <...> эта *любовь-идея-монада*, этот четвёртый ипостасный элемент в отношении к себе вызывает различие по порядку <...> Ипостасей Пресвятой Троицы» [Флоренский 2012: 326].

«Пасхальное Евангелие, объявляющее торжество и победу Силы Бытия над Небытием, провозглашает эту силу как Силу *Слова-Разума-Духа*, как открывшуюся в ночь победы бесконечную существенность бесконечного Смысла» [Флоренский 2014: 142].

Дефис является средством образования нового понятия и, следовательно, средством заполнения лексической (точнее, терминологической) лакуны. С содержательной точки зрения, такой дефисный

комплекс представляет собой обозначение сложного и многомерного философского концепта и одновременно выполняет функцию открытия и фиксации нового «кванта» религиозно-философского знания.

«Дефисная агглютинация» наиболее характерна для слово- и терминотворчества П.А. Флоренского, Н.А. Бердяева и С.Л. Франка. При помощи дефисов образуются сложные нерасчленённые понятия для обозначения многоаспектных философских и теофилософских понятий с несколькими родовыми идентификаторами.

Это своеобразный ответ на вызов эпохи, сформулированный Г. Г. Шпетом в уже цитировавшейся нами в первой главе настоящей работы фразе «Языка не было»: разнообразные по семантике и структуре дефисные комплексы и создавали (наряду с переосмысляемыми общеязыковыми лексемами и авторскими новообразованиями) новые смыслы, новую терминосистему и особую выразительность нового языка русской философии на рубеже веков.

ВЫВОДЫ

В Третьей главе выявлены общие принципы формирования авторских, или личностных, терминосистем и охарактеризованы основные способы авторского философского терминообразования: терминологизация общеупотребительных лексем, терминологическое заимствование (транстерминологизация), а также морфологическое и синтаксическое терминообразование. Показано, что в описываемый период отчасти сохраняется явление заимствования, но основную роль в формировании терминологического аппарата русской религиозной философии играют другие процессы, и даже заимствованные термины имеют тенденцию к переосмыслению.

Определено понятие терминологизации: переосмысление лингвистической реалии (обычного слова) и формирование на его основе философского концепта, представляющего собой когнитивную ментальную реалию. Выявлено, что в процесс философской терминологизации преимущественно вовлекаются слова общеупотребительного языка, имеющие сложную семантическую структуру.

Охарактеризован механизм терминологического привлечения в философском тексте. Специальная лексика без переосмысления используется в философском тексте для описания различных биологических, технических, физических и экономических процессов и явлений. Охарактеризовано явление метафоризации: эта дискурсивная функция научного термина (подфункция терминологического привлечения) связана с его ассоциативным потенциалом и эвристическими возможностями.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, в процессе транстерминологизации происходит перегруппировка семного состава значения термина; результатом транстерминологизации может являться вхождение термина в ядро авторской терминосистемы. Включаясь в философскую терминосистему, заимствованные термины значительно изменяют свой концептуальный объем. Содержательной перестройке термина способствуют появление новых синтагматических предикатов, формирование новых синонимических или аналоговых отношений.

Проанализировано и охарактеризовано соотношение понятий «философский термин» и «окказиональное слово».

В зависимости от степени терминологичности философский термин может находиться на разных участках шкалы «окказиональное — узуальное». Исследованные единицы философского текста, которые момент создания представляли собой окказионализмы, могут иметь различную судьбу в философском узусе. Некоторая часть таких слов *(патрофагия* (Н. Ф. Федоров), *машинность* (С. Н. Булгаков), *сатанократия*

(Н. А. Бердяев), *демонократия* (С. Л. Франк) сохраняет основные свойства окказионализмов: творимость, однократность, связь с порождающим текстом.

Другие авторские новообразования приобретают свойство терминологичности: дефинируются (в том числе при помощи контекстуального определения), обретают понятийные связи в авторской философской терминосистеме. Становясь терминами, авторские неологизмы теряют тесную связь с порождающим контекстом и начинают использоваться в терминофиксирующих и терминоиспользующих текстах (словари, учебники, статьи, монографии).

Показано, что формы терминов и виды терминообразования в русском философском тексте отличаются большим разнообразием, а их соотношение в различных авторских философских терминосистемах значительно варьируется. На основе теоретических положений, выработанных в отечественном терминоведении, сформулированы основные свойства терминообразования в философском тексте, к которым относятся сознательность, контролируемость и регулируемость процесса, протекающего параллельно с развитием научной мысли. Вслед за М. Н. Володиной терминологическая номинация определена как процесс именования специальных понятий в процессе философского осмысления действительности.

Проанализированы все разновидности морфологического терминообразования, используемые в русском философском тексте: сложение, формирование дефисных комплексов, суффиксальное и префиксальное, а также префиксально-суффиксальное образование терминов.

Показано, что сложение как способ пополнения авторских терминосистем наиболее ярко проявляется в терминотворчестве Н. Ф. Фёдорова и С. Л. Франка: при помощи сложения образуются ядерные термины, или термины-доминанты, обозначающие основные, главные понятия философских мировоззрений. У других философов этот способ

пополнения терминосистем представлен менее ярко, в ряде случаев можно говорить не о создании авторских новообразований путём сложения, а только об использовании готовых слов-композитов, входящих в философский дискурс.

На конкретном языковом материале проанализировано явление системности терминов, созданных из однородных терминоэлементов. Суффикс выступает в качестве ономасиологического базиса нового наименования, а основа — в качестве ономасиологического признака: *анимизм, аполлинаризм, гаманизм, гегелизм, релятивизм, супраморализм, феноменализм*.

Охарактеризован состав используемых в философском дискурсе суффиксов: *-изм, -ость, -енность/-нность, -аци(j), -ние* и некоторые другие. Значительное число философских терминов образовано с помощью префиксов, причём в философском дискурсе наблюдается тенденция к использованию не только русских, но и заимствованных префиксов: *а-, анти-, над-, нео-, псевдо-, сверх-, супер-, транс-* и др., к примеру: *адогматизм, антигуманистический, антииндивидуализм, антинигилист, неокантианство, неопозитивизм, псевдовещь, трансцендентальный.* Данные выборки позволяют составить общее представление об активности использования тех или иных терминоэлементов в терминотворчестве разных авторов.

Охарактеризованы критерии, позволяющие разграничить терминологические и нетерминологические словосочетания: связь с понятием, соотнесенность с основной идеей текста, наличие любой дефиниции, частота, функционирование в терминоиспользующих и терминофиксирующих текстах, соотнесенность с другими терминами, воспроизводимость, а также невозможность для зависимых слов словосочетания иметь собственные синтаксические зависимые.

Показано, что синтаксическое терминообразование является наиболее продуктивным способом пополнения философских терминосистем: термины-

словосочетания, выражающие единые целостные понятия, характерны для философского творчества К. Н. Леонтьева, С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева, П. А. Флоренского, С. Л. Франка. Двух- и многокомпонентные термины используются мыслителями как сложные номинативные единицы, включающие классификационные признаки базовых философских понятий. Анализ языкового материала позволяет сделать выводы о значимости синтаксического способа для формирования авторских терминосистем в русском философском тексте описываемого периода.

Выявлена связь синтаксического и семантического способов философского терминообразования: переосмысленные общелитературные лексемы или транстерминологизированные единицы других специальных областей включаются в разнотипные словосочетания, образуя обозначения новых философских понятий. Исследуемые авторские философские терминосистемы характеризуются наличием терминологических гнёзд, образующихся вокруг ядерных терминов, являющихся формально-семантическими центрами для рядов или групп разнообразных видовых наименований. «Слова-основания», или ядерные термины, являются специфическими для каждой из характеризуемых терминосистем.

Охарактеризовано явление дефисизации, характерное для русского философского текста конца XIX — начала XX в. Осуществлено продолжение разработки предложенной Н.М. Азаровой типологии дефисных комплексов в преломлении к авторским философским терминосистемам изучаемого периода: проанализированы основные типы дефисных комплексов, которые входят в состав авторских терминосистем русских философов изучаемого периода. В зависимости от характера концептуализирумого компонента выделены следующие основные типы авторских философских терминов: дефисные образования, основанные на концептуализации корня; дефисные образование с формантом не-; дефисные образования с выделением префикса; дефисные образования с местоименным компонентом; дефисные комплексы,

концептуализирующие предложно-падежные конструкции; дефисные образования, образованные по модели N+N+(...).

Анализ языкового материала показал, что дефисные комплексы как явление характерны для терминологических систем таких авторов, как Н. А. Бердяев, П. А. Флоренский, С. Н. Булгаков и С. Л. Франк; для терминотворчества других философов дефисные термины как специфический языковой феномен не характерны.

Анализ исследовательской выборки философских терминов позволил выявить принципы и механизмы терминообразования, а также установить наиболее продуктивные модели образования специальных лексических единиц русского религиозно-философского текста конца XIX – начала XX в.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. АСПЕКТЫ ФИЛОСОФСКОГО ТЕРМИНОТВОРЧЕСТВА РУССКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ XIX — НАЧАЛА XX В. («ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЛИИ»)[4]

§ 1. Аспекты философского терминотворчества

В настоящей главе анализируются различные аспекты философского терминотворчества на материале отдельных терминов и их групп.

Выбор объекта анализа обусловлен практически полным отсутствием лингвистической рефлексии по поводу целого ряда ключевых философских лексем, бесспорность терминологического статуса которых обусловливается фактом их фиксации в терминофиксирующих и терминоиспользующих текстах. Вместе с тем, следует отметить, что целый ряд терминов — к примеру, термины философской школы *всеединства* и стоящие за ними концепты — неоднократно и подробно проанализированы в лингвистических работах Н. К. Бонецкой, Н. Г. Брагиной, В. В. Колесова, Е. В. Лисициной, Е. В. Сергеевой, С. Н. Стародубец и др. Поэтому философские лексемы, которые неоднократно рассматривались лингвистами, не являются объектом пристального внимания в настоящем разделе диссертационного исследования.

В качестве объекта анализа выбраны недостаточно исследованные с лингвистической точки зрения термины, входящие в ядерные зоны авторских философских терминосистем: *беспочвенность, истина, почва* Л. И. Шестова; *византизм, нация, национальность* К. Н. Леонтьева, *свобода* Н. А. Бердяева, *крест* П. А. Флоренского и некоторые другие.

Одной из важнейших задач, решаемых в главе, является доказательство тезиса З. Я. Икере о многомерности семантической структуры философского

[4] Текстовые примеры в Четвертой главе, снабженные указанием только на автора, название и год написания произведения, взяты из текстовых корпусов: Библиотека лексикографа, Библиотека Института философии РАН, НКРЯ.

термина, включающей т.н. *субъективный* компонент значения, см.: [Икере 1983]. Субъективность, или авторское начало, ярко отражено в семантической структуре философских терминов *бестиализм*, *объективация, творчество* Н. А. Бердяева, *меон, прогресс, телесность, туизм* С. Н. Булгакова, *оправдание добра, оправдание зла, положительное всеединство, теургия* В. С. Соловьева, *иерархический персонализм* Л. П. Красавина, *конкретное бытие* С. Л. Франка, см.: [Грановская, Алиев 2013].

Явления терминологизации общеупотребительной лексемы и переосмысления религиозно-философского понятия рассматриваются на примере авторского философского термина *истина*, который в творчестве Л. И. Шестова не обладает т.н. относительной однозначностью, свойственной философским терминам в рамках одной терминосистемы, поскольку, по данным контекстуального анализа, имеет четыре интерпретационных варианта, реализуемых в рамках одной авторской философской терминосистемы.

Способность философских терминов образовывать терминологические оппозиции рассмотрена на примере лексем *беспочвенность* и *почва.* Одной из исследовательских задач был анализ развития «терминологической мысли» Л. И. Шестова: на этапе «входа» в терминосистему происходит терминологизация общеупотребительной лексемы *почва*, затем от авторского термина *почва* образуется термин *беспочвенность*, имеющий, по данным всех терминофиксирующих и терминоиспользующих текстов, связанных с творчеством философа, статус ключевого для авторской философской терминосистемы Л. И. Шестова.

Особое внимание уделено углубленному анализу явления философской трактовки терминов других областей знания. Поскольку в описываемый период терминология находилась в стадии активного формирования и развития, многие термины общественно-политического характера функционируют и осмысляются именно в философском дискурсе. Философский язык того времени часто неотделим от политической

публицистики: в нем с позиции религиозного сознания обсуждаются такие понятия, как *византизм, нация, национальность, социализм* (ср.: высказывание В. А. Кувакина о философской публицистике Н. А. Бердяева: «В этот период в России XIX в. пытались христиански обосновать социализм» [Кувакин 1980: 182]). Философская трактовка общественно-политических терминов особенно характерна для произведений К. Н. Леонтьева, Н. А. Бердяева и С. Н. Булгакова.

Гипотеза значимости лингвофилософских идей в современной системе знания о языке получает подтверждение при анализе философского осмысления лингвистических понятий. Поскольку многие из них в описываемый период находились на стадии формирования, можно говорить о том, что осмысление сущностных свойств слова, имени, термина, внутренней и внешней форм слова, процессов речепорождения и понимания осуществлялись в тесном взаимодействии философии и языкознания. Философское осмысление лингвистической проблематики, сопровождающееся процессами транстерминологизации и переосмысления, характерны для программных произведений Н. Ф. Федорова, П. А. Флоренского и С. Н. Булгакова.

Явление философской трактовки теологической терминологии показано на примере лексемы *крест*: предпринята попытка доказать, что *крест* в «Философии культа» П. А. Флоренского – не слово общеупотребительного языка, а авторский философский термин с несколькими родовыми идентификаторами, обозначающий авторскую философему.

В заключительной части главы намечены основные пути описания авторской терминосистемы П. А. Флоренского, а также проанализировано явление т.н. *полилексии*, характерное для терминотворчества и терминоупотребления этого автора.

§ 2. «Истина» Льва Шестова: сколько значений у авторского философского термина?

Терминологическую сущность слова *истина* обусловливает его отнесенность к специальной тематической области и способность обозначать научное и философское понятие, одно из самых важных не только у Л. И. Шестова, но и вообще в русской алетологии[5] конца XIX — начала XX в. Но наполнение этого понятия может быть очень разным. Истина – ключевая терминологическая лексема многих работ Шестова (важно заметить, что эти работы охватывают все периоды творчества мыслителя): *Достоевский и Ницше* (1903); *Апофеоз беспочвенности* (1905); *Похвала глупости* (1907); *Логика религиозного творчества (Памяти Уильяма Джемса)* (1910); *Философия и теория познания* (1910); *На весах Иова* (1929); *Афины и Иерусалим* (1938).

О частоте этого термина у Л. И. Шестова можно судить по аналитическим данным в заданном пользователем подкорпусе «Шестов» Национального корпуса русского языка: в 13 документах зафиксировано 1772 вхождения (для сравнения: *вера* 488; *почва* 68; *беспочвенность* 14).

Обращает на себя внимание содержательная многоплановость термина *истина* у Л. И. Шестова и, конечно, зоны несовпадения семантики текстовой и словарной. Этот термин есть практически во всех философских словарях — в разных интерпретационных вариантах! — начиная с «Философского словаря» С. С. Гогоцкого (1876), определение которого больше похоже на фрагмент философской работы: «Истина — согласие наших представлений и понятий с наблюдаемой действительностью, с её законами. Можно понимать истину и в другом, более глубоком смысле, как согласие явлений с самим существом вещей, а затем согласие наших понятий не только с явлениями, но

[5] Понятие «алетология» в значении философского учения об истине предложено Ш. Нуцубидзе в 30-е годы XX в. См.: Бегиашвили А. Алетологический реализм Шалвы Нуцубидзе // Историко-философский ежегодник 1991. М., 1991. С. 335—338.

и с самым существом и смыслом вещей. Истиною называют ещё согласие наших выражений в словах, жестах и т. д. с действительным внутренним настроением. Кант отрицал связь между явлениями и существом вещей, утверждая, что в явлениях не выражается их существо...» [Гогоцкий 2009: 67].

Статья С. С. Гогоцкого, несмотря на её стилистическое своеобразие, вполне соответствует определённой традиции представления термина *истина* в философских и энциклопедических словарях: фиксация общефилософских значений (три «разновидности» понятия «согласие») и указание на значения, «привязанные» к различным философским направлениям. Гораздо менее традиционно выглядит статья «Истина» в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, написанная Вл. Соловьёвым, который фиксирует два небесспорных значения термина и рассуждает о внутреннем развитии понятия: «Истина сама по себе — то, что есть, в формальном отношении — соответствие между нашею мыслей и действительностью. Оба эти определения представляют истину только как искомое», см.: [Брокгауз, Ефрон 1897].

В «Философском словаре» Э. Л. Радлова истина определяется как «цель человеческого познания»; критерии истины анализируются и выявляются на материале философского творчества Аристотеля, Декарта, Гегеля, а также представителей других философских школ и направлений.

В современных словарях (например, «Краткий религиозно-философский словарь» В. А. Василенко) также отражены общефилософские значения термина (соответствие реальности; раскрытие реальности) и значения, связанные с философскими школами: «В русской религиозной философии преобладало понимание истины как абсолютной ценности, укоренённой в Высшем бытии» (см.: [Василенко 1996]).

«Современный философский словарь» определяет истину как «соответствие человеческих знаний действительности, совпадение человеческой мысли и объекта» [Современный философский словарь 2015]. Полиморфная дефиниция отражает многоаспектность философского понятия,

однако авторы статьи отказались от описания интерпретационных вариантов термина.

В энциклопедии «Русская философия» под ред. М. А. Маслина (см.: [Русская философия 2007]) нет статьи с заголовочным словом «истина».

Прежде чем перейти к контекстуальному анализу авторского термина, в нескольких словах охарактеризуем роль и место понятия «истина» в терминоиспользующих текстах, к которым, в частности, относятся научные работы, посвящённые философскому творчеству Л. И. Шестова. Интерпретационный анализ понятия представлен в большом количестве работ по истории философии (см., к примеру: [Владыкина 2009, Ворожихина 2015, Лашов 2005]).

Л. И. Шестов неоднократно характеризовал историю философии как историю поисков истины: для обычного человека (человека «почвы» и «всемства») поиск истины всегда означал стремление к общеобязательным суждениям, «вечным истинам». Цель философа — обретение истины более высокого порядка: «истина как подлинность, как человеческая истина противоположна истинам науки, морали и человеческого общения. <...> Чтобы увидеть истину, нужна способность к величайшему самоотречению и готовность к чуду» [Владыкина 2009: 21].

Перейдем к анализу значений авторского термина истина у Л. И. Шестова. Произведения Л. И. Шестова цитируются нами по пользовательскому подкорпусу «Русская религиозная философия», созданному на основе НКРЯ, библиотеки Института философии РАН, а также электронного ресурса Словарного отдела ИЛИ РАН «Библиотека лексикографа».

Из прямых утверждений автора и из анализа текстовых окружений слова истина можно вывести из работ философа четыре интерпретационных варианта термина, которые условно можно обозначить как: *1) обыкновенная истина; 2) истина-догма; 3) индивидуальная истина; 4) последняя истина.*

Эта связь термина-знака с четырьмя означаемыми отражает современное

представление об авторском термине как об авторской предикации и авторской интерпретации специального понятия в тексте и в дискурсе (см.: [Табанакова 2013: 142]). Авторское начало проявляется и в многоаспектности термина и в столкновении разных пониманий истины в рамках одного философского мировоззрения, и в авторском новообразовании «последняя истина» (семантико-синтаксическое терминообразование).

Вызывает интерес теоретическая проблема: сколько авторских и/или общефилософских терминов *истина* использует Л. И. Шестов? При ответе на этот вопрос возможны две точки зрения.

Первая принадлежит С. Д. Шелову: «изучая функционирование термина в характерной для него специальной сфере, следует ограничивать употребление слова «термин» лишь знаковой единицей в одном и только одном значении; единицы с различными значениями — хотя бы и весьма близкими — именно как термины следует считать различными единицами» [Шелов 2003: 13].

Принять эту точку зрения безоговорочно не позволяет специфика философского текста, принадлежность которого к научному стилю речи, как показано в первых частях работы, может быть оспорена. Близость языка философии к языку поэзии превращает многозначность термина в важное онтологическое свойство философского текста. Поэтому нам ближе позиция Н. М. Азаровой, которая говорит о принципиальной многозначности философского термина: «Если идеальный научный термин однозначен, то философский термин не только призван “оживить” собственно языковые значения, но, как и в художественном тексте, в отличие от обыденной речи, часто не рассматривает контексты как средство редукции полисемии, положения семантических границ» [Азарова 2010а: 50].

Разделяя позицию исследователя о многозначности философского термина, следует говорить не о четырёх разных терминах, а о столкновении в рамках одной терминосистемы четырёх интерпретационных вариантов

(условно обозначенных нами *истина 1, истина 2, истина 3* и *истина 4*), что и делает этот термин у Л. И. Шестова в целом авторским.

Какие-то из них соотносимы со словарными представлениями, то есть с философским терминологическим узусом, а какие-то нет — но отнюдь не узуально, и потому интересно именно такое столкновение.

Значение первого термина (*истина 1, «обыкновенная истина»*) отражает эмпирический характер непреложных данных опыта или объективность закономерностей физического мира: «огонь жжется»; «Я приводил пример: в 399 году до Р.Х. в Афинах отравили Сократа. Это — *истина* опыта, констатирование факта» [Л. И. Шестов. Шекспир и его критик Брандес (1898)].

Поскольку истина факта менее всего интересует философа Шестова, контекстов употребления интерпретационного варианта термина истина 1, совпадающего со значением общеупотребительного слова, в его произведениях очень мало.

Интерпретационный вариант термина *истина 2* носит абстрактно-логический, собственно философский характер («догма»). К таким истинам относятся философские обобщения, известные постулаты, а также глобальные обобщения эмпирических наблюдений. Эти истины, на наш взгляд, составляют ту самую «почву», которую Шестов так неистово отвергает в своём «Апофеозе», выступая против истины выводного знания, отрывающегося от реальности бытия: «Заподозрить логику, значит заведомо обречь себя на уход *истины*» [Л. И. Шестов. Апофеоз беспочвенности (1905)].

Критический запал Л. И. Шестова в значительной мере выражен при помощи синтагматических связей термина в тексте или же прямыми оценочными формулировками-псевдоопределениями. Заметим, что синтагматическое окружение термина *истина 2* очень интересно и характерно именно для идиостиля Льва Шестова: *принудительная истина, истина для всех, истина едина, истина непререкаемая и общеобязательная; общеобязательная, априорная; идеальная сущность, математическая*

функция, необходимая, обязательная, не первозданная, производная, вторичная, «почти» абсолютная истина, капризный произвол деспотизма истины.

Эта истина носит догматический характер: не имея, по мнению Л. И. Шестова, настоящей связи с реальной действительностью и несмотря на «всеобщий характер», она должна быть поставлена под сомнение мыслящим человеком.

Контекстуальный анализ позволяет сделать выводы о том, что семантика интерпретационного варианта термина *истина 2* (истина-догма) в авторской терминосистеме Л. И. Шестова включает такие составляющие, как: *теоретический характер; связь с разумом и мышлением и логикой (а не с верой и откровением); приоритет выводного знания, заключения; необходимость и общеобязательность (оцениваемые автором термина негативно); авторитарность; принудительный характер (общество «навязывает» эти истины человеку); порядок; «связь с идеей определённого принудительного, неизменного порядка».*

В «Апофеозе беспочвенности» есть замечательный фрагмент, в котором говорится о тайне внутренней гармонии Пушкина. На первый взгляд, с точки зрения лексической структуры фрагмент никак не связан с представлениями об истине как о догме. Но, как нам представляется, гениальность Пушкина для Л. И. Шестова заключается как раз в неприятии правил, законов, «почвы» — в «беззаконии», в котором философ видел идеал, в отказе от догматических истин: «Для Пушкина не было ничего безнадёжно дурного. Даже больше: все было для него пригодным» [Л. И. Шестов. Апофеоз беспочвенности (1905)].

Третий интерпретационный вариант анализируемого термина обозначим как «индивидуальная (или личная) истина» (*истина 3*).

Семантические составляющие значения этого варианта термина таковы: *экзистенциально-личностный характер, связь с личным духовным опытом человека; «прозрение, сделанное в минуту вдохновения»; временный (или кратковременный) период существования; выдуманный, «персональный»,*

индивидуальный характер; отсутствие связи с аргументацией, ненужность аргументации и доказательств; превалирование эмоционального начала над рациональным; обман, парадокс, беспорядок.

Представление о такой истине находим, в частности, в «Sola Fide»: это безумная, по мнению автора, убежденность влюбленного в том, что его избранница «прекраснее и лучше всех в мире».

«И разве, когда время охладит его пыл, он не убеждается вместе со всеми что она самая обыкновенная женщина? Но что ещё хуже, разве даже собственный опыт научает человека осторожнее относиться к внушениям Эроса? Мы знаем, что вторая, третья и даже у иных десятая любовь так же обманывает, как первая» [Л. И. Шестов. Sola Fide (между 1911 и 1914)].

Наиболее сложным в смысловом отношении и в то же время наиболее значимым в системе философских воззрений Шестова представляется четвертый вариант значения термина, который мы условно обозначим как «подлинная истина» (*истина 4*).

Здесь интересно привести продолжение рассуждений Л. И. Шестова о ложном восприятии влюблённого человека. Индивидуальная — временная и ложная — истина может оказаться подлинной, все дело в «средствах», скрывающих или открывающих действительность: «Чтобы увидеть истинных людей, слабым и грубым намёком на которых является наша обыденная действительность, нужны не „метод” и логика, не нивелирующий разум. И метод, и логика, и разум — все это средства, скрывающие от нас действительность. Нужен подъем души, нужна именно способность избавиться от метода, от всякого контроля, налагаемого на нас „логикой”. Нужен порыв, восхищение» [Л. И. Шестов. Sola Fide (между 1911 и 1914)].

Приведённый фрагмент указывает на важный компонент значения интерпретационного варианта термина *истина 4*: достижение через порыв, восхищение, подъем души. О внезапном, спонтанном характере приобщения к подлинной истине Л. И. Шестов говорит не раз. Схожая мысль звучит в книге «На весах Иова»:

«*Истина* приходит в жизнь, не предъявляя никому оправдательных документов. И отдельные живые люди, когда они, пробудившись от чар вековых a priori, обретают желанную свободу, идут за *истиной* не туда, куда ходил Спиноза узнавать, чему равна сумма углов в треугольнике. *Истине* не нужно никаких оснований — разве она сама себя не может нести!» [Л. И. Шестов. На весах Иова (1929)].

Как не похожа эта истина на истину-догму! В этом фрагменте смысл термина, определения которого у Л. И. Шестова нет, раскрывается очень ярко. Контекстуальный анализ позволяет выявить следующие ядерные компоненты значения: *цель философии («то, чего ищет философия») и цель человека; безосновность, «беспочвенность»* (то есть, следуя логике Л. И. Шестова, отсутствие связи с «всемством»)*; отсутствие связи с наукой («чему равна сумма углов в треугольнике»); внезапность, озарение, чудо.*

Частотный синтагматический партнер термина *истина 4* — прилагательное «последняя», указывающий на семантику предельного откровения, окончательного знания, содержащегося в значении лексемы. «Последняя истина» – это авторское терминологическое сочетание, образованное синтаксическим способом. Синтагматическое окружение словосочетания выявляет в его значении семантические компоненты «скрытость», «недоступность»:

«Последняя истина покрыта непроницаемой тьмой, хотя вполне возможно и даже естественно было бы, чтоб истина не была скрыта от людей, которые ее так ищут и так по ней тоскуют» [Л. И. Шестов. Афины и Иерусалим (1938)].

По мнению С. А. Полякова, истина понимается Шестовым «не столько в духе классической корреспондентской концепции — как соответствие реальному положению дел — сколько в субъективно-онтологическом плане: она выступает и как непременный атрибут каждого конкретного человеческого существования, и как качество бытия в целом... Истина для Шестова — не реальность «вообще», а точка зрения, в которой пересекается

бытие — как перспектива видения — и индивидуальное сознание — как орган зрения». См: [Поляков: 2010]. Добавим, что таких «точек зрения», т. е. истин — столько, сколько ищущих их людей.

Проблема истины поднимается Л. И. Шестовым практически во всех книгах — в том числе и в программном «Апофеозе». Здесь говорится об особом типе личности (а это те же люди, которые являются адресатами «Апофеоза» — да, собственно, и всей философии Шестова — «не боящиеся головокружения»), которым настоящая истина может открыться: это ищущие её смельчаки, «не привязанные» к морали и к истине-догме:

«Пока оседлые люди будут искать истины — яблоко с дерева познания не будет сорвано. За это дело должны взяться бездомные авантюристы, природные кочевники, для которых ibi patria, ubi bene...» [Л. И. Шестов. Апофеоз беспочвенности (1905)].

Таким образом, «истина» — это авторский философский термин Льва Шестова, обозначающий одно из центральных понятий в философской терминосистеме, несущий основную идею и смысловую нагрузку в произведениях автора. В основе термина лежит неоднозначное, полиморфное понятие, которое, в зависимости от ракурса исследования, может быть представлено в одном из четырех интерпретационных вариантов: *1) обыкновенная истина; 2) истина-догма; 3) индивидуальная истина; 4) последняя истина.*

Проведенный анализ подтверждает и развивает выводы И. З. Икере о том, что изменение содержания дефиниции является неотъемлемым свойством философской терминологии. Однако несовпадение понятийного содержания философского термина может быть обусловлено не только эволюцией философской мысли с течением времени. Качественные изменения смыслового содержания при неизменности формы термина, проявляющиеся в наличии нескольких интерпретационных вариантов, возможны в пределах одной авторской терминосистемы.

§ 3. «Беспочвенность» и «почва» Льва Шестова как авторские философские термины

Слово *беспочвенность*, вынесенное в сильную текстовую позицию заглавия работы «Апофеоз беспочвенности», обозначает одно из ключевых понятий шестовской философии и имеет не подлежащий сомнению статус авторского философского термина.

Это единица «специального» знания, функционирующая в «языке для специальных целей», каковым является философское произведение любого жанра в определённых хронологических рамках: конец XIX — начало XX в.

В произведениях Л. И. Шестова лексема *почва* используется очень активно, показатель частоты его существенно выше, чем у общепризнанного авторского термина *беспочвенность*. Слово *почва* в Национальном корпусе русского языка в подкорпусе «Шестов» зафиксировано в семи произведениях (из 13); 68 вхождений; *беспочвенность* — 14 вхождений в 4-х документах.

Статистические показатели говорят о том, что концептуальность слова не всегда оказывается связана с частотой — но в то же время частота слова *почва* делает его словом-ключом, с помощью которого расшифровывается содержание «парного» философского термина *беспочвенность*. Несмотря на меньший показатель частоты, это слово играет в шестовской философии иррационализма гораздо большую роль. Заметим также, что понимание понятийного содержания термина *почва* возможно лишь на основе пресуппозиционного знания о том, что главной для Л. И. Шестова была *беспочвенность* как отрицание основ.

Слово *беспочвенность* Шестов часто заменяет текстовыми синонимами или аналогами. К таковым можно отнести слова с приставками без- и бес-: *беззаконие, безосновность, безмотивность*. Слова *безнадежность* и *безысходность* нельзя назвать аналогами *беспочвенности*, но они представляют определенный исследовательский интерес, так как называют наиболее благоприятные условия для отказа от чего-либо, т. е. для

возникновения *беспочвенности* как принципа понимания мира и общения с миром, ср.: «Безнадежность — торжественнейший и величайший момент в нашей жизни» [Апофеоз беспочвенности]. Кроме того, исследователи творчества Л. И. Шестова относят к аналогам термина *беспочвенность* слова *произвол, дерзновение, свобода, каприз, живая жизнь, адогматическое мышление.*

Сложность анализа лексем *беспочвенность* и *почва* как членов авторской философской терминосистемы обусловлена их абстрактной природой: корреляты таких имён идеальны и не существуют независимо от языка. Особенность абстрактного имени, по мысли Л. О. Чернейко, заключается в том, что «инвариантная часть его содержания, общая для всех носителей языка, мала в сравнении с вариативной, производной от опыта языковой личности» [Чернейко 1997: 173].

Инвариантная часть имён *почва* и *беспочвенность* отражена в толковых словарях русского языка. В ТСУ и МАС у слова *почва* 4 значения: прямое (основное), специальное и два переносных. Также в словарях фиксируется некоторое количество фразеологизмов с этим словом (от 2-х до 6-ти). Приведём словарные толкования слова *почва*, сократив иллюстративную часть:

ПОЧВА, -ы, мн. - спец., ж. 1. Верхний слой земной коры, в к-ром развивается растительная жизнь, поверхность земли. *Обработка почвы.* || Тот или иной состав, то или иное качество верхнего слоя земной коры в той или иной местности (с.-х.). *Черноземная п. Плодородная п.* 2. Порода, на к-рой залегает полезное ископаемое (горн). 3. перен., иногда в соединении со словами «под ногами», «под собой». Основание, опора; то, на чем кто-н. или что-н. может утвердиться, что может поддержать кого-что-н. (книжн.). *Утверждать что-н., чувствуя под собой или под ногами твердую почву. Он чувствовал, что ему неловко, что почва ускользает из-под его ног.* Достоевский. 4. перен. Социальная среда (книжн.). *Оторваться от своей почвы.* ◊ На почве чего (книжн.) — вследствие, по причине чего-н., в силу

условий, создаваемых чем-н. *Осложнение на почве гриппа.* Зондировать почву [ТСУ, т.3: 234].

ПОЧВА, -ы, ж. Поверхностный слой земной коры, в котором развивается растительная жизнь; земля. *Повышение плодородия почвы.* 2. Горн. *Порода, на которой залегает полезное ископаемое*. 3. перен. То, на чем зиждется что-л.; основание, основа. *Поставить на научную почву изучение чего-л.* 4. перен.; чего или какая. Область, сфера. *Разговор возвратился опять на политическую почву.* Выбить почву из-под ног. Зондировать почву. Прощупать почву. Терять почву под ногами. На почве чего. Почва ушла из-под ног. [МАС, т.3: 288].

Лексема *беспочвенность* (и прилагательное *беспочвенный*) впервые стали объектами лексикографического описания в 1891 году, в Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля их нет. В словарях XX и XXI веков (ТСУ, МАС, БАС) *беспочвенность* толкуется через отсылку к прилагательному «беспочвенный» и через синоним «необоснованность».

БЕСПОЧВЕННЫЙ, ая, ое; (кратк. муж. не употр.) а, о (книжн.). Ни на что не опирающийся, необоснованный. *Б. замысел. Б. проект.* БЕСПО'ЧВЕННОСТЬ, и, мн. нет, ж. (книжн.). Отвлеч. сущ. к беспочвенный. *Б. обвинения* [ТСУ, т.1: 103].

В МАС, БАС-1 и БАС-3 толкования практически одинаковые. БЕСПО'ЧВЕННЫЙ, ая, ое; вен, венна, венно. (МАС) Не имеющий под собой оснований, почвы; необоснованный. *Беспочвенные проекты, замыслы.* БЕСПО'ЧВЕННОСТЬ, и, ж. Свойство по знач. прил. беспочвенный; необоснованность. *Беспочвенность обвинения. Беспочвенность подозрений* [БАС-3].

Для нас очень важен способ лексикографического представления слова *беспочвенность*: свойство по значению прилагательного *беспочвенный*; следовательно, словообразовательная цепочка выглядит так: **почва** — **беспочвенный** (не имеющий... почвы; приставочно-суффиксальный способ, приставка бес- /«лишённый чего-нибудь, не имеющий чего-нибудь»/ и

суффикс -енн- /«отнесенность к предмету»/ — **беспочвенность** (суффиксальный способ, суффикс -ость /«непроцессуальный признак, названный мотивирующим прилагательным»/).

Можно предположить, что применительно к терминотворчеству Л. И. Шестова эта цепочка выглядит иначе: термин *беспочвенность* (возможно, в силу того, что лексема лишается свойственной ей в литературном языке негативной оценочности) образуется напрямую от существительного *почва*, минуя обязательную для языковой системы промежуточную ступень — прилагательное.

Следовательно, авторский философский термин *беспочвенность* в текстах Л. И. Шестова характеризуется словообразовательной спецификой по сравнению с языковым знаком: это семантический омоним, образованный по аналогии с известной моделью, но не от прилагательного *беспочвенный*, а напрямую от существительного *почва*.

Тексты Л. И. Шестова, в которых первоначально появляется авторский термин *беспочвенность*, отражающий «адогматическое мышление» философа, относятся к типу терминосоздающих: новые термины вводятся в них впервые в процессе формулирования и изложения новой философской концепции.

Статус авторского подтверждается включением термина в терминофиксирующие тексты (к примеру, энциклопедия «Русская философия»), предназначенные для того, чтобы отобрать, рекомендовать и закрепить в употреблении те или иные философские понятия и определения их терминологических значений.

В энциклопедии «Русская философия» *беспочвенность* трактуется как «термин Шестова, обозначающий в качестве задачи философии избавление от власти «почвы», или многоликой необходимости» [Курабцев 2007: 50].

Слово *почва* как авторский термин не отмечено в известных терминофиксирующих текстах (словарях), однако его статус подтверждается двумя факторами. Первый — понятийный: сигнификатом термина является

предмет философской мысли, «его понятие мыслится как специальное, противопоставленное общему» [Суперанская, Подольская, Васильева 2011: 83].

Второе основание признания терминологичности лексемы «почва» создается фактором вхождения этого слова в терминосоздающие и терминоиспользующие тексты.

В произведении Л. И. Шестова «Шекспир и его критик Брандес» понятие *почва* понимается как оторванность от жизни и превращение её в мёртвую схему». Затем понятие получает дальнейшее развитие и осмысление в творчестве философа:

«Но гр. Толстой уже искушён. Он знает, что каждый раз, когда приближается антиномия, нужно делать святое, невинное, детски простодушное лицо, — иначе прощай навсегда всякие априори, всеобщность, необходимость, прочность, *почва*, устои!..» [Л. И. Шестов. Достоевский и Ницше (1903)].

«Высшее начало... не знает ни должного, ни необходимого, нисколько в их поддержке не нуждается. Оно вообще не нуждается ни в какой поддержке, ни в какой опоре, <...> оно свободно от всех ограничений... И как «единое» не нуждается ни в *почве*, ни в опоре, так и человек, “пробудившийся к самому себе”, не нуждается ни в какой *почве* и ни в какой опоре» [Л. И. Шестов. Афины и Иерусалим (1938)].

Как неоднократно отмечалось терминоведами, значение термина-слова есть приписываемое ему понятие в определённой системе знания. Точное значение термина-понятия может быть описано только в терминосистеме. Максимально приближенным, но отнюдь не исчерпывающим толкованием значения термина-понятия является его дефиниция, см.: [Суперанская, Подольская, Васильева 2011: 87-88].

Как уже отмечалось, термины не получают у Л. И. Шестова дефиниций в привычном смысле этого слова: в большинстве случаев речь может идти лишь о контекстуальных определениях. Определения беспочвенности как

такового нет ни в одном произведении; наиболее близким к дефиниции, но только по форме, а не по содержанию, можно считать следующее: «Беспочвенность — основная, самая завидная и наиболее для нас непостижимая привилегия божественного» [Л. И. Шестов. Апофеоз беспочвенности (1905)].

На наш взгляд, термин *беспочвенность* в произведениях Льва Шестова представлен через совокупность отрицательных определений, логически вытекающих из контекстов, в которых *беспочвенность* или её аналоги обязательно противопоставлены *почве* или её аналогам.

Анализ непосредственного текстового окружения слова *беспочвенность* в «Апофеозе беспочвенности» позволяет вычленить основные компоненты смысла из немногочисленных фрагментов с этим словом. Л. И. Шестов последовательно включает в понятие *беспочвенности* новые и новые составляющие, при этом во всех цитатах есть синтагматические показатели семы «отказ от...». Таблица отражает результаты анализа контекстов слова *беспочвенность*, в которых — пусть и в размытом виде — присутствует модель: *беспочвенность* — отказ от — *почва*.

ЦИТАТА	КОМПОНЕНТЫ ЗНАЧЕНИЯ
«*Беспочвенность*, даже апофеоз *беспочвенности*, — может ли тут быть разговор о внешней законченности, когда вся моя задача состояла именно в том, чтоб раз навсегда избавиться от всякого рода начал и концов, с таким непонятным упорством навязываемых нам всевозможными основателями великих и не великих философских систем» [Шестов. Апофеоз беспочвенности].	*Отсутствие* внешней законченности (речь идёт о тексте), *избавление* от всякого рода начал и концов, *отказ от* философских систем.
Что порядок, о котором мечтают философы, существует только в классных комнатах, что твёрдая почва рано или поздно уходит из-под ног человека, и что после того	(*отказ от*) порядка (о котором мечтают философы), от аксиом научного познания: эти истины ложны; (*отказ от*) морали;

человек все-таки продолжает *жить без почвы или с вечно колеблющейся под ногами почвой*, и что тогда он перестаёт считать аксиомы научного познания истинами, не требующими доказательств, что он перестаёт их считать истинами и называет ложью. И что мораль, если только можно, не играя словами, назвать моральным его отношение к миру и людям, называет знание по причинам самым несовершенным знанием. Его девиз: апофеоз *беспочвенности* [Шестов. Апофеоз беспочвенности].	жизнь *без* почвы или с колеблющейся под ногами почвой;
Может быть, наши дети ... опять уверуют в идеи, прогресс и тому подобные вещи. Что касается меня лично — то я в этом почти не сомневаюсь. Солипсизм и *культ беспочвенности* недолговечны и, главное, не преемственны. Окончательное и последнее торжество в жизни, как и в старинных комедиях, обеспечено за добром и здравым смыслом [Шестов. Апофеоз беспочвенности].	(*отказ от*) идей, прогресса, доброго и здравого смысла; солипсизм (субъективный идеализм); культ беспочвенности;
Настоящий исследователь жизни не вправе быть оседлым человеком и верить в определённые приёмы искания.<...> Он должен уметь держаться прямо и глядеть на небо... Давно пора бросить старые предрассудки <...> И тут, пожалуй, Шекспир пригодится. Он расскажет вам, что есть неизвестное, которое никоим образом не может и не должно быть сведено к известному. Но «философ» давно уже не слушает. Все лучше, чем *беспочвенность* [Шестов. Апофеоз беспочвенности].	(*отказ от*) оседлости и определённых приёмов искания.
Ницше удалось счастливо избегнуть слишком резкой отчетливости и определенности в выражении своих	(*отказ от*) слишком резкой отчетливости и определенности в выражении мыслей

мыслей. Он умел — и в этом его главная заслуга — не переступать ту тонкую чуть видную черту, которая отделяет действительные переживания человека от выдуманных им идей. Он — замечательный представитель той *почти божественной беспочвенности*, о которой мечтали древние греки: иногда ему удавалось ходить, не касаясь ногами земли. У него нигде нет той тяжеловесной принципиальности и того неповоротливого догматизма, которые г. Мережковский, вслед за другими моралистами, хочет во что бы то ни стало внести в своё мировоззрение [Шестов. Апофеоз беспочвенности].	*отказ от* выдуманных идей *отказ от* тяжеловесной принципиальности и неповоротливого догматизма. Отказ от морализма; действительные переживания человека

В приведенных цитатах очень мало «положительно-определительного», если можно так выразиться, материала — то есть таких компонентов смысла, которые могли бы войти в строгое родо-видовое определение, наиболее распространённое в терминологии. Это «жизнь без почвы» и «действительные переживания человека»; остальные компоненты группируются по иному принципу — «отрицательно-перечислительному». Определения через отрицание, или отрицательные определения в целом не характерны для научной практики, для научного стиля речи. Но философия имеет особый статус над-науки, духовной деятельности, поэтому отрицательные определения — как и любые другие — в философском тексте получили довольно широкое распространение.

Мысль Н. М. Азаровой об особом статусе существования философского языка, отличного от языка науки (см.: [Азарова 2010а: 18]) подтверждается своеобразным («филологическим») характером текстов Л. И. Шестова, в которых — в силу авторского отношения в логике, «рацио», внешнему порядку — нет «наукообразных» строгих терминологических определений.

Можно предположить, что определение *беспочвенности* у Шестова — это совокупность своеобразных «отрицательных определений», логически вытекающих из контекстов, в которых *беспочвенность* или её аналоги обязательно противопоставлены *почве* или её аналогам. Тогда *почва* — это обязательный компонент отрицательной «квази-дефиниции». Следовательно, для полной содержательной интерпретации термина *беспочвенность* необходим анализ семантической структуры авторского термина *почва* в произведениях Л. И. Шестова.

Кратко остановимся на двух произведениях, в которых понятие *почва* (а тем более *беспочвенность*) ещё только формируется. Исследователь творчества Льва Шестова философ В. Л. Курабцев пишет: «В раннем произведении Шестова “Шекспир и его критик Брандес” (1898) понятие “почва” связано с оторванностью от жизни и превращением её в мёртвую схему. Это разум, рефлексия, наука с их систематичностью, вниманием только к необходимости и игнорированием субъективности человека» [Курабцев 2005: 44].

Дополним, что смысловое наполнение понятия «почва» в «Шекспире» осуществляется за счёт следующих сочетаний, остающихся внутри поля «разумные основания»: *«стремление к системе», «тесные границы», «законы, существующие для внешнего мира», «поддающаяся наблюдениям внешняя связь», «сложные философские здания», «философские системы».*

Дальнейшее расширение семантического поля слова *почва* происходит в других работах, при этом в синтагмах поля «разумные основания» обращает на себя внимание упорно повторяющаяся сема несвободы: *необходимые, принудительные истины, непоколебимые начала разума, бесспорное, окончательное, необходимости, неизбежное, непогрешимый, бесспорный авторитет, кошмарная власть посторонних идей, царство неизменной закономерности, какая-то невозможность, какие-то пределы.* Эти семантические компоненты становятся основанием оппозиции беспочвенности как отказа от *почвы* во имя свободы.

Следующий этап оформления понятия *почва* в философии Л. И. Шестова — преисполненное пафоса отрицания «Добро в учении гр. Толстого и Ницше» (1900). Отрицаемыми духовными основами здесь становятся Бог как добро и Бог как братская любовь, т. е. «моральные санкции».

Нравственная «почва» толстовской философии — Бог как добро — отрицается Ницше, а за ним и Шестовым, который буквально издевается над рассуждениями писателя. Лейтмотив шестовских рассуждений формирует философское мировоззрение — отказ от основы, *почвы* как необходимое условия постижения, познания: «Но по пути к вечной истине он (человек. — *Н.К.*) освобождается от многих тяготевших над ним предрассудков и открывает новые — если не вечные, то во всяком случае более широкие горизонты» [Л. И. Шестов. Добро в учении гр. Толстого и Ницше (1900)].

По мнению Л. И. Шестова, Ницше открыл путь «от почвы», и Шестов призывает пойти по этому пути дальше — собственно, к *беспочвенности*, к *безосновности* — или к «другому Богу», который «выше сострадания, выше добра».

У слова *почва* большое количество текстовых синонимов и аналогов: *поддержка, основание, несвобода, «должное», необходимости, ограничения* (ср.: «И как “единое” не нуждается ни в *почве*, ни в *опоре*, так и человек, “пробудившийся к самому себе”, не нуждается ни в какой *почве* и ни в какой *опоре*; он чувствует себя κρείττονος μοίρας (предназначенным более высокому жребию), сбрасывает с себя все тяжеловесные “должен” и “по необходимости”» [Л. И. Шестов. Афины и Иерусалим (1938)].

Вариантная вербальная презентация следующих смысловых компонентов в совокупности отражают понятийное наполнение термина-концепта *почва* у Льва Шестова:

РАЗУМ И ПОЗНАНИЕ *(разум с его измерениями, вечные истины разума, принуждающие истины знания, в плоскости обычного мышления*

разум или здравый смысл, законы логики; непогрешимость разума; спинозовский третий род познания; кантовский разум);

ПОРЯДОК *(философские системы; систематичность ума, стремление к системе, поддающаяся наблюдениям внешняя связь, тяжеловесная принципиальность, неповоротливый догматизм; законы, существующие для внешнего мира; поддающаяся наблюдениям внешняя связь);*

ОПОРА *(опора, которая нам даётся «принципами, твёрдые основы, непоколебимые начала; бесспорное, окончательное, бесспорный авторитет, царство неизменной закономерности; истины, не требующие доказательств; аксиомы научного познания), мёртвый порядок вещей; царство неизменной закономерности);*

НЕСВОБОДА (*необходимость; неизбежное; где гнозис открывал «необходимость»; покорность по отношению к необходимости; невольное приятие необходимости; должное; необходимость; ограничения; все тяжеловесные «должен» и «по необходимости»; принципы; принуждающие истины, обоснованные, принудительные истины; всеобщие и необходимые суждения, всеобщие, необходимые истины; кошмарная власть посторонних идей; какая-то невозможность; какие-то пределы);*

ДОБРО И МОРАЛЬ (*моральные оценки, моральные санкции; автономная мораль царствующей области духа порядках и законах).*

Именно многоаспектность и разнородность понятия *почва* дают нам ключ к более полному пониманию *беспочвенности*. Эти же единицы составляют смысловое наполнение термина *беспочвенность* — но «со знаком минус». Подведем некоторые итоги.

Беспочвенность — положенный в основу философской концепции Льва Шестова отказ от догматического мышления, аксиом и вечных истин разума; отказ от системности и поиска поддающейся наблюдению внешней связи; от законов логики, от бесспорных авторитетов и принципов морали — в пользу действительных переживаний человека и временных истин. Беспочвенность противопоставляется почве, опоре, необходимости как реальности

человеческого, в том числе и философского бытия и носит характер идеального, неосуществимого.

Беспочвенность в текстах Л. И. Шестова характеризуется словообразовательной спецификой по сравнению с языковым знаком: это семантический омоним, образованный по аналогии с известной моделью, но не от прилагательного «беспочвенный», а напрямую от существительного *почва*.

Определение термина *беспочвенность* является контекстуальным, так как смысл его наращивается постепенно, и полиморфным, т. е. включающим слова, допускающие разные интерпретации (*беззаконие, безосновность, опора*), что ведёт к свойственной философскому термину размытости и неопределённости понятийных границ. Это порождает естественные трудности на пути лингвиста, собирающего материал с целью последующего лексикографического представления.

Кроме того, описание значения термина *беспочвенность* у Л. И. Шестова строится по аналогии с отрицательно-перечислительной дефиницией: *бес – почвенность* есть все, что *не – почва*. Следовательно, само слово «почва», его синонимы и аналоги и все, что с ними связано по смыслу, входят в своеобразную «квази-дефиницию» термина *беспочвенность*, образуя несколько «полюсов» отрицания: *системность и порядок, истина, логика, разум и познание, «необходимости», добро и мораль.*

Почва и *беспочвенность* очень тесно связаны и образуют понятийную терминологическую оппозицию. Отметим также немаловажный для подтверждения тезиса о системности русской философской терминологии факт: синонимом к слову *беспочвенность* в поздних работах Шестова становится слово *безосновность*: «безосновность указывает на возможность мира, где царит «абсолютный хаос», в котором все равно возможно» [Курабцев 2007: 51]. Это понятие получает дальнейшее развитие в философском творчестве Н. А. Бердяева, который говорит о свободе как

«безосновной основе бытия, которая глубже всякого бытия» [Н. А. Бердяев. Смысл творчества (1913-1914)].

Философская природа термина заключается в постижении нового знания, в открытии новых смыслов — функция познания отчётливо выявляется при обращении к шестовской *беспочвенности*: выявляя смысловое содержание термина, мы открываем для себя особую область духовной деятельности мыслителя.

§ 4. Переосмысление философского термина «свобода» в авторской терминосистеме Н. А. Бердяева

Свобода — ключевое понятие большинства известных философских терминосистем: терминосистемы философии как науки, терминосистем отдельных научных направлений и теоретических школ в философии (античная философия, Патристика, философия Возрождения, немецкая классическая философия, кантианство, экзистенциализм и др.), а также авторских философских терминосистем, соотнесенных с личностными мировоззренческими системами: терминология Ф. Ницше, терминология Антонио Грамши, терминология П. А. Флоренского).

С семантической стороны термин *свобода* характеризуется многопризнаковостью, полиморфностью, сложным соотношением контенсионала и экстенсионала понятия, поэтому анализ этого термина без обращения к конкретной терминосистеме с лингвистических позиций нецелесообразен.

С точки зрения терминообразования *свобода* Н. А. Бердяева – это переосмысленный авторский философский термин с субъективным компонентом значения. Описание бердяевского термина *свобода* как семантического феномена предполагает несколько этапов: необходимо проанализировать содержательную структуру, оценить степень дефинированности термина и охарактеризовать особенности дефиниций; выявить субъективный компонент в содержании авторского философского термина, описать лексико-семантические свойства термина на основе анализа текстовых синтагматических и парадигматических связей.

В. М. Лейчик выделяет в комплексном понятии «содержательная структура термина» следующие компоненты: семантику (лексическое, денотативное, репрезентативное значение, языковой компонент); «мотивированность, распадающуюся на разные виды языковой и терминологической мотивированности; сигнификативное значение

(обозначение специального понятия, вербализация специального концепта)» [Лейчик 2009: 48].

Компоненты содержательной структуры термина *свобода* могут быть выделены в результате применения лингвистических, логических, семиотических и собственно терминоведческих методов анализа.

Свобода — «основная метафизическая идея» Н. А. Бердяева, и философ часто включал термин и его производные в названия своих работ и их частей, ср.: *«Философия свободы»; «О рабстве и свободе человека»* (Опыт персоналистической философии»; *«Философия свободного духа»; «Творчество и свобода. Индивидуализм и универсализм»* (название VI главы книги «Смысл творчества. Опыт оправдания человека»); *«Свобода»* (название III Главы «Миросозерцания Достоевского»); *«Свобода, бытие и дух. Эссенция и экзистенция. Творческий акт»; «Человек и история. Свобода и необходимость в истории. Промысел, свобода и фатум»* (названия IV и V глав книги «Истина и Откровение» (Пролегомены к критике Откровения); *«Одиночество. Тоска. Свобода. Бунтарство. Жалость. Сомнения и борения духа. Размышление об эросе».* (название II Главы «Самопознания»).

Дополнительным признаком значимости термина в философской терминосистеме является показатель частоты. Так, по данным НКРЯ, в «Философии свободы» он составляет 272 (вхождения)*;* в «Смысле творчества» – 292.

Названия философских произведений задают контуры сигнификативного значения лексемы и намечают векторы семантического анализа терминологических понятийных оппозиций.

Философский термин *свобода* появился в результате процесса терминологизации абстрактного существительного общелитературного языка — с сохранением важнейших семантических свойств абстрактной лексемы.

«Смутность и неопределенность» авторского термина отчасти снимается уже в ближайшем — синтагматическом — контексте лексемы, при этом за каждой группой контекстов оказывается своя, особая сущность.

Мы проанализировали и объединили в несколько групп словосочетания с термином *свобода*, выбранные нами из 8 произведений Н. А. Бердяева (данные получены из НКРЯ и «Библиотеки лексикографа», а также — методом сплошной выборки – из текстов произведений «Самопознание» и «Философия свободы»). Общее количество словосочетаний в выборке — 225.

Первая группа выделенных нами словосочетаний сформирована по «тематическому» принципу: они представляют первичный слой анализируемого понятия, который восходит, по признанию самого Н. А. Бердяева, «к бёмевскому учению об Ungrund'е» [Бердяев 1991: 105]: *свобода первичная; добытийственная (до-бытийственная), до-бытийственна; свобода в Боге (у Беме); свобода вне Бога; безосновная, безосновна; ничем не определяема; первородная; нерациональна; не детерминированная бытием; не выводимая из бытия; ни на что не разложимая; ни к чему не сводимая; вкоренена в ничто; сверхприродное царство (свободы); безмерность свободы; тайна свободы; безосновность, бездонность, таинственность свободы.*

В этих словосочетаниях и субъектно-предикатных конструкциях проступает первый «слой» философского понятия *свобода* у Бердяева — это базовое, первичное представление о данной категории, которое Бердяев заимствовал у Якова Бёме. Наиболее важным представляется дифференциальный семантический признак «вне Бога», который позволяет различать значения двух авторских терминов в философии Я. Беме и в философии Н. А. Бердяева. Добавим, что в поздних работах — в частности, в «Самопознании» — термин получает окончательную оформленность в словосочетании «несотворенная свобода», ср.: «Несотворенная *свобода* есть предельное понятие, вернее, не понятие, а символ, так как о несотворенной *свободе*, ввиду ее совершенной иррациональности, нельзя составить рационального понятия» [Бердяев 1991: 279].

Следующий этап анализа — выявление текстовых терминологических оппозиций, наличие которых является одной из основных черт философского

идиостиля Н. А. Бердяева: в этих оппозициях проявляется антиномичность и парадоксальность мышления философа, определяющих терминологическое словоупотребление (ср.: «Моя мысль слишком антиномическая, часто слишком склоняющаяся к крайностям... Склонность к парадоксальному и противоречивому мышлению вела меня к тому, что иногда враги меня хвалили» [Бердяев 1991: 107].

В произведениях Н. А. Бердяева регулярно встречаются противопоставления, семантический анализ которых позволяет углубить наше представления о структуре авторской терминосистемы. *Свобода* противопоставляется *необходимости; объективации; несвободе; рабству.* Эти регулярные противопоставления являются элементами авторской терминосистемы. Так, терминологическая оппозиция формирует название и композиционную структуру книги «О *рабстве* и *свободе* человека» (1939 г.).

Понятийные (терминологические) оппозиции «свобода – необходимость», «свобода – объективация», «свобода – рабство» входят в ядро лексической структуры основных произведений Н. А. Бердяева, к примеру:

«Ибо изначальный грех и есть *рабство, несвобода* духа, подчинение диавольской *необходимости*, бессилие определить себя свободным творцом, утеря себя через утверждение себя в необходимости мира, а не в *свободе* Бога» [Н. А. Бердяев. Смысл творчества (1913-1914)].

«Основной философской проблемой для меня является проблема *объективации*, которая основана на отчуждении, потере *свободы* и личности, подчинении общему и *необходимому*» [Н. А. Бердяев. Русская идея (1946)].

Противопоставление свободы и необходимости, свободы и объективации — одно из важнейших в философии и, следовательно, в терминосистеме Н. А. Бердяева. Зона референции противопоставляемых понятий четко очерчена в тексте, но в силу «смутности и неопределенности семантического ореола» [Чернейко 1997: 174] абстрактных имен значения терминов оказываются взаимонепроницаемыми: содержание одного понятия

обусловлено содержаниями другого: «Необходимость есть падшая свобода» [Н. А. Бердяев. Смысл творчества].

Дальнейший анализ синтагматического окружения термина выявил наличие нескольких видовых смысловых оппозиций, которые в совокупности формируют следующий смысловой «слой» анализируемого философского понятия. Для удобства восприятия поместим полученные данные в таблицу:

С В О Б О Д А	
содержательная	формальная; бессодержательная
внутренняя	внешняя
божественная	диавольская
свобода «для»	свобода «от»
подлинная свобода	свобода для свободы
иррациональная	рациональная
свобода утверждения добра	свобода выбора добра и зла
свобода в христианстве	материальная свобода
свобода в Боге и для Бога	свобода от Бога

Помещенные в разные столбцы группы словосочетаний выявляют наличие двух пониманий свободы Н. А. Бердяевым: это свобода мнимая (формальная, бессодержательная, рациональная) и «свобода в Боге»: *«свобода, рожденная от соединения человеческой природы Иисуса с божественной природой Христа»* [Н. А. Бердяев. Смысл творчества (1913-1914)].

Обратимся к контекстуальному анализу смыслового наполнения противопоставляемых словосочетаний. На наш взгляд, семантическое пространство, формируемое словосочетанием «формальная свобода», распадается на две зоны референции: это «свобода от» (свобода отрицательная, «свобода, переходящая в своеволие»), и «свобода для» (рациональная свобода, состоящая в подчинении моральному закону и «миру»). Первое значение реализуется, к примеру, в следующих контекстах:

«*Свобода* — положительная творческая мощь, а не отрицательный произвол. Отрицательное сознание своей свободы как произвола и есть

падение, грех. *Отрицательная свобода, свобода как произвол есть свобода бессодержательная, пустая*» [Н. А. Бердяев. Смысл творчества (1913-1914)].

«*Свобода* эта утеряна в грехопадении. Человечество, и за ним и весь мир порабощены злом, попали во власть необходимости, находятся в плену у диавола. *Свобода* была сознана творением не как норма бытия, а как *произвол*, как *нечто безразличное и беспредметное; свобода* почуялась тварью как *свобода «от»*, а не *свобода «для»* и попала в сети лжи, растворилась в необходимости» [Н. А. Бердяев. Философия свободы (1911)].

Второе значение (рациональная свобода) оказывается в тесной взаимосвязи с понятиями «мир», «общее», объективированное «общее».

«Дух человеческий — в плену. Плен этот я называю *“миром”,* мировой данностью, *необходимостью***.** “Мир сей” не есть космос, он есть некосмическое состояние разобщенности и вражды, атомизация и распад живых монад космической иерархии. <…> “Мир” есть зло, он безбожен и не Богом сотворен» [Н. А. Бердяев. Смысл творчества (1913-1914)].

Третий смысловой слой понятия, обозначаемого термином *свобода*, наиболее важен для бердяевской картины мира. В лексическом воплощении данного значения термина (или слоя понятия), который Н. О. Лосский назвал «свободой, проникнутою любовью Бога» [Лосский 2007: 309], наиболее ярко проявляется религиозный, христианский характер философии Н. А. Бердяева. В нашей таблице это «свобода в Боге и для Бога», божественная свобода. Если «рациональная свобода» связана с «миром», то «божественная свобода», «свобода восьмого дня творения», «новая свобода», «последняя, конечная свобода» - прежде всего с творчеством, ср.: «Тема о человеке и о творчестве связана с темой о свободе» [Н. А. Бердяев. Русская идея (1946)]; «Творчество есть творчество из свободы, то есть заключает в себе ничем не детерминированный элемент, который и привносит новизну» [Н. А. Бердяев. Проблема человека (1936)].

Эта связь находит выражение, в частности, в большом количестве сочетаний слов с корнями *свобод-* и *твар-/твор-*: *свобода творчества;*

творчество из свободы; творческая свобода (человека); свобода творения; свобода творящего; свободное творчество.

Включение авторской точки зрения на свободу как духовную субстанцию «от Бога» проявляется в сочетаемости, раскрывающей огромную ответственность человека, получившего дар свободы: *бремя свободы, тяжесть свободы, страшная свобода*, например: «Люди — не бессмысленное стадо, не слабосильные, презренные животные, которые не могли бы вынести тяжести раскрытия тайны, люди — дети Божьи, им уготовано божественное назначение, они в силах вынести тяжесть свободы и могут вместить мировой смысл» [Н. А. Бердяев. Великий Инквизитор (1907)].

Таким образом, анализ синтагматики позволяет сделать вывод о сложной содержательной структуре термина, в которой одновременно выделяются три или четыре смысловых понятийных слоя, обозначенных нами как *несотворенная свобода; отрицательная свобода, рациональная свобода и божественная, или богоподобная свобода.*

Кратко охарактеризуем особенности авторских терминологических определений лексемы *свобода* у Н. А. Бердяева. Синтагматическое окружение, снимая и частично разрешая семантическую неопределенность термина с абстрактным значением, в совокупности создает описание значения термина в достаточно свободной форме. Главным способом фиксации значения специальной лексической единицы является определение (дефиниция): «любое высказывание, которое сам автор считает определением и которое непосредственно, без отсылок, раскрывает необходимые и достаточные признаки соответствующего понятия и отграничивает его от других» [Шелов 2003: 30].

Проводя границу между научным и философским терминами, Н. М. Азарова отмечает *«неоперациональный, неорудийный»* характер последнего, что выражается, в частности, в отсутствии *«готовых определений»:* «каждый философский текст стремится заново определить даже известные, традиционные философские термины»; см.: [Азарова 2010а: 48].

Определения философских терминов носят контекстуальный характер: термин определяется неоднократно на протяжении всего текста; если термин функционирует в разных текстах — как, например, у Бердяева два фундаментальных труда посвящено осмыслению проблематики *свободы* («Философия свободного духа» и «Философия свободы») — то термин свобода оказывается в позиции постоянной и нарастающей определяемости. Таким образом, каждое определение не является безусловно самостоятельным, оно входит в контекстуальное определение, длина которого может равняться длине главы или даже всего текста произведения. Каждая новая дефиниция является дополнительным обоснованием идеи, дополнительной «границей» (в терминологии П. А. Флоренского), отделяющей новое знание от суммы известных фактов.

В двенадцати работах Н. А. Бердяева, привлеченных нами для анализа, обнаруживается более пятидесяти определений понятия *свобода*, отличающихся по содержанию, типу и структуре. При всем многообразии этих определений их можно разделить на два типа: по структуре авторские дефиниции делятся на «утвердительные» («свобода есть...»; «свобода — это») и «отрицательно-ограничительные», то есть такие, в которых за отрицательной языковой формой скрывается положительное определение («свобода не есть...»). Содержательно эти определения различаются в первую очередь родовыми идентификаторами, анализ которых должен дополнить наши представления об авторском философском термине.

Приведем несколько «утвердительных» и «отрицательных» определений, в которых раскрываются основные стороны понятия *свобода.*

(I)

«*Свобода* есть сущность христианства <...> *Свобода* есть субстанциональная мощь <...> *Свобода* есть основной внутренний признак каждого существа, сотворенного по образу и подобию Божьему; в этом признаке заключено абсолютное совершенство плана творения» [Н. А. Бердяев. Философия свободы (1911)];

«*Свобода* имеет свою самобытную природу, свобода есть свобода, а не добро <...> *Свобода* есть трагическая судьба человека и мира, судьба самого Бога, и она лежит в самом центре бытия, как первоначальная его тайна» [Н. А. Бердяев. Миросозерцание Достоевского (1923)];

«*Свобода* до-бытийственна, имеет источник не в бытии, а в небытии» [Н. А Бердяев. Проблема человека (1936)].

(II)

«Но *свобода* не есть господство разума над душевной стихией, *свобода* — сама иррациональна и безумна, она влечет к переходу за грани, поставленные человеку [Н. А. Бердяев. Миросозерцание Достоевского (1923)].

«*Свобода* не есть отрицательное предельное понятие, лишь указующее границу, которой нельзя рационально переступить <...> *Свобода* не есть только отрицание необходимости и детерминированности <...> *Свобода* не есть царство произвола и случая в отличие от царства закономерности и необходимости <...> *Свобода* не есть осознанная необходимость» [Н. А. Бердяев. Смысл творчества (1913-1914)].

Приведенные определения дают общее представление о характере и степени дефинированности термина *свобода* в работах Н. А. Бердяева. Это термин постоянной и множественной определяемости, определения *свободы* носят преимущественно контекстуальный характер, взаимодополняя друг друга. Некоторые дефиниции неявны, имплицитны, поскольку непохожи на аксиомы или постулаты — такие высказывания С.Д. Шелов рекомендует называть «определения посредством употребления» или «определения через употребления» (от английского definition in use) (Шелов 2003:53). Значение (или значения, вопрос это пока открыт) термина раскрывается через различные родовые идентификаторы, как правило, полиморфные: *мощь, ничто, творческая мощь, творчество, субстанциональная мощь, мощь*

творить из ничего, исходное, выражение космического состояния вселенной, соединение с подлинным миром, божественное, пафос веры, божественный дар, основа бытия, религиозная добродетель, положительная ценность, основной внутренний признак (каждого существа, сотворенного по образу и подобию Божьему), содержание христианской религии.

Набор дифференциальных признаков «неконечен, неопределен» (Никитин 1996: 102), что обусловлено вероятностной структурой понятия *свобода*, отражающего вероятностно-диалектическую природу окружающей действительности и авторской картины мира.

Количество и/или протяженность определений говорит о высокой степени дефинированности термина, что, в свою очередь, является показателем высокой степени терминологичности характеризуемой единицы (см.: [Городецкий 1987]).

В терминотворчестве Н. А. Бердяева ярко «высвечивается» сублогическая модель языкового знака «понятие в слове», описанная П. А. Флоренским: «Недвижно стоящий пред мыслию, он (термин) на самом деле есть живое усилие мысли, наибольшее обнаружение ее напряженности. И чем неподвижнее термин, тем отчетливее и тверже стоит он пред сознанием, тем большая требуется жизнь мысли. История термина есть ряд творческих усилий мысли, наслояющей себе вокруг основного ядра все новые препятствия, чтобы, сконцентрировав себя, приобрести новую силу и новую свободу» [Флоренский 2013: 203].

Исходным для наших рассуждений стало положение В.М. Лейчика о трехчастной содержательной структуре термина. Философский термин, образованный на базе абстрактно общелитературной лексемы *свобода*, в творчестве Н. А. Бердяева имеет сложную, «слоистую» понятийную структуру, элементы и способы экспликации которой описаны в работе.

§ 5. Лексемы «византизм» и «византинизм»: значение, терминологический статус, место в лексической системе языка

Слова-термины *византизм* и *византинизм* имеют долгую историю в русской общественной мысли. Лингвистическая составляющая интереса к этим лексемам обусловлена тем, что они могут употребляться в философских, исторических, публицистических текстах как однокоренные синонимы и как разные, но близкие по значению лексемы, а в ряде контекстов — как паронимы. В связи с этим возникает необходимость контекстуального анализа лексем *византизм* и *византинизм* и описания (или уточнения) их лексических значений. Кроме того, необходимо выявить, в каких типах дискурса используются данные термины и в какие терминосистемы они включены.

В толковых словарях русского языка анализируемые слова не представлены, что обусловлено в первую очередь их терминологической природой и специальным характером значения. Исключение составляет «Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка» А. Н. Чудинова (1902), в котором слова *византинизм* и *византизм* даны как однокоренные синонимы, имеющие два значения, основное и производное:

1) отличительные особенности византийского быта: деспотизм, бюрократизм, подчинение церкви государству, преклонение пред внешними формами религии без нравственных правил; лесть, пышность, разврат.

2) рабское преклонение пред папскою властью; раболепство перед государственною властью вообще.

В Большой словарной картотеке Института лингвистических исследований есть карточка с заголовочным словом «византинизм»: здесь приводится в сокращённом варианте определение из Словаря Брокгауза и Ефрона и словарная статья из словаря А. Н. Чудинова (т.н. старая картотека); в новой картотеке — одна цитата, не раскрывающая значение слова: «При всей узнаваемости многих черт византинизма, будем все же помнить, что до Нового Времени концепции автономной личности не существовало нигде, а Византия

не дожила до Нового Времени. С. Иванов, Визит в Византию (Лит. газета, 1991, 31)».

В Национальном корпусе русского языка насчитывается 23 вхождения термина *византинизм* по 10 документам и 151 вхождение термина *византизм* по 33 документам. Данные о словоупотреблении анализируемых лексем содержатся также в электронном ресурсе Словарного отдела ИЛИ РАН «Библиотека лексикографа»: *византинизм* — 48 документов; *византизм* — 109 документов.

Историки философии связывают появление термина *византинизм* (нем. Byzantinismus) с работами западных авторов, одним из которых, в частности, является швейцарский историк культуры Якоб Буркхард (1818 — 1897), критиковавший политизированное христианство, в качестве примера которого была избрана Византия. «Византинизм означает здесь системно выстроенное единство империи и Церкви с приматом империи...» [Василенко 2009: 66].

Предположим, что термин *византинизм* вошёл в русский язык как прямое заимствование из немецкого языка, а термин *византизм* образован морфологическим способом от производящей основы византиj- при помощи суффикса -изм, использующегося для образования отвлечённых существительных со значениями «общественная система»; «общественное политическое направление»; «сфера занятий».

По данным НКРЯ и «Библиотеки лексикографа», самые ранние употребления слова *византинизм* относятся к 1848 году (В. И. Григорович. Очерк путешествия по Европейской Турции) и к 1851 году (А. И. Герцен. О развитии революционных идей в России); *византизм* впервые появляется у А. И. Герцена в произведениях «Дилетантизм в науке» (1843) и «Русские немцы и немецкие русские» (1859).

Однако первые словарные фиксации лексемы *византинизм* относятся к концу XIX — началу XX в. Это уже упоминавшийся нами Словарь А. Н. Чудинова и Словарь Брокгауза и Ефрона.

В Словаре Брокгауза и Ефрона (1890 — 1907) помещена большая (стр. 251 — 275) статья «Византия», одна из частей которой написана Ф. И. Успенским и носит название «Византийская империя, византинизм». Ф. И. Успенский (1845 — 1928) — автор фундаментальной «Истории византийской империи», текст которой в значительной части совпадает с текстом статьи энциклопедического словаря (см.: [Успенский 1894, Успенский 2013]).

Ф. И. Успенский в Словаре Брокгауза и Ефрона использует различные способы фиксации значения термина *византинизм*: определение, описание, перечисление свойств и признаков характеризуемой единицы. Статус термина присваивается слову самим автором: «...центр тяжести в данном вопросе переходит к выяснению содержания термина византинизм» [Успенский 1984: 257]. Из текста статьи можно вычленить следующие составляющие определения, то есть необходимые и достаточные признаки понятия: «...совокупность всех тех начал, под влиянием которых постепенно реформировалась Римская империя»; к этим началам Успенский относит византийское право, философию и богословие; обширную славянскую иммиграцию, вызвавшую «этнографический переворот»; коренные социальные, административные и военные реформы. <…> выражение политических, культурных и демографических особенностей Восточной Римской империи… <…> *византинизм*, как историческое и культурное начало, может быть сведён к конкретным фактам, имеющим сферу действия в определённом пространстве и времени» [там же. с. 252].

Сопоставляя статьи лингвистического и энциклопедического словарей, мы можем сделать вывод о том, что слово *византинизм* в обоих источниках обозначает совокупность черт византийской культуры и византийского быта, то есть ядро значения в двух источниках совпадает. Однако в словаре А. Н. Чудинова лексемы *византизм* и *византинизм* представлены как однокоренные синонимы нетерминологического характера, в значении которых выделяется ярко выраженный коннотативный компонент: деспотизм

('*неограниченная власть, произвол*' — здесь и далее толкования приведены по МАС); бюрократизм ('система управления в классовом обществе, при которой государственная власть осуществляется через чиновников, оторванных от народа и защищающих интересы господствующего класса'); разврат ('испорченность общественных нравов, моральное разложение'); отсутствие нравственных правил.

Производного значения слова в статье Ф. И. Успенского нет, однако указание на семантический перенос появляется в тексте первой главы книги этого автора «История византийской империи» (1912); глава носит название: «Византинизм и его культурное значение в истории» и посвящена *«выяснению понятия о византинизме»* [Успенский 2013: 46]. Здесь приводится несколько уточняющих и дополняющих друг друга определений термина *византинизм*:

«...термин для обозначения политических, государственных, церковных и этнографических особенностей, носителем которых была Византийская империя».

«Как на Западе организующим началом стал романтизм, так на Востоке — византинизм; с этой стороны и может подлежать объяснению термин «византинизм»;

«...византинизм есть исторический принцип...»;

«...вопрос о начале «византинизма» как культурного термина...» [Успенский 2013: 56].

Содержание этих примеров в целом соотносится с тем значением термина, которое приведено в словарной статье Словаря Брокгауза и Ефрона. Однако в книге Ф. И. Успенский делает одно существенное уточнение, делает единожды и больше никогда к нему не возвращается. Это уточнение касается производного значения слова *византинизм.* Автор выделяет две группы понятий, которые обозначаются этим словом: «термины «византийский», а в связи с ним «византинизм» имеют за собой традицию и обозначают такую совокупность понятий, по отношению к которым не существует разности мнений» [Успенский 2013: 71].

Византинизм есть обобщающее понятие («выражает особенный характер» и обозначает принадлежность к определённой эпохе) для сложных наименований: византийская литература, византийская образованность, византийское искусство, византийская история», «византийское право», «византийская мораль», «Византийская империя». Это ещё раз доказывает, что *византинизм* — это культурно-исторический термин. Вторая группа понятий, по Ф. И. Успенскому, характеризует индивидуальное действие: «хитрость, коварство, лицемерие, а также самомнение, дерзость и тщеславие и т.п. несимпатичные качества» [Успенский 2013: 72]. Эта мысль не получает в тексте никакого дальнейшего развития, что вполне понятно: автора интересует только терминологическое употребление слова.

Ещё один текст, который является важнейшим источником информации о семантике термина *византинизм*, — это опубликованная в 1903 г. книга известного византиниста и историка церкви И. И. Соколова (1865 — 1939). По мнению Е. Г. Лебедевой, И. И. Соколов был «одним из первых — если не первым — в русской исторической науке, кто дал развёрнутое, по-своему целостное определение византинизма...» [Лебедева 2000: 7]. Хронологически это более ранний текст по отношению к книге Ф. И. Успенского, но мы обращаемся к нему здесь, чтобы не «разрывать» два текста одного автора: словарную статью в Словаре Брокгауза и Ефрона и книгу «История византийской империи».

И. И. Соколов даёт следующее определение *византинизма*: «Под византинизмом вообще нужно понимать всю совокупность особенностей в церковно-государственной жизни Византии, характеризующих эту Империю своеобразными культурно-историческими чертами внутреннего устройства и быта, в отличие от иных европейских государств. Византинизм, другими словами, есть синтез характеристических свойств Византии как особого, самостоятельного государства, основной дух и характер её церковно-религиозного строя, принципы политического быта, основное направление и задачи местной культуры, идеалы господствующего населения и т. п.»

[Соколов 2003: 12]. Мы видим, что общие контуры понятия здесь те же, что и в трудах Ф. И. Успенского; добавим только, что И. И. Соколов неоднократно подчёркивает культурно-исторический и церковно-исторический характер явления и обозначающего его термина. Заметим также, что оба автора обосновывают терминологический характер лексемы *византинизм*; кроме того, никогда не используют слова *византизм.*

Еще одно наблюдение касается парадигматических и синтагматических связей термина *византинизм*, которые в анализируемых текстах оказались схожими. Так, *византинизм* является согипонимом по отношению к лексемам: *романизм; эллинизм; кесаризм; цезаропапизм.* Синтагматические связи термина реализуются в сочетаниях: *византинизм проявляется; выработка византинизма; воздействие византинизма; византинизм имеет громадное значение; роль византинизма; выразительный характер византинизма; элементы византинизма; свойство византинизма; сущность византинизма; содержание византинизма.* Оценочный компонент в значении термина отсутствует.

В современных историко-философских исследованиях наблюдается двойственная традиция использования термина *византинизм:* во-первых, как совпадающего по значению со словом *византизм* (обычно через запятую), во-вторых, термины используются как слова близкие по значению, но различающиеся с точки зрения диахронической вариантности.

Так, автор учебника «Введение в русскую религиозную философию» Л. И. Василенко использует термины *византизм* и *византинизм* как однокоренные синонимы, ср.: «термин «византизм» или «византинизм» введён в широкий оборот...» [Василенко 2009: 66, пунктуация автора сохранена]. Диахроническая вариантность термина отражена, к примеру, в статье Н. Севериковой «Андраникизм как византистская идея»: «Емкую характеристику византизма в историческом плане даёт П. А. Флоренский: «Византинизм (так у П. А. Флоренского) явился среди русских славян огромной силой...» [Северикова 2005: 68].

Попытка развести значения близких по звучанию и по значению терминов представлена в работе В. Бачинина «Общественные грехи византинизма» (Русский архипелаг: Сетевой проект русского мира): «Совокупность свойств и качеств, унаследованных Россией от Византии, получила обозначение при помощи двух обобщающих терминов — византинизм и византизм. Между ними много общего, но есть и различия. Одно из них состоит в том, что понятие византинизма чаще всего используют как категорию культурологическую, а византизм трактуют большей частью в социально-политическом ключе. Другое различие связано с оценочной деятельностью исторического сознания и проявляется в том, что византинизм рассматривается как нечто положительное, а византизм — как системное качество большей частью отрицательного характера» [В. Бачинин. Общественные грехи византинизма].

Возможно, эта точка зрения вполне правомерна для научного дискурса. Однако данные двух корпусов текстов («Библиотека лексикографа» и НКРЯ) говорят о том, что в публицистическом дискурсе слово *византинизм*, утрачивая терминологический характер, может употребляться как средство выражения презрения, негодования, отторжения, что свидетельствует о наличии сильного негативного макрокомпонента в лексическом значении.

«С возвращением старого названия Петербургу все... заговорили о возрождении русской культуры. <...> Россия уже не раз переживала различные «возрождения», то в формах окостенелого византинизма, то в торжествующем и кровожадном сталинском ампире» [А. Ипполитов. Вчера. Сегодня. Никогда].

«...Византинизм есть тоталитарная культура, с сакральным характером государственной власти, крепко держащей Церковь в своей не слишком мягкой опеке. Византинизм исключает всякую возможность зарождения свободы в своих недрах...» [Г. П. Федотов. Россия и свобода].

Полученные данные свидетельствуют о том, что для научного дискурса характерен нейтральный, лишённый коннотации термин византинизм,

употребляющийся в двух значениях — собственно историческом и культурологическом; в публицистическом стиле слово византинизм, являющееся производным по отношению к термину, может иметь ярко выраженную коннотацию, чаще негативную. Принимая во внимание эту информацию, перейдём к анализу «парного» термина — византизм.

Термин византизм в ряде авторитетных источников обозначает не историческое явление (совокупность черт), а идею или комплекс, совокупность идей, связанных с Византийской империей. Как уже отмечалось, большинство источников приписывают этот термин русскому философу К. Н. Леонтьеву.

С лингвистической точки зрения византизм несомненно является авторским философским термином, поскольку ассоциируется у носителей языка, хоть сколько-нибудь знакомых с темой (не говоря уже о специалистах по истории философии), с именем и текстами произведений К. Н. Леонтьева. Такая связь, по мнению Н. М. Азаровой, является достаточным основанием для присвоения термину статуса авторского: «...авторские термины предусматривают ретроспективно-проекционный подход при их рассмотрении» [Азарова 2010а: 62].

Для уточнения значения авторского термина обратимся к текстам произведений К. Н. Леонтьева, в которых раскрывается понятие византизм: Византизм и славянство (1875); Передовые статьи «Варшавского дневника» 1880 года (1880); Письма о восточных делах (1882) и др. Примеры словоупотреблений извлечены из подкорпуса «К. Н. Леонтьев» оффлайнового электронного ресурса «Библиотека лексикографа», в котором представлены все произведения философа.

Данные контекстуального анализа позволяют говорить о том, что К. Н. Леонтьев использует два значения слова *византизм.* Первое — «старый византизм»; «кесаризм византийский» — в целом совпадает с описанным выше значением слова *византинизм*: «совокупность особенностей в церковно-государственной жизни Византии»; «тип государственного устройства»,

культурологический и исторический термин. «Старый византизм» — это государство «диктаториального происхождения», имеющий «муниципальный избирательный характер» и опирающийся на две силы: «новую религию» и «древнее государственное право». Термин *византизм* в данном значении используется К. Н. Леонтьевым только для анализа исторического материала.

Второе значение — главное для мыслителя — совокупность охранительных идей, реализуемых в государстве, в религии, в нравственном мире. Возвращаясь к уже упоминавшейся здесь мысли В. Бачинина о том, что термины *византинизм* и *византизм* различаются как исторический (культурологический) и социально-политический, отметим, что проведённое нами сопоставление и контекстуальный анализ словоупотребления термина *византизм* в произведениях К. Н. Леонтьева эту точку зрения в целом подтверждают.

Византизм как авторский философский термин раскрывается в произведениях К. Н. Леонтьева через интегральные компоненты «идея», «общая идея», «культура», «основа своеобразной культуры», «средство охранения (славянства)». Наполняется термин за счёт следующих содержательных компонентов значения: *самодержавная власть, православие без ересей и расколов, особого рода образованность и культура.* Очень важен для Леонтьева функциональный компонент значения термина: «*средство охранения славянства»; «крепкое дисциплинирующее начало»; «якорь всеславянского охранения»*. Одной из ярких особенностей идиостиля Леонтьева является контрастность изобразительного ряда, которая проявляется, в частности, в раскрытии смысла понятий через большое количество противопоставлений. В первую очередь *византизм* — идеологически и терминологически — противопоставлен *европеизму* и «отходящей романо-германской цивилизации».

Текстовые парадигматические связи лексемы *византизм* в произведениях Леонтьева также могут служить доказательством различия значений «парных» терминов. Лексема включена в своеобразную систему

родовидовых отношений терминов: *китаизм; азиатизм; руссизм; гебраизм; германизм; славизм; всеславизм* и другие. Синтагматические связи термина также отличаются от таковых у термина *византинизм*: *политический византизм; идеал византизма; необходим византизм; авторитет византизма; проповедь византизма; византизм... организовал; дал силу.*

Вернемся ко второй части тезиса В. Бачинина о различии значений терминов *византизм* и *византинизм*: византинизм рассматривается как нечто положительное, а византизм — как системное качество большей частью отрицательного характера.

Если принять во внимание очевидный факт авторского характера философского термина *византизм* и проанализировать все контексты употребления этой лексемы, согласиться с этим тезисом невозможно: возвышенная коннотация величия и силы составляет важную часть значения леонтьевского термина.

Биографы и критики К. Н. Леонтьева Н. А. Бердяев и Вл. Соловьев определяют *византизм* иначе, чем автор термина. На наш взгляд, происходит перегруппировка семного состава ядра, содержательные компоненты значения (ядро и ближайшая периферия) сохраняются, прагматическая коннотация меняется с «плюса» на «минус». Это, по сути, тот же термин, но, изъятый из леонтьевского текста и утративший пропагандистское начало, как будто «вывернутый наизнанку».

Если у Леонтьева византизм — «общая идея» и «средство охранения», то у Вл. Соловьева — «идеал сложной принудительной организации общества». Сохраняется — с иной аксиологической оценкой — одно из главных леонтьевских противопоставлений. Его византизм, напомним, есть антитеза «земной всесвободы». Но если у Леонтьева византизм, не включающий свободу, оценивается положительно, то у его идейных оппонентов это главный объект неприятия: «У Леонтьева совершенно отсутствует идея свободы, к которой приводит нас и религия, и философия, и наука» [Бердяев 1995: 167]. Здесь контекстом наводится и усиливается тот же

семантический компонент, который есть в интерпретации термина Вл. Соловьевым: принудительная организация общества — насилие. Меняется и синтагматическое окружение термина и его производных: *мрачный византизм, византийская гниль, мертвящий византизм* (Бердяев), *преходящее сновидение, проповедь византизма* (Соловьев).

На наш взгляд, в этом несовпадении взглядов проявляется аксиологическая функция философии, заключающаяся в оценке явлений окружающего мира с точки зрения различных ценностей. Разность аксиологических оценок порождает разницу в текстовом употреблении философских терминов у К. Н. Леонтьева и его критиков.

Отметим, что в русском публицистическом дискурсе термины *византизм* и *византинизм* используются крайне ограниченно: данные «Библиотеки лексикографа» и НКРЯ говорят об активном употреблении в публицистике родственного слова *византийство* — как правило, *с* подчёркнуто негативной коннотацией.

Не ставя перед собой задачи подробно анализировать семную структуру слова *византийство*, отметим, что ещё Ф. И. Успенский говорил о том, что этот термин в начале прошлого века конкурировал с термином *византинизм*; впоследствии он был вытеснен из научного дискурса. Утратив терминологический статус, слово *византийство* стало использоваться в языке художественной литературы, в критике и публицистике. Большинство проанализированных словоупотреблений говорят о сужении значения рассматриваемого слова: *византийство* включает такие компоненты смысла, как: безнравственность, хитрость, способность к интригам, пышность, роскошь, и характеризует человеческие взаимоотношения.

Об этом свидетельствуют многочисленные примеры, извлеченные нами из «Библиотеки лексикографа»:

«По мере того как прежде в пропаганде, в печати, в школах поднималась волна отвратительного византийства, Сталин никак не мог терпеть на ответственных административных постах людей, которые знали правду и

которые сознательно говорили ложь в качестве доказательства своей верности вождю» [Л. Д. Троцкий. Сталин].

«Лишь в это время появились у нас новые идеалы, олицетворением которых представляется Чацкий с его горячим патриотизмом <...>, гордым сознанием своего человеческого достоинства и свободою от всяких суеверий, светских предрассудков и стеснительных условий общежития, унаследованных нашим обществом от времён татарского ига, византийства и домостроевщины» [А. Скабический. Александр Грибоедов].

Видимо, негативно окрашенное значение лексемы *византизм (византинизм)*, которое описывали ещё А. Н. Чудинов и Ф. И. Успенский, закрепилось именно за употребляемым в публицистике словом *византийство*, которое «оттянуло», «взяло на себя» это второе, оценочное значение от терминов *византизм* и *византинизм*.

Подведём некоторые итоги. Анализ источников, относящихся к разным временным периодам, говорит о нескольких тенденциях в употреблении слов *византизм* и *византинизм.* Первоначально в научном дискурсе использовался заимствованный термин *византинизм*, соотносящийся с западной, прежде всего немецкой, традицией словоупотребления. На наш взгляд, можно говорить о двух взаимосвязанных значениях исторического и культурологического термина: 1) совокупность всех черт, под влиянием которых в строго определённый исторический период сформировалась Византийская империя; 2) совокупность политических, государственных, церковных и этнографических особенностей, носителем которых была Византийская империя.

В семидесятые годы XIX века термин *византизм* (образованный, по всей вероятности, за счёт словообразовательных ресурсов русского языка) стал ассоциироваться с политическими идеями К. Н. Леонтьева, для которого *византизм* был идеалом государственного устройства и средством охранения православия, святости и русскости.

В этих значениях термины выступают как паронимы, то есть однокоренные слова разной словообразовательной модели со сходным звучанием и разными, хотя и соотносительными значениями. Различия в значениях слов подтверждаются различиями парадигматических и синтагматических связей слов и функционированием в разных типах дискурса.

Функционирование трех связанных формально и семантически лексем — *византизм, византинизм и византийство* — в русском языке XIX — XXI в. схематически можно охарактеризовать как ряд соотносительных единиц.

1. Лексема *византинизм* (и ее синоним-дублет *византизм*) с середины XIX века употребляется в научном дискурсе как нейтральный собственно исторический и/или культурологический термин.

2. Нетерминологическая лексема *византийство*, имеющая производное от исторического термина значение (деспотизм, разврат, лесть), используется в публицистическом дискурсе и в языке художественной литературы.

3. Лексемы *византизм* и *византинизм* могут употребляться в публицистическом и художественном дискурсах с тем же значением, что у слова *византийство* — нетерминологически.

4. Паронимический авторский философский термин *византизм* с подчёркнуто позитивной коннотацией ограничен религиозно-философским дискурсом Леонтьева.

5. В религиозно-философском дискурсе критиками концепции К. Н. Леонтьева используются интерпретационные варианты термина *византизм* с негативной коннотацией.

В заключение отметим, что в употреблении описанных единиц и, в частности, научного и философского терминов, наблюдается непоследовательность. Полученные нами данные контекстуального анализа лексем *византизм* и *византинизм* говорят о том, что для подобного смешения

— крайне нежелательного для научного дискурса — есть основания: близкие по семантике и по звучанию термины появились в языке почти одновременно. Добавим также, что некоторые исследователи признают различия в значениях терминов *византизм* и *византинизм*, однако большинство авторов употребляет лексемы *византизм* и *византинизм* как однокоренные синонимы, отдавая явное предпочтение более краткому и благозвучному *византизм.*

§ 6. Лексемы «нация» и «национальность» в философских терминосистемах Н. А. Бердяева и К. Н. Леонтьева

Проблема поисков национального идеала является одной из ключевых проблем русской философии конца XIX – начала XX в. Это обусловило появление в русском философском тексте терминов, которые первоначально описывались в словарях и энциклопедиях как термины философии, а впоследствии стали осознаваться как общественно-политические: *нация, национальный идеал, национальность* и др.

Интерес к творчеству К. Н. Леонтьева и Н. А. Бердяева в этом аспекте не случаен: связанные с «национальным вопросом» термины входят в авторские философские терминосистемы обоих авторов в особой функции. Такие термины являются авторскими, поскольку стоящие за ними понятия несут особую смысловую нагрузку и отражают индивидуальный подход к предмету исследования, см.: [Табанакова 2013: 6].

Обладая семантическими и формальными признаками общеязыковых слов, философские термины становятся таковыми в языке для специальных целей, каковым в данном случае является язык «свободного философствования». В этом плане важно проанализировать, в чем заключаются отличия философских терминов от обычных слов, и выявить, какие компоненты смысла наполняют анализируемые понятия в произведениях философов.

Термины *нация*, *национальность* и их производные в применении к описываемому периоду времени (мы анализируем работы, написанные с 1875 по 1918 годы) можно назвать формирующимися. Видимо, поэтому они не представлены в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (1890 — 1907, 40-й том — 1897), несмотря на то что в нём содержатся такие статьи, как: *национализация земли, национализм, национал-либералы, национальная гвардия, национальная музыка, национальное духовенство, национальное собрание, национальные цвета, национальный конвент, национальный синод, национальный собор, национальные движения, национальные мастерские*, а также *национальные имущества во Франции во время революции* [Брокгауз, Ефрон 1897. Т. 40 : 708-727]. Отметим, что в Малом энциклопедическом словаре (1-е издание: 1899-1902; 2-е издание: 1907-1909) появляется понятие «нация»: «совокупность индивидов, связанных сознанием своего единства, общности происхождения, языка, верований, быта, нравов, обычаев, исторического прошлого и солидарностью социальных и политических интересов настоящего. Ни один из указанных признаков (раса, язык или религия) не являются существенной принадлежностью нации (разнообразие расовых отличий, языков имеется у некоторых наций)...» [Малый Брокгауз, Ефрон 1907-1909].

В «Философском словаре» Э. Л. Радлова (1904 г.) читаем: «Национальность обозначает союз некоторого количества людей, обусловленный общностью происхождения, а также общностью материальных и духовных интересов» [Радлов 2010: 176]. Э. Л. Радлов говорит о том, что формирование философского понятия относится к XIX веку и предполагает возможности его разной трактовки в авторских терминосистемах: «Одно время национальность старались отождествить с понятием языка (Бёк, Потебня)... <...> Понятие национальности, узко понятое, ведёт к национализму... См. В. Соловьев...» [там же].

В Национальном корпусе русского языка первое употребление слова *нация* относится к 1721 году, слово становится «заметным» (растёт показатель

частоты на миллион словоупотреблений) в 1837 году, резкие скачки показателя частоты наблюдаются в 1863, 1878, 1891 и 1919 годах (документы с 1700 по 1925 год). *Национальность*: корпус фиксирует первое употребление в 1840 году, а скачки показателя частоты относятся к 1849, 1878, 1903 и 1920 годам.

Реалии, появление которых в последующие годы (в частности, в советское время) обычно соотносили с формированием капиталистического строя и индустриального общества, получили интересную интерпретацию в трудах К. Н. Леонтьева *(Византизм и славянство (1875); Плоды национальных движений на православном Востоке (1888-1889); Кто правее? Письма к В. С. Соловьеву (1890-1891); Культурный идеал и племенная политика (1890)* и Н. А. Бердяева *(Философия свободы (1911); Философия неравенства (1918); Новое средневековье (1924).*

Обращение к терминам *нация* и *национальность* в творчестве двух философов интересно с лингвистической точки зрения. Во-первых, выбранный лексический материал позволяет проанализировать, как меняется семантическое наполнение социально-политических терминов в философском тексте; каково сходство и различие значений этих лексем в терминосистемах разных авторов.

Отобранный текстовый материал позволяет выяснить, какие типы дефиниций слов *нация* и *национальность* используют авторы и с помощью каких родовых и видовых идентификаторов они описывают значения анализируемых терминов.

В-третьих, лексический материал — термины, связанные с проблемой национального — позволяет извлечь информацию о конкретных механизмах философского терминообразования. В качестве дополнительной можно указать задачу анализа терминологической системности на конкретных участках терминологических полей. Вначале сопоставим данные терминологической выборки по каждому из авторов.

Взгляды К. Н. Леонтьева на «национальный вопрос» получили терминологическое оформление в ключевых понятиях: *нация, национальность, национальный идеал, национальное начало, национальный признак, национальная политика, культурный идеал, племенная политика, национализм.*

В творчестве Н. А. Бердяева схожий участок терминологического поля представлен следующими понятиями: *нация (то же, что национальность), национальное бытие, национализм, интернационализм, национальное сознание, народ, национальное начало.*

Важное различие в употреблении терминов *нация* и *национальность* двумя философами заключается в том, что К. Н. Леонтьев строго разграничивает эти понятия, а Н. А. Бердяев — нет, поскольку употребляет их как взаимозаменяемые (этот факт заслуживает внимания: Бердяев, писавший позже Леонтьева, был хорошо знаком с трудами последнего). На особую важность разграничения терминов «национального вопроса» для К. Н. Леонтьева указывает, к примеру, такая цитата: «Осмеливаюсь думать, что слова: нация, национальность, национальный идеал, национальное начало и национальная политика ― никак не одно и то же» [К. Н. Леонтьев. Культурный идеал и племенная политика].

Основной текст Н. А. Бердяева, проблематика которого связана с «национальным вопросом» (кроме поздней «Русский идеи» 1946 г.) — это «Философия неравенства», в котором осмыслению понятий *нация* и *национальность* посвящено Письмо четвертое («О нации»); следовательно, именно этот термин, вынесенный в позицию заголовка, автор считает основным. Однако в дефинициях определяемое может быть разным: и *нация*, и (реже) *национальность.* Н. А. Бердяев использует оба термина как равнозначные, иногда — в рамках одного абзаца: «Бессмысленно и нелепо подходить с одной абстрактной меркой к правам национальности германской и национальности испанской в данный момент мировой истории. В жизни

наций бывают периоды расцвета и периоды отцветания, периоды высшего напряжения их силы и периоды слабости» [Бердяев 1990: 351].

Для анализа индивидуальных значений терминов в сопоставляемых терминосистемах установим предварительный набор дифференциальных элементов, обратившись к толковым словарям.

В «Словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка» (1894) находим следующие определения: НАЦИЯ: Народ, вообще люди, говорящие одним языком, связанные общностью происхождения и исторически (Чудинов 1910).

Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова (по времени издания хронологически наиболее близкий написания анализируемых произведений) даёт такое толкование: НАЦИЯ. 1. Исторически сложившаяся часть человечества, объединённая устойчивой общностью языка, территории, экономической жизни и культуры [ТСУ. Т.2. 1996: 460].

В БАС-3 в толкование включён семантический компонент «политические связи»: НАЦИЯ. 1. Исторически сложившаяся общность людей, характеризуемая общностью языка, территории, экономических и политических связей, особенностями культуры и психологического склада [БАС-3. Т.11. 2008: 468].

Словарные дефиниции задают определённые контуры значения термина (общность; сложившаяся исторически; общность культуры и т.д.), представления о которых позволят нам охарактеризовать признаки, наполняющие понятие *нация*, в терминосистемах К. Н. Леонтьева и Н. А. Бердяева.

По всей вероятности, термин *нация* в середине XIX века по-разному определялся разными мыслителями, о чем свидетельствует полемика К. Н. Леонтьева с П. Е. Астафьевым (автором произведения *«Смысл истории и идеалы прогресса»* (1885), отзвуки которой можно обнаружить в произведениях: *«Кто правее? Письма к В. С. Соловьеву»* (1890-1891);

«Культурный идеал и племенная политика» (1890); *«Сдача Керчи в 55-м году (Воспоминания военного врача)»* (1887); *«Письма о восточных делах»* (1882).

Свойство нечёткости значения термина *нация* в политическом и философском дискурсе того времени преодолевается за счёт реализации дискурсивной функции авторского термина в философии К. Н. Леонтьева. Проецируя идею замысла речи на процесс вычленения авторского термина, В. Д. Табанакова считает возможным «ограничить понятие «авторский термин» результатом контекстуального семантического и логико-понятийного анализа языковых форм декодирования в специальном тексте» [Табанакова 2013: 6].

Данные анализа показали, что термину *нация* в трудах К. Н. Леонтьева присуще свойство дефинированности (что и делает его собственно термином); несколько родовых идентификаторов группируют вокруг себя две совокупности дифференциальных сем: «племенные» и «культурные» признаки *нации.* Родовой идентификатор понятия *нация* у К. Н. Леонтьева обозначается при помощи словосочетаний *«сама вещь»* (так автор, по его собственному признанию, подчёркивает конкретность разбираемого понятия); *организм; «почти физическое представление», «известная ветвь известного племени»*.

Интенсионал понятия наполняется за счёт следующих смысловых составляющих: «племенные (физиологические) признаки»: *язык и кровь* (оба признака носят вероятностный, стохастический характер), *ветвь племени*; «культурные (идеальные) признаки»: *религия, род государственных учреждений; вкусы (обычаи, моды, нравы домашние и общественные); характер экономической жизни.* Кроме того, в понятие *нация* у К. Н. Леонтьева входят дополнительные признаки: *материальные объекты, делающие нацию великой; талантливые люди.*

Таким образом, *нация* у К. Н. Леонтьева — это конкретное понятие: ветвь племени, имеющая свои отличительные признаки в языке, истории,

религии, экономике, нравах, обычаях и культуре. *Национальность* — это образ нации, представление о ней «со стороны» и изнутри.

Прежде чем перейти к подробной характеристике значения термина *национальность* в работах К. Н. Леонтьева, обратимся к толковым словарям.

НАЦИОНАЛЬНОСТЬ: народность, совокупность отличительных черт и свойств народа [Словарь иностранных слов под ред А. Н. Чудинова].

НАЦИОНА́ЛЬНОСТЬ. 1. То же, что нация... 2. только ед. Принадлежность к какой-л. нации. 3. только ед. То же, что народность во 2 и 3 знач. (Народность искусства). 4. только ед. Национальная обособленность, исключительность [ТСУ 1996, Т. 2 : 461-462]

НАЦИОНАЛЬНОСТЬ. 1. То же, что нация. 2. Принадлежность к какой-л. Нации. 3. Устар. Национальная самобытность [БАС-3.Т.11 2008: 467].

Национальность в терминосистеме К. Н. Леонтьева — понятие «более отвлечённое, чем *нация»*. Оно определяется философом через родовой признак «идос» (так в оригинале), то есть эйдос (от греческого «вид, образ»). Эйдос — термин древнегреческой философии, означавший конкретную явленность, видимую сущность, форму как специфический признак вещи, ее цель и движущую силу [СЭС 1984 : 1417].

Термин *национальность* у К. Н. Леонтьева раскрывается при помощи ряда полиморфных [Шелов 2003: 83] определяющих выражений, допускающих возможность нескольких различных интерпретаций. Приведём несколько цитат-определений из разных работ К. Н. Леонтьева:

«*Национальность* понятие более отвлеченное. Это какой-то идос — той нации, которую мы только что воображали себе во плоти. Когда мы говорим: русская национальность, французская, китайская, то мы вспоминаем о таких общих качествах или признаках, которые более или менее свойственны всем людям, составляющим эту нацию (или хотя бы большинству их), и совокупностью которых эта нация отличается от других. Чем эти признаки резче, чем эта совокупность их выразительнее, тем более в нации национальности, т. е. особенности, своеобразности, оригинальности. <...>

Национальность данной нации — это скорее, то, что уже есть у нее теперь налицо совокупность признаков существующих, историческим развитием уже приобретенных» [Леонтьев 1996: 601].

В работе «Кто правее?» К. Н. Леонтьев призывает своего оппонента П.Е. Астафьева помириться с его, леонтьевским «понятием о национальности как необходимой основе и формирующей силе всякой мощной и жизнеспособной культуры» [Леонтьев 1996: 653]. Эти определения делают возможными добавление существенного компонента значения в смысловую структуру термина *нация*: «необходимость национальности как совокупности существенных признаков», то есть, по Леонтьеву, нация не является таковой до тех пор, пока у неё нет национальности.

Приведённые цитаты позволяет выделить родовой и видовые идентификаторы термина *национальность*: *особенность, своеобразность, оригинальность (нации); культурная составляющая нации.* В целом термин представляется очень неопределённым, «образным», нежёстким. Интенсиональная неопределённость понятия-термина основана на принципиальной, сущностной неопределённости идоса, нежёсткости представления об особенностях нации, зависимости этого представления от взгляда со стороны или изнутри. Интенсиональная неопределённость свойственна ещё одному производному термину в системе К. Н. Леонтьева — *национальный идеал,* который соотносится с термином *национальность* как представления о желаемом образе и существующий образ.

«Национальный идеал — это совокупность национальных признаков ещё не приобретённых; это представление той же нации в будущем ближайшем или отдалённом <...> Национальный идеал — это различное субъективное представление разных граждан об идосе будущей реальной нации» [Леонтьев 1996: 601].

Таким образом, в авторской терминологической системе К. Н. Леонтьева выделяются три основных понятия, связанных с национальным вопросом: *нация* (совокупность конкретных, перечисляемых в

текстовых дефинициях "племенных" и "культурных" признаков); *национальность* (образ нации у ее представителей и у других наций); *национальный идеал* (желаемый, мыслимый образ нации).

Анализируемый участок авторской терминосистемы отражает особенности терминообразования К. Н. Леонтьева: к основным способам образования терминов в произведениях философа можно отнести синтаксический и семантический в двух разновидностях (терминологизация и транстерминологизация).

Лексемы *нация* и *национальность* в описываемый период функционировали в двух качествах, «отличаясь так, как вообще содержательно отличается слово от термина» [Даниленко 1971]. Термин и общеупотребительное слово имеют смысловые различия, что отражается, в частности, в различии приведенных выше толкований слова и термина в толковом и энциклопедическом словарях.

Мы не можем говорить о процессе заимствования терминов *нация* и *национальность* из общеупотребительного языка, так как предполагаем, что уже на этапе вхождения в язык эти лексемы были связаны с формирующимися специальными понятиями.

Применительно к творчеству К. Н. Леонтьева правильнее говорить о дискурсивной функции термина в текстах одного автора. Это авторские термины, поскольку за ними стоит не общеизвестное (или известное представителям данной области знания) понятие, а авторская интерпретация, ср.: "слово "авторский" указывает на прямую связь термина-знака, чаще его референта, с одним человеком" [Табанакова 2015: 142].

Данные выборки позволяют говорить о наличии в терминосистеме К. Н. Леонтьева своеобразных терминологических гнезд, формирующихся вокруг ключевых слов, номинирующих базовые понятия авторской философской терминологии.

Термины-словосочетания тематической сферы "национальное" создаются путем добавления к термину, обозначающему родовое понятие,

видовых, или конкретизирующих. признаков: так образуются ряды, или гнезда видовых понятий, обозначающих понятийные разновидности исходного понятия и непосредственно связанных с ним. Так, значения исходных понятий варьируются в атрибутивных словосочетаниях со словами:

национализм (культурный, племенной, политический, государственно-племенной, свободный, славянский, эмансипационный);

национальный (идеал, политика, государство, мышление, своеобразность, вопрос).

Видовые термины разной синтаксической структуры в авторской философской терминосистеме являются сверхкраткими определениями, которые связывают видовые, частные понятия с более общими, родовыми, интегрирующими и указывают на дифференциальные признаки.

Перейдем к анализу понятийного содержания и особенностей дефинирования терминов "нация" и "национальность" в творчестве Н. А. Бердяева.

Как уже отмечалось, Н. А. Бердяев обозначает терминами *нация* и *национальность* одно и то же понятие, сущностные признаки которого разработаны у этого автора с большей степенью отчётливости и выпуклости.

Приведём несколько цитат, которые являются составными частями пространного контекстуального определения, формируемого всем текстом главы «О нации» («Философия неравенства»): «*Нация* есть категория историческая по преимуществу, конкретно-историческая, а не абстрактно-социологическая. Она есть порождение совершенно своеобразной исторической действительности, и тайна её недоступна тем, которые совершенно лишены чувства исторической действительности, которые пребывают целиком в абстрактных социологических категориях. <...> *Национальность* есть та сложная иерархическая ступень, в которой наиболее сосредоточена острота исторической судьбы. В ней природная действительность переходит в действительность историческую. <...> *Нация* есть дух, Божий замысел, который эмпирический народ может осуществить

или загубить [Философия неравенства (Письма к недругам по социальной философии) (1923)].

Из текста четвертого письма «Философии неравенства» и из работы «Философия свободы» нами выделены родовые понятия, при помощи которых Н. А. Бердяев определяет термин *нация / национальность*: *неповторимая реальность; историческая категория; иерархическая ступень; историческое образование; мистический организм, мистическая личность, ноумен (исторического процесса); дух, Божий замысел.*

Анализируемое понятие уточняется и наполняется за счёт большого количества разноаспектных дифференциальных признаков: *историческая (конкретно-историческая); историческая действительность; таинственность; иррациональность, нетленность; победа над смертью; религиозная основа; неравноправие.*

Кроме того, для идиостиля Н. А. Бердяева характерно использование «отрицательных» определений, которые отражают невозможные в дефиниции термина родовые идентификаторы: *«не есть эмпирическое явление (отрывка исторического времени)»; «не есть живущее поколение»; «не есть сумма... поколений»; «не есть тот или иной класс».*

По Н. А. Бердяеву, в содержание понятия *нация/национальность* входят: обозначение цели («Всякая нация по здоровому инстинкту своему стремится к максимуму силы и цветения, к раскрытию себя в истории») («...всякая нация стремится образовать своё государство, укрепить и усилить его»); наличие гениев, избранных личностей («Самого совершенного и высшего своего выражения нация достигает в гении»); культурные объекты, памятные места («В нацию входят не только человеческие поколения, но также камни церквей, дворцов и усадеб, могильные плиты, старые рукописи и книги»).

Обратим особое внимание на семантический признак «неравенство», наличие которого составляет своеобразие термина *нация/национальность* в творчестве Н. А. Бердяева: «Все исторические *национальности* имеют совершенно разные, неравные права, и они не могут предъявлять одинаковых

притязаний. В историческом неравенстве *национальностей*, неравенстве их реального веса, в историческом преобладании то одних, то других национальностей есть своя большая правда, есть исполнение нравственного закона исторической действительности, столь непохожего на закон действительности индивидуальной» [Философия неравенства (Письма к недругам по социальной философии) (1923)].

Вокруг терминов *нация/национальность* в терминосистеме Н. А. Бердяева группируются терминологические гнезда, состоящие из терминов-словосочетаний. Таких терминов сравнительно немного, но, поскольку каждый из них обладает признаком дефинитивности, считаем необходимым привести эти термины и их определения.

«Национальный человек — больше, а не меньше, чем просто человек, в нем есть родовые черты человека вообще и еще есть черты индивидуально-национальные» [Н. А. Бердяев. Национальность и человечество (1914-1918)].

«Национальное бытие есть природное бытие, за которое необходимо бороться, которое необходимо раскрывать и развивать» [Н. А. Бердяев. Национализм и мессианизм (1914-1918)].

«Существование человечества в формах национального бытия его частей совсем не означает непременно зоологического и низшего состояния взаимной вражды и потребления, которое исчезает по мере роста гуманности и единства» [Н. А. Бердяев. Национальность и человечество (1914-1918)].

Охарактеризовав смысловые составляющие сравниваемых понятий в работах двух философов, перейдём к анализу их текстового представления, то есть характера дефиниций, и сделаем краткие выводы.

Определения К. Н. Леонтьева достаточно кратки, их функция — идентифицировать объект описания, отделить друг от друга понятия *нация* и *национальность.* По структуре эти определения ближе всего к родо-видовым, они не только отражают семантику термина, но дают представление о семантической мотивированности.

Термин *нация* определяется через родовые идентификаторы «ветвь племени», «организм» и две совокупности, два «набора» подробно описанных выше видовых идентификаторов, отражающие разные аспекты представляемого понятия: «племенной» и «культурный». Термин *национальность* в терминосистеме К. Н. Леонтьева является производным по отношению к термину *нация*, поскольку определяется через него: *национальность* — это идея, *«скрытая за тем реальным и конкретным физическим явлением, которое мы зовём нацией»* (эйдос нации), душа нации. Понятие *национальность* у Леонтьева не включает «племенных», «физических» черт, относясь к категории культурологических. *Национальность*, по К. Н. Леонтьеву, есть «образ» нации, а *национальный идеал* — желаемый образ.

Дефиниция у Н. А. Бердяева носит контекстуальный характер. На протяжении всего текста возникают новые определения, и в известную уже структуру терминологического понятия «встраиваются» новые компоненты. Рост терминологичности напрямую связан с длиной контекста, необходимого для описания понятийного содержания философского термина. О высокой степени терминологичности понятия говорит и большое количество выделяемых семантический компонентов значения: это признаки, которые можно условно назвать «реальными» (историческая категория), «мистические» признаки (дух, Божий замысел).

И Н. А. Бердяев, и К. Н. Леонтьев признают, что нация (национальность) — это категория историческая, этнографическая и культурная. Однако Н. А. Бердяев выделяет гораздо большее число отличительных и существенных признаков понятия, что, собственно, и делает его термин «более авторским», если так можно выразиться. В терминосистеме Бердяева понятие *нация/национальность* обладает рядом уникальных семантических черт, которые характерны только для данной семиотической системы: *нация/национальность* имеет мистическую, таинственную, иррациональную, непознаваемую основу; нации принципиально неравноправны и образуют

иерархию. Таким образом, за терминами *нация* и *национальность* в философских терминосистемах двух русских мыслителей стоят разные мыслительные сущности, определяемые особенностью мировоззрений и идиолектов авторов.

§ 7. Термин *социализм* в русском религиозно-философском дискурсе

Общественно-политический и политико-философский термин *социализм* получил в русском религиозно-философском тексте своеобразную интерпретацию: у слова *социализм* в русской философии отчетливо прослеживается "свой путь", свое семантическое наполнение, значительно отличающееся от языкового значения термина, зафиксированного впоследствии толковыми словарями русского языка. В настоящем разделе работы анализируется лексическое значение слова *социализм,* которое, являясь политическим термином, включает в себя не только минимальное и лингвистически унифицированное понятийное содержание, но и весь объем лингвистических и экстралингвистических сведений, «добавочных смыслов» и коннотаций.

Данные ресурса Национального корпуса русского языка в высшей степени репрезентативны для анализа значений общественно-политических терминов, кроме того, для анализа целых произведений и протяжённых текстовых фрагментов использовался электронный ресурс «Библиотека религиозно-философской и художественной литературы “Вехи”».

Основным источником микроисследования стали тексты русских философов: К. Н. Леонтьева, В.С. Соловьева, С.Л. Франка, С. Н. Булгакова и Н. А. Бердяева (частота лексемы *социализм* в произведениях других мыслителей конца XIX — начала XX в. невысока, текстов, непосредственно связанных с общественно-политической проблематикой, нет, поэтому их произведения не привлекались для анализа).

Согласно информации Энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, слово *социализм* было впервые употреблено в 1835 г. Пьером Леру в значении «нечто диаметрально противоположное индивидуализму во всех его проявлениях в моральной и социальной жизни человека» [Брогкауз, Ефрон 1900: 21]. Формирование терминологического статуса слова *социализм* связано с именем Лоренца Штейна, который в работе «Der Socialismus und Kommunismus des heutigen Frankreichs» (1842) указал на связь *социализма* с современным ему общественным строем и с развитием пролетариата.

Словарная статья Энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, составленная профессором истории Н.И. Кареевым, даёт чёткое представление о значении анализируемого понятия — но с небольшой оговоркой: это не *социализм* вообще, а *социализм* XIX века, современный *социализм*, по определению автора статьи (отметим, что в статье дан краткий обзор истории идей и учений, объединяемых этим понятием). Данные эти представляют для нас большой интерес, потому что время появления словарной статьи Н.И. Кареева совпадает со временем формирования русского религиозно-философского дискурса.

В широком смысле *социализм* определяется как «совокупность разных учений, проповедующих радикальное изменение хозяйственного правопорядка путём устранения частной собственности и свободной конкуренции». Текст словарной статьи позволяет выделить дополнительные составляющие понятия *социализм*: *1) непрерывность развития идеи; 2) связь теории с жизненной практикой; 3) научное обоснование теории.*

Определив *социализм* как «совокупность учений», Н.И. Кареев подробно прокомментировал эти учения в словарной статье; в числе прочих охарактеризован *социализм* К. Маркса, в котором выделены три части: «1) чисто экономическое учение»; 2) «историко-философские воззрения»; 3) «социологическая теория экономического материализма» [там же: 22].

Это понятие легло в основу лексического значения слова *социализм,* в короткий срок превратившегося в советскую идеологему наряду с лексемами

коммунизм, ленинизм, марксизм и др. Давление идеологии на семантику слова отразил, в частности, Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова, который выделяет следующие значения у слова *социализм*: 1) «первая фаза коммунизма, общественный строй, основой производственных отношений которого является общественная собственность на средства производства в условиях диктатуры пролетариата и уничтожения эксплуататорских классов и при котором осуществляется распределение по труду»; 2) «учение о построении такого общественного строя...»; 3) «название различных буржуазных и мелкобуржуазных учений о реформе капиталистического общественного строя» [ТСУ 1996, Т. 4: 414].

Именно эти издания (энциклопедический и лингвистический словари, различающиеся и по времени издания, и по характеру информации) представляются важнейшими источниками информации о значении слова *социализм* и о месте понятия *социализм* в картине мира начала XX века. Потребность в использовании разных типов словарей объясняется также тем, что слово *социализм* — термин, следовательно, его значение неизбежно включает энциклопедическую, понятийную составляющую как основу толкования. Словарь Брокгауза и Ефрона отразил процесс формирования в конце XIX века термина *социализм* как обозначения неоднородного социально-политического учения.

Лингвистический словарь, составленный в конце 20 – 30-х гг., «был призван отразить... то, что вошло в общий язык с 1914 г., начавшего переломную эпоху в России и в мире» [История русской лексикографии 1998: 354]. Это время создания большинства текстов русских религиозных философов, однако в освоении лексемы *социализм* общий язык и русский религиозно-философский дискурс идут разными путями. Эта «разность» может быть выявлена методами сопоставительного и контекстуального анализа, а также методом наблюдения.

Понятие *социализм* не получает в работах русских философов строгого научного определения, но, поскольку авторы подробно анализируют сущность

социализма, некоторые фрагменты текста оказываются максимально приближенными к дефиниции и раскрывают разные стороны понятия. Приведем примеры этих условных «дефиниций» из произведений разных авторов (цитаты извлечены из из НКРЯ):

«*Социализм* (то есть глубокий и отчасти насильственный экономический и бытовой переворот) теперь видимо неотвратим...» [К. Н. Леонтьев. О всемирной любви (1880)].

«...Европейский *социализм*, в какой бы то ни было форме, требует предварительного передела собственности, полного переустройства землевладения и всего общественно-экономического строя» [К. Н. Леонтьев. Владимир Соловьев против Данилевского (1888)].

«*Социализм* и есть мировоззрение, в котором идея производства вытеснена идеей распределения» [С.Л. Франк. Этика нигилизма (1909)].

Наиболее активным в русском религиозно-философском тексте оказывается значение «учение», «идея», «мировоззрение». Это значение представлено в Толковом словаре русского языка под ред. Д.Н. Ушакова и во всех последующих толковых словарях русского языка.

Сравнение данных Словаря Брокгауза и Ефрона и ТСУ позволяют сделать вывод о том, что в последнем отражено сужение значения термина *социализм*, которое произошло под влиянием экстралингвистических факторов и закрепилось в русском языке XX столетия: «учение о построении такого общественного строя...». Речь идёт об одной разновидности *социализма* — *научном социализме*, что подтверждается иллюстративным материалом словарной статьи: «Основатели современного научного социализма, Маркс и Энгельс — говорили...» [ТСУ 1996, Т. 4: 414].

Остальные «виды» социализма в Толковом словаре русского языка под ред. Д. Н. Ушакова отнесены к третьему значению термина, семантика которого в словаре искажена под влиянием идеологического фактора: «название различных буржуазных и мелкобуржуазных учений о реформе капиталистического общественного строя» [там же].

Анализ структуры словарной статьи в целом и иллюстративного материала в частности позволяет сделать вывод: Словарь Ушакова отразил сформировавшуюся ко времени его создания понятийную оппозицию: *подлинный социализм (научный) — ложный социализм (утопический, народнический, полицейский, конструктивный).*

Русский религиозно-философский текст отражает и суженное значение термина, и то значение, которое отражено в Словаре Брокгазуа и Ефрона: так, значение «совокупность учений» раскрывается через синтагматическое окружение слова *социализм*, через зависимые слова, уточняющие семантику опорного члена словосочетания. Философская интерпретация термина не позволяет установить иерархические отношения между понятиями, репрезентирующими идею социализма. Различные «ответвления» и «виды» социализма представлены в следующих сочетаниях:

К. Н. Леонтьев: *европейский социализм, теоретический социализм.*

Вл. С. Соловьев: *европейский социализм; русский социализм; многочисленные разновидности социализма; радикальный социализм; консервативный социализм.*

Н. А. Бердяев: *русский христианский социализм; аграрный социализм; русский народнический социализм; утопический социализм (Сен-Симона); демократический социализм жоресовского типа; революционный социализм, демократический социализм; метафизический социализм (кн. Трубецкого); персоналистический социализм.*

С. Н. Булгаков: *«научный» социализм; атеистический социализм (Белинский); материалистический социализм; современный социализм.*

С.Л. Франк: *революционный социализм; интегральный социализм; социализм в своём чистом виде.*

Таким образом, интенсионал значения слова *социализм* в русском религиозно-философском дискурсе совпадает с тем представлением о понятии, которое отражено в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. Сдвиги в семантике слова, зафиксированные Словарем Ушакова

(значение «общественный строй»), получают отражение в анализируемых текстах послереволюционного периода. Второе значение, обособленное словарем, реализуется в философских произведениях, как правило, в словосочетаниях: *социализм Маркса, революционный социализм, научный социализм, так называемый научный социализм,* т. е. как один из множества вариантов социализма.

В целом можно говорить о том, что в русском религиозно-философском тексте дореволюционного периода наиболее активно реализуются следующие значения термина *социализм*: «учение», «совокупность учений». После революции русские мыслители пишут преимущественно о *социализме* как о политическом строе или об учении, но на фоне политического строя.

В ряде философских работ дореволюционного периода реализуется идея неопределенности и двойственности *социализма*. Эта идея может быть выражена разными способами: конструкции с однородными членами с разделительным союзом *или*; конструкции с противительным союзом; уточняющие предложения *(конечно, есть, но...)*; риторические и альтернативные вопросы:

«Я скажу даже больше: … если *социализм* не как нигилистический бунт и бред все-отрицания, а как законная организация труда и капитала, как новое корпоративное принудительное закрепощение человеческих обществ, имеет будущее...» [К. Н. Леонтьев. Записка о необходимости новой большой газеты в С.-Петербурге (1881)].

«О, конечно, в *социализме* есть и великая правда, так как велика ложь капиталистической и буржуазной общественности <...> но в атмосфере социализма, ...претендующего быть религией, рождается это искушение и ведёт не к нейтральному добру, а к конечному злу» [Н. А. Бердяев. Великий Инквизитор (1907)].

«Маркс верил в *социализм*, в будущее общество, в разумную диалектику материального экономического процесса; психология веры лежит в основе рационалистического, «научного» марксизма. <...> Видимая ли вещь

социализм, или прогресс, или всеобъемлющая наука, и могут ли эти вещи быть предметами знания?» [Н. А. Бердяев. Философия свободы (1911)].

Приведённые примеры отражают колебания смысловых корреляций понятий: *социализм — добро и зло; социализм — разрушение и созидание; социализм — анархия и организация; социализм — вера и наука.* Идея неопределённости и двойственности *социализма,* одновременные полярные оценки этого явления реализованы в русском религиозно-философском тексте дореволюционного периода.

Тексты послереволюционного периода идею двойственности отражают иначе: это скорее «двуличие», «двойное дно» идеи, реализация которой привела к трагическим последствиям. О наличии новых смыслов в содержании понятия свидетельствуют следующие примеры:

«Так *социализм* заботится о всечеловеческом благополучии, воюя с врагами народа, митингуя, издавая декреты и организуя порядок жизни и при этом не только не заботясь о произрастании хлеба, но тщательно истребляя его и засоряя нивы плевелами...» [С.Л. Франк. Смысл жизни (1925)].

«Так можно было определить русскую тему XIX в.: бурное стремление к прогрессу, к революции, к последним результатам мировой цивилизации, к *социализму* и вместе с тем глубокое и острое сознание пустоты, уродства, бездушия и мещанства всех результатов мирового прогресса, революции, цивилизации и пр.» [Н. А. Бердяев. Русская идея (1946)].

Для русского религиозно-философского текста характерна модель дефиниции «социализм есть Х (не что иное, как Х)», в рамках которой слово социализм включается в своеобразный «семантический оксюморон»: философ включает в значение слова семы, не только не являющиеся потенциальными или слабо вероятностными, но вступающими в противоречие с семами интенсионала, например:

«*Социализм*, понятый как следует, есть не что иное, как новый феодализм уже вовсе недалёкого будущего. Разумея при этом слово феодализм <...> в смысле глубокой неравноправности классов и групп, в

смысле разнообразной децентрализации и группировки социальных сил, объединённых в каком-нибудь живом центре духовном или государственном; в смысле нового закрепощения лиц другими лицами и учреждениями, подчинение одних общин другим общинам…» [К. Н. Леонтьев. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения (1881-1891)].

«*Социализм* есть лишь дальнейшее развитие индустриально-капиталистической системы, лишь окончательное торжество заложенных в ней начал и всеобщее их распространение» [Н. А. Бердяев. Новое средневековье (1924)].

Отождествление *социализма* с феодализмом и капитализмом погашает яркие семы интенсионала *(«отсутствие деления на классы»; «равенство»; «общая собственность на средства производства»).* Русский религиозно-философский текст «снимает» представление о *социализме* как о более высокой стадии общественно-экономических отношений по сравнению с капитализмом и тем более феодализмом, уравнивая его с каждой из этих формаций. Основанием для отождествления становятся семы «неравноправие классов» и «буржуазность».

Особый интерес вызывает прагматический компонент значения лексемы *социализм* в русском религиозно-философском дискурсе. Г.Н. Скляревская выделяет следующие формы и типы прагматических компонентов: эксплицитная форма (коммуникативно-ситуационный и эмотивный компоненты); имплицитная форма (когнитивный и прагматический) [Скляревская 1995: 70].

Анализ синтагматического окружения слова *социализм* с точки зрения наличия единиц с преобладанием характеризующей функции выявил полярность оценок — не только в религиозно-философском дискурсе вообще, но и в творчестве одного автора. *Социализм* как идея и как строй оценивается преимущественно негативно: *Социализм плосок, доска* (Розанов)*; зараза социализма; орудие анархии; разъедаемый социализмом, деспотический характер социализма* (Леонтьев); *атомический распад* (Бердяев);

принудительный социализм, неизбежно поддерживаемый террором (Розанов); *разрушительное существо социализма* (Франк); *несостоятельность социализма* (Соловьев).

В то же время ряд контекстов позволяет выявить семы противоположного модуса оценки: *величина будущая, громадная, всеохватывающая (Розанов); он есть идея правомерная и бесспорная (Франк); самый поздний и зрелый плод просветительства (Булгаков).*

Если говорить об имплицитном прагматическом компоненте значения, нельзя не упомянуть сравнение (отождествление), встречающееся в работах разных философов и являющееся типологической чертой лексической организации религиозно-философского текста: это уподобление *социализма религии* и *вере*, то есть внедрение политического понятия *социализм* в семантическую сферу религиозного на основе его противопоставления, исключения, несовместимости понятий. Во-первых, *социализм* отрицает религию, веру и церковь, его цель — «*спасение человечества без Бога*» (Соловьев); социализм есть «*лже-Церковь и лжетеократия*» (Бердяев). Во-вторых, социализм как идея вытесняет идею Бога, занимая её место в коллективном сознании:

«Религию имеют и атеисты, хотя, конечно, вероисповедание их другое, чем у теистов. <...> Разве в наши дни не говорят о религии человечества, религии *социализма*? <...> В этом словоупотреблении вовсе не пустая игра слов, а глубокий смысл, показывающий, что религиозное чувство, религиозное отношение как формальное начало может соединяться с различным содержанием...» [С. Н. Булгаков. Основные проблемы теории прогресса (1902)].

«В религии *социализма*, этом последнем слове учения о прогрессе, есть конец. Социализм верит, что старый мир разрушится, что над старым злом будет произнесён окончательный суд, что настанет совершенное состояние на земле, царство человеческой правды, что люди будут как боги» [Н. А. Бердяев. Философия свободы (1911)].

Вытесняя веру в Бога, идея *социализма* деформирует традиционную религиозную константу. Кроме того, в русском религиозно-философском тексте выстраивается триада: религиозность (религия живого Бога, религиозная свобода, религиозный смысл) — безрелигиозность, религиозная нейтральность — религия дьявола (религия антихриста). Правая часть триады в виде ассоциаций и добавочных смыслов включается в прагматический компонент значения лексемы *социализм*.

К ближайшей периферии значения лексемы *социализм* в русском религиозно-философском дискурсе относится семантический компонент «интернациональный», «международный», включающий элемент негативной оценки – отрицание национального.

«*Социализм* же есть международность по преимуществу, т. е. высшее отрицание национального обособления. Значит, и тут национальная политика ведет ко всенародному, антикультурному смешению» [К. Н. Леонтьев. Национальная политика как орудие всемирной революции (1888)].

Язык анализируемых философских произведений метафоричен. Когнитивные метафоры, основанные на импликациональных признаках значений, которые «в совокупности образуют вероятностную ауру понятия» [Никитин 1996: 271], являются не только ярким изобразительным приёмом, это прежде всего способ видения мира, способ мышления и оценки того или иного явления. Лексема *социализм* в русском религиозно-философском тексте оказывается вовлечена в несколько типов метафорических контекстов, вскрывающих прагматические коннотации значения: *болезнь (извращение, отрава, яд, разложение), разрушение, ад, убыль духовности.*

«С другой стороны, многочисленные разновидности *социализма*, не только радикального, но и консервативного, более обнаруживают присутствие болезни, нежели представляют действительные средства исцеления» [В.С. Соловьёв. Оправдание добра (1894-1899)].

«У нас же, при отсутствии всяких внешних и внутренних преград и чужеродных примесей, при нашей склонности к логическому упрощению

идей и прямолинейному выявлению их действенного существа, *социализм* в своём чистом виде разросся пышным, махровым цветом и в изобилии принес свои ядовитые плоды» [С.Л. Франк. De profundis (1918)].

«И когда цель была достигнута, старые порядки низвергнуты, *социализм* твёрдо осуществлён, тогда оказалось, что не только мир не был спасён, не только жизнь не стала осмысленной, но на место прежней, хотя с абсолютной точки зрения бессмысленной, но относительно налаженной и устроенной жизни, которая давала, по крайней мере, возможность искать лучшего, наступила полная и совершенная бессмыслица, хаос крови, ненависти, зла и нелепости — жизнь, как сущий ад» [С.Л. Франк. Смысл жизни (1825)].

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что в дореволюционный период в русской философии формирующийся термин *социализм* используется как обозначение учения. В период после революции русские мыслители (К. Н. Леонтьев, С.Л. Франк, Н. А. Бердяев) пишут преимущественно о социализме как о политическом строе.

В русском религиозно-философском тексте «снимается» представление о *социализме* как *о более высокой стадии общественно-экономических отношений* по сравнению с капитализмом и подвергается сомнению представление о *социализме как о первой фазе* коммунизма.

Анализ синтагматического окружения слова *социализм* с точки зрения наличия единиц с преобладанием характеризующей функции выявил полярность оценок. Прагматический компонент значения проявляется и в уподоблении *социализма религии* и *вере:* происходит внедрение политического понятия *социализм* в семантическую сферу религиозного на основе его противопоставления, исключения, несовместимости понятий. По мнению русских философов, *социализм* как идея вытесняет идею Бога, занимая её место в коллективном языковом сознании.

§ 8. Религиозно-философское осмысление лингвистических понятий в произведениях С. Н. Булгакова и П. А. Флоренского

Лингвистические термины играют большую роль в авторских терминосистемах С. Н. Булгакова и П. А. Флоренского; перечисление лишь небольшой части этих терминов позволяет сделать вывод о степени погруженности философов в разнообразные проблемы языкознания: *алфавит, аорист, артикуляция, глагол, глагольное существительное, грамматическая форма, звукоподражательный, корень, местоимение, морфема, неударяемый слог, семитские языки, синонимы, со-коренной, перфект, язычные согласные, лингвистическая модель, тон гласного, этимологическая оболочка*.

Лингвистическая терминология, наряду с терминологиями других областей знания — истории, искусствоведения, литературоведения, экономики — встречается во многих произведениях русских философов, поскольку они много писали о языке; так, например, С. Н. Булгаков считал «вопрос о слове» одним из важнейших вопросов философии, поскольку лингвистика, как считал мыслитель, не в состоянии его разрешить.

Язык русских мыслителей и их рефлексия над различными языковыми явлениями неоднократно становились объектом анализа философов и лингвистов; см.: [Джагарова 2005; Колесов 2007; Океанская 2005; Портнов 1994; Постовалова 1995; Скрынникова 2003; Щедрин 2002].

Объектом анализа в данном разделе является особая группа терминов, которая на первом этапе исследования была предварительно определена как «лингвистическая терминология», однако полученные данные позволяют утверждать, что точнее называть эти термины лингвофилософскими.

С. Н. Булгаков и П. А. Флоренский, обращаясь к онтологической природе слова, строили свои рассуждения в рамках особого текста, образуемого переплетением трёх типов дискурса: богословского, лингвистического и философского. Присутствие каждого из этих трёх начал на лексическом уровне проявляется в наличии терминов разных

интеллектуальных сфер, в том числе лингвистических терминов, представленных у П. А. Флоренского и С. Н. Булгакова в количественном и качественном разнообразии.

Анализируемые нами термины имеют синкретичный характер, функционируя на стыке разных духовных и интеллектуальных сфер. С семантической точки зрения интересен факт качественного полиморфизма ключевых терминов русской философии, то есть свойство термина функционировать в языке с разным объёмом семантики. Как неоднократно отмечалось, современные терминоведы считают полиморфизм естественным состоянием термина: это обязательный компонент языковой деятельности, в основе которого лежат языковые и внеязыковые причины (см.: [Татаринов 1996, Шелов 2003]).

Разнообъемность плана содержания характеризует большинство терминов русской философии — в частности, лингвофилософские термины *слово, имя, внутренний язык, внутреннее слово*.

Опираясь на теоретические обоснования, предложенные С.Д. Шеловым, укажем на принципиальную характеристику перечисленных выше лексем, которая делает их терминами: «Терминологичность знака тем больше, чем больше сведений требуется для идентификации его значения согласно данной системе объяснения» [Шелов 2003: 23]. На наш взгляд, лексемы *слово, имя* и другие могут употребляться в анализируемом дискурсе как общеязыковые лексемы, как привлеченные лингвистические термины и как особые (лингвофилософские) термины.

Основной материал для анализа взят нами из двух источников: это крупные работы русских мыслителей, написанные примерно в одно и то же время. «У водоразделов мысли (Черты конкретной метафизики)» — неоконченная книга П. А. Флоренского, части которой он писал с 1917 по 1926, включив в неё некоторые ранние работы; «Философия имени» С. Н. Булгакова задумана и написана в 1919 —1923 годах, последняя часть («Софиологическое уразумение догмата об имени Иисусовом») добавлена в

1942 году, вместе с примечаниями и экскурсами. Исследовательской задачей этих произведений является анализ антиномической природы языка (Флоренский) и поиски сущности языка (Булгаков). В оба текста включены фрагменты, содержащие интерпретацию библейских сюжетов с использованием данных лингвистической науки: Вавилонское столпотворение (Книга Бытия: Быт. XI, 1 — 9) [Быт. 9] и Нисхождение Духа Святого (Деяния святых апостолов) [Деян. 2: 1 — 18].

Согласно преданию, изложенному в Книге Бытия, после Всемирного потопа человечество было представлено одним народом, говорившим на одном языке. Древние жители Междуречья, стремясь в гордыне своей сравняться с Богом, задумали построить башню высотой до небес. Бог смешал языки, люди перестали понимать друг друга, единый народ распался на множество народов, единый язык распался на множество языков. Предание о Вавилонской башне объясняет появление различных языков после Всемирного потопа.

Второй интересующий нас сюжет — нисхождение Духа Святого на Пятидесятый день после Пасхи (отсюда название церковного праздника — Пятидесятница) и наделение апостолов девятью дарами, в числе которых дар говорения на языках и толкование языков. При помощи этих даров апостолы могли проповедовать идеи Христа, и их понимали люди, говорящие на разных языках.

Размышления С. Н. Булгакова и П. А. Флоренского раскрывают содержание понятия «эйдос слова». Так, у П. А. Флоренского идея «взаимообратности Вавилонского смешения и Пятидесятничного воссоединения» [Флоренский 2009: 213] сформулирована в главе «Термин», которая входит в раздел «Язык и мысль». Лингвофилософская терминосистема автора образуется за счет таких единиц, как *слово, термин, имя, называние, символ, символичность, магичность слова, называние, понимание.*

Книга «Философия имени» содержит анализ онтологической природы слова средствами лингвистики и философии. Автор хорошо знаком с трудами по языкознанию своего времени: на это указывают многочисленные отсылки к работам В. Буслаева (Историческая грамматика), Д.Н. Кудрявского (Введение в языкознание), А.И. Томсона (Общее языковедение), А.А. Потебни (Мысль и язык), М. Мюллера, В. Гумбольдта - в основном, это работы лингвофилософской или психологической направленности.

По-видимому, написанию «Философии имени» предшествовал подробный анализ лингвистической литературы: фрагменты этого анализа отражены в объёмном разделе «Примечания». Используя лингвистические методы анализа и лингвистическую терминологию, С. Н. Булгаков отвечает на философские вопросы, главный из которых — «Какова онтологическая характеристика слова?».

В отличие от П. А. Флоренского, С. Н. Булгаков даёт несколько определений *слова*, содержательно и структурно соотносимых с принятыми в науке родо-видовыми определениями. В *слове* выделяются план содержания («Слово есть соединение звуков голоса и шумов, извлекаемых нашими органами речи») и план выражения («значение, смысл есть необходимое содержание слова <...> слово есть смысл») [Булгаков 2008: 18].

Взгляды на природу слова у П. А. Флоренского и С. Н. Булгакова во многом совпадают, поскольку они отталкиваются от философских или лингвофилософских идей одних и тех же авторов. Оба философа говорят о слове как о символе: *«символичность слова»* как отражение внутренне-обязательной связи между именем и именуемым — у П. А. Флоренского; символ как «сращение идеального и реального (материального) и феноменального, космического и элементарного» — у С. Н. Булгакова. Мысль П. А. Флоренского о слове как о формуле вещи соотносится с булгаковской интерпретацией: «Слова суть живые и действенные иероглифы вещей...» [Булгаков 2008: 39].

Ещё одно интересное совпадение связано с представлением о слове как носителе энергии: «слово — конденсатор воли, конденсатор всей душевной жизни» (Флоренский); «они (слова) суть носители силы, некоторые конденсаторы и приёмники мировой энергии» (Булгаков).

Идея наличия внутренне-обязательной связи между предметом и его названием, о которой так много пишет П. А. Флоренский, присутствует и у С. Н. Булгакова: «слова суть самосвидетельство “вещей”, действия в нас мира, пробуждающие свои соответственные идеи». Для Флоренского осознание этой внутренне-обязательной связи и есть дар языков — Булгаков же интерпретирует библейские сюжеты о Потопе и о Пятидесятнице иначе, через идею *внутреннего слова* и *внутреннего языка*. Можно сказать, что его точка зрения несколько более «лингвистична».

Одними из центральных понятий лингвофилософской терминосистемы книги «Философия имени» являются понятия «внутреннее слово» и «внутренний язык».

Внутреннее слово — термин, позволяющий объяснить действие механизма внутренне-обязательной связи между предметом и его названием, о которой писал и П. А. Флоренский. Определяет внутреннее слово С. Н. Булгаков следующим образом: «моя внутренняя речь есть то же слово, реализованное только воззрительно»; «слово, которое я думаю или которым думаю, хотя и не произношу»; «это слово беззвучно, но... не беззначно», «слово-мысль»; «Внутреннее слово имеет свою собственную жизнь ранее, чем оно воплощается в слове, в сознании, реализуется в нем» [С. Н. Булгаков. Философия имени (1917-1927)].

В зависимости от аспекта анализа и от контекстуального окружения термин *внутреннее слово* может иметь у С. Н. Булгакова два значения: 1) элемент внутренней речи конкретного человека и 2) общечеловеческое слово-идея, образующее вместе с другими единицами данного порядка понятный всем людям «внутренний язык».

Особенно важным является второе значение термина: неизменное слово, слово-идея или слово-мысль, входящее в так называемый «внутренний язык»; «настоящее ядро слова, которое содержится в его словесной оболочке» [Булгаков 2008: 30].

На наш взгляд, булгаковский «внутренний язык» — понятие философское, причем именно религиозно-философское: это общий, понимаемый всеми народами язык, который существовал до «греховного разобщения людей». Не случайно Вавилонское столпотворение интерпретируется С. Н. Булгаковым с лингвистических и богословских позиций: автор считает, что Бог не создал в буквальном смысле новых «наречий» («язык и наречия были и до вавилонского столпотворения»); речь идёт о «закрытии» для разных народов единого внутреннего смысла, внутреннего языка. Возникло новое, вре́менное состояние языка — многоязычие, которое Булгаков называет «болезненной модальностью».

Религиозно-философский аспект осмысления проблемы внутреннего слова и внутреннего языка выражается, в частности, в иллюстрации факта восстановления «внутреннего языка» и чудесного преодоления многоязычия сюжетами из «Деяний Святых апостолов», Евангелия от Марка и «Первого послания к Коринфянам» (например: «Дар языков затем неоднократно отмечается, как проявление благодати Св. Духа и особенного вдохновения. (Ср. Д. Ап. X, 46; XIX, 6; I Кор. XII, 10, 28, 30; XIII, 1; XIV, 2.) Как следует понимать этот чудесный дар языков из природы самого языка? Это означает лишь, что исцелялась его болезнь, состоящая в затуманенности смысла, и возвращалась естественная, первозданная его прозрачность и единство, которое было свойственно ему от Адама до вавилонского смешения. Вследствие этого снималась пелена многоязычия» [Булгаков 2008: 155].

Однако, помимо религиозно-философского подхода к явлению внутреннего языка, в книге С. Н. Булгакова отчётливо проявляется стремление к лингвистическому пониманию данного термина, и в своих рассуждениях философ вплотную приближается к понятию *универсально-предметного кода*

Н.И. Жинкина — когнитивной структуры, закладывающей во внутренней речи мыслительную базу языковой семантики.

Оба понятия — философское и лингвистическое — непосредственно связаны с проблемами понимания речевого высказывания и перевода с одного языка на другой. Попытаемся сопоставить философский и психолингвистический взгляды на процесс перехода мысли в речь.

Булгаковское «внутреннее слово» есть идея и смысл слова: «Слова разных языков, разные оболочки, нанизываются на один и тот же смысл, и именно этот смысл делает их словами» [Булгаков 2008: 44]. По С. Н. Булгакову, внутренний язык универсален, и именно эта универсальность обеспечивает потенциальную возможность перевода с одного языка на другой. Понятие «внутреннего языка» позволяет С. Н. Булгакову толковать вавилонское столпотворение как «феноменалистическое умножение одной и той же реальности, подобное разложению белого луча на спектр, как лингвистическое умножение и усложнение одного внутреннего языка, который первоначально не различался и по своему звуковому телу» [Булгаков 2008: 144]. Вавилонское столпотворение коснулось, по С. Н. Булгакову, лишь плана выражения; многоязычие разрушило «звуковое тело» единого некогда языка, но не упразднило и не исказило языка внутреннего. То есть внутренний язык — язык универсальный, являющийся достоянием представителей различных языковых культур и обеспечивающий возможность понимания иноязычной речи.

Понятие «внутренний язык» соотносится, как уже отмечалось выше, с психолингвистическим термином *универсально-предметный код,* гипотезу существования которого предложил Н.И. Жинкин. В концепции Н.И. Жинкина потенциальную возможность понимания и перевода обеспечивает универсально-предметный код, являющийся «интернациональным» языком, на котором происходит формирование речевого замысла, первичная запись личностного смысла. Код этот имеет

принципиально невербальную природу, его единицы — это чувственные представления, схемы, картины, осязательные и обонятельные отпечатки реальности, которые объединяют и дифференцируют элементы знаний человека в его сознании и памяти по различным основаниям. Для осуществления мышления используется универсально-предметный код, а не лексика конкретного реального языка, см.: [Жинкин 1982].

Размышления С. Н. Булгакова о внутреннем языке представляют, на наш взгляд, одну из первых попыток вывести формулу перехода мысли в речь. С позиции теории речевой деятельности мысль, существуя в пределах возможностей универсально-предметного кода, обрастает значениями, которыми обладают единицы конкретного языка. У С. Н. Булгакова единицей внутреннего языка является неизменное по своей природе и по своей сути внутреннее слово («так сказать, мета-логос, мысль»). «Что значит учиться другому языку или переводить на другой язык? Это значит одно и то же *внутреннее слово* облекать в разные одежды, его реализовать». Еще пример: «Слова разных языков, разные оболочки, нанизываются на один и тот же смысл, и именно этот смысл делает их словами» [Булгаков 2008:166].

В теории языка и слова, которую создал П. А. Флоренский, представлено множество идей, предвосхитивших развитие лингвистической науки в наши дни. Так, Л.М. Алексеева напрямую выводит современный взгляд на природу слова из лингвофилософской концепции мыслителя: «Мысль П. А. Флоренского о том, что «слово есть точка приложения деятельности мысли, создающей предложение и даже целую речь, получая отпечатления ото всей речи, но в разной, так сказать, степени плотности», а само «предложение определяется словами, из которых оно строится, и вне слов не существует», развивается в уровневой теории языка Э. Бенвениста» [Алексеева 2007: 83].

Отдельный труд («Имена») П. А. Флоренский посвятил имени собственному. В книге последовательно раскрывается религиозно-философская сущность этого понятия: имя — формула личности, во многом

предопределяющая земную жизнь человека: «Имя — тончайшая плоть, посредством которой объявляется духовная сущность» [Флоренский 2009: 67]. Именем, по Флоренскому, выражаются определённые типы личности, то есть онтологические формы личности. Лингвистическая составляющая термина имя собственное (а также имя личное) у Флоренского определяется тем, что оно противопоставляется имени нарицательному, ср.: «Личное имя в сравнении с нарицательным может быть охарактеризовано зараз: и как отличное от него лишь количественно, и как ему принципиально противоположное» [Флоренский 2010: 293]. Философская составляющая термина заключается в том, что имя собственное у П. А. Флоренского непосредственно связано с понятием, точнее, с совокупностью понятий, идей и ассоциаций, составляющих онтологический тип личности, которой это имя присваивается.

В современной лингвистике имена собственные понимаются как особая категория слов, реализующая семиотическую функцию репрезентации: «Идеальное имя собственное ничего не сообщает об обозначаемой вещи, а только представляет ее в речи» [Никитин 1997: 36]. В концепции Флоренского имени собственному присваивается иная семиотическая функция — описательная, т. е. функция характеризации, или квалификации.

Слово — основная тема книги П. А. Флоренского «У водоразделов мысли». Говоря о строении слова, автор выделяет внешнюю и внутреннюю формы. Внешняя форма раскрывается философом через «телесную» метафору: тело слова, костяк, ткани — это то, что соотносится с лингвистическим «планом выражения». «План содержания» слова П. А. Флоренский определяет с философских позиций: «...внутреннюю форму слова естественно сравнить с душою этого тела <...> Эта душа слова — его внутренняя форма — происходит от акта духовной жизни. Если о внешней форме можно, хотя бы и приблизительно точно, говорить как о навеки неизменной, то внутреннюю форму правильно понимать как постоянно рождающуюся, как явление самой жизни духа» [Флоренский 2009: 148].

Строение слова в лингвофилософской концепции Флоренского трихотомично: *фонема («психофизический костяк слова»)* и *морфема* составляют внешнюю форму, а *семема («значение», «душа слова»)* — внутреннюю.

Если имя собственное у Флоренского есть формула личности, то слово — формула вещи. В свою очередь, термин определяется философом как «слово слов», «синтетическое слово», наиболее точная, совершенная формула вещи.

Неоднократно сформулированная П. А. Флоренским идея имени (человека, вещи, явления) как формулы называемого объекта лежит в основе интерпретации библейских сюжетов. Флоренский отмечает, что в основе номинации всегда лежат самые важные признаки вещи, выражающие ее онтологические свойства: «...каждое удачное название опирается на годы внимательнейшего вглядывания, на познание тесно-сплоченных и устойчивых переплетений многих признаков и на понимание, как именно соотносятся эти комплексы к разным другим того же порядка» [Флоренский 2009: 209].

Интересно, что, соединяя в «Водоразделе мысли» философию, религию и лингвистику, Флоренский для доказательства одних и тех же положений использует три типа источников. Так, акт называния комментируется равноправными для Флоренского с точки зрения доказательной силы цитатами из Библии, философа Германа Лотце и лингвиста Вильгельма Гумбольдта:

«Недаром Библия проявлением разума первого человека, как бы доказательством его божественного образа... выставляет *наименование* Адамом всех прочих тварей...» (выделено мною. — Н. К.) [Флоренский 2009: 210].

«Лотце указывает, что <...> нам необходимо ввести предмет в систему нашей мысли, а для этого необходимо *наименовать* его» (выделено мною. — Н.К.) [Флоренский 2009: 210].

«Назвать — это вовсе не значит условиться... издавать некоторый произвольно избранный звук, но, «примыкая, — по изречению Вильгельма Гумбольдта, — своею мыслию к мысли общечеловеческой», дать слово, в котором общечеловеческая мысль... усмотрела бы законную, т. е. внутренне-обязательную для себя, связь внешнего выражения и внутреннего содержания...» [Флоренский 2009: 211].

Номинативная деятельность предстаёт у Флоренского как речемыслительная деятельность «общего разума». Описывая гносеологические основания номинативной деятельности, философ выделяет следующие составляющие этой деятельности:

1) выбор и категоризация существенных признаков называемого объекта (вещи);
2) «общий разум», «общечеловеческая мысль»;
3) связь плана выражения и плана содержания;
4) присутствие божественного начала.

Это представление (за исключением последнего признака) соотносится с современной ономасиологической теорией: «В сфере номинации, как, может быть, нигде, ярко проявляется общее философское положение: субъективная диалектика познания отвечает объективной диалектике познаваемого предмета» [Степанов 1977: 204]; «Принцип номинации — это исходное положение, правило, которое формируется на основе обобщения мотивировочных признаков говорящим коллективом...» [Блинова 2011: 40].

Особая аспектация термина *слово* у П. А. Флоренского выражается в авторском варьировании его значения: одним из семантических признаков, входящих в ядро значения лексемы *слово* в идиолекте философа, является *магичность.* Словосочетание *«магичность слова»* вынесено в заглавие одной из глав книги «У водоразделов мысли». *Магичность* — важнейший компонент значения термина «слово» в философской терминосистеме П. А. Флоренского.

Это свойство связано с антиномической природой характеризуемой единицы языка. С одной стороны, слово — это «собранная в один фокус историческая воля целого народа» [Флоренский 2009: 266], с другой стороны, при каждом новом использовании слово творится заново: «В слове я выхожу из пределов своей ограниченности и соединяюсь с безумно превосходящей мою собственную волю волею целого народа...» [Флоренский 2009: 266]. Сила действия слова (магичность), по П. А. Флоренскому, образуется в течение длительного времени особыми творческими актами, каждый из которых завершает последующий этап духовного роста.

Слово, *имя* и *термин* у Флоренского — это звуковые знаки, которые присоединяются к означенному смыслу не произвольно, а в результате особых творческих актов. Если *слово* — формула вещи, то *термин — «слово слов ... слово спрессованное ... конденсатор душевной жизни».*

Термины *морфема* и *фонема* в текстах П. А. Флоренского используются как лингвистические, варьирование состава и структуры заключённых в значения этих лексем признаков отсутствуют или минимальны. Интерес вызывает термин *семема*, который философ определяет как *«значение слова»*, которому свойственны следующие дифференциальные признаки: неустойчивость, неопределённость, преодолеваемые в акте коммуникации («в ходе данной живой речи»); особый «слоистый» характер, способность вбирать новые смыслы.

Лингвофилософские термины используются П. А. Флоренским и для характеристики различных явлений языка и речи, и для интерпретации библейских сюжетов — в частности, сюжета Пятидесятницы. Процесс понимания в «Водоразделе» напрямую связан с процессом номинации, своеобразным составлением формулы именуемой вещи. Поскольку существует внутренне-обязательная связь между словом (именем) и объектом номинации, «недостаточно назвать вещь как попало; она действительно должна так называться» [Флоренский 2009: 56].

Существование магической и мистической связи, обязательный характер этой связи и делает возможным, по П. А. Флоренскому, «взаимообратность Вавилонского смешения и Пятничного воссоединения»: дар языков получили не все люди, а избранные — апостолы, и получили с определённой целью: нести в мир учение Христа как новую духовность. Напряжённость и проникновенность духовной жизни проясняет, делает очевидной внутренне-обязательную связь имени с предметом, делает прозрачной символичность слова. Собственно, осознание этой связи и есть дар языков в интерпретации Павла Флоренского — не случайно он приводит в пример факт из биографии философа Якова Беме, который, не зная языков, многое понимал — «потому что ему хорошо известен был язык натуры» [Флоренский 209: 211].

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о философской трактовке терминов лингвистической науки в трудах П. А. Флоренского и С. Н. Булгакова. Существуя на стыке философии, богословия и лингвистики, эти единицы носят сложный, синкретичный характер. Кроме того, эти термины — в частности, центральный термин *слово* — функционирует в терминосистемах разных философов с разным объёмом семантики. Разнообъёмность плана содержания (семной структуры) термина *слово* у П. А. Флоренского и С. Н. Булгакова отражена в таблице:

СЕМНАЯ СТРУКТУРА ТЕРМИНА *СЛОВО*	
П. А. Флоренский	**С. Н. Булгаков**
ПЛАН ВЫРАЖЕНИЯ	
Внешняя форма: фонема и морфема	«Соединение звука голоса и шумов»
ПЛАН СОДЕРЖАНИЯ (ЗНАЧЕНИЕ)	
Внутренняя форма: семема, значение	Внутреннее слово, слово-смысл, идея-слово, слово-идея «Слова ... голоса самих вещей о себе»

СВЯЗЬ С МЫШЛЕНИЕМ	
«Точка приложения деятельности мысли»	«Познание есть наименование»
СВЯЗЬ С ДРУГИМИ СЛОВАМИ	
«в своём значении определяется лишь в живой речи, а не в уединенности словаря»	«никогда не существует в обособленности»
СВОЙСТВА	
магичность, мистичность, инвариантность, предельная свобода, символичность, антиномичность (неподвижность, устойчивость — неопределенность, безграничность)	всеобщая сказуемость, истинность, сила, реальная сущность, действие, символическая природа, неисчезаемость, звучание мира, космоса.

§ 9. Тематические группы терминов в лексиконе П. А. Флоренского

Предлагаемое в этом разделе основание для классификации философских терминов — тематическое. Осознавая, что философские термины в силу отсутствия жёсткой связи с предметом «специальной мысли, ограниченной определённым полем» [Реформатский 1959: 3] плохо поддаются тематизации, мы тем не менее считаем возможным наметить контуры тематических групп специальных лексем, образующих авторскую терминосистему.

Объектом описания являются текстовые тематические группы слов, объединяемые на основе сигнификативного или денотативного сходства. Тематическая классификация терминологической лексики П. А. Флоренского не является самоцелью; она представляет интерес преимущественно с точки зрения анализа приёмов терминотворчества философа, поскольку в текстах его произведений используется большое количество терминов разных

областей знания. Это порождает особое свойство терминологии П. А. Флоренского, которое можно назвать дискурсным полигенезисом: кроме традиционного философского, автор включает в терминосистему элементы богословского, естественно-научного, искусствоведческого дискурсов.

Обзор тематических групп терминов, с разной степенью активности и частоты используемых в творчестве П. А. Флоренского, целесообразно начать с размышлений о границах авторской терминосистемы. Если авторский термин, как следует из приведенной в начале работы классификации, это созданное автором слово или переосмысленная общеязыковая лексема, или переосмысленный термин, то есть термин в дискурсивной функции, возникает закономерный вопрос о том, входят ли непереосмысленные термины других наук и областей знания, то есть термины по существу неавторские, в авторскую, или личностную, терминосистему. При рассмотрении взаимозависимости терминосистемы и теории В.М. Лейчик обратил особое внимание на такие терминосистемы, назвав их индивидуальными: «Нет сомнения, что эти индивидуальные терминосистемы возникают на основе теорий, созданных их авторами» [Лейчик 2009: 106].

Первоначальная идея терминоведения о связи терминосистемы и системы понятий преобразуется в идею взаимозависимости терминосистемы и теории, определившей её систему понятий. Поскольку к теории в нашем случае можно приравнять философское мировоззрение автора, логичным является предположение о том, что изложение этого мировоззрения невозможно без всей совокупности терминов, входящих в лексическую структуру его произведений. Таким образом, терминосистему, на наш взгляд, следует описывать не по дифференциальному принципу, строго отбирая авторские термины, а по принципу полного охвата всех терминологических единиц, задействованных в процессе философской концептуализации действительности.

На наш взгляд, интерпретируя идею Н.Ю. Бокадоровой о диахроническом изменении не только словаря, но и грамматики

(разнообразных связей и соотношений) терминологии (см.: [Бокадорова 1986: 57]), можно говорить о том, что термины, взятые П. А. Флоренским из разных дискурсов, в любом случае, т. е. даже непереосмысленные, попадают в иную «грамматику», вовлекаясь в нетипичные для них ранее парадигматические и синтагматические связи, что видно из приведённых нами текстовых фрагментов.

Обозначенный нами вопрос об авторском характере терминов обусловливает необходимость краткой характеристики основных терминотворческих приёмов, используемых П. А. Флоренским. Тематическая классификация, приведённая в данном разделе, позволяет сделать вывод о транстерминологизации как об основном пути формирования авторской философской терминосистемы.

Выборка терминологической лексики была осуществлена по трём основным произведениям П. А. Флоренского («Столп и утверждение Истины» (далее — «Столп»), «Философия культа», «У водоразделов мысли»); объём выборки составил 548 терминов, которые были распределены по различным тематическим группам. Центральную роль в лексической структуре произведений П. А. Флоренского играют теологические термины, которые также принято называть фидеистическими терминами, или религионимами. Важной особенностью значительной части теологической терминологии является религиозная символика, связанная с выражением сакрального смысла, что вносит дополнительные сложности в описание этой терминологии.

Сформулируем названия основных тематических групп и приведем ряд примеров определений или фрагментов контекстуальных определений терминов, в которых отражается неканоническое, то есть не церковное, а религиозно-философское понимание многих явлений.

1. Главные религиозные понятия и представления (Основополагающие понятия вероучения; Понятия о Боге): *святая вера, верование, исповедание, культ и Культ, мистика, религия, церковь и Церковь;*

догмат, заповедь, канон; благовещение, благодать, воскресение, грех и Грех, душа, дух, крест и Крест, крестоявление, откровение, чудо; Бог, боговоплощение, Бого-нисхождение, едино-сущие, омоусиос, ὁμοούσιος, ипостась, ὑπόστασις, Троичность, Триединое Божество, Св. Троица, Отец, Сын, Дух Св., Троица единосущная и нераздельная.

«Верой истинной обладает Церковь мистическая; Церковь же земная, видимая, имеет и требует лишь верование, потому, конечно, что она не имеет средств судить о вере, ведомой только одному Богу» [Флоренский 2012: 212].

«Соприкосновение «видимого» и «божественного», «чувственного» и «умного», т. е. умопостигаемого, ноуменального, трансцендентного, — таков характерный и основной признак Культа» [Флоренский 2014: 30].

2. Жизнь и смерть. Ад и рай: *бессмертие, «(неразрывные между собой») идеи оправдания-покоя-блаженства-бессмертия и противоположные им греха-суеты-муки-смерти», последование погребения, успокоение; ангел, ангел воды, Ангелология, архангел, серафим, херувим; Ад, геенна, конец света, небо, небеса, преисподняя, тартар, царство небесное; тварь, Бого-зданная Тварь, Тварь Божия, тварное*.

«Геенна, как верхний предел греховности, и святость, как нижний его предел, или: геенна, как нижний предел духовности, и святость, как верхний ее предел... <...> геенна — это отрицание догмата троичности» [Флоренский 2012: 209].

3. Названия культовых сооружений и их архитектурных частей; названия предметов церковной утвари, облачений; предметов, используемых в церковных обрядах: *алтарная абсида, алтарная роспись, алтарная стена, алтарь, амвон, боковой притвор, готический собор, изразцовая лежанка, иконостас, келлия, купол, светильник, скамья, стенопись, храм, церковь; далматик, индитий, орарь, стихарь, ризы, ряса; антиминс, илитон, дискос, кадильница, лампада, престол*.

«Щипцы, бутыли, щетки и т. д. суть вещи; орудия культа — иконы, крест, чаша, дискос, кадило, облачения и т. д. — кроме того, суть смыслы,

требующие к себе внутреннего признания, а не только допускающие внешнее пользование» [Флоренский 2014: 33].

«Храм, отделяемый от притвора, амвон, иконостас — все это вносит разделение, обособление, изоляцию: это шлюзы. Престол, на нем два облачения — нижняя, срачица, рубашка и верхняя, индитий, сверху еще покров, как бы головной, на нем — особый плат, илитон, на илитоне — антиминс, на антиминсе — дискос и чаша — и на нем и в ней уже только Святые Дары. Это ряды заграждений горнего от дольнего... <...> Всякая одежда и есть явление, феномен, ибо ею является сокровенное в своих энергиях и манифестациях» [Флоренский 2014: 115].

4. Названия церковных праздников, служб и обрядов: *Благовещение, Богоявление, водосвятный молебен, Вознесение, Воскресение, Крещение, Страстная Седмица, Пасха, Преображение, Пятидесятница, Рождество, Успение, богослужение, молитва, молебен*.

«Если Церковь освящает мир весь, <...> то естественно думать, что каждая стихия получает особливое освящение в особливый же день и в связи с особливым событием жизни Господа... <...> Нетрудно понять и то, что Пасха есть освящение земной стихии, земли. <...> Пятидесятница — освящение воздуха, стихии воздушной, Духом Святым, опять-таки нисшедшим в воздух и облагодатствовавшим его струи — ветер сильный, шум, звук богодухновенных речей апостольских...

Преображение — освящение огня, стихии огненной, окружившей Господа и освятившейся...» [там же, с. 290].

В связи с тем что теологическая специальная лексика, используемая в творчестве П. А. Флоренского, составляет слишком обширный материал, ограничимся указанием на менее репрезентативные, хотя и весьма значимые тематические группы: *церковные наказания, названия церковных должностей и званий, названия богослужебных книг, религиозных текстов и документов.*

Обилие теологической лексики в терминосистеме Флоренского не случайно: оно обусловлено, во-первых, жанрово-стилистической

принадлежностью текстов (религиозная философия), а во-вторых, онтологическим характером учения и мировоззрения автора, главную роль в формировании которого сыграл его духовный сан. П. А. Флоренский строит свои исследования таким образом, что доминирующая тема отдельного произведения является микротемой в общем дискурсе философа, в едином процессе изучения человека, космоса, Бога, взаимоотношений человека с Богом. В этом проявляются многоуровневость и полигенезис философского дискурса Павла Флоренского.

Второй пласт терминологической лексики в произведениях П. А. Флоренского составляет научная терминология. Двоякая функция научных терминов (привлечение и транстерминологизация) подробно охарактеризована нами во Второй главе настоящей диссертации.

Собственно философская проблематика произведений П. А. Флоренского (соотношение мира феноменального и интеллектуального ноуменального, символическое описание действительности, онтология и антропология, формы знания, познания, метафизика пространства и времени) обусловила регулярность и частоту использования терминов философии и логики: *бытие, личность, объект, объективность, онтологизм, платонизм, первичное, припоминание платоновское, субъектное, субъектность, сущность; альтернативность, антиномия, дедукция, импликация, инклюзия, подстановка, тождество, эквивалентность*.

Поскольку терминологическая лексика разных областей знаний, используемая П. А. Флоренским, представляет слишком обширный материал, ограничимся упоминанием сфер, термины которых вовлекаются в лексическое пространство произведений П. А. Флоренского: архитектура, астрология, изобразительное искусство, литературоведение, музыка, общественное устройство, политика и др.

Особо стоит вопрос о значении терминов, переносимых в авторскую терминосистему, формируемую религиозно-философскими сочинениями. Часть из них, безусловно, переосмысляется, в том числе и теологические

термины — хотя в ряде исследований (см., к примеру: [Лисицина 2006]) говорится о том, что П. А. Флоренский не привносит в употребление «православных понятий» и «библейских терминов ничего своего».

На наш взгляд, с онтологической точки зрения понятия эти действительно не подвергаются переосмыслению или какой-либо семантической деформации. Однако в творчестве П. А. Флоренского с ними все-таки происходят значительные изменения, сходные с явлением приращения смысла слова в художественном тексте. Так, например, Крест в «Столпе» и в «Философии культа» предстаёт не только как предмет культа и символ страданий, но как тип человека и всей Вселенной, как основание всего бытия, ноуменальная сущность и живое существо, ср.:

«Всё Крест, всё крестовидно — Крест лежит в основании всего бытия как истинная форма бытия, уже не внешняя только, но форма организующая, платоновский εἶδος. Осуществленный же в веществе, достопоклоняемый Крест Честный — уже не вещь среди других вещей, а энтелехия действительности, τό όντως ον, τό δν νοούμενον. <...> Он — зиждущая сила мира, “назнаменательная миру”, хранитель мира, путеводитель мира, идея мира — София» [Флоренский 2014: 37–41].

Столь пространная цитата приведена нами намеренно: в этом фрагменте текста о Кресте оказались сконцентрированы все явления, отражающие сущностные характеристики авторской терминосистемы отца Павла Флоренского: греческие слова с переводом и без перевода и латинское изречение, соединяющие русскую, древнегреческую и древнеримскую культуры; дефисные образования с концептуализацией корневого элемента *крест*-; большое количество теологических терминов разной тематической отнесенности, переосмысление центрального понятия — «Крест».

Тематическая классификация терминов позволяет оценить масштабы явления терминологического заимствования: переносятся отдельные термины и целые терминологические блоки, включающие понятия, сопряжённые с центральным термином. Как правило, транстермины объединены со своим

источником не только идентичной словесной формой, но и общими элементами смысла.

Тематическая классификация авторских терминов позволила сделать выводы о транстерминологизации как основном терминотворческом приёме, используемом П. А. Флоренским.

Намеченные в этом разделе основания для анализа авторской философской терминосистемы не исчерпывают сущности поднятой проблемы. Очень важным оказывается также деление терминов на те, которые обозначают важнейшие понятия философского учения, и те, которые составляют терминологический фон. Каждый из терминов первого типа заслуживает отдельного внимания и должен рассматриваться как отдельный концепт: Истина, Культ, теодицея, Человек и Космос, София, Троица, Тварь и многие другие. Не случайно появление обозначения «термин-символ с плывущей семантикой» в работе К.Г. Исупова, одного из авторитетнейших исследователей философского наследия П. А. Флоренского. Однако соотношению понятий «термин» и «символ» в применении к ключевым концептам творчества философа необходимо посвятить отдельное исследование.

§ 10. Греко-русская полилексия в произведениях П. А. Флоренского: к проблеме вариантности термина в русской религиозной философии

Попытка описать авторскую терминосистему П. А. Флоренского позволила обнаружить одно из важнейших оснований для классификации терминов, которое предварительно можно обозначить как «русский язык — другой язык»: речь идёт об особом режиме межъязыкового взаимодействия терминологических лексем. Автор очень часто и с разными целями «переключает» языковой регистр, вводя в текст — с последующим переводом

или без перевода — разной протяжённости цитаты из Библии, патристической, философской, естественно-научной и светской литературы.

Предметом исследовательского внимания является языковой облик терминов, который в авторской терминосистеме П. А. Флоренского может быть представлен — вне зависимости от степени терминологичности лексемы — разными вариантами: термин на русском языке и термин на языке источника (в подавляющем большинстве случаев это греческий), термин транслитерированный или переведённый на русский язык. В большинстве случаев мы имеем дело с полилексией, которую в лексикологии определяют как «содержательное и формальное варьирование» (см.: [Ганцовская 2007]), а также как явление, «при котором смысл имеет большое количество знаков» (см.: [Бабенко 2008]). В применении к анализу авторских философских терминосистем полилексия понимается нами как различие лексем при тождестве семем, то есть различие плана выражения при одинаковом содержании сопоставляемых понятий.

Примером использования «разноязыкого облика» слова может служить термин *апория:* эта лексема во Втором письме «Столпа» пишется по-русски с греческим оригиналом в скобках: «...Таким сомнительным складом отличается очевидность. Она – тупое первое, дальше не обосновываемое. А так как она и недоказуема, то философ попадает в апорию («ἀπορία»), в затруднительное положение» [Флоренский 2012: 40]. В Примечаниях Флоренский предлагает подробный анализ этимологии и значения термина с отсылкой к этимологическим и толковым словарям: «Слово *ἀπορία* образовано из ἀ privativum и √πορ; <...> сродство его с латинским √par <...> заставляет думать, что первоначально в √πορ содержалось понятие доставления именно чрез рождение, но рождение, как деятельность, производящую некий плод. <...> Поэтому, далее, ἀπορέω — быть без средств, находиться в безвыходном, беспомощном состоянии, терпеть нужду, недостаток — и *ἀπορία* — безвыходное положение, недоумение, уныние, недостаток, нужда и т. п. (Бензелер, стр. 93), в сущности, выражают идею бесплодия,

производительного слабо- и бессилия, отсутствие мощи рождения. Философские же термины *“ἀπορεῖν”* и *“ἀπορία”,* при сравнительно внешнем их понимании, означают затруднительное положение ума, умственное недоумение, интеллектуальную безвыходность, а, для более глубокого разумения, должны означать бессилие творческой мысли, неспособность рождать мысли, умственное бесплодие...» [Флоренский 2012: 620].

В данном случае основной облик термина – русский – соседствует с греческим переводом, который служит средством отсылки к этимологии, уточнению значения и дополнительным разъяснениям. Суть этимологических построений не является самоцелью для автора: Флоренский стремится отразить противоречия и их преображения на уровне анализируемого слова.

Похожий пример встречается в разделе «Философская терминология» (и в авторских примечаниях к нему) книги «Философия культа»: используются и греческий термин и русский транслитерированный вариант с возможным переводом: «θεοὶ ἐπιφανείς— боги-чудотворцы, явившиеся, *ἐπιφάνεια; эпифании* (Сириск, сын Гераклида, в Херсонесе — богини Девы — по поручению города). Чудотворцы. Тимахид Родосский—эпифании Диоскуров. Существуют эпифании Исиды» [Флоренский 2014: 122]. Не вдаваясь, по собственному признанию, в историю термина «явление», Флоренский обращается к происхождению теологической номинации: «Наше Крещение называется Богоявлением, *Θεοφάνεια, ἐπιφάνεια*. Почему? Потому что в древности оно совпадало с Рождеством Христовым, а в это время явился во плоти, явился миру Бог Слово. Но откуда взялся самый термин *ἐπιφάνεια?* ...термины очень живучи и берутся из предшествующих религий, хотя смысл их часто совсем меняется. *Эпифаниями* называлось празднество Диониса: являлся народу бог Дионис. Но так как участвовавшие бывали в масках (изображая, являя, показывая бога и его свиту).., то, когда момент веры поддался неверию и вместо бога, являющегося, открывающегося при помощи маски литурга, стали видеть по преимуществу человека, замаскированного, скрывающего свою сущность, обманывающего,— лицедея, тогда и слово

ἐπιφάνεια получило момент прямо противоположный своему первоначальному значению,— момент сокрытия подлинной природы вещи» [там же : 525]. Отметим, что в данном случае греческие лексемы привлекаются для анализа исторического слоя концепта, лежащего в основе теологического термина *эпифания* (один из древнейших христианских праздников наряду с Пасхой и Пятидесятницей, посвящённый рождению Иисуса Христа).

Иначе обстоит дело с терминами *ὁμοούσιος / омоусиус и ὁμοιούσιος/ омиусиус*, значения и смысл которых подробно рассматриваются в главе «Триединство». Ориентируясь на просвещённого читателя, знакомого с идеями арианства и решениями Никейского собора, П. А. Флоренский не всегда заботится о переводе терминов и часто использует их на греческом языке, раскрывая их смысл (но не приводя четкого определения) по-русски: *«Ὁμοιούσιος, омиусиос* <...> значит “такой же сущности”, “с такою же сущностью” <...> — оно никогда не может означать нумерического, т. е. численного и конкретного единства, на которое указывает *ὁμοούσιος*. Вся сила таинственного догмата разом устанавливается единым словом *ὁμοούσιος*, полновластно выговоренным на Соборе 318-ти, потому что в нем, в этом слове — указание и на реальное единство, и на реальное же различие. Нельзя вспоминать без благоговейной дрожи и священного ужаса о том, без конца значительном и единственном по философской и догматической важности миге, когда гром “*Ὁμοούσιος*” впервые прогрохотал над Городом Победы. <...> И единым словом “*ὁμοούσιος*” был выражен не только христологический догмат, но и духовная оценка рассудочных законов мышления» [Флоренский 2012: 59].

К моменту написания «Столпа» термины эти были усвоены русской богословской литературой, но Флоренский, знавший греческий и часто ссылающийся на первоисточники, как будто намеренно не различает русского и греческого обликов слов и использует оба написания. Самый ход рассуждений философа оказывается своеобразным сопряжением

разноязычных ипостасей одного понятия, благодаря чему в тексте соединяются древнегреческая и русская культуры.

Добавим также, что в терминосистему П. А. Флоренского «на равных правах» входят термины *«едино-сущный» (ὁμοούσιος), «едино-сущие» (ὁμοούσια), «подобо-сущный» (ὁμοιούσιος), «подобно-сущие» (ὁμοιούσια)* — с указанием греческого оригинала и без него.

Русские производные от греческих терминов приводятся без отсылки к греческим словам и без каких-либо комментариев: «Рационализм... может быть сжато охарактеризован как философия *омиусианская*. Это — философия плотская. Напротив, христианская философия, т. е. философия идеи и разума, философия личности и творческого подвига... может быть охарактеризована как философия *омоусианская*. Это — философия духовная. Стремление к чистому *омиусианству* как к своему пределу определяет историю новой философии в Западной Европе; тяготение к чистому *омоусианству* делает своеобразную природу русской и вообще православной философии» [Флоренский 2012: 86].

Наибольший интерес в плане выражения словесной формы представляют термины, которые, несмотря на частотность употребления и значимость для мировоззрения П. А. Флоренского, не переводятся и не транслитерируются на русский язык, сохраняя внутреннюю форму и ассоциативный ореол языка-источника: *ἔργον, ἐνέργεια, εἶδος*. Внимание лингвиста привлекает именно отсутствие вариантов термина, являющееся своеобразным «исключением из правила»: в качестве примера проанализируем термин *ἐποχή*, сохранивший свой «иноземный» облик не только в философской критике той эпохи, но и в современной истории философии.

Н. А. Бердяев в «Русской идее» отмечал: «Наиболее ценна в книге («Столп и утверждение истины». — Н.К.) её психологическая сторона, особенно глава об *ἐποχή»* [Бердяев 2008: 206]. «Самоценным для такой установки оказывается внутренний мир религиозного опыта и тот риск

имманентного познания Божьей правды, который Флоренский обозначил забытым словечком ἐποχὴ. <...> …в ἐποχὴ подана антропологическая метафора страха обознаться и, если угодно, припоминание о трагической вине (самое ужасное — не опознать своей Судьбы...) <...> По Флоренскому, мышление, оттолкнувшись от точки ἐποχὴ, возвращается к мифологическому детству своей младенческой памяти**...»** [Исупов 2001: 15–16].

Проследим, как вводится в текст «Столпа» этот термин и как объясняется значение стоящего за ним понятия. Первое употребление слова («Ἐποχή, или состояние воздержания от всякого высказывания, – вот последнее слово скепсиса» [Флоренский 2012: 41] сопровождается развёрнутым комментарием (раздел «Примечания»), в котором раскрывается внутренняя форма греческой лексемы, прослеживается изменение семантики слова и устанавливается связь термина с древним и новым скептицизмом: «Слово ἐποχὴ происходит от глагола ἐπ-έχω — имею что над чем <...> сдерживаюсь, медлю, жду и т. д. (Бензелер, — id., стр. 270), Позднейшее слово ἐποχὴ означает остановку, задержку <...>. В философии, по определению Пиррона, <...> ἐποχὴ есть остановка мышления, вследствие которой мы ни отбрасываем что-нибудь, ни устанавливаем его <...> ... для нас, в настоящую минуту, историческая сторона дела мало занимательна, и мы смело можем пренебречь тонкостями, разъяснение которых читатель найдёт в специальной литературе по греческому скептицизму» [Флоренский 2012: 622].

Термин *ἐποχὴ* обладает высокой степенью терминологичности относительно системы объяснения его значения, каковой в данном случае выступают разнообразные и разноаспектные контекстуальные определения лексемы в главе «Сомнения». Отталкиваясь от этого сопоставления с термином *атараксия*, П. А. Флоренский продолжает разъяснение понятия через «двухсоставный тезис» («Я ничего не утверждаю»; «не утверждаю и того, что ничего не утверждаю») и ряд антиномий [Флоренский 2012: 42].

Родовыми и видовыми идентификаторами термина в контекстуальном определении выступают такие компоненты смысла: «абсолютное сомнение»;

«невозможность утверждать... даже свое не-утверждение»; «собственное отрицание». Завершается контекстуальное определение целым рядом метафор и образных сравнений: «агония духа», «нечленораздельный философский вопль», «пирроническое, поистине огненное терзание», «безумное вскидывание и корча». «Нет помощи, нет средств остановить пытку, ибо палящий огонь Прометея идет изнутри, ибо истинным очагом этой огневой агонии является самый центр философа, его «Я», домогающееся неусловного знания» [Флоренский 2012: 43].

Приведённые контексты наглядно показывают значимость термина для понятийной и лексической структуры «Столпа». То, что автор использует исключительное греческое написание слова, можно трактовать как стремление показать читателю живую связь с традициями древнегреческих философов-скептиков и представителями «нового» скептицизма».

Термины ἔργον и ἐνέργεια не имеют русских соответствий и используются с отсылкой к Аристотелю: “воспользовавшись терминологией Аристотеля” [Флоренский 2013: 18] и к В. Гумбольдту: “по ставшему классическим выражению Вильг. Гумбольдта” [Флоренский 2012: 786].

“В одном случае мы имеем дело с раз навсегда застывшим бытием, а в другом—с бытием в его процессе, во внутреннем напряжении, в росте. <...> Камень есть ἔργον, но вдохновение поэта—не есть ἔργον, оно—живой процесс, оно— ἐνέργεια” [Флоренский 2013: 18].

“Скажем прямо: по ставшему классическим выражению Вильг. Гумбольдта, язык – не неподвижная вещь, не ἔργον, а вечно-живая деятельность, ἐνέργεια. Слово непрерывно созидается, и в том – самая суть его” [Флоренский 2012: 786].

Таким образом, мы видим, что план выражения философских терминов в произведениях П. А. Флоренского может варьироваться: термин может использоваться на языке оригинала, в русском переводе и в русской транслитерации. Возможно также использование термина во всех «языковых одеждах» и — в ряде случаев — только на языке источника. Приведём ещё

несколько примеров смены языковых регистров при использовании терминов: атараксия, ἀταραξία, невозмутимость — в русской аллитерации, по-гречески и в переводе на русский; полнота и τὸ πλήρωμα; матесис и μάφησις, самоочевидность интуиции, evidentia и ἐνάργεια; агγχιβασιη и противоречие.

Схожее «переключение языкового регистра» наблюдается в употреблении греческих слов *ἀγάπη*, *φιλία* и связанных с ними *ἔρως, στοργὴ:* «Греческий язык различает четыре направления в любви: стремительный, порывистый *ἔρως* или любовь ощущения, страсть; нежную, органическую *στοργὴ* или любовь родовую, привязанность; суховатую, рассудочную *ἀγάπη* или любовь оценки, уважение; задушевную, искреннюю *φιλία* или любовь внутреннего признания, личного прозрения, приязнь» [Флоренский 2012: 404]. Приведённый пример интересен отсутствием явлений заимствования или транслитерации: это перевод или, скорее, «подбор» русских эквивалентов, раскрывающий разницу фрагментов картин мира двух народов. Здесь нет варьирования термина, так как не наблюдается явление полилексии: понятийное содержание терминов в разных языках оказывается различным, и цель сопоставления состоит в выявлении этих различий. В этюдах, посвящённых рассмотрению стоящих за словами понятий, греческое написание является опорным, основным, в ряде случаев единственным. Это не случайно: Флоренский рассматривает соответствия стоящих за этими словами понятий в греческой, а не в русской картине мира, а также анализирует употребление этих слов в Священном писании и святоотеческой литературе. Видимо, этим можно объяснить факт отсутствия в тексте русского слова *эрос*, уже освоенного к тому времени языком.

Интересно другое: во-первых, соотношение греческого *ἀγάπη* и русского *агапа* (фактически это семантическое освоение греческого слова), во-вторых, русский облик дериватов: в производных от *ἀγάπη* и *φιλία* (от двух других слов дериваты не образуются) греческий корень соединяется с русскими аффиксами: *агапический, филический*.

Значения понятий объясняются довольно подробно: «Для античного общества такими двумя скрепами были *ἔρως*, как сила личная, и *στοργὴ*, как начало родовое; именно в них лежал метафизический устой общественного бытия. Напротив, естественною почвою для христианского общества, как такого, стали *φιλία*, в области личной, и *ἀγάπη*, – в общественной. Та и другая сила одухотворяется и претворяется, насыщаемая благодатью, так что даже брак, этот нарочитый приемник для *στοργὴ*, и древняя дружба, где преимущественно являлся *ἔρως*, в христианстве окрасились в цвет одухотворенных ἀγάπη и φιλία» [Флоренский 2012: 411-412].

П. А. Флоренский пишет о различии значении лексем *ἀγάπη* и *φιλία*, которые часто смешиваются («кажутся... почти одним и тем же»): *φιλία*, или, по-русски, филическая любовь, определяется как уединённая дружба, получающая своё выражение в братотворении; *ἀγάπη*, или, по-русски, агапическая любовь - «вселенская любовь», получающая высшее выражение в обряде агапы. Лексема *агапа* — теологический термин, восходящий к греческому источнику, употребляется в тексте как обозначение вечерних собраний ранних христиан для молитвы и вкушения пищи, соединённое с воспоминаниями об Иисусе Христе. Следовательно, говорить о полилексии в данном случае не приходится: греческое *ἀγάπη* и русское *агапа* обозначают разные понятия, что, в свою очередь, создаёт дополнительную аргументацию для использования именно греческого слова. О вариативности можно говорить применительно к авторской терминосистеме, в структуру которой, в частности, «на равных правах» входят греческие термины *ἀγάπη* и *φιλία* и их русские соответствия — агапическая любовь, филическая любовь.

Производные слова — прилагательные *агапический* и *филический* (любовь, сторона жизни) — говорят о том, что греческие слова в сознании языковой личности Флоренского прошли два этапа ассимиляции: фонетическую и грамматическую, а также о явлении вариативности, связанной с написанием корней.

С переключением языковых регистров и его ролью в формировании терминологической системы тесно связано, на наш взгляд, явление этимологизации, которую Н. М. Азарова называет «типологической чертой функционирования философской лексики» [Азарова 2010а: 71].

Как было показано уже в первых примерах, вводя новое понятие, П. А. Флоренский часто идёт от этимологии, которая становится значимой частью контекстуального определения. Обращение к историческому слою концепта позволяет глубже проникнуть в суть понятия и способствует его философскому переосмыслению. Для оценки специфики авторской терминосистемы П. А. Флоренского большое значение имеет используемый им приём межъязыковой этимологизации, результатом которого становится появление нескольких терминов, каждый из которых репрезентирует особую национальную картину мира.

Так, по Флоренскому, истина «в русском ее разумении» — это «пребывающее существование; — это — “живущее”, “живое существо”, “дышущее”, т. е. владеющее существенным условием жизни и существования» *[Флоренский 2012: 23]*. Иное понимание истины образует своеобразие стоящего за словом понятия в греческом, латинском и еврейском языках. «Истина в понимании эллина, — пишет П. А. Флоренский, — есть ἀλήθεια, т. е. нечто способное пребывать в потоке забвения, в летейских струях чувственного мира, — нечто превозмогающее время, нечто стоящее и не текущее, нечто вечно памятуемое» [Флоренский 2012: 24]. По содержанию Флоренский объединяет русское и греческое понятия общим смысловым компонентом «непосредственное личное отношение». В древнееврейском эмет и латинском veritas истина предстает опосредованной обществом: «Религиозно-юридическое по своему корню, морально-юридическое по своему происхождению от юриста, слово veritas и впоследствии сохраняло и отчасти усилило свой юридический оттенок. <...> Неотменяемость... Божиего обетования, верность его, надежность его — вот что для еврея характеризовало его в качестве Истины» [Флоренский 2012: 67].

Этимологический анализ, формальное и содержательное сопоставление понятий в разных языках не только позволяет установить связь этих понятий, но и высвечивает внутреннюю форму каждого из сравниваемых слов. Это сопоставление, «стратегической» целью которого является определение понятийного ядра русского слова «истина», «в тактическом плане» увеличивает количество элементов терминосистемы, включая в неё греческое, латинское и древнееврейское понятия.

Таким образом, проанализированный материал убедительно показывает, что отличительной чертой авторской терминосистемы Флоренского является полилексия, в которой проявляется многоязычное богатство языковой личности автора.

Вариантность, конкретным проявлением которой является полилексия, можно признать одной из ярких отличительных черт терминологии русского религиозного текста. Неизбежность вариантности обусловлена, в первую очередь, теснейшими связями формирующейся в конце XIX - начале XX в. русской философией с античной традицией и с произведениями западноевропейских философов. До конца первой четверти XX века язык и стиль русской философии не был сформирован, и философская литература была представлена преимущественно переводами. Именно влияние западных философских течений и обусловило появление вариантов заимствованных терминов при их графической, грамматической и семантической адаптации в русском философском тексте.

ВЫВОДЫ

Четвертая глава представляет собой систему очерков, связанных сформулированным П. А. Флоренским принципом аритмологии, согласно которому значение термина принципиально изменчиво, готово к обновлению, «пластично до предела». В очерках рассмотрены конкретные

терминоведческие проблемы: полиморфизм философского термина, проблема авторства термина, проблема вхождения специальной лексемы в общий лексикон и т.д.

Анализ качественно полиморфного термина «истина» в творчестве Л. И. Шестова позволил выявить **с**вязь термина-знака с четырьмя означаемыми, которая отражает современное представление об авторском термине как об авторской предикации и авторской интерпретации специального понятия в тексте и в дискурсе. Авторское начало проявляется и в многоаспектности термина, и в столкновении разных пониманий истины в рамках одного философского мировоззрения, и в авторском новообразовании «последняя истина» (синтаксическое терминообразование). В основе термина лежит неоднозначное, полиморфное понятие, которое в зависимости от ракурса исследования, может быть представлено как: *1) обыкновенная истина; 2) истина-догма; 3) индивидуальная истина; 4) последняя истина.*

Проанализировано понятийное содержание лексем, входящих в терминологическую оппозицию «почва — беспочвенность». Показано, что термин «беспочвенность» в текстах Л. И. Шестова характеризуется словообразовательной спецификой по сравнению с языковым знаком: это семантический омоним, образованный по аналогии с известной моделью, но не от прилагательного «беспочвенный», а напрямую от существительного «почва». Представлен анализ смысловых компонентов, входящих в противопоставляемые понятия.

Проанализирована проблема авторства термина «византизм» (византинизм), и выявлено его место в авторской философской терминосистеме К. Н. Леонтьева, в философской терминосистеме вообще и в лексической системе современного русского языка. Анализ языкового материала позволяет выделить функционирование в языке ряда соотносительных единиц: нейтральный собственно исторический и/или культурологический термин, допускающий дублетную синонимию; паронимический авторский философский термин К. Н. Леонтьева *византизм*

с подчёркнуто позитивной коннотацией, ограниченный религиозно-философским дискурсом Леонтьева; интерпретационные варианты термина *византизм* с негативной коннотацией у других философов; слово *византийство,* утратившее характер термина.

Рассмотрено явление авторского переосмысления привлеченных терминов из разных сфер знания. Сопоставлено понятийное содержание терминов «нация» и «национальность» в терминосистемах К. Н. Леонтьева и Н. А. Бердяева. Анализ языкового материала показал, что за терминами *нация* и *национальность* в философских терминосистемах двух русских мыслителей стоят разные мыслительные сущности, определяемые особенностью мировоззрений и идиолектов авторов. Термин *нация* определяется К. Н. Леонтьевым через родовые идентификаторы «ветвь племени», «организм», а понятие *национальность* не включает «племенных», «физических» черт, относясь к категории культурологических. *Национальность*, по К. Н. Леонтьеву, есть «образ» нации, а *национальный идеал* — желаемый образ.

Н. А. Бердяев, и К. Н. Леонтьев признают, что нация (национальность) — это категория историческая, этнографическая и культурная. Однако Н. А. Бердяев выделяет гораздо большее число отличительных и существенных признаков характеризуемого понятия. В терминосистеме Бердяева понятие *нация/национальность* обладает рядом уникальных семантических черт, которые характерны только для данной семиотической системы: *нация/национальность* имеет мистическую, таинственную, иррациональную, непознаваемую основу; нации принципиально неравноправны и образуют иерархию.

Проанализировано явление интерпретации политического и политико-философского термина *социализм* в русском религиозно-философском тексте. Рассмотрено лексическое значение слова *социализм,* которое, являясь политическим термином, включает в себя не только минимальное и лингвистически унифицированное понятийное содержание, но и весь объем

лингвистических и экстралингвистических сведений, «добавочных смыслов» и коннотаций. Русский религиозно-философский текст отражает и суженное значение термина, и то значение, которое отражено в Словаре Брокгауза и Ефрона: так, значение «совокупность учений» раскрывается через синтагматическое окружение слова *социализм*, через зависимые слова, уточняющие семантику опорного члена словосочетания.

Сделан вывод о том, что в русском религиозно-философском тексте дореволюционного периода наиболее активно реализуются следующие значения термина социализм: «учение», «совокупность учений». После революции русские мыслители пишут преимущественно о социализме как о политическом строе или об учении, но на фоне политического строя. Кроме того, русский религиозно-философский текст «снимает» представление о социализме как о более высокой стадии общественно-экономических отношений по сравнению с капитализмом и подвергает сомнению представление о *социализме как о первой фазе* коммунизма.

Представлены результаты исследования специфики философской трактовки терминов лингвистической науки в трудах П. А. Флоренского и С. Н. Булгакова. Существуя в работах данных философов на стыке философии, богословия и лингвистики, лингвистические термины носят сложный, синкретичный характер. Кроме того, эти термины — в частности, центральный термин *слово* — функционирует в терминосистемах разных философов с разным объёмом семантики. Проанализировано семантическое наполнение лингвофилософских терминов, используемых авторами для интерпретации библейских сюжетов, связанных с языковой проблематикой.

Проанализированы текстовые тематические группы в терминосистеме П. А. Флоренского; тематическая классификация авторских терминов позволила сделать выводы о транстерминологизации как основном терминотворческом приёме, используемом П. А. Флоренским. Попытка описать авторскую терминосистему П. А. Флоренского позволила обнаружить одно из важнейших оснований для классификации терминов, которую

предварительно можно обозначить как «русский язык — другой язык»: речь идёт об особом режиме межъязыкового взаимодействия терминологических лексем. Проанализированный материал убедительно показывает, что отличительной чертой авторской терминосистемы П. А. Флоренского является полилексия, в которой проявляется многоязычное богатство языковой личности автора. Вариантность, конкретным проявлением которой является полилексия, можно признать одной из ярких отличительных черт терминологии русского религиозного текста. Охарактеризованы причины возникновения терминологической полилексии и ее разновидности.

ГЛАВА ПЯТАЯ. АВТОРСКАЯ ФИЛОСОФСКАЯ ТЕРМИНОСИСТЕМА Н. Ф. ФЕДОРОВА И ПРИНЦИПЫ ЕЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

§ 1. Основные черты словоупотребления Н. Ф. Федорова

Николай Федорович Федоров — один из родоначальников русского космизма, автор футурологической «Философии общего дела», великого проекта воскрешения умерших и обретения человеком вечного земного бытия. По словам Н. А. Бердяева, «Такой радикально-дерзновенный проект всеобщего спасения, как у Федорова, никогда еще, кажется, не был высказан на человеческом языке» [Бердяев 1995: 166]. Н. Ф. Федоров заложил основы нового мировоззрения, открывающего человечеству путь за пределы земного времени и земного пространства. Федоровский текст обращен «к ученым и неученым», и эта двойственность адресата наложила особый отпечаток на структуру авторской терминосистемы. Так называемые «ученые» термины философ создает на базе латинских и греческих элементов (*супраморализм, патрофикация, психократия*). «Неученые» термины создаются средствами родного языка: *отцетворение (то же, что патрофикация), детственность* (разновидность *родства*; осознание людьми самих себя потомками умерших *отцов*), *органотворение* (способность человека преображать свой телесный состав, сознательно создавая новые естественные ткани), *востание* (орфографический окказионализм: принятие человеком *«сверхъестественного, сверхживотного»* вертикального положения, являющегося результатом «первоначальной самодеятельности и необходимым условием самодеятельности дальнейшей»).

Семантические новообразования Н. Ф. Федорова — это, главным образом, переосмысленные значения общеупотребительных лексем: *музей, отцы, сыны, храм, школа, совершеннолетие, несовершеннолетие, родство, родственность* и др.

Помимо терминологизации, Н. Ф. Федоров использует прием

транстерминологизации, или терминологической конверсии: «перенос готового термина из одной дисциплины в другую с полным или частичным его переосмыслением» [Суперанская, Подольская, Васильева 2012: 194].

Особую роль в авторской философской терминосистеме философа играют переосмысленные термины богословия, появление которых обусловлено религиозным характером мировоззрения Н. Ф. Федорова, преследующего высшие цели и ставящего перед человеком предельные эволюционно-онтологические задачи (бессмертие, воскрешение, преодоление космического пространства). В «Философии общего дела» переосмысляются основополагающие понятия христианского вероучения: *Троица, Пасха, Антипасха, Символ веры, пятидесятница, литургия* и многие другие.

Отметим, что при отборе терминов и в ряде случаев при составлении толковании в диссертации использованы вступительная статья и указатель к собранию сочинений Н. Ф. Федорова, написанные С. Г. Семеновой и А. Г. Гачевой, см.: [Федоров 1995 – 1999].

Л. Л. Шестакова отмечает, что особенности словоупотребления Н. Ф. Федорова особенно ясно просматриваются на фоне его лингвистических воззрений: «Формулируя, развивая основные идеи своего учения, он рассуждал о языке вообще, языке естественном и искусственном, книжном и живом, народном, об отдельных словах и выражениях, определенных типах письма, их превращениях и т.д. Представления Федорова о языке соотносимы прежде всего с фундаментальными вопросами философии языка, в том числе — его происхождения, связи с мышлением, отношений с обществом, языковой природы» [Шестакова 2010: 421].

Средствами достижения духовного и материального бессмертия мира Н. Ф. Федоров считает *язык* (орудие памяти), *музей* (вместилище памяти) и *школу*, осуществляющую непрерывность духовной связи между поколениями.

Оригинальную интерпретацию получают две функции языка: «*орудие памяти*» (кумулятивная разновидность когнитивной функции) и социальная функция (объединение сынов в общем деле регуляции и воскрешения).

Лексема *язык* в связи с этим приобретает окказиональные смыслы авторского философского термина, то есть определенную степень терминологичности. Не обращаясь, в отличие от С. Н. Булгакова и П. А. Флоренского, к собственно лингвистической проблематике, Н. Ф. Федоров как бы между прочим говорит об основном назначении языка: «выражать отношения между предметами», причем так, чтобы это легко фиксировалось памятью поколений. Подчеркивая роль языка в категоризации объектов действительности, философ говорит: «При умножении представлений мысль вынуждена была открывать между ними соотношения, связи, приводить их в такой порядок, чтобы трудно было забыть каждое и легко вспомнить. И та система классификации совершеннее, при которой ни одно представление не может быть забыто, не может исчезнуть» [Федоров 1997, III: 419].

Приведенная цитата показывает, что для Н. Ф. Федорова важнее всех прочих оказывается когнитивная функция в той ее разновидности, которую философ назвал «способностью служить орудием памяти»: «Совершенство языка пропорционально его способности служить орудием памяти. Чем более язык мог выразить отношений между предметами, тем способнее он был служить орудием памяти». Кумулятивная функция языка может осуществляться по двум каналам коммуникации: слуховому («Слово действовало чрез орган слуха на восстановление представлений») и зрительному («Письмо давало возможность разделенным пространством напоминать о себе друг другу») [Федоров 1997, III: 422**].**

Аккумулируя словесную память, язык формирует бессмертие, являющееся главной ценностью в системе федоровских идей: «Бессмертие есть критерий совершенства» [Федоров 1997, III: 430]. Важнейшим средством сохранения бессмертия является *музей*.

Музей — один из центральных терминов Н. Ф. Федорова, в основе значения которого лежит переосмысление общеупотребительной лексемы, или, по мысли Н. М. Азаровой, «живого слова» [Азарова 2010а: 53]. Значение лексемы *музей* в терминосистеме философа представляет собой

скоординированное единство когнитивных и прагматических компонентов (сем). Данные контекстуального анализа показали, что лексема *музей* используется в произведениях Н. Ф. Федорова в двух значениях.

Первое значение, нетерминологическое, почти совпадает с общеязыковым: ‘Учреждение, собирающее, хранящее и выставляющее на обозрение произведения искусства, научные коллекции, предметы, представляющие исторический интерес и т. п’ [МАС], однако контекстом в значении слова наводятся яркие прагматические семы «*случайность*», «*неправильность*», «*отсутствие деятельного начала*». Не случайно автор называет собрание экспонатов *«пассивным музеем пособий».*

Второе значение представляет собой авторский многоаспектный термин, определяемый целым текстом. По отношению к данной единице справедливо уже цитировавшееся в настоящей диссертации утверждение С. Д. Шелова о взаимосвязи протяженности контекста, необходимого для идентификации понятийного содержания лексемы, и степени ее терминологичности [Шелов 2003: 55-58]. Сохраняя связь с общеязыковой лексемой *музей*, слово значительно расширяет семантический объем, трансформируясь в многопризнаковый философский термин. Проанализировав пространное контекстуальное определение термина *музей*, можно условно выделить три аспекта, соответствующие трем родовым идентификаторам значения.

Первая группа определений формирует значение: «*музей* как собрание материальных предметов или «собор лиц». Примеры контекстов, реализующих этот аспект понятийного содержания: «*Музей* есть книга (библиотека), иллюстрируемая картинными, скульптурными галереями, объясняемая астрономическими, метеорологическими наблюдениями, физическими, химическими и всякого рода естественными опытами, — таково полное определение всенаучного и всехудожественного *музея*» [Федоров 1997, III: 216]. «*Музей* и с предметной стороны есть (совокупность лиц), само человечество в его книжном и вообще вещественном выражении, т. е. музей

есть собор живущих сынов с учеными во главе, собирающий произведения умерших людей, отцов...» [Федоров 1995, II: 405].

Вторая группа определений раскрывает деятельностное начало и общее назначение *музея* в федоровской концепции, например:

«*Музей* есть выражение долга к отцам, долговое наше обязательство, по которому мы не только не уплачиваем, а даже увеличиваем свой долг» [Федоров 1995, II: 443].

Третья выделенная нами группа определений отражает семантический макрокомпонент «братское, родственное состояние мира», в частности: «*Музей* есть вместе с тем и школа, согласная и даже неотделимая от храма. Повсеместное же распространение школ-музеев с храмами и есть средство собирания, братотворения» [Федоров 1997: Т. III: 279]. «*Музей* есть первая научно-художественная попытка собирания или воспитания в единство...» [Федоров 1995, II: 411].

Таким образом, *музей* в философском мировоззрении Федорова — одна из основных составляющих проекта будущего идеального общественного устройства; «сознательное воспроизведение отходящего времени»; исследовательское, обучающее и воспитательное учреждение, хранящее память прошлого и объединяющее сынов и отцов в общем деле воскрешения предков.

Очень важным для идиолекта Н. Ф. Федорова оказывается семантическое сближение «музей — библиотека». Семантическая связь лексем «библиотека — книга — язык» актуализирует информацию об отражательно-познавательной функции языка: «Сама книга или их собрание, библиотека, в основу Музея полагаемая, есть лишь запись наблюдений, опытов, различным образом мыслью и воображением переработанных, запись всего, что делается (происходит) на небе и на земле; а музей есть выражение написанного в книгах другими различными способами и средствами, или, вернее и точнее, всеми возможными способами, как то: кистью, резцом, топором...» [Федоров 1997, III: 113].

Функционально проективный музей противопоставлен в «Философии общего дела» университету, предстающему как устаревшее и отживающее учреждение, в котором наука и знания оторваны от живой жизни: «Презираемый и профессорами, и студентами, ужас для отцов и матерей, отвращение для народа, внутренний враг по убеждению, — он не имеет прав на существование. Смерть Университета будет началом жизни для Музея в обширном смысле» [Федоров 1997: Т. III: 231].

Возвращаясь к теме словесной памяти, формируемой языком, обратимся к парным авторским терминам *действительная патрофикация* и *мнимая патрофикация.* Первый термин означает то же, что *отцетворение*, то есть, по Н. Ф. Федорову, физическое воскрешение мертвых методом воссоединения родственных частиц *«бывшего человеческого единства».*

Подлинной *патрофикации*, составляющей основу философского мировоззрения Н. Ф. Федорова, предшествует *патрофикация* мнимая, осуществляемая средствами языка и неязыковых форм искусства, — воображаемое, мысленное воскрешение предков с последующей вербализацией образов в фольклоре, литературе и живописи. Если язык у Федорова — орудие памяти, то сама память становится «не хранилищем только, а восстановлением, хотя и мнимым и только мысленным» [Федоров 1995, I: 398].

По наблюдениям Л. Л. Шестаковой, «в статье «Музей, его смысл и назначение» Федоров раскрывает идею единства разума, сознания, памяти, опираясь на научно-лингвистические и психологические знания» [Шестакова 2010: 422].

Характеризуя соотношение разума и памяти, Н. Ф. Федоров выделяет три этапа развития человечества. Первый этап характеризуется единством памяти и разума: «Лингвистические исследования подтверждают это первоначальное единство способностей: один и тот же корень оказывается в словах (арийских, но, вероятно, и других языков), выражающих и память (притом память именно об отцах, об умерших), и разум, и вообще душу, и,

наконец, всего человека» [Федоров 1995, I: 14]. На этом этапе память становится мысленным хранилищем представлений об изначальном всеобщем родстве.

Следующий этап — появление философии: разум, отделяясь от памяти, «становится отвлеченным изысканием причин явлений». Третий этап — проективный, связанный с новым типом взаимоотношений разума и памяти: «Не отделенный от памяти об отшедших, он есть искание не отвлеченных причин, а отцов; разум, так направленный, становится проектом воскрешения». На этом этапе у человечества возникает потребность в новом, объединяющем всех людей языке, и главную роль в формировании такого языка Н. Ф. Федоров отводит лингвистике: «Лингвистика — наука, изучающая все языки, другого приложения, кроме выработки общего языка для всех народов, и иметь не может» [Федоров 1995, I: 15].

Прежде чем перейти к характеристике объединительной функции языка в интерпретации философа, кратко охарактеризуем термины, воплощающие идеи объединения и родства.

В терминосистеме Н. Ф. Федорова выделяется большое количество терминов с семантическим компонентом «общий, коллективный»; напомним, что и само учение носит название «Философия общего дела». Одно из центральных мест в терминополе занимают термин *родство* и его понятийные аналоги: *родственность, братство, братственность*. Это сознательное сосуществование людей по высшему принципу *«со всеми и для всех»* в едином деле регуляции и воскрешения.

Родство и *братство* в философии Н. Ф. Федорова — не умозрительная утопия, а реальная формулируемая цель, для достижения которой нужны совокупный труд, знание и действие. «Природный» аспект значения термина связан с необходимостью победы над стихией, болезнями и смертью: «Смысл братства заключается в объединении всех в общем деле обращения слепой силы природы в орудие разума всего человеческого рода для возвращения вытесненного» [Федоров 1995, I: 39].

Социальное родство в текстах Н. Ф. Федорова выражается, помимо слов *родство* и *братство*, при помощи двух других терминов, обозначающих разные виды объединения всех людей в общем деле: *психократия* и *многоединство*.

Психократия — противоположная *материократии* идеальная форма общественного устройства, основанная не на принуждении, не на «внешнем законе», а на власти души (см.: [Гачева, Семенова 1995]; духовное родство всех живущих на земле, предполагающее всеобщее участие в деле психофизиологической регуляции и воскрешения умерших. «Психократия держится силою, направляющею человека к труду воскрешения; она такое общество, в котором знание определяет как нужды каждого, так и его способности к тому или другому делу в общем отцовском деле; и на этом основании определяются как подушная подать каждого (т. е. его служба обществу), так и душевой его надел» [Федоров 1995, I: 290].

Термин *многоединство* также означает высшую степень *родства*, тип осознанного совместного существования. У нас нет данных о более ранних использованиях этого слова (лексема отсутствует в Словаре русского языка XVIII в.); аннотированный указатель Л. М. Грановской и М. А. Алиева содержит информацию о том, что термин многоединство используется в работах Л. П. Карсавина («О сущности православия», 1922) и С. Н. Булгакова («Православие», 1925; «Основания экуменизма», 1938), см.: [Грановская, Алиев 2013].

Многоединство у Федорова — такой тип сознательного внутреннего и внешнего объединения всех людей «по образу Божественного Триединства», при котором каждый человек становится «образом и подобием Бога» и при котором возможно осуществление истинного родства и спасение через воскрешение.

Мы не случайно уделяем столь пристальное внимание терминам, связанным с мотивом объединения, который буквально пронизывает «Философию общего дела». Важнейшим средством объединения — наряду с

трудом — становится язык нового типа, «практический результат всемирного языкознания». Именно в создании языка нового типа — точнее, в «филологической пятидесятнице» — Н. Ф. Федоров видит основное назначение лингвистики.

Говоря о роли лингвистов в языковом объединении человечества, Н. Ф. Федоров обнаруживает хорошее знакомство с лингвистической терминологией: *агглютинирующий, флексивный, моносиллабический, классификация языков, корнеслов, естественный язык, корень, смысл* и *значение слова* и некоторые другие. По всей вероятности, философ был знаком с достижениями современного ему языкознания — а именно, сравнительно-исторического направления, в русле идей которого и выстроены некоторые рассуждения о языке: «Стремление западной науки открыть единство всех языков может быть поставлено ей в большую заслугу, если из этого произойдет действительное объединение в одном языке. Мы разумеем не создание языка искусственного, а такого, который был бы результатом всеобщего сравнительного языкознания...» [Федоров 1995, II: 14]. Знакомство это, по всей вероятности, не было глубоким, о чем говорит отсутствие ссылок на источники и упоминаний фамилий языковедов того времени.

Обратим внимание на ту роль, которая в концепции Н. Ф. Федорова отведена лингвистам. Язык становится важнейшей составляющей «дерзновенного проекта» философа. Это язык будущего, являющийся по своему происхождению языком далёкого прошлого, языком «праотеческим»; не созданный искусственно «воляпюк», а восстановленный трудом лингвистов (в отличие от чуда пятидесятницы) естественный язык «с общими корнями». Отмечая успехи лингвистической науки (создание «корнеслова языков арийского происхождения»), Федоров мечтал о том, что будет создан корнеслов всех языков («всемирный панлингвистический корнеслов»), и изучение древних корней слов станет частью общеобязательного образования, в результате чего, объединившись в языке и труде, человечество образует истинное братство. Эта филологическая пятидесятница есть соединение обеих

федоровских функций языка: язык здесь выступает и как орудие памяти и как средство единения людей в общем деле.

«Съезд лингвистов есть уже начало трудовой пятидесятницы. Перевод Священного Писания на какой-либо народный язык есть вместе и начало изучения его; изучение же языка есть открытие родства его с другими языками; таким образом, по мере распространения христианства и лингвистика делалась бы более и более христианскою, т. е. всемирною, и собор представлял бы съезд лингвистов со всего мира; общее в языках выделилось бы и составило бы всемирный, всенародный, т. е. всеязыческий, или христианский язык» [Федоров 1995, I: 250].

Говоря о лингвистических воззрениях Н. Ф. Федорова, следует отметить тесную связь представлений о функциях языка с основными понятиями «Философии общего дела». В целом в рассуждениях Федорова о языке выделяются два смысловых блока и связанные с ними микрополя терминов. Во-первых, язык в авторской терминосистеме Н. Ф. Федорова предстает как «орудие памяти». С этим представлением связаны термины *патрофикация, музей, университет*. Во-вторых, язык в «Философии общего дела» предстает одним из важнейших средств объединения людей в деле регуляции и воскрешения. Особую важность в связи с этим приобретают термины с семантикой объединения: *родство, братство, психократия, многоединство.* Естественный язык, который объединит людей в будущем, должен быть создан — точнее, воссоздан — трудом лингвистов на основе «всемирного панлингвистического корнеслова».

«Характерные черты словоупотребления самого Федорова обнаруживаются на разных уровнях языка, прежде всего на лексико-семантическом» [Шестакова 2010: 425]. Основу лексической структуры сочинений философа составляют термины, образующие единую систему; другие особенности неоднородного по структуре лексикона Н. Ф. Федорова составляют устаревшие слова и формы, эмоционально-экспрессивно окрашенная лексика, метафоры и сравнения.

Значительную долю устарелой лексики составляют славянизмы: это слова с корнем *благ-* , очень характерные для языковой личности Н.Ф. Федорова *(благобытие, благо, благое, благодать, благодарный, благая весть, благая воля, величайшее благо, высшее благо, низшее благо, благотворный, благоговение, благословение, благодетель, благодатный, благовест, благосклонный, благоприятный, благость, благословенный, благотворительный, благоденствовать, благоденствие, благосостояние)*, *брадобритие, ведать (заповедать, поведать), десница, иже, небеси («сходящим с небеси»), несть («несть спасения»), отче, приемлет, проповедание, тщета, тщетный* и др.

К эмоционально-экспрессивной лексике Н. Ф. Федоров прибегает, когда характеризует состояние кладбищ: «на кладбищах, на этих святых местах, царствует мерзость запустения» (пример Л. Л. Шестаковой); а также при оценке чуждых его мировоззрению явлений нравственного порядка: «терпимость, эта жалкая, истасканная добродетель, порожденная отчаянием, выражает дряхлость. Что хуже: гнусный ли фанатизм или же пошлая терпимость?» [Федоров 1995, I: 386–387].

Образные средства, используемые Н. Ф. Федоровым, подробно описаны Л. Л. Шестаковой в уже цитировавшейся нами работе. Поскольку анализ средств выразительности напрямую не связан с основной целью нашего исследования, ограничимся краткой характеристикой проявлений лексической образности в произведениях философа: «Из образных средств Н. Ф. Федоров использует преимущественно компаративные тропы — метафоры, олицетворения, сравнения. <...> ...в раскрытии его идей заметную роль играет сравнительно-сопоставительный принцип (который отражает, по-видимому, тип мышления философа). Не случайно поэтому чаще других тропов Федоров использует сравнения, открыто дающие и описываемый предмет (понятие, явление), и тот, на который автору кажется похожим первый» [Шестакова 2010: 426].

Изобразительные и оценочные сравнения вводятся в текст различными

способами, к числу которых относятся сравнительные союзы (простые и составные), форма творительного падежа существительного, придаточные предложения разных разрядов, в том числе присоединительные:

«Как логос, или знание, есть образ мира, восстановленный в области мысли, так и искусство есть также образ мира, воспроизведенный образно, словесно, музыкально, т. е. всеми художественными средствами» [Федоров 1995, I: 97].

«Революция не ограничивалась даже истреблением памятников, она разрывала могилы и подвергала поруганиям и уничтожению трупы, что напоминает обращение иконоборцев с мощами; имена же тех, которые самоотверженно спасали памятники, едва ли упоминают самые подробные истории революции» [Федоров1995, I: 334].

«Экипажи, мебель и вообще все ассамблейное суть игрушки, но не для взрослых, как это говорят некоторые в осуждение, а именно для несовершеннолетних, как бы стары они ни были; это несовершеннолетие и служит владельцам, или рабам, этих вещей-игрушек оправданием» [Федоров 1995, I: 483].

Характеристика лингвистических воззрений Федорова и анализ лексической структуры текстов философа позволяют исследователю составить общее представление о языковой личности автора, что необходимо на начальном этапе лексикографического описания авторской терминосистемы.

§ 2. Основные типы авторских единиц в философской терминосистеме Н. Ф. Федорова

В первой главе подробно охарактеризовано понятие терминосистемы, которая является результатом сознательного упорядочения лингвистом терминологических единиц того или иного дискурса. Одним из существенных признаков терминологии каждой области интеллектуальной или духовной

деятельности считается наличие в ее составе нескольких соотнесенных между собой терминосистем, которые имеют свои внутренние законы, правила образования и функционирования [Шашкина 1984: 12-13].

Т. Р. Кияк понимает терминосистему как «упорядоченную совокупность терминов, адекватно выражающих систему понятий специальной сферы человеческой деятельности, между которыми существует обязательная и неотъемлемая связь, а совокупность связей внутри такой совокупности предопределяет его структуру» [Кияк 1989: 102].

Как уже отмечалось выше, когнитивный подход к термину обусловил необходимость уточнения понятия терминосистемы, которая в рамках этого направления определяется и изучается как «структура, отражающая концептуальные конструкции знания мира, операции над которыми совершаются в когнитивной системе человека в процессе восприятия и порождения речи» [Томашевская 1998: 8].

Наиболее подходящим для описания авторской терминосистемы мы считаем уже цитировавшееся в диссертации определение Л. А. Манерко, которая, опираясь на постулат о многомерном лингвоментальном существовании человека, предлагает определять терминосистему как сознательно конструируемую совокупность терминов, выявленную посредством категоризированной и концептуализированной информации на основе логико-понятийных, когнитивно-языковых, дискурсивных и собственно терминологических требований [Манерко 2009: 119–120].

Переходя к размышлениям о строении авторской терминосистемы Н. Ф. Федорова, сошлемся на два теоретических положения из фундаментальной работы В. П. Даниленко «Русская терминология». По мнению автора, включение слов и словосочетаний в терминосистему происходит только при наличии некоторого объединяющего начала, в качестве которого могут выступать определённые типовые категории и понятия, номинируемые базовым корпусом терминов [Даниленко 1977: 61–66].

В. П. Даниленко связывает очень важные для нас понятия: авторская интерпретация термина и терминосистема. «Значение знака-термина определяется, с одной стороны, объективным содержанием соответствующего понятия, с другой — тем субъективным, сознательным началом, которое привносится исследователем... <...> Именно поэтому для терминологии возможны случаи, когда один и тот же термин имеет разное содержание, зависящее от смысла, вкладываемого в него конкретным исследователем. <...> Но наполнив данный знак-термин конкретным содержанием, мы обязаны его употреблять в пределах одной терминосистемы только в этом значении» [Даниленко 1977: 58].

Последняя мысль наиболее полно и точно показывает связь авторских философских терминосистем и оригинально интерпретируемых конкретным мыслителем философских терминов.

Поскольку во всех определениях терминосистемы заложена семантика сознательного упорядочивания ее единиц, можно предположить некоторую степень свободы в деятельности «упорядочивающего»: представляется, в частности, что структуру терминосистемы лингвист определяет, основываясь отчасти на интуиции и учитывая характер лексического материала, нежели опираясь на какие-то строгие и однозначные правила.

Специфика логико-понятийных и когнитивно-языковых особенностей терминов Н. Ф. Федорова обусловливает выбор полевой структуры при описании авторской терминосистемы, которая отражает смысловые связи и иерархию терминов.

Ядро авторской терминосистемы Н. Ф. Федорова составляют лексические единицы *супраморализм, Пасха, имманентное воскрешение, регуляция природы, сыны, отцы, психократия, музей, родственность/неродственность* и некоторые другие, отражающие понятия философской картины мира автора. Ядерный характер этих терминов подтверждается не только данными контекстуального анализа, но и фактом упоминания их в терминофиксирующем тексте – в словарной статье

энциклопедии «Русская философия» *[Семенова 2007: 596-597]*.

Кроме того, дополнительными показателями отнесенности этих лексем к ядру терминосистемы является частотность, а также включение в развернутые, подробно раскрывающие содержание работы заголовки, которые составляют отличительную черту федоровского идиостиля, ср.: *«Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т. е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства»; «Супраморализм, или всеобщий синтез»* и др.

На каждом участке терминосистемы возникают микросистемы, то есть объединения слов-терминов на основе парадигматических, синтагматических и деривационных отношений.

Супраморализм — многоаспектный термин, обозначающий название философского учения Н. Ф. Федорова. Подробно содержание термина будет раскрыто ниже, отметим лишь, что этот термин образует многообразные парадигматические связи, то есть микросистемы, что является дополнительным характерным признаком терминосистем с точки зрения лингвистического подхода: *супраморализм, всеобщий синтез, всеобщее объединение, супралегальность* (синонимы); *гегелианизм, имморализм, имморализм Ницше, имморализм Толстого, мистицизм, мистицизм Достоевского, мистицизм славянофилов, превдоморализм Канта* (гипонимы).

Словообразовательное гнездо также представляет собой микросистему в рамках авторской терминосистемы: *супраморализм — супраморалистический*.

Системность термина *психократия* задается тремя векторами: это антоним *материократия*, синонимы и аналоги *братотворение*, *взаимознание*; а также деривационные связи: *психократический, психократизация.*

Большая роль в формировании ядра авторской терминосистемы Н. Ф. Федорова принадлежит терминам, которые с некоторой оговоркой можно обозначить как «термины родства»: *сыны, отцы* (преимущественно во множественном числе), *родство, родственность, неродственность, брат,*

братство, небратство и т.д. Дериватология этих терминов устанавливает многочисленные семантические (а вместе с тем и понятийные) связи между ними и является одним из ярких проявлений системности: *братский (обмен, дело), небратский (деятельность, состояние), противобратский (состояние), братотворение; сыновство, сыновний, бессыновний; отцелюбие, отцетворение, отец-праотец, отцеподобный (душа), праотчина (Памир); родственный, родственник, противородственный.*

К ядру терминосистемы примыкает зона периферии, к которой относятся термины, обозначающие видовые и аспектные понятия.

Как уже отмечалось, производными понятиями по отношению к термину *регуляция природы* являются лексические единицы, обозначающие конкретные проявления победы человеческого разума и труда над стихийными силами природы: *санитарный вопрос, продовольственный вопрос, возвращение разложенных частиц, влажные и сухие течения воздуха, небесное пространство, экономический вопрос, крейсерство, аэро- и эфиронавтические средства, органотворение, тканетворение, гетеротрофный, автотрофный.*

Как уже отмечалось, религиозный характер философского учения обусловливает наличие в терминосистеме Н. Ф. Федорова большого количества переосмысляемых теологических терминов: *пятидесятница, Рождество и рождество, четыредесятница, литургия, крещение*, *преображение* и некоторые другие.

К видовым и аспектным понятиям, связанным с ядерным термином «музей», относятся слова и словосочетания разной степени терминологичности, обозначающие родо-видовые отношения и создающие микросистему: *музей знаний, музей подобия, всенаучный музей, проективный музей, музей-собор, гномон, музей идеала, музей действия, обсерватория, пассивный музей.*

Дальнюю периферию анализируемой терминосистемы составляют непереосмысляемые философские термины, общенаучные термины и

термины других наук: *абсолютный, гегелевский, гегельянство, гностик, гностицизм, гуманистический, идеализм, индивидуализм, кантинизм, марксизм, позитивизм, онтологизм, онтология* и др.; з*акон (закон мира, закон Бога, гносеологический закон); принцип (принцип новой истории, принцип формального легитимизма); система (индустриальная система, система конкретного идеализма); астрономия, атом, вибрация, волна, геологический разрез, змейковый аппарат, междупланетное пространство, химия неорганического и органического вещества* и др.

Второе основание, с точки зрения которого можно рассматривать авторскую терминосистему, – это частеречная принадлежность составляющих ее лексем и механизмы терминотворчества. Такой подход к терминосистеме является собственно лингвистическим, см.: [Лейчик 2009: 125].

Философские термины в произведениях Н. Ф. Федорова представлены большей частью существительными (имена нарицательные с конкретной и абстрактной семантикой), а также словосочетаниями атрибутивного типа (продовольственный вопрос, искусственный пауперизм).

Характерные особенности терминотворчества Н. Ф. Федорова проецируются на типы терминов, составляющих авторскую философскую терминосистему: авторские неологизмы, образованные морфологическим и синтаксическим способами, терминологизированные и транстерминологизированные лексемы (термины, образованные лексико-семантическим способом в его разновидностях). Выявление состава авторских неологизмов Н. Ф. Федорова произведено на основе рабочей выборки авторских новообразований объемом 293 единицы.

В русском философском тексте вообще и в творчестве Н.Ф. Фёдорова в частности словотворчество реализуется преимущественно в рамках двух частей речи: существительные и прилагательные. (Окказиональных глаголов в выборке два: «переоружиться» и «востать»). Важно отметить, что неологизмы-прилагательные включаются в состав адъективно-именных сочетаний с обычными, общеизвестными словами.

Одним из основных способов окказионального словообразования в творчестве Фёдорова является сложение, позволяющее обозначать составные понятия двойственной природы. Здесь реализуется одна из важнейших черт языка философии – способность соединять, о которой, в частности, писала Л. М. Грановская, характеризуя язык и стиль русской философской литературы конца XIX — начала XX в.: «Философия пришла к размышлению о природе своего языка, о его способности именовать, вычленять, соединять, классифицировать предметы и явления» [Грановская 2013: 10].

Для обозначений понятий своего проективного учения Фёдоров использует разные виды сложения: сложение слов, сложение основ и сложно-суффиксальный способ. При помощи сложения слов образованы существительные, обозначающие научно-просветительские и одновременно религиозные учреждения нового типа, образующие текстовую родо-видовую парадигму: *храм-музей (Храм-Музей), храм-обсерватория, школа-музей, школа-храм, Храм-памятник, школа-выставка, школа-лагерь, школа-храм-музей, Кремль-школа,* а также связанные с ними артефакты: *змей-громоотвод, стол-могила*. «…Чтобы понять значение Кремля,> нужно призвать и понять всю всемирную историю, действительно всю, а не ту, что Запад считает всемирною, и не прошедшую только, но и будущую, проективную, т. е. Кремль-Школу, в который обратятся все сельские кладбища и вся земля как прах отцов, — Кремль-школу, соединяющий в себе и школу-лагерь, и школу-музей, и школу-храм» [Фёдоров Т.3, 1997:85].

Аналогичным способом образованы слова, обозначающие новый тип идеального, родового сознания: *отец-предок, отец-праотец*, а также новый тип человеческого коллектива: *общество-организм, община-приход, деревня-город.* «…Нужно, чтобы вся *община-приход* была восприемником при крещении, крестным отцом каждого новорожденного сочлена, т. е. чтобы вся община принимала на себя обязанность давать всем воспитание, завершением которого будет публичное, всею общиною-приходом производимое испытание. <…> При браках *община-приход* занимает место посаженного

отца… <…> При вышеизложенных исследованиях каждым себя <…> чужая душа не будет уж такими глубокими потёмками, т. е. души не будут взаимно чуждыми и наружность не будет так обманчива» [Фёдоров Т.1, 1995: 297].

Для словотворчества Н. Ф. Федорова характерен такой тип окказионального словообразования, при котором с помощью соединительной гласной основа или часть основы слова соединяется с целым словом. Таким способом образованы авторские неологизмы, которые условно можно разделить на несколько групп: прилагательные-дефисные образования; прилагательные, которые пишутся слитно; а также существительные со слитным написанием. Прилагательные, образованные путём сложения, входят в состав атрибутивных словосочетаний, некоторые из которых впоследствии терминологизируются. В этом случае можно говорить о взаимодействии нескольких способов терминологического словообразования: к примеру, сложение и синтаксический способ.

Большинство авторских неологизмов, образованных сложением основ и слов (и пишущиеся через дефис) не обретают свойства терминологичности и сохраняют такие признаки, как как творимость, авторский характер, заданность словообразовательной моделью, связь с порождающим текстом, например: *аптечно-терапевтические (опыты), архитектурно-живописное (выражение), военно-гражданское/ военно-обязательное (государство), всеобще-человеческий (антропоморфизм), всемирно-гражданская (община), всемирно-сравнительная (выставка), всемирно-священная (история), духовно-художественные (формы), зендо-славянское (мировоззрение), индустриально-милитарное (искусство), испытательно-воспитательное (значение), мануфактурно-торговая (суета), международно-постоянный (конгресс), небесно-земледельческая (культура), небесно-земной (вопрос), обязательно-сторожевое (государство), океано-обходная (дорога), русско-всемирная (история), сознательно-творческий (процесс), сыновне-отеческий (долг), сыновне-братское (дело), теллуро-солярная (сила), юридико-экономические (общества).*

Ряд прилагательных, образованных по аналогичной модели, имеет несколько иной орфографический облик: они пишутся слитно. В редких случаях наблюдается вариативность написания, к примеру: *теллуро-солярный* и *теллуросолярный*. Слитно пишутся: *космотеллургическая (наука), космотеллурическое (искусство), народообразовательное (значение), народообразовательная и ученообразовательная (религия), теллуросолярный и теллурокосмический (вопрос), теллурометеорическая регуляция.*

Этот способ окказионального словообразования объединяет значимую в семантическом отношении группу слов, состоящих из латинских или греческих корней и интерфикса. Некоторые из них имеют синонимы-дублеты, образованные на базе русских основ. К этой группе существительных относятся лексемы, входящие в авторскую философскую терминосистему: *гистотерапия, гистогенезис, хаософия, порнократия, материократия, психократия, космоургия, гносеоургия.*

Некоторые корни образуют индивидуальные словообразовательные гнезда. Так, корень *патро-* объединяет словообразовательную парадигму авторских неологизмов: *патрофикация* (это слово имеет синоним *«отцетворение»*), *патрофагия («отцеедство»), патробиография, патронимия, патроморфизм.* Отметим, что корень патр- (лат. «pater», отец) объединяет в одну группу как собственно авторские неологизмы (к примеру, однократно используемое Н. Ф. Фёдоровым слово *«патрофагия»*), так и лексемы с высокой степенью терминологичности (подробнее об этом будет сказано ниже), обозначающие важнейшие понятия философской картины мира автора. Это слово *«патрофикация»:* «термин Фёдорова, означающий буквально *«отцетворение».* Философ находит мифологические, художественные формы отцетворения как в древнем погребальном искусстве, эпических сказаниях, воскрешающих образы отцов, их героические деяния, так и в верованиях, населяющих небо, звезды душами отцов. Но все это, по Федорову, «мнимые» формы патрофикации. Подлинным отцетворением

может быть, по его мнению, только реальное воскрешение предков» [Семенова, Гачева 1995: 514].

При образовании существительных на базе русских (или освоенных заимствованных) корней способ сложения дополняется суффиксацией: *полноорганность, мыслепоклонство, взаимознание, душезрение, душетворение, оживотворение, братотворение, громопровод, обоготворение, родотворение, лицезрение, лицепредставление, отцетворение, отцеедство, тканетворение* и другие.

Помимо сложения, в словотворчестве Н. Ф. Фёдорова активно используется аффиксация. Выборка авторских неологизмов включает довольно большую (22 единицы) группу существительных с суффиксом *–ость*, отражающих один из наиболее продуктивных типов словообразования в философском тексте. При помощи этого суффикса образуются слова с отвлечённым значением признака, совмещающие свойственное мотивирующему прилагательному значение признака (или значение склонности или способности к действию, обозначенному мотивирующим отглагольным прилагательным) с частеречным значением существительного, например: *боготварность, братственность, всемирность, детственность, дочерность* («выражение любви нераздельной к родителям»), *невольность, несвободность, неслиянность, несознанность, неродственность, отечественность, плодопеременность, полноорганность, рожденность, целость.*

Для Фёдорова характерно также своеобразное «пересоздание», «переконструирование» слов, уже существующих в общеупотребительном языке, что обусловливает их окказиональный характер, выражающийся в таких признаках, как временность существования [Степанова, Фляйшер 1984], прозрачность (неидиоматичность) значения [Касарес 1958], стилистическая нагруженность [Ханпира 1972]:«Долг к родителям имеет не только нравственный характер, но выражается и в физической зависимости,

невольности, несвободности; рожденность — это несвободность» [Федоров Т. 1, 1995: 110].

В исследовательскую выборку вошли также лексемы с суффиксом *-ств-*, к примеру: *восприемничество* (видимо, не неологизм, а просто редкое слово; в НКРЯ – один пример из «Современной идиллии» М. Е. Салтыкова-Щедрина (1877-1883), *отцеедство* (сложение+суффиксация), *сыновство, хищничество* (редкое). Префиксация, как и суффиксация, используется Н. Ф. Фёдоровым реже, чем сложение. Отметим, что для Н. Ф. Фёдорова характерно образование «парных» термины к собственным семантическим неологизмам при помощи приставки *не-*: *небратство, неродственность, не-отец, несовершеннолетие, неученые.*

Круг авторских неологизмов расширяется за счёт лексем с приставкой *анти-*, после которых в ряде случаев (например, при присоединении к имени собственному) следует дефис: *анти-Заратуштра, анти-император, антипатриотизм, антиприродный (акт), антипрогрессивная (заповедь), антипротестанская (политика), антиэнтропийный (мир).* С количеством примеров с приставкой *анти-* сопоставимо количество вошедших в выборку лексем с префиксоидом лже-, которые образуют авторские неологизмы преимущественно в соединении с именами собственными: *лже-Гераклит, лжеединство, лже-Заратуштра, лже-мессия, лже-Нерон, лже-Христос.*

Немногочисленные примеры с другими приставками интересны тем, что авторские неологизмы включаются в текстовые парадигмы с узуальными лексемами. Так, общеупотребительные прилагательные *«органическая»* и *«неорганическая»* в сочетании с существительным «химия» вступают в родо-видовые отношения с окказиональными прилагательными *«подорганическая», «предорганическая»* и *«надорганическая».*

Отметим также высокую востребованность префиксоида *все-*, использование которого может осуществляться в рамках аффиксального окказионального словообразования, а может дополняться сложением. Кроме того, слова с префиксоидом *все-* могут входить в словосочетания, в том числе

терминологические. В выборке по первому тому насчитывается 26 примеров авторских неологизмов с этим префиксоидом.

Активность префиксоида обусловлена всеобъемлющим, масштабным характером задуманных Н. Ф. Фёдоровым преобразований духовной и материальной составляющих жизни человечества. На «вселенский» характер фёдоровского учения обратил внимание Н. А. Бердяев в статье «Религия воскрешения», посвящённой анализу философского наследия Н. Ф. Фёдорова, ср.: «Он не болел проблемой индивидуальной судьбы. Фёдоров не был писателем по темпераменту. Писательство не было для него личным творчеством, роковой потребностью выразить себя, перелиться в мир объективный. Писательство было для него лишь общим делом, вселенским делом. Он писал лишь деловое и о деловом. (Это совсем почти не литература.) Федоров излагает вселенские деловые проекты…» [Бердяев 1989: 243].

Префиксоид *все-* используется для внесения в создаваемое слово одно из значений: «охватывающий всё и всех, распространяющийся на всё и на всех» или «высокая степень проявления, исчерпывающая полнота признака, обозначенного во второй части слова» [БТС], к примеру: *всегодовое дело, всеединое существо, всеземное единство, всенаучный музей, всемирно-священная история, всемирность, всеобщеобязательная воинская повинность, всеобщеобязательное образование и знание, всеобщеотеческая точка зрения, всеобще-человеческий антропоморфизм, всеобщечеловеческий союз, всеотеческое дело, всепримиряющее дело, всеродовое единство, всеродственное слово, всесуточное дело, всеуничтожающий фанатизм, всехудожественный собор, всечеловек, всечеловеческий, всенародный язык.*

Как показал проанализированный лексический материал, своеобразные словообразовательные гнезда группируются не только вокруг префиксоида *все-*. Активно вовлекаются в окказиональное словообразование префиксоид *супра- (супралегальный, супраморализм);* корни орган- *(органогенезис, органосозидательный, органотворение, полноорганность);* отец-/отц-/отч-: *безотечный, всеотеческий, не-отец, отец-праотец, отец-предок,*

отцетворение; патро- *(патробиография, патроморфизм, патрономия, патрофагия, патрофикация),* теллур- *(теллурический, теллурокосмический, теллурометеорический, космотеллурический);* твор- *(братотворение, дидотворение, душетворение, обоготворение, оживотворение, органотворение, отцетворение, работворение, родотворение, тканетворение),* -ург- *(антропоургия, гносеоургия, космоургия, метеороургия, теоантропоургия)* и некоторые другие.

Авторские новообразования играют важную роль в организации текстовых парадигматических связей. Так, лексическая структура следующего фрагмента организована противопоставлением контекстуальных антонимов окказиональной природы: *«полноорганные существа – орудия-лица / лица-орудия»*, ср.: «А между тем только такие *полноорганные существа* и могут составить глубочайшее, нераздельное соединение равных лиц; соединение же особей-органов не может быть обществом понимающих друг друга лиц, а может быть лишь соединением ненавидящих друг друга существ, если только они сохранили в себе свойства лица, сохранили в себе задатки или остатки души, т. е. не сделались ещё исключительно орудиями; и те, которые играют роль ума в этом обществе-организме, не могут быть довольны *орудиями-лицами*, если эти последние не вполне утратили личные свойства. Если же эти *лица-орудия* сделались исключительно орудиями, потеряли всякие свойства лица, совершенно перестали быть лицами, то общество, составленное из таких *лиц-орудий*, перестаёт быть обществом…» [Фёдоров Т.1, 1995: 333].

Образование текстовых парадигм, в которые наряду с авторскими неологизмами включаются общеупотребительные лексемы, можно назвать яркой особенностью идиостиля Н. Ф. Федорова. Текстовая парадигматика представлена в основном контекстуальной антонимией и синонимией: «Долг к родителям имеет не только нравственный характер, но выражается и в физической зависимости, невольности, несвободности; рожденность — это несвободность.<…> . Сознание, что этот долг не оплачен, есть сознание своей зависимости, рабства, невольности, смертности — словом, небратства. В

неоплаченном долге заключается наказание рабством, смертью» [Фёдоров Т. 1, 1995: 112].

«Литургия же католическая, внехрамовая, т. е. сама жизнь, или история как факт, есть не братотворение, но работворение, не чрез усыновление, а чрез завоевание для исполнения долга душеприказчества, в смысле освобождения из чистилища, а не в смысле воскрешения. Протестантство, отвергая искаженную литургию, не признало и действительной; т. е. протестантизм уничтожил литургию как работворение, но не заменил ее братотворением» [Фёдоров Т. 1, 1995: 155].

«Такое воскрешение можно назвать *гностицизмом,* если оно есть *мистицизм,* или же *превращением Гносеологии в Гносеоургию,* превращением знания во всеобщее дело, переходом от таинственного храмового дела, или Литургии, к внехрамовому, превращающему явно, последовательно прах в самое тело и кровь тех поколений, от разрушения коих он произошел, для регуляции всех миров, *если воскрешение есть реальное, а не мистическое»* [Федоров Т.4, 1999: 74].

Авторские неологизмы Н.Ф. Федорова неоднородны в функциональном отношении: большинство созданных философом слов сохраняют признаки окказионального слова, но при этом можно говорить о довольно значительной в качественном и количественном отношении группе слов, которые приобретают свойство терминологичности и становятся авторскими философским терминами.

Синтаксический способ, который С. В. Гринев-Гриневич определил как «преобразование обычных свободных словосочетаний в сложные «эквиваленты слов» [Гринев-Гриневич 2008:136], является очень продуктивным средством пополнения терминологической лексики Н. Ф. Федорова. Отметим, что в состав словосочетаний могут входить переосмысленные термины других наук, термины богословия, а также общеупотребительные лексемы: *горизонтальное положение, вертикальное положение, сторожевое положение; всеобщий синтез, регуляция природы,*

имманентное воскрешение, пасхальные вопросы, искусственный пауперизм, естественный пауперизм, санитарный вопрос, продовольственный вопрос, местное умиротворение, всемирное умиротворение, эстетический супраморализм, русско-всемирная история.

Семантические неологизмы — еще один путь обогащения авторских терминосистем. Терминирование понятия общеупотребительным словом литературного языка является доминирующим терминотворческим приемом для русского философского текста.

Н. Ф. Федоров очень активно использует механизм терминологизации общеязыковых лексем для пополнения ядерной зоны терминосистемы. Характеризуя основные понятия «Философии общего дела», известный исследователь творческого наследия Н. Ф. Федорова С. Г. Семенова писала, что мыслитель «создает свою, неученую систему ключевых слов-категорий на основе нового, идеального, родового сознания: родственность, неродственность, сын человеческий, блудные сыны, братотворение, отцетворение, несовершеннолетие, совершеннолетие» [Семенова 2004: 123].

Этот ряд семантических неологизмов может быть продолжен: *отцы* (старшие поколения, в том числе ушедшие, подлежащие воскрешению), *родство* (сознательное сосуществование людей по высшему принципу «со всеми и для всех» в едином деле регуляции и воскрешения), *школа, музей, храм* (проективные исследовательские, обучающие и воспитательные учреждения, хранящие память прошлого и объединяющие сынов и отцов), *университет* (отживающее, устаревшее образовательное учреждение, дающее «знание для знания», проводник «казенной науки»).

Для терминотворчества Н. Ф. Федорова, в отличие от других философов конца XIX — начала XX в., переосмысление философской лексики не характерно, однако, поскольку лексема *смерть* представлена в философских словарях, где описывается как феномен бытия, мы сочли возможным отнести ее к числу философских лексем, переосмысляемых Н.Ф. Федоровым: «смерть — главный и радикальный анализатор, разложитель сложного на все более

простые элементы» [Семенова 1995: 13].

Одним из основных терминотворческих приемов Н. Ф. Федорова является транстерминологизация, или терминологическое заимствование. Главным образом, философ переосмысляет фидеистические (теологические) термины и термины естественных наук, что проистекает из задач его учения.

Н. Ф. Федоров ставил перед человечеством задачи выхода в космос, преодоления смерти, регуляции природы, победы над стихией, что обусловило появление большого количества транстерминологизированных лексем: *нервно-мозговой аппарат, гистотерапия, автотрофный, гетеротрофный, генетическая палеонтология, теллуросолярный, теллурокосмический, эволюция, космос, большой космос* и др. Религиозный характер «Философии общего дела» предопределил глубокое переосмысление основных фидеистических терминов, в том числе названий христианских праздников: *Пасха, пасхальный, пятидесятница, храмовая литургия, крещение* и *Крещение, Воскресение* и *воскрешение*.

В качестве примера проанализируем результаты транстерминологизации лексемы *пятидесятница.* Результатом терминологической конверсии, то есть переноса богословского термина в авторскую философскую терминосистему, стало появление трех окказиональных терминологических единиц: *Пятидесятница, этнографическая пятидесятница, филологическая пятидесятница.*

Частично переосмысленный богословский термин (пишется с прописной буквы): произошло усложнение семантической структуры слова, а точнее, добавление семантических компонентов «объединение человечества в общем деле — в регуляции природы». «В празднике Пятидесятницы вспоминаем начало нового объединения... <...> мы вспоминаем начало нового объединения, ожидаем, желаем соединения всех в труде познания слепой силы, носящей в себе голод, язвы и смерть...» [Федоров 1995, I: 135].

Сочетание процессов лексико-семантического и синтаксического терминообразования привело к появлению термина-словосочетания

этнографическая пятидесятница (со строчной буквы), значение которого — духовное родство, крестовое братство. «При заключении крестового братства принадлежащие к различным племенам будут меняться своими образками и каждый крестовый брат будет, таким образом, носить образок с изображением не того племени, к которому принадлежит сам, а того, к которому принадлежит его крестовый брат» [Федоров 1997, III: 433].

Третий термин образуется тем же способом, что и предыдущий: *филологическая пятидесятница* (со строчной буквы): объединение человечества в одном «всемирном, всенародном, всеязыческом, христианском» языке, который должен быть «результатом сравнительного языкознания»; единство в слове. «Пятидесятница, после которой началось собирание, т. е. первая часть литургии, есть праздник лингвистики; но то, что совершилось тогда чудом, теперь должно совершиться трудом» [Федоров 1995, I: 249].

Проведенный обзор позволяет сделать краткие выводы о внутренней организации авторской терминосистемы Н. Ф. Федорова, которая имеет полевую структуру. Контекстуальный анализ с учетом показателей частоты, дефинированности, включения/невсключения в заголовки и подзаголовки, а также встречаемости в терминофиксирующих и терминоиспользующих текстах, позвляет отнести к ядру терминосистемы пятнадцать — двадцать лексем, обозначающих наиболее важные понятия «Философии общего дела». Видовые и аспектные понятия обозначаются терминами периферии, которых в нашей выборке около ста. Дальнюю периферию терминосистемы составляют непереосмысляемые философские термины.

Проведенный анализ также позволяет сделать необходимые выводы о путях формирования авторской терминосистемы Н. Ф. Федорова. Для терминотворчества Н.Ф. Федорова характерны прежде всего сложение (соединяются русские или заимствованные корни (элементы) с соединительной гласной), а также терминологизация «живого слова». Кроме того, философ активно использует синтаксический способ

терминообразования и транстерминологизацию, переосмысляя фидеистические и естественнонаучные термины.

Авторские неологизмы Н.Ф. Фёдорова неоднородны по отношению к авторской терминосистеме. Бóльшая часть таких слов сохраняет основные свойства окказионализмов: творимость, однократность, связь с порождающим текстом.

Часть вновь образованных слов приобретают свойство терминологичности: дефинируются (в том числе при помощи контекстуального определения), обретают понятийные связи в авторской философской терминосистеме. Это слова, обозначающие базовые, важнейшие понятия философского мировоззрения. Становясь терминами, авторские неологизмы теряют тесную связь с порождающим контекстом и начинают использоваться в терминофиксирующих и терминоиспользующих текстах (словари, учебники, статьи, монографии).

§ 3. Философский термин: текстовое определение vs. словарная дефиниция

Определение в терминоведении характеризуется как «процедура, всегда направленная на раскрытие содержания определяемой единицы, во-первых, и претендующая на познавательный характер такого раскрытия, во-вторых» [Шелов 1990: 30].

Одной из самых сложных прикладных задач лексикографического описания авторских философских терминов является составление дефиниций, так как тексты философский произведений, как правило, не содержат терминологических определений, отвечающих лингвистическим требованиям.

Толковательная часть словарной статьи вызывает наибольшее количество вопросов и сомнений в силу семантической сложности и структурной неоднородности объектов дефинирования. Неоднородность

описываемого материала порождает ряд теоретических и практических вопросов: какова должна быть структура словарной дефиниции; можно ли использовать элементы энциклопедических определений, сократив их объем до «ближайшего значения» слова. Лексикограф должен выбрать то количество признаков, которое является необходимым и достаточным для идентификации термина, для «очерчивания» стоящего за ним понятия. Остальные признаки, относящиеся к области энциклопедических сведений о сигнификате, могут содержаться в иллюстративном материале.

В квадратных скобках за толкованием следует факультативная зона справочной информации: это, по преимуществу, значения переосмысляемых терминов в метаязыке-источнике. Заключительные зоны словарной статьи — сведения о сочетаемости и о парадигматических связях описываемой лексемы.

Одной из самых сложных прикладных задач лексикографического описания авторских философских терминов является составление дефиниций, так как тексты философский произведений, как правило, не содержат терминологических определений, отвечающих лингвистическим требованиям.

Термин может не иметь определения: в этом случае смысл стоящего за термином понятия извлекается из всего текста (свобода, творчество, неравенство у Н. А. Бердяева, беспочвенность и почва у Л. И. Шестова, хозяйство у С. Н. Булгакова); такое «извлечение» представляется очень трудной операцией — особенно в тех случаях, когда в тексте произведения нет прямого указания на родовые и видовые идентификаторы. Кроме того, такая операция требует не только лингвистических, но и собственно философских знаний.

Отличительной особенностью многих философских терминов является многократная определяемость: так, разные произведения С. Л. Франка содержат отличающиеся друг от друга определения термина бытие, отражающие разные слои этого понятия.

Многократная определяемость характерна и для лексем, относящихся к

ядру авторской терминосистемы Н. Ф. Федорова. Так, ключевой термин супраморализм, созданный философом для обозначения центрального понятия своего мировоззрения, определяется неоднократно – и каждый раз с новым родовым идентификатором: «синтез двух разумов» и «синтез науки и искусства в религии» [5, 388], «долг к отцам-предкам, воскрешение», «всеобщая нравственность» [Федоров 1995, I: 391], «синоним, или перевод, наибольшей заповеди»; «вопрос о двух рознях и о двух объединениях» [Федоров 1995, I: 412].

В лексикографии и терминографии чаще всего используются родовидовые (классифицирующие) определения. В философском тексте преобладают неаксиоматические контекстуальные определения. Неаксиоматические определения, или «определения через употребление», воплощают имплицитный неявный способ дефинирования, при котором семантика термина может раскрываться на протяжении всего текста, см.: [Шелов 2003]. Таким образом, первая задача при составлении словарной дефиниции философского термина – перевод контекстуального неаксиоматического определения в родовидовое.

Еще одна сложность обусловлена «поэтизированностью», которую многие исследователи [Грановская 1995б: 27; Азарова 2010а: 31] считают основным свойством русского философского языка. Так, патрофикация определяется Н. Ф. Федоровым как «объединение распадшихся миров» [Федоров 1997, III: 302]; психократия как «вложение души во все материальные отправления» [Федоров 1995, I: 290].

Метафорика, проникающая в определения ключевых понятий, придает определению выразительность и красоту, однако декоративно-эстетическая функция метафоры, сопутствующая когнитивной, может вступать в противоречие с требованиями к словарным дефинициям: такие определения не могут быть «перенесены» в словарную статью.

Сложность создания философских терминологических дефиниций с однотипной лексической структурой и однотипным лексическим

наполнением наглядно проявилась при составлении краткого аннотированного указателя «Философские термины и понятия в русском литературном языке» [Грановская, Алиев 2013]. В Указателе есть также небольшое количество составленных авторами определений, которые не всегда можно назвать исчерпывающими. Так, если с дефиницией термина Л. И. Шестова всемство («признанное всеми суждение середины и посредственности, мыслящей, чувствующей и поступающей, «как все» [Грановская, Алиев 2013: 25] мы в целом согласны, то определение термина супраморализм мы считаем недостаточным, поскольку оно, на наш взгляд, не отграничивает определяемое понятие от однотипных и сходных понятий в терминосистеме Н. Ф. Федорова, ср: «О супраморализме — долге отцам и предкам как высшей и безусловно всеобщей нравственности» [Грановская, Алиев 2013: 24].

Третья задача связана с необходимостью отражения в дефинициях системности терминов, т.е. с потенциальной возможностью извлечения терминополей, входящих в авторскую философскую терминосистему. Толкования должны отражать взаимообусловленность и взаимосвязь значений философских терминов. Следовательно, для терминов, образованных путем терминологизации общеупотребительного слова, и для авторских неологизмов необходимо соблюдать тематический принцип (единство родового идентификатора). Так, существительные, обозначающие научно-просветительские и одновременно религиозные учреждения нового типа и образующие текстовую родо-видовую парадигму (храм-музей, храм-обсерватория, школа-музей, школа-храм, Храм-памятник, школа-выставка, школа-лагерь, школа-храм-музей, Кремль-школа, университет, проективный музей) должны дефинироваться с использованием одинакового родового идентификатора «учреждение» («просветительское учреждение».

Дефиниции терминов, обозначающих свойства «совершеннолетнего» человека (полноорганность, душезрение, оживотворение, обоготворение, родотворение, лицезрение, отцетворение, тканетворение), могут быть

систематизированы при помощи родового идентификатора» проективная способность».

Четвертая проблема – краткость, необходимость и достаточность. Лингвистическое определение не должно быть равно философскому, энциклопедическому. Не случайно Т. Р. Кияк говорил о необходимости фиксировать в толковом или терминологическом словаре «совокупность признаков предмета, необходимую и достаточную для выделения его среди других предметов», другие признаки автор относит к области энциклопедических знаний, которые не должны включаться в словарную статью [Кияк 1989: 35].

Абсолютно соглашаясь с тезисом о необходимом и достаточном количестве информации об объекте дефинирования, отметим, что при описании значения философских терминов не всегда можно элиминировать или исключить из толкования энциклопедическую информацию описательного характера: ведь само определение термина по сути энциклопедично, хотя и свёрнуто до предела. Возможно, указанное противоречие может быть снято включением в словарное определение элементов авторского текста.

Таким образом, дефиниция философского термина – одна из важнейших составляющих словарной статьи. При составлении определений философских понятий в лингвистических целях следует выполнить несколько задач: преобразовать контекстуальное определение в родовидовое, отразить системность и взаимосвязанность значений терминов в терминосистеме, обеспечить информативность и краткость.

Для того чтобы проиллюстрировать противоречия между текстовыми определениями философских терминов и проектируемыми словарными дефинициями этих лексем, обратимся к анализу контекстуальных определений одного из основных терминов «Философии общего дела» – супраморализм.

Термин *супраморализм* создан философом Н. Ф. Федоровым для

обозначения центрального понятия своего мировоззрения. Интерес вызывает не только смысловое наполнение термина, сложное и многоаспектное, но и то, какими способами автор раскрывает сущность определяемого объекта.

Слово образовано путем сложения элементов латинского происхождения «супра» и «мораль»: лат. Supra — над, сверх и лат. Moralis (заимствовано непоср. и через фр. morale, нем. Moral — данные Словаря русского языка XVIII в.) — нравственность, система правил и норм нравственного поведения. Прозрачная внутренняя форма термина способствует раскрытию философских и этических аспектов учения Н. Ф. Федорова. «Это действительно философия, во-первых, этическая и воистину сверх-этическая: она выдвигает приоритет должного над сущим, деонтологии над онтологией, зовет к преображению бытия в благобытие. <...> Идеал здесь — не просто мысль, неотделимая от воли к действию, но мысль, направляемая сердечным чувством» [Семенова 1995: 12].

Проблеме супраморализма Н. Ф. Федоров посвятил несколько статей, главная из которых носит название «Супраморализм, или всеобщий синтез (т. е. всеобщее объединение)». Именно эта статья является основным материалом анализа в данном параграфе. Используемое в заголовке удвоенное синонимическое толкование разворачивается в тексте статьи, где при помощи разных способов представления понятий раскрываются многочисленные аспекты супраморализма.

В самом начале статьи приводится неявное определение без определяемого слова:

«Синтез двух разумов (теоретического и практического) и трех предметов знания и дела (Бог, человек и природа, из которых человек является орудием божественного разума и сам становится разумом вселенной), а вместе и синтез науки и искусства в религии, отождествляемой с Пасхою как великим праздником и великим делом» [Федоров 1995, I: 388].

Об этом определении трудно сказать, что оно полностью выявляет признаки, входящие в содержание термина, — скорее, автор сознательно

«озадачивает» читателя сложностью содержания вводимого понятия. Известно, что Н. Ф. Федоров сознательно восстанавливал «старинный способ длинных и подробных заглавий» [Федоров 1999, VI: 277], раскрывающих тему и проблему текста. Поэтому вполне возможно предположить, что эта конструкция выполняет иную функцию, а именно функцию подзаголовка, раскрывающего проблематику статьи для потенциального читателя, то есть функцию текстовой проспекции.

Далее идет ряд определений, по структуре в целом совпадающих с родовидовыми, или классифицирующими, определениями («определения через указание более широкого класса и отличительных признаков» [см.: Арбатский 1970, 1973]). Но при внимательном анализе этих определений возникает сомнение в их классифицирующей сущности. Приведем их с небольшими сокращениями Полужирным шрифтом выделены слова, которые предположительно указывают на то понятие, которое является идентификатором понятия *супраморализм*.

«*Супраморализм* — это долг к отцам-предкам, воскрешение, как самая высшая и безусловно всеобщая нравственность, нравственность естественная для разумных и чувствующих существ, от исполнения которой, т. е. долга воскрешения, зависит судьба человеческого рода. <...>

Супраморализм — это не высшая только христианская нравственность, а само христианство, в коем вся догматика стала этикою (догматы заповедями), и этикою, неотделимою от знания и искусства, от науки и эстетики, которые должны сделаться, стать орудиями этики, само же богослужение должно обратиться в дело искупления, т. е. воскрешения. <…> *Супраморализм* — это вопрос о двух рознях и о двух объединениях; вопрос о двух рознях, т. е. о внешней розни — богатых и бедных и о розни внутренней — об ученых и неученых (о двух разумах), разрешаемый чрез замену вопроса о всеобщем обогащении вопросом о всеобщем возвращении жизни, т. е. чрез замену нашей искусственной жизни, искусственного дела, делом естественным, творимым в нас самою природою, проходящею чрез нас

в сознание» [Федоров 1995, I: 388 — 389].

Нетрудно заметить, что выделенные признаки не повторяются и относятся к разным типам родовых понятий (предмет, процесс, свойство, атрибут, признак, величина): *долг* (обязанность + категория этики); *воскрешение* (действие по знач. глагола воскресить/ воскрешать; процесс)*;* *нравственность* (совокупность этических норм + моральные качества; атрибут + свойство); *христианство* (религия; предмет); хотя при всей разнородности признаков можно утверждать, что все они (кроме «вопроса») объединяются в авторской картине мира как *этические* категории.

Приведенные определения *супраморализма* являются классическими родовидовыми определениями только формально: отсутствует критерий взаимозаменяемости определяемого и определяющего понятий: «Если в каком-то предложении встречается одно из этих понятий, всегда должна существовать возможность заменить его другим. При этом предложение, истинное до замены, должно остаться истинным и после нее» [Ивин 1999: 45].

Каждое такое определение является составной частью целого текстового определения, которое можно назвать контекстуально-текстовым. Этот тип определения используется Н. Ф. Федоровым для философского анализа самых важных понятий его мировоззрения. В таких определениях наблюдается рост терминологичности дефинируемой лексемы, аналогичный явлению приращения смысла ключевого слова в художественном тексте.

Точно обозначить границы контекстуально-текстового определения затруднительно: правая границы определения просматривается с трудом, особенно в последнем примере, где далее (через т.е) следуют определения понятий, включенных в видовые признаки дефиниции. А. А. Ивин характеризует контекстуальное определение таким образом: «Всякий отрывок текста, всякий контекст, в котором встречается интересующее нас понятие, является в некотором смысле неявным его определением. Контекст ставит понятие в связь с другими понятиями и тем самым косвенно раскрывает его содержание» [Ивин 1999: 56]. То есть, если родовидовое определение

понятийно приравнивает определяемое к определяющему, то контекстуальное отражает связь между определяемым и определяющим понятиями (*супраморализм* нельзя приравнять к христианству, но можно соотнести эти два понятия).

Сложность и неформализованность определяемых терминов, особый тип текста (ср.: «Философия является самостоятельным видом деятельности человека (особой формой культуры), подразумевающей особый статус существования языка, отличный от языка науки, а философские тексты нельзя считать подвидом научных текстов» [Азарова 2010а: 18], особый характер адресата — все это способствует доминированию в русском религиозно-философском тексте контекстуальных неаксиоматических определений.

Контекстуальные определения – яркая примета свободного разворачивающегося, обычно интертекстуального научного текста, не имеющего собственно дефинитивной целеустановки, а потому и не скованного логическим «скелетом» родовидового суждения». Контекст этих определений не ограничен, в ряде случаев он может быть равен всему тексту философского произведения, определяемое понятие все время получает дополнительные обоснования. Это естественно, потому что рождение понятия и обозначающего его термина происходит непосредственно «на глазах читателя» — возможно, формализация ряда философских понятий и построение родовидовых определений (или аксиоматических контекстуальных) — задача историка философии или терминолога.

Для дальнейшего анализа смыслового наполнения термина *супраморализм* и способов его представления в тексте нам необходимо еще раз обратиться к одному из базовых понятий современного терминоведения: терминологичность. Донна Харман раскрывает содержание этого понятия как способность выступать в качестве термина для данной предметной области, определяемая частотностью («calculated based on term frequency and bias of frequency» [Harman 1992: 387].

Терминологичность знака обусловлена принадлежностью данного знака

к какой-либо области знания и определяется относительно системы объяснения его значения. Степень терминологичности знака зависит от количества сведений, которые требуются для идентификации значения знака в данной системе объяснения [см.: Шелов 2003].

Возвращаясь к термину *супраморализм*, определим, какова система объяснения для этого знака. Она, эта система, задается в первую очередь типом текста, который Н. М. Азарова назвала «русской философской словесностью». Второй вектор, определяющий систему объяснения, есть идиостиль самого Н. Ф. Федорова и сложность содержания его философских воззрений. Кроме того, характер представления термина в русском религиозно-философском тексте определяется ориентирующей функцией данного типа знаков: авторский термин *супраморализм*, обозначающий совокупность взглядов Н. Ф. Федорова, характеризующий его мировоззрение, служит главным средством концептуальной ориентации в когнитивном пространстве. Возможно, это означает, что такой термин обязательно многократно воспроизводится, но по причине «окказиональности» и содержательной сложности всегда нуждается в каком-то пояснении.

Рассмотрев первые три определения, мы сделали вывод о нестрогости, принципиальной неполноте каждой отдельной дефиниции, отражающей многоэтапность, многоступенчатость осмысления и постижения понятия *супраморализм* философом. Контекстуальное определение термина *супраморализм* создается всем текстом — вместе с изложением научно-философских взглядов автора, образуя целостную ткань рассуждений и выводов.

Говоря о содержательном аспекте философской терминологии и о ее отличии от научно-технических терминологий, нельзя не упомянуть статью О. И. Стрижевской, которая, рассматривая термин в качестве члена определенной терминологической системы, считает значения терминов взаимообусловленными [Стрижевская 1976: 83]. Рассматривая семантику названий минералов в толковом словаре, О. И. Стрижевская опирается на

семантическую теорию Т. П. Ломтева и делает вывод о том, что «семантическая структура каждой лексической единицы поля представляет собой набор интегральных семантических элементов плюс набор дифференциальных семантических элементов» [Стрижевская 1976: 84].

Такое утверждение, верное для классифицирующих научных терминов, не вполне и не всегда применимо к семантике философского термина, который крайне редко бывает классифицирующим. Его смысл наращивается в тексте постепенно, при этом понятие может варьировать свое смысловое поле — в зависимости от аспекта рассмотрения явления. Добавим, что признак многоаспектности может быть свойствен не только философским терминам, но и другим терминам гуманитарных наук.

Так, в первом определении раскрывается нравственный, этический аспект *супраморализма*: *долг к отцам-предкам; долг воскрешения; высшая нравственность.* Кроме того, это определение способствует выявлению основного когнитивного механизма Н. Ф. Федорова — мечты: «Надо мечтать, по-федоровски — не приглашение к приятному времяпрепровождению в сладких грезах, а призыв мобилизовать данную только человеку способность предвосхищающего проектирования будущего в направлении высшей религиозно-христианской цели» [Семенова 2004: 195].

Н. Ф. Федоров полагал, что «сыны» могут восстановить *из себя* некую генетическую формулу организма «отцов», которую они по частям *записали* в потомках, и объединить эти части в единое целое. К нравственному аспекту понятия *супраморализм* добавляется еще один: биологический (*тканетворение*).

Второй аспект понятия раскрывается в следующих фрагментах текста, которые также по форме напоминает родовидовое определение *(«Супраморализм* — это не высшая только христианская нравственность, а само христианство... <...> *супраморализм* есть в сущности синоним, или перевод, наибольшей заповеди»). Этот аспект можно назвать религиозным, или религиозно-этическим, поскольку Н. Ф. Федоров, сообщая центральному

понятию своего учения дополнительное обоснование, приводит цитаты из Библии: первая «Да будут все едино...») — из последней, предсмертной молитвы Христа, обращенной к Отцу на Тайной вечере (Библия/ От Иоанна 17 (Синодальный перевод); вторая («Шедше, научите все языки...») — слова, обращенные к ученикам воскресшего Иисуса и произнесенные им в одно из своих явлений (Мф 28, 19) [https://azbyka.ru/biblia/].

Далее смысловое поле термина *супраморализм* расширяется в тексте за счет обращения к новым содержательным элементам понятия, связанным с социальным аспектом (о делении на богатых и бедных и на ученых и неученых). Здесь раскрывается тезис о синтезе двух разумов: теоретический разум (разум ученых) и практический разум (неученых) должны преодолеть *рознь* и объединиться для *великого дела*.

Этим не исчерпывается контекстуальное определение *супраморализма*: степень терминологичности этого термина и степень его значимости для философской системы Н. Ф. Федорова настолько высоки, что для идентификации определяемой единицы требуется очень обширный контекст, в котором смысл термина наращивается подобно тому, как прирастает смысл ключевого слова в художественном тексте. Уместно привести слова логика А. А. Ивина: «Дать хорошее определение – значит раскрыть сущность определяемого объекта. Но сущность, как правило, не лежит на поверхности. Кроме того, за сущностью первого уровня всегда скрывается более глубокая сущность второго уровня, за той – сущность третьего уровня и так до бесконечности. Эта возможность неограниченного углубления в сущность даже простого объекта делает понятными те трудности, которые встают на пути определения» [Ивин 1999: 78].

В комментариях Н. Ф. Федорова к трем первым определениям конкретизируется и уточняется смысловое поле термина. Попытка вычленить из комментария-описания видовые признаки термина *супраморализм* дала следующие результаты:

всеобщее возвращение жизни;

управление метеорическим процессом, регуляция природных процессов;

объединение внешнее через самодержавие;

внутреннее объединение — через православие;

переход от истории как взаимного истребления к истории как исполнению проекта воскрешения;

замена вопроса о всеобщем обогащении вопросом о всеобщем возвращении жизни.

После комментария, которое сложно отграничить от описания, Н. Ф. Федоров переходит к основной части изложения своего учения. Форма этого изложения — по сути, пространного и сложного контекстуального определения — весьма своеобразна: философ разбивает свое учение на 12 вопросов, видимо, с учетом христианской символики этого числа. Вопросы эти философ называет пасхальными, то есть «воскрешающими к жизни»; эти вопросы «обнимают собою все многообразие современной жизни, направляя ее... к объединению всех» [Федоров 1995, I: 390].

В изложении пасхальных вопросов возникает антонимия терминов: *супраморализм* как путь развития человечества («проект будущего воскрешения и объединения всех живущих») оказывается противопоставлен *морализму* («истребление и разъединение»).

Формулировки вопросов, приведенные нами в значительном сокращении, напоминают длинные и подробные заголовки, «старинный способ» которых стремился восстановить Н. Ф. Федоров. Одновременно они являются составными частями пространного контекстуального определения супраморализма как философского учения, разделенного автором на двенадцать вопросов, «обращенных ко всем живущим» и затрагивающим все многообразие проблем современной жизни.

Главными для *супраморализма* являются два вопроса: 1) вопрос о двух образах жизни, *о двух бытах*: «социальном», ориентированном на всеобщее счастье и обогащение, и «естественном», ориентированном на всеобщее

воскрешение; 2) вопрос о двух волях: воли к рождению и к отрицанию рождения (*аскетизм*) — жизнь для себя (*эгоизм*) и жизнь для других (*альтруизм*) — воля к воскрешению (позже для обозначения плодотворного синтеза и полноты родства Н. Ф. Федоров создает новый термин: *многоединство*).

Длина контекста свидетельствует об очень высокой степени терминологичности анализируемой лексемы. Поскольку *супраморализм* — центральный термин философии Н. Ф. Федорова, название его философского учения, в каждом из формулируемых пасхальных вопросов это понятие получает новое обоснование, и его содержание расширяется. Отметим бинарный характер формулировки каждого вопроса, содержащего утверждение и отрицание, – таким образом сделавший свой выбор философ ставит перед выбором читателя.

Изложением двенадцати вопросов контекстуальное определение термина не исчерпывается. Следующая его часть связана с рядом противопоставлений, с помощью которых *супраморализм* как философия (учение) включается в терминосистему: *морализм*, *имморализм* (Штирнера и Ницше); *имморализм* Толстого; *мистицизм* Достоевского; *мистицизм* Соловьева; *псевдоморализм* Канта.

Таким образом, мы проследили сложную и необычную структуру контекстуального определения термина *супраморализм* в философии Н. Ф. Федорова: первое определение (выступающее одновременно в функции подзаголовка); далее — три определения, в которых выделены разные по значениям полиморфные (допускающие различную интерпретацию) родовые признаки термина. Следующая часть текста — комментирующе-описательная, в которых уточняются видовые признаки термина. Центром контекстуального определения являются двенадцать «пасхальных вопросов», на которые делится учение Н. Ф. Федорова о *супраморализме*. В завершающей части намечено противопоставление *супраморализма* другим философским учениям.

Отметим также, что содержательными аналогами термина являются авторские составные наименования: *«всеобщий синтез», «учение о воскрешении» или, более развернуто, «учение об объединении живущих сынов для воскрешения умерших»,* а также *«Новая Пасха», «пасхальные вопросы».* Эти названия отчетливо выявляют особый характер философии Н. Ф. Федорова как религиозного учения.

Очевидно, что контекстуальное определение не может стать элементом микроструктуры словаря авторской философской терминологии в силу своей объемности и многоаспектности. Дефиниция, по мнению С. Д. Шелова, «не претендует на исчерпывающее знание о предмете» и «ничего не утверждает о том, определением чего оно является (за исключением, возможно, лишь факта существования соответствующего объекта» [Шелов 2003: 32].

Т. Р. Кияк говорит о необходимости фиксировать в толковом или терминологическом словаре *«совокупность признаков предмета, необходимую и достаточную для выделения его среди других предметов»* [Кияк 1988: 35], другие признаки автор относит к области энциклопедических знаний, которые не должны включаться в словарную статью.

Абсолютно соглашаясь с тезисом о необходимом и достаточном количестве информации об объекте дефинирования, отметим, что при описании значения философских терминов не всегда можно элиминировать или исключить из толкования энциклопедическую информацию описательного характера: ведь само определение термина по сути энциклопедично, хотя и свёрнуто до предела. Об этом свидетельствует, в частности, опыт Ю. В. Рождественского, который при описании терминов обществознания, семиотики, экономики, культуры, морали, нравственности и этики [Рождественский 2002а; Рождественский 2002б], ориентируется на толково-энциклопедический тип словаря и использует элементы энциклопедических определений в словарных статьях.

Сложность, абстрактность и многоаспектность характеризуемых понятий (особенно в тех случаях, когда речь идет о ключевых терминах с

несколькими родовыми идентификаторами) делает неизбежным обращение к дополнительной информации.

Дефиниция философского термина – одна из важнейших составляющих словарной статьи. Параметры микро- и макроструктуры словаря авторских философских терминов обусловлены накопленными в русской авторской лексикографии традициями и принципами описания лексических единиц.

§ 4. Современная авторская лексикография: основные понятия и термины

Современный этап развития лингвистики характеризуется возросшим интересом к динамическим аспектам языка и переходом к антропоцентрической лингвистике, которая изучает язык во взаимосвязи с человеком, сознанием и мышлением, а также различными видами деятельности.

Е. С. Кубрякова выделяет наиболее значимые парадигмальные черты современной лингвистики: экспансионизм, антропоцентризм, функционализм и экспланаторность.

1) *Экспансионизм* есть общая тенденция современной развития науки: если традиционная лингвистика не выходила за пределы анализа языкового знака, то современная лингвистика является «открытой» наукой с явным стремлением к расширению пределов, с тяготением к интеграционным процессам, которые приводят к выделению междисциплинарных программ исследования. Наиболее полно эта тенденция проявилась уже в первой половине XX в. в формировании новых – гибридных – наук: этнолингвистики, социолингвистики, психолигвистики – и продолжилась в конце XX в. с появлением лингвогносеологии (когнитивной лингвистики), лингвокультурологии, корпусной лингвистики, политической лингвистики и др.

2) *Антропоцентризм* как особый принцип исследования,

заключающийся в том, что научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и ее усовершенствования. Этот принцип охватывает два круга проблем – «человек в языке» (направление, заданное Э. Бенвенистом и обозначившееся в отечественном языкознании 80-х годов XX в. как «человеческий фактор в языке») и «язык в человеке» (лингвогносеология во всех её ответвлениях: собственно когнитивистика; экспериментальная и лексикографическая разработка теории языковой личности; изучение языковой картины мира и др.).

3) *Функционализм* (неофункционализм) как общее методологическое основание большинства современных лингвистических исследований. Языковой знак изучается не как статическая единица, а с позиций его функционирования в дискурсе, с точки зрения его обусловленности характером дискурса, в котором он используется (интернет-коммуникация, «язык города», философский дискурс и др.).

4) *Экспланаторность*, то есть стремление не просто к описанию, но к объяснению таких языковых фактов и явлений, которые ранее, до формирования системы разнообразных психолингвистических экспериментов, не были доступны языковедам. Наиболее ярко это проявляется в когнитивной лингвистике.

Такое изучение языка сопряжено с выходом за пределы одной частной парадигмы, т.е. с принципиальной полипарадигмальностью современной лингвистики [см.: Кубрякова 1995].

Эти принципы в сочетании с опорой на многолетние научные традиции во многом определили развитие авторской лексикографии как динамично развивающегося направления современной российской лингвистики: авторская лексикография является комплексной областью теоретического и практического знания, соединяющей антропоцентрические (описание языковой личности), функциональные (когнитивные) и формальные (в первую очередь, математические) подходы к языку.

Современная авторская лексикография как научное и научно-практическое направление реализует две основные идеи: идею лексикографической параметризации языка и идею языковой личности и ее структурной организации. Под лексикографической параметризацией языка принято понимать тенденцию к «ословариванию», т.е. «представлению в виде словарей par exellence, результатов самых разных, а в идеале — всех, лингвистических изысканий» [Гинзбург, Караулов 2003: 5].

Авторская лексикография определяется специалистами как «теория и практика составления словарей языка отдельных авторов или групп авторов», «изучение таких словарей и выявление возможностей их использования», а также как «совокупность созданных в разное время словарей языка писателей, философов, ученых, политиков и т.п.» [Шестакова 2011: 16]. По мнению В. В. Дубичинского, словари языка писателя относятся к комплексному типу словарей, в которых отражены слова, употребляющиеся в сочинениях определенного автора: «Словарь языка какого-либо писателя может быть составлен на основе полной выборки из всех его произведений, писем, черновых и официальных бумаг автора или же включать слова только из определенных сочинений» [Дубичинский 2009: 172-173].

Термин *писательская лексикография*, присущий русской традиции, и термин *авторская лексикография* (authorlexicography), имеющий большее распространение в зарубежной лексикографии, в настоящей работе используются как синонимичные.

Теория авторской лексикографии охватывает широкий круг проблем: теоретические принципы создания словарей языка писателей, методика лексикографического отражения авторских идиостилей, определение статуса, объема, содержания научного направления, прагматической специфики авторских словарей, выявление макро- и микроструктуры таких справочников, их объяснительного аппарата, системно-типологическая организация словарей, история авторской лексикографии, роль авторских словарей в

языковой культуре народов, основы вузовского преподавания курсов авторской лексикологии и т.д.

Основным предметом и целью авторской лексикографии является создание словарей языка отдельных авторов (“авторских подъязыков”), анализ и практическое использование этих словарей [см.: Шестакова 2011]. О. И. Фонякова называет писательскую лексикографию «объективным методом изучения художественной речи, языка и стиля писателя» [Фонякова 2003: 35]. Такой подход к словарям языка писателя свойствен и В. В. Дубичинскому, который считает их одним из методов изучения определенной системы отбора изобразительных средств языка в целом и разных его уровней, см.: [Дубичинский 2009: 173].

Называя важнейшей, сущностной чертой авторских словарей *лингвоцентричность*, Л. Л. Шестакова выделяет их основные функции: научно-описательная, учебная и справочная (см.: [Шестакова 2011: 32 - 33]). Многочисленные задачи, решаемые авторской лексикографией, могут быть — в зависимости от адресата — сугубо научными и популяризаторскими: к ним относятся анализ историко-лексикологических, стилистико-художественных, индивидуально-авторских и эстетических аспектов языка, выявление зон потенциальной агнонимии элементов инокультурного текста, привлечение внимания к творчеству конкретного автора.

Создание и последующее изучение сводных, многоаспектных и многоавторских справочников способствует решению масштабной задачи воссоздания истории языка русской художественной литературы, публицистики, философии — то есть, языка русской культуры. «Роль словаря как орудия или инструмента, с помощью которого создаются научные исследования, бывает различной в зависимости от целей, которые заставляют ученых обращаться к лексикографическим источникам. Роль эта весьма велика, если словарь языка писателей и поэтов служит для разработки исторической лексикологии, истории литературного языка, истории языка художественной литературы» [Гельгардт 1980: 74]. Эти слова в полной мере

можно отнести к словарю языка философа, модель которого проектируется в настоящей работе.

Типология авторских словарей строится на многих векторах описания, в числе которых: источники словаря, лексикографическая форма, полнота охвата текстов, формирование корпуса, лексикографическая обработка единиц словника и др.

На основе сравнительно-сопоставительного анализа более чем 170 авторских словарей, написанных на разных языках, О. М. Карпова выделяет основные признаки, определяющие тип авторского справочника.

По степени охвата творчества авторские словари делятся на словари ко всему творчеству и к отдельным произведениям. По лексикографической форме типология предполагает деление на конкордансы (словоуказатели с представлением всех или отобранных по тому или иному признаку контекстов), индексы (с фиксацией количества употреблений всех или определенных типов словарей), глоссарии (собрания непонятных потенциальному читателю слов и выражений) и толковые. Кроме того, авторские словари классифицируются по признакам полноты/дифференциальности словника, разработки значения, иллюстративного материала, грамматической и стилистической квалификации лексики [Карпова 1989: 7-8].

В. В. Дубичинский отмечает относительность и комплексность выделения критериев типологии: «Словари ко всему творчеству и отдельным произведениям могут быть представлены в форме конкорданса, глоссария, индекса и толкового словаря, которые, в свою очередь, могут быть полными и дифференциальными по словнику, разработке значения, иллюстративным примерам и грамматико-стилистической характеристике» [Дубичинский 2009: 174].

В монографии Л. Л. Шестаковой [Шестакова 2011] представлен подробный анализ существующих типологий словарей, в которых определяется (или не определяется) место авторских справочников. Принимая

авторский словарь за особый словарный тип в составе общей словарной типологии, Л. Л. Шестакова предлагает собственную классификацию конкретной группы словарей – словарей языка русских писателей. Эта классификация строится с учетом существующих типологий, жанров авторских словарей и основных тенденций в развитии современной авторской лексикографии.

Типология представляет собой «систему координат из 12 взаимодополняющих признаков, путем сочетания которых можно квалифицировать тот или иной словарь (в том числе — любой проектируемый)» [Шестакова 2011: 52].

Авторские словари подразделяются на следующие типы:

«<1> по характеру отражаемых сведений о слове или реалии — на филологические (лингвистические) и энциклопедические;

<2> по количеству описываемых авторов — на монографические (одноавторские) и сводные (многоавторские);

<3> по охвату описываемого материала — на полные (авторские тезаурусы) и неполные, дифференциальные; в иных терминах — общие и частные;

<4> по основному объекту описания — на словари языка авторов (словари-справочники, имеющие историко-языковую, нормативную направленность), словари стиля (описывающие семантико-стилистические черты творчества автора), словари поэтики;

<5> по основной цели описания — на регистрирующие, фиксирующие и переводные;

<6> по единице описания — на словари с заголовочной единицей, равной слову (словоформе), и заголовочной единицей больше или меньше слова (словари сочетаний, устойчивых выражений, цитат; морфем);

<7> по способам описания — на одно-, двух- и многопараметровые словари;

<8> по расположению заголовочных единиц — на алфавитные и

неалфавитные;

<9> по числу языков — на одноязычные, двуязычные и многоязычные;

<10> по временной перспективе — исторические (построенные на материале источников прошлых эпох) и современные (построенные на материале произведений современных авторов);

<11> по функции и по адресату — на словари с научно-описательной ориентацией, словари с учебной направленностью и словари, адресованные широкому кругу читателей;

<12> по типу информационного носителя — на книгопечатные («бумажные») и электронные (цифровые)» [Шестакова 2011: 52 — 55].

Основные составляющие данной типологии использованы при проектировании модели авторского словаря Н. Ф. Федорова; кроме того, перспективы описания фрагмента идиолексикона личности философа предполагают опору на типологию Е. Л. Гинзбурга и Ю. Н. Караулова, которая мыслится авторами в трехмерном понятийном пространстве идей лексикографической параметризации личности, «языковой личности и ее структурной организации» и противопоставления «говорящий vs. слушающий» [Гинзбург, Караулов 2003: 5-16]. Проектируемый нами словарь относится ко второму типу: словари, лексикографирующие единицы когнитивного уровня в структуре языковой личности.

С точки зрения периодизации авторской лексикографии для нашего исследования важен современный этап, начинающейся с 90-х годов до сегодняшнего момента, когда словари языка писателей становятся инструментом анализа художественного мира автора и его идиостиля. В этот период открылось новое направление: лексикографическое описание нехудожественных текстов, к которому относится и словарь терминов русского философа-космиста Н. Ф. Федорова.

§ 5. Макро- и микроструктура словаря авторской философской терминологии (на материале «Философии общего дела»

Н. Ф. Федорова)

Характерные черты словоупотребления автора «Философии общего дела» детально и глубоко охарактеризованы в уже цитировавшейся статье Л. Л. Шестаковой «О языке произведений Н. Ф. Федорова» [Шестакова 2010], отдельные термины включены в анализ типологических черт русского философского текста Н. М. Азаровой [Азарова 2010], кроме того, один из основных авторских терминов Н. Ф. Федорова — *супраморализм* — представлен в кратком аннотированном указателе Л. М. Грановской и М. А. Алиева [Грановская, Алиев 2013].

Работ, посвященных целостному анализу языка федоровских текстов, в русской лингвистической литературе нет. Это дает основание полагать, что процесс интеллектуального освоения трудов Н. Ф. Федорова нельзя считать состоявшимся и хотя бы в какой-то мере завершенным: терминосистема Федорова не описана как единое целое, хотя отдельные термины и понятия отражены в статьях и монографиях.

Заметим также, что авторские философские термины Н. Ф. Федорова не представлены в Большой словарной картотеке Института лингвистических исследований Российской академии наук.

Все это обусловливает особый интерес к лексикографическому представлению авторской философской терминологии Н. Ф. Федорова, в основе которого лежит не обычное, а оформленное по законам лингвистического описания прочтение авторского текста.

Системное описание и упорядочение терминотворчества в области русской религиозно-философской мысли связаны прежде всего с вопросом об авторском характере анализируемых единиц, определяемом на основе лингвистического и экстралингвистического факторов.

Перечислим основные типы терминов, входящие в словник проектируемого словаря:

1) авторские неологизмы, образованные словообразовательным

способом (сложение русских и греко-латинских элементов; аффиксация);

2) дефисные комплексы разных моделей;

3) авторские неологизмы, образованные синтаксическим способом;

4) авторские неологизмы, образованные семантическим способом в его разновидностях: терминологизация общеязыковой лексемы, транстерминологизация (переосмысление философских, теологических и научных терминов).

На наш взгляд, понятие «авторский философский термин» имеет множество точек соприкосновения с понятием «идиоглосса» (ключевое слово в широком смысле), введенным Ю. Н. Карауловым для описания языковой личности Ф. М. Достоевского: подобно идиоглоссе, авторский термин обладает «потенцией раскрыть читателю не только то, какой мир воссоздает автор, но и то, как он это делает» [Караулов 2009: 219].

Это дает нам возможность предположить, что словарь авторских терминов Н. Ф. Федорова относится к особому типу словарей, которые в типологии Ю. Н. Караулова и Е. Л. Гинзбурга обозначены как «Словари, лексикографирующие единицы когнитивного уровня в структуре языковой личности»: «Как правило, лексикографические параметры когнитивного уровня описываются в словарях совместно с вербально-грамматическими параметрами. Пожалуй, скорее исключением, чем правилом, выглядит на этом фоне авторский терминологический словарь, – если это философский словарь терминов общественного устройства (и переустройства мира)» [Караулов, Гинзбург 2003: 10].

Характер лексикографируемых единиц определяет образ и структуру философского терминологического словаря, который должен отражать элементы авторского мира – единицы когнитивного уровня в структуре языковой личности автора «Философии общего дела».

Типология Л. Л. Шестаковой [Шестакова 2010: 53] позволяет сформировать следующие принципы лексикографического описания авторских философских терминов.

По основному объекту описания словарь задуман как словарь языка автора; точнее, как словарь авторских философских терминов;

по основной цели описания — регистрирующий и объяснительный;

по единице описания — словарь с заголовочной единицей, равной слову или словосочетанию;

по характеру представляемых сведений — лингвистический с элементами энциклопедического;

по количеству авторов — монографический;

по охвату материала — дифференциальный;

по способам наполнения словарной статьи — многопараметровый;

по расположению заголовочных единиц — алфавитный (с элементами идеографического);

по временной перспективе — исторический, или диахронный, так как построен на материале произведений автора прошлой эпохи;

по функции и адресату — словарь с научно-описательной ориентацией, адресованный специалистам: филологам, философам, литературоведам;

по типу информационного носителя — электронный.

В качестве текстовой базы словаря используется собрание сочинений Н. Ф. Федорова в четырех томах (составление, подготовка текста и комментарии А. Г. Гачевой и С. Г. Семеновой), бумажная и электронная версии, а также оффлайновый ресурс «Библиотека лексикографа» А. А. Бурыкина [Бурыкин 2012 - 2017]. Высокое качество обработки текстового материала делает эти ресурсы надежной основой лексикографического описания авторской терминологической лексики Н. Ф. Федорова.

Кроме терминосоздающих текстов, то есть самих текстов произведений Н. Ф. Федорова, при формировании словника и составлении толкований используются терминофиксирующие и терминоиспользующие тексты. К источникам первого типа относятся немногочисленные словари и

энциклопедии, в которых есть отражение философского мировоззрения Н. Ф. Федорова: уже упоминавшиеся нами энциклопедия «Русская философия» под ред. М. А. Маслина [2007] и «Краткий аннотированный указатель философских терминов и понятий» Л. М. Грановской и М. А. Алиева [2013б].

К терминоиспользующим текстам относятся научные и научно-популярные работы, связанные с тематикой «Философии общего дела», проблематикой философского космизма, воскрешения и бессмертия.

Характеристика *макроструктуры* словаря предполагает также объем и строение словника и принцип расположения заголовочных единиц.

Словник включает 150 терминов, выборка которых осуществлялась на основе следующего принципа: это терминологические лексемы, которые отражают ключевые идеи миропонимания Н. Ф. Федорова и без которых невозможны понимание и усвоение его философского мировоззрения. Данные о ядре терминологической системы Н. Ф. Федорова извлекались из аналитической философской литературы, для отбора периферийных и редких терминов использовался трудоемкий метод сплошной вычитки текста собрания сочинений. В качестве дополнительных факторов отбора языковой единицы выступали вынос в позицию заголовка, включение в состав заголовка и подзаголовка, частота употребления, а также наличие авторской дефиниции. Слова с единичным показателем частоты, по форме напоминающие термины, признаются терминологическими глоссами, но не подлежат включению в словник (например, *патрофагия, хаософрафия, фратрология*).

Система терминов, которую использует Н. Ф. Федоров, может быть описана теоретически как по́левое образование, в центре которого сосредоточены важнейшие авторские термины *(супраморализм, психократия, патрофикация).* В ядерную зону входят также термины философии и некоторых других областей знания, творчески переосмысленные Н. Ф. Федоровым: *Пасха, имманентное воскрешение, регуляция природы, сыны, отцы, психократия, музей, родственность/неродственность.*

На периферии поля — философские термины и термины других наук, используемые в обычных, нетрансформированных значениях.

Однако попытку идеографического представления терминологической системы Н. Ф. Федорова осуществить не удалось ввиду особой сложности тематизации философских терминов неклассификационной природы. Поэтому основной способ подачи материала — алфавитный, но в каждой статье должны быть отражены синтагматические, парадигматические и деривационные связи, что дает проекцию на полевую структуру организации терминосистемы. Кроме того, предполагается парная подача дихотомически связанных терминов *(совершеннолетие — несовершеннолетие, родство — неродственность),* так как они относятся к одному участку философской картины мира и тезауруса автора.

Микроструктура словарной статьи определяется характером лексикографируемого материала. Открывает словарную статью заголовочное слово (словосочетание) в начальной форме, сопровождающееся, в случае необходимости, дополнительной информацией о наличии вариантов, о написании слова с прописной или/и строчной букв, а также о частоте употребления слова. Эта зона словарной статьи может быть проиллюстрирована следующими примерами:

РОДСТВО *(вариант: сродство). Частота: 284.*

ИДОЛОЛАТРИЯ *(вариант: идололятрия). Частота: 8.*

ВОСТАНИЕ *(вариант: самовостание). Частота: 50.*

Первоначально информация о частоте употребления лексемы извлекалась «вручную», методом поиска по электронному варианту собрания сочинений. На последующем этапе стала доступна электронная база С. Т. Петрова (РГГУ), предоставленная составителем всем участникам поддержанного РФИИ проекта «Н.Ф. Федоров. Энциклопедия с онлайн-версией» (руководитель А. Г. Гачева).

Следующий раздел в составе словарной статьи — указание на тип термина с точки зрения терминообразования. Этот квант лексикографической

информации призван создать у читателя представление об основных путях формирования терминосистемы и принципах терминологического творчества автора.

Например:

ИДЕОЛАТРИЯ. *Словообразовательный неологизм (по аналогии с ИДОЛОЛАТРИЯ от греч. Eidololatreia).*

В случае переосмысления статья включает для сравнения общеязыковые значения лексем, к примеру: ***УНИВЕРСИТЕТ***. *Переосмысление общеупотребительного слова, ср:* **УНИВЕРСИТЕ́Т**, -а, *м.***1.** Высшее учебно-научное заведение с различными гуманитарными и естественно-математическими отделениями (факультетами). *Ленинградский государственный университет. Поступить в университет.* □ *— Позвольте спросить, где вы кончили курс? — В здешнем университете.* Чернышевский, Алферьев. **2.** В составе названий учебных учреждений по повышению общеобразовательных и научно-политических знаний. *Вечерний университет марксизма-ленинизма. Народный университет культуры.* [От лат. universitas, universitatis — совокупность] [МАС. Т.4 : 157].

ПАСХА. *Переосмысление богословского термина, ср.:* Пасха, и, ж. [от евр. Pesah 'пощада, милование'] Главный праздник православной церкви в честь воскресения Иисуса Христа, светлое Христово воскресенье. «*Праздник Пасхи был установлен и праздновался уже в апостольской Церкви. Он начался с самого времени воскресения Христова торжеством апостолов, которые и заповедовали праздновать его всем верующим.* Булгаков С. Православие. <...>*Пасха — центральный праздник всех христиан: если бы Христос не воскрес, не было бы и у нас надежды на спасение»*[6].

Следующая (факультативная) зона словарной статьи может быть названа зоной энциклопедических справок. Справка приводится в том случае, если значение общеязыковой или терминологической лексемы, переосмысляемой Н. Ф. Федоровым, может быть неизвестно потенциальному

[6] azbyka.ru/otechnik/

читателю, например:

АНТИПАСХА. ***Справ***. *Православный праздник, празднуемый в следующее воскресенье после Пасхи. День, завершающий пасхальную седмицу, является своеобразным повторением Пасхального дня, воспоминанием о Христовом Воскресении. «Установлен в ознаменование двух явлений воскресшего Иисуса Христа апостолам; во время первого явления апостол Фома отсутствовал и усомнился в воскресении: "...если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра его, не поверю" (Ин. 20: 25–28). Через восемь дней, увидев Иисуса и услышав слова 'Не будь неверующим, но будь верующим', Фома обрел веру»*[7]

КОПЕРНИКАНСКИЙ. Справ. *Под коперниканской революцией, или коперниканским переворотом, понимается смена парадигм с Птолемеевской геоцентрической модели мироздания (Земля — центр вселенной) на гелиоцентрическую модель с Солнцем в центре солнечной системы* [Полякова, Кимелев 1988: 78].

Центральная часть словарной статьи — зона толкований. Поскольку дефиниция философского термина является одной из самых сложных задач для составителя, необходимо подробно охарактеризовать способы толкования в словаре авторской терминологии.

Первый этап сбора информации о значении терминологической лексемы — составление конкорданса к каждой из них. Конкорданс (словоуказатель с перечислением всех или выборочных контекстов из произведений одного автора или группы авторов) — один из основных жанров авторской лексикографии. Однако в нашем исследовании составление конкорданса используется как продуктивная методика работы с отобранным текстовым материалом, на основе которого производится контекстуальный анализ.

Сложность описания философских терминов во многом обусловлена многоаспектностью этих единиц, диффузностью их семантики и отсутствием краткой авторской дефиниции. Термины русского религиозно-философского

[7] azbyka.ru/biblia

дискурса, как уже неоднократно отмечалось, определяются целым текстом, в рамках которого происходит своеобразный «рост терминологичности» анализируемых единиц. Еще одно важное свойство философского термина, которое нужно учитывать при его лексикографическом представлении, — многопризнаковость, которая проявляется, в частности, в наличии в текстовых дефинициях нескольких (реже многих) равноправных родовых идентификаторов, соотносящихся с разными сторонами полиморфного термина, в текстовой семантизации лексемы.

Как правило, такие семантические комплексы образуют ключевые термины авторской терминосистемы; в идиолекте Н. Ф. Федорова к таковым можно отнести лексемы *пасха (Пасха), супраморализм, психократия, родство, музей, храм* и некоторые другие. Дефинирование таких лексем представляет особую сложность и требует кропотливого и углубленного анализа многочисленных контекстов, как это показано выше на примере термина *супраморализм*.

Дефиниции терминов составлены на основе авторских контекстуальных определений. Особенность толкований состоит в том, что в них — по мере возможности — включены многочисленные цитаты из произведений самого Н. Ф. Федорова. Закавыченные цитаты входят непосредственно в «тело толкования» без указания тома и страниц.

При составлении толкований использован материал комментариев, написанных составителями четырехтомного собрания сочинений Н. Ф. Федорова А. Г. Гачевой и С. Г. Семеновой.

Основная сложность лексикографической обработки текста связана с необходимостью «конвертации» неаксиоматического контекстуального определения («определения через употребление») в родовидовое, или классифицирующее. Лексикограф должен выбрать то количество признаков, которое является необходимым и достаточным для идентификации термина, для «очерчивания» стоящего за ним понятия. Остальные признаки, относящиеся к области энциклопедических сведений о сигнификате, могут

содержаться в иллюстративном материале.

Кроме того, при составлении словаря авторской терминологии важно учитывать качественный полиморфизм философской терминологической лексики. Вслед за С. Д. Шеловым, мы рассматриваем качественно полиморфное определяющее выражение как «толкование, отличающееся от строгого определения (собственно определения) именно возможностью нескольких различных интерпретаций, меняющих соответствующий понятийный (а если необходимо, то и терминологический) аппарат» [Шелов 2003: 83].

Речь идет о качественном полиморфизме дефиниции, при котором допускается различная интерпретация понятий, обусловленная интенсиональной открытостью термина.

Рассмотрим процесс мыслительного «перехода» от конкорданса к словарной дефиниции. Для того чтобы еще раз продемонстрировать сложность составления дефиниции, связанную с качественным полиморфизмом и многоаспектностью авторского философского термина, сопоставим конкорданс (все контексты употребления слова в произведениях Н. Ф. Федорова) и конечный результат — толкование к авторскому термину *востание*. Это необычный орфографический неологизм, написание которого комментирует в примечаниях к статье Н. Ф. Федорова «Две противоположности» В. А. Кожевников: «Николай Федорович упорно отказывался писать это слово в обычной форме «восстание», не желая даже одною буквою сближать это, священное для него понятие с неприемлемым им понятием враждебного действия, бунта, междоусобия — восстания» [Кожевников 2004: 344]. В микротекстах, входящих в конкорданс, выделены лексемы, значения которых связаны с родовым идентификатором значения. Это рабочие материалы к словарю; в круглых скобках — указание на том и страницу электронного варианта Собрания сочинений Н. Ф. Федорова.

«Востание, сделавшееся постоянным, проявляющееся в непрерывной

бдительности, наблюдательности и непрерывной работе, заменяющей даровое трудовым, выражает не положение только, но этим востанием даются уже средства, направление, смысл и цель, им открывается осознание себя сыном человеческим» (Федоров: 1, 116)

«Греческое слово «анастасис», имеющее отвлеченный смысл "востание", у нас при принятии христианства переведено словом воскресение; производилось это последнее слово и от "крест" и от "крещение", но тогда же найден был и истинный его корень — "крест"» (Федоров: 1, 329).

«Для христианства это востание есть высший долг, общее дело, выражаемое литургиею <...> В вертикальном положении (человека) и в его искажении, сторожевом положении, даны две религии. Вертикальное положение, как выражение отсутствия вражды и присутствия желания мира, и сторожевое положение, как выражение вражды, относятся между собою, как христианство к исламу и к язычеству, воплощениям розни. Христианство создало храм, а ислам — крепость; цель первого — оживление, второго — только охрана праха» (Федоров: 2, 229).

«Начиная от первого востания человека или вертикального его положения, боль утраты самых близких существ заставила понесшего утрату поднять лицо, обратиться им и всем существом своим к небу; и такое положение есть выражение уже религиозного чувства и пробужденной мысли, запечатлеваемых искусством» (Федоров: 2, 247).

«Если с началом мира начинается и кончина, падение его, то вместе с человеком начинается востание. Само вертикальное положение человека есть уже противодействие падению. Все строения, возводимые человеком, вся архитектура и скульптура суть выражения того же востания, подъема

мысленного и материального (аэростат)» (Федоров: 2, 261).

«Начало человечества тесно связано с сознанием смертности и с проявлением этого сознания в стремлении к замене естественного, само собой рождающегося, самодеятельностью, требующей объединения существ; первый же акт самодеятельности человека есть вертикальное его положение. Этим именно положением человек, не лишая себя органов необходимой опоры и перемещения, дал себе и органы самодеятельности. То были органы не хватания, терзания, истребления, а органы созидания; совершенство их состоит в том, чтобы ничего не разрушать, а все разрушенное воссоздать. Воставши, приняв вертикальное положение, человек мог обозреть все, что над ним и кругом его, и вывод из этого обозрения целого и частей сделать средством жизни» (Федоров: 2, 266).

«Значение храма выясняется из самого его происхождения, происхождение же храма тождественно с происхождением самого человека, с его востанием, первым подъемом (после падения), или вертикальным положением. Востав, человек, или сын человеческий, не оставил умерших отцов, скрытых в земле по физической необходимости, там лежащими, а представил их выходящими из земли (памятник-храм) и населяющими небо (свод храма)» (Федоров: 3, 18).

«Вертикальное положение есть востание и обращение взоров (или лиц) всех сынов человеческих к небу (<к> Богу отцов), созидая на земле подобие Богу и отцам в виде памятника или храма» (Федоров: 3, 71).

«Если Воскресение есть попрание смерти, следовательно, всеобщее воскресение, а кремлевские храмы, наполненные гробами и мощами, суть могильные пещеры, то только сам Кремль и может быть храмом поражения и попрания смерти и востания умерших» (Федоров: 3, 75).

«Началом литургии должно быть востание и соединение в общем, хоровом, братском хороводе сынов умерших отцов, мнящем своим круговым ходом быть оживляющим солнцеводом, — конечно, это только мнимый солнцевод вместо действительного землевода» (Федоров: 3, 275).

«Сознание, связанное с вертикальным положением, с востанием, было сознанием противодействия падению, т. е. Супраморализм явился вместе с человеком, был первым стремлением, чувством, волей и мыслию, притом небесными» (Федоров: 3, 291).

«Православная служба начинается требованием востания, ибо востание относится не к живущим только, но и умершим, и востание первых нужно для воскрешения последних. [Востание] есть уже начало дела, и самое стояние не есть полное бездействие, а противодействие падению, покою» (Федоров: 3, 379).

«Самое существование человека есть постоянное нарушение законов нечеловеческой, бесчеловечной природы. Вертикальное положение есть нарушение, востание против коренного закона всемирного тяготения» (Федоров: 3, 447).

Повторяющийся смысловой компонент позволяет выделить идентификатор *«вертикальное положение»,* или *«принятие вертикального положения»,* противопоставленного «горизонтальному положению» (смерть и не-человек) и сторожевому (выражение вражды); это также противодействие физическому падению и падению как этической категории («такое положение есть выражение уже религиозного чувства и пробужденной мысли»). Видовые признаки связаны с общей идеей федоровского учения и обозначают разные его аспекты: составная часть супраморализма («начало дела», «высший долг» «обращение взоров к небу»), первый этап «создания человека чрез самого

него», переход к самодеятельности и созиданию (функциональный аспект) с целью воскрешения отцов и преодоления смерти (попрание смерти).

Таким образом, востание – это переход человека в вертикальное положение как «противодействие падению (т.е. супраморализм)», «начало дела», первый этап «создания человека чрез самого него», «выражение уже религиозного чувства и пробужденной мысли», переход к созиданию и воссозиданию – воскрешению отцов через «попрание смерти».

За зоной толкования следует иллюстративный материал (зона иллюстраций) — цитаты, снабженные отсылкой к тому и страницам цитируемого источника. Зона иллюстраций, сопровождающая дефиницию, включает несколько цитат, которые позволяют оправдать включение лексемы в словарь, а также уточняют и значительно дополняют понятийное содержание терминологических лексем.

Заключительные зоны словарной статьи — сведения о сочетаемости (С:), парадигматических (П:) и деривационных (Д:) связях описываемой лексемы. Эти зоны позволяют сделать лингвистическую информацию о слове более «объемной» и одновременно помогают представить место термина в полевой структуре авторской терминосистемы и оценить его роль в лексической структуре текста. В зоне сочетаемости (С:) представлены наиболее важные и часто встречающиеся синтагматические партнеры лексикографируемого слова. В зону парадигматики (П:) входят антонимы, синонимы, в том числе текстовые; неточные синонимы или аналоги, а также члены текстовых гиперо-гипонимических рядов.

В заключительной части настоящего раздела проводятся примеры словарных статей, содержащих лингвистическую информацию о разнотипных единицах авторской терминологической системы Н.Ф. Федорова:

СУПРАМОРАЛИЗМ. Частота: 107. Тип: словообразовательный неологизм; от лат. supra и лат. Moralis; сложение + аффиксация.

Значение: центральное понятие мировоззрения Н. Ф. Федорова, проект будущего объединения всех живущих «сынов» в православной вере с целью регуляции природных процессов и всеобщего воскрешения; раскрывается автором через изложение двенадцати пасхальных вопросов; «Синтез двух разумов (теоретического и практического) и трех предметов знания и дела (Бог, человек и природа, из которых человек является орудием божественного разума и сам становится разумом вселенной), а вместе и синтез науки и искусства в религии, отождествляемой с Пасхою как великим праздником и великим делом» (Федоров: 1, 388).

Иллюстрации:

***«Супраморализм** — это вопрос о двух рознях и о двух объединениях; вопрос о двух рознях, т. е. о внешней розни — богатых и бедных и о розни внутренней — об ученых и неученых (о двух разумах), разрешаемый чрез замену вопроса о всеобщем обогащении вопросом о всеобщем возвращении жизни, т. е. чрез замену нашей искусственной жизни, искусственного дела, делом естественным, творимым в нас самою природою, проходящею чрез нас в сознание» (Федоров: 1, 419).*

***«Супраморализм** — это долг к отцам-предкам, воскрешение, как самая высшая и безусловно всеобщая нравственность, нравственность естественная для разумных и чувствующих существ, от исполнения которой, т. е. долга воскрешения, зависит судьба человеческого рода» (Федоров: 1, 421).*

***«Супраморализм** излагается в Пасхальных вопросах[2], которые обращаются ко всем живущим, ко всем сынам, наделенным способностью познавания, т. е. такой способностью, которая дает силу даровое заменять трудовым. Вопросы эти требуют, чтобы все рожденные поняли и почувствовали, что рождение есть принятие, взятие жизни от отцов, т. е. лишение отцов жизни, откуда и вытекает долг воскрешения отцов, который сынам дает бессмертие» (Федоров: 1, 423).*

С: выражение с-ма, заповедь с-ма, переход к с-му; конкретный,

эстетический; выразился, превращает, требует (рая), может (объединить), излагается в...., основан на...

П: долг, нравственность, естественное дело, активное христианство, родство, Пасха, Пасхальные вопросы, наибольшая заповедь, проект, (высшая) нравственность, сверхнаука, сверхискусство, супралегальность; гегелианизм, имморализм, имморализм Ницше, имморализм Толстого, мистицизм, мистицизм Достоевского, мистицизм славянофилов, псевдоморализм Канта; всеобщий синтез, всеобщее объединение.

Д: супраморалистический.

БРАТСТВО, см. РОДСТВО, НЕБРАТСТВО. Частота: **460**. **Тип:** переосмысление общеупотребительной лексемы.

Значение: то же, что родство; одно из центральных понятий мировоззрения Н. Ф. Федорова, противопоставляемое небратству и неродственности; положительная характеристика сферы межличностных отношений и этико-космическая категория; сознательное сосуществование людей по высшему принципу «со всеми и для всех» в общем деле регуляции природы, освоения космоса и воскрешения умерших.

Иллюстрации:

*«Таково общее значение вопроса о небратстве, а отсюда следует, что смысл **братства** заключается в объединении всех в общем деле обращения слепой силы природы в орудие разума всего человеческого рода для возвращения вытесненного»* (Федоров: 1, 39).

*«Тогда только, когда государство станет объединением не внешним, а внутренним, на взаимопознании и взаимочувствовании основанном, короче, — когда государство станет **братством**, тогда только явится оно непротивлением воле Бога Триединого, станет связью людей с Богом, — «религией», тождественной с знанием, правящим силою слепою, превращающим ее из рождающей и умерщвляющей в воссозидающую и оживляющую, — и с искусством, искусством не творения мертвых и*

тленных подобий, а воссоздания умерших отцов к жизни бессмертной» (Федоров: 2, 113).

П: небратство, неродственность, родство, братотворение, объединение, отечество.

С: вопрос о Б., Б. живущих, истинное Б., Б. Отцов., Б. Сынов, смысл Б.

Д: небратство, братский, братственность, братотворение.

ВОСКРЕШЕНИЕ. Частота: более 1000. **Тип**: переосмысление библейского понятия «воскрешение мертвых», воскресение.

Справ: Воскресение — восстание из мертвых, оживотворение. <...>. Иногда значит самое искупление, или жизнь бессмертную, имеющую последовать за воскресением...» (Дьяченко 2001: 98).

Значение: центральное понятие «Философии общего дела»; возвращение земной жизни умершим предкам, совершаемое «всеми силами и способностями всех сынов человеческих» и исполняющее завет Иисуса Христа о «соединении небесного с земным, божественного с человеческим»; всеобщее имманентное воскрешение противопоставляется библейскому трансцендентому воскресению спасенных.

Иллюстрации:

*«**Воскрешение** есть полное выражение совершеннолетия, выход из школы; оно требует общества самостоятельных лиц, сынов, участвующих в общем деле воскрешения отцов. С воспитанием кончается дело отцов, родителей, и начинается дело сынов — воскресителей. В рождении и воспитании родители отдают свою жизнь детям, а в деле **воскрешения** начинается возвращение жизни родителям, в чем и выражается совершеннолетие»* (Федоров: 1, 51).

«Вместе с тем XIX век есть прямой вывод, настоящий сын предшествовавших ему веков, прямое последствие разделения небесного от земного, т. е. полное искажение христианства, завет которого заключается именно в соединении небесного с земным, божественного с человеческим;

*всеобщее же **воскрешение**, **воскрешение** имманентное, всем сердцем, всею мыслию, всеми действиями, т. е. всеми силами и способностями всех сынов человеческих совершаемое и есть исполнение этого завета Христа — Сына Божия и вместе Сына Человеческого»* (Федоров: 1, 61).

П: воскресение, бессмертие, воскресенье гнева, одухотворение, оживление, отцетворение, патрофикация.

С: мнимое, действительное, всеобщее, имманентное, художественное (история), сознательное, личное, дело В.

Д: Воскресители**.**

5. ДЕТСТВЕННОСТЬ, с прописной и строчной букв. **Частота: 32. Тип**: словообразовательный авторский неологизм. **Спр**: нет в НКРЯ.

Значение: одна из базовых этических категорий супраморализма; разновидность родства; осознание людьми самих себя сынами и дочерьми умерших отцов.

Иллюстрации:

*«Субъектом Пасхи, Пасхального вопроса о всеобщем возвращении жизни — служит **Детственность**, сыновство и родство вообще. Сыны и дочери человеческие — сыны и дочери умерших отцов. Учение о Троице или о Сыне и Духе и их преданности или единстве с Отцем — О Боге отцов — Самодержавие»* (Федоров: 3, 312).

*«Из этого изложения очевидно, что сущность **Детственности** заключается в отрицании чуждости, в чем бы она ни проявлялась (розни), и в полном утверждении или признании родственности. Для дитяти все мужчины — братья отца и все женщины — сестры матери»* (Федоров: 3, 316).

*«Со старческой точки зрения Запада, это, конечно, взгляд ребяческий; на самом же деле он — детский, детственный; а не напрасно ведь было сказано: «Будьте как дети!», и именно **детственность** поставлена условием вступления в Царство Небесное»* (Федоров: 2, 121).

П: сыновство, родство, женственность, примитивность, родственность, свойство, чуждость.

С: значение Д., сущность Д., утрата Д., учение о Д., чистая Д.

Д: приснодетственность.

ИДЕОЛАТРИЯ, и, ж., вариант: идеолятрия. **Ср: ИДОЛОЛАТРИЯ. Частота: 16. Тип:** словообразовательный неологизм.

Справ: ИДИОЛАТРИЯ (греч. idios - себя, latreno - поклоняюсь). Обоготворение самого себя (*Чудинов 1910: 149)*.

Значение: Излишнее преклонение перед идеями в ущерб действию: «культ идей»; «обожествление мысли только и отрицание дела», отрицание истинной религии.

Иллюстрации:

«Если обряд есть мертвое, безжизненное действие, то и догмат, не проявляющийся во вне, в жизни, в деле, есть неживая мысль. Культ идей есть также идололатрия, или, точнее, ***идеолатрия*** *— порок ученого сословия. (****Идеолатрия*** *одних обусловливает идололатрию других. Придавать важность и действительность мыслимому только, мнимому, задуманному, — значит ли пребывать в истине, быть совершеннолетним человеком?»* (Федоров: 1, 335).

«Анафемы нужно обращать не на лица, а на *мысли* и *догматы*, как ***идеолатрия***, препятствующая *единомыслию*, и на *бездействие*, увековечивающее рознь — разномыслие; единомыслие дается только общим священным делом, и истинное православие состоит в сокрушении, *в печаловании* о разъединении» (Федоров: 1, 379).

«Гордый своею ***Идеолатриею*** *(философия есть идеолатрия), Соловьев снисходительно-презрительно относится к Идололятрии, которую видит в Православии, которое, однако, так же далеко от Идололятрии, как и от* ***Идеолатрии****»* (Федоров: 1, 58).

П: идололатрия, мысль, культ идей. догматы, философия, единомыслие,

разномыслие, знание ученых, религия города, порок (учёного сословия).

С: И. в религии, мертвая.

ИДОЛОЛАТРИЯ, вариант: идололятрия. **Ср: ИДЕОЛАТРИЯ. Частота: 16. Тип:** частичное переосмысление значения заимствованного слова (греч. Eidololatreia).

Справ: ИДОЛОЛАТРИЯ, и, *ж. Идолопоклонство.* Едва отечество наше насильством оных варвар <татар> не возвратилось идололатрии, или босурманскому их зловѣрию не совратилось. УМ Предисл. 3. — Ср. *Идолослужение.* (Словарь русского языка XVIII века. Вып. 8. 1995).

Значение: Искажение истинной религии — культа предков; «преклонение пред кумирами, изображающими сильные силы, вместо управления ими»; «недействительное воскресение».

Иллюстрации:

«Нет других религий, кроме культа предков; все же другие культы суть только искажения (идололатрия) или отрицание (идеолатрия) истинной религии; к таким искажениям относится и еврейство, как самое исключительное ограничение всемирности культа предков» (Федоров: 1, 68).

«Истинная религия, религия самодержавия, есть не идеолатрия, т. е. не обожествление мысли только и отрицание дела, но и не идололатрия, т. е. не обожествление слепой силы, не преклонение перед нею и всякого рода вещами рукотворными и нерукотворными…» (Федоров: 2, 36).

П: идеолатрия, идолопоклонство, обожествление слепой силы, преклонение (перед всякого рода вещами), религия села, деизм, мертвая религия, недействительное воскресение, гуманизм.

КОПЕРНИКАНСКИЙ, КОЛУМБО-КОПЕРНИКАНСКИЙ. Частота: 169. Тип: частичное переосмысление значения.

Справ: Под коперниканской революцией, или коперниканским переворотом, понимается смена парадигм с Птолемеевской геоцентрической

модели мироздания (Земля — центр вселенной) на гелиоцентрическую модель с Солнцем в центре солнечной системы (Kuhn 2000: 176).

Значение: искусство, архитектура, мировоззрение, воплощающие гелиоцентрическую картину мира и «обращающие человека из созерцателя в деятеля», стремящегося преодолеть силы властвующей над ним несовершенной природы.

Иллюстрации:

«В птоломеевой системе земля хотя и занимает центральное место, но по своей низшей природе не составляет центра мировой деятельности и ограничивается лишь страдательным созерцанием ее в лице своих обитателей. По ***коперниканской*** *же системе, и небесные тела той же земной, телесной, несовершенной природы, тяготеющей, властвующей над нами, недовольство коею и есть двигатель человечества, двигатель человеческой мысли, человеческой деятельности»* (Федоров: 1, 182).

«Переходом от искусства подобия к искусству действительности, от искусства птоломеевского к искусству ***коперниканскому****, должен служить музей всех наук, соединенных в астрономии, т. е. музей с вышкою и в связи с храмом-школою, — с вышкою для наблюдений над падающими звездами, т. е. для наблюдений над продолжающимся строением мира, а вместе и падением его, а также и для наблюдений метеорических, переходящих в опыт, в действие, чрез обращение военного искусства в естествоиспытательное»* (Федоров: 2, 248).

«Коперниканская *система обращает человека из созерцателя в деятеля, а в мире видит слепую силу, признает мир силою слепою.* ***Коперниканская*** *система есть гипотеза, которая может получить подтверждение и полную, осязательную, доказательную силу лишь чрез постепенное и последовательное воскрешение всех прежде живших поколений»* (Федоров : 2, 250).

П: птоломеевский (-), птоломеев (-), действительное.

С: искусство, вопрос, мировоззрение, система, архитектура, астрономия,

храм, учение, гипотеза.

МНОГОЕДИНСТВО, с прописной и строчной букв. **Частота 51. Тип**: словообразовательный неологизм (авторство приписывается Л.П. Карсавину (О сущности православия, 1922), однако у Н. Ф. Федорова слово появилось ранее: работа «Вопрос о братстве...» написана в 1881 г., опубликована в 1906).

Значение: Такой тип сознательного внутреннего и внешнего объединения всех людей «по образу Божественного Триединства», при котором каждый человек становится «образом и подобием Бога» и при котором становятся возможным осуществление истинного родства и спасение через воскрешение.

Иллюстрации:

«Когда все будут чувствовать и сознавать себя во всех и таким образом даже дальние станут близкими, получится ***многоединство****. Страдание и смерть могут побеждать истинное родство (да и то извне лишь, а не извнутри) только до тех пор, пока это* ***многоединое*** *существо не будет управлять внешнею силою»* (Федоров: 2, 212).

«Пост, как общий всех труд, есть путь к достижению ***многоединства*** *как подобия Триединства. Просветимся людие, т. е. души из потемок обратятся в лучезарные, сияющие. Наружность не будет скрывать внутренней глубины. Лицезрение станет душезрением, без чего невозможно* ***Многоединство****. Пасха, как движение от земли к небеси, есть освобождение от прикрепления к земле, и сама земля будет небесным телом, когда будет управляться разумом, чувством и волею»* (Федоров: 3, 324).

«Осуществленное в действительности человеческое ***многоединство*** *или всеединство (мы говорим все-, а не всёединство, желая тем выразить единство личностей, а не отвлеченное всёединство) есть необходимое условие понимания Божественного Триединства»* (Федоров: 1, 90).

П: всеединство, всё-единство, Триединство, подобие Триединства,

родство, самодержавие, согласие.

С: объединение во многоединстве; человеческое многоединство; образец для многоединства; достигнув многоединства; становится многоединством, получится многоединство.

Д: многоединый.

НЕСОВЕРШЕННОЛЕТИЕ. См.: СОВЕРШЕННОЛЕТИЕ. Частота: 173. Тип: переосмысление общеупотребительной лексемы.

Значение: одна из базовых категорий философии Н.Ф. Федорова, наряду с совершеннолетием; обозначение духовной и нравственной неразвитости современного человека, которая выражается в незнании высшего смысла существования и проявляется в «бесцельном существовании, розни, взаимном истреблении», «страсти к мануфактурным игрушкам», «собирании богатства и расточении его» и в неспособности к воскрешению предков; игровой характер современной цивилизации и поведения человека.

Иллюстрации:

«...смерть есть просто результат или выражение ***несовершеннолетия****, несамостоятельной, несамобытной жизни, неспособности к взаимному восстановлению или поддержанию жизни. Люди еще недоросли, полусущества, но полнота личного бытия, личное совершенство возможно только при совершенстве общем»* (Федоров: 1, 108).

«Объединение живущих, т. е. сынов, для воскрешения отцов есть положительное истинное совершеннолетие; тогда как освобождение, эмансипация, мнимая самостоятельность сынов и дочерей есть лишь отрицательное, обманчивое совершеннолетие, замена отцов вечными опекунами, дядьками, — словом, чужими, замена отечества государством, братства — гражданством, замена воскрешения искусством, т. е. забавами, играми; другими словами — это вечное ***несовершеннолетие*** *или бесконечный прогресс»* (Федоров: 1, 142).

«Богатство, страсть к мануфактурным игрушкам обрекает человека

на вечное ***несовершеннолетие****, делает человека из сына и брата гражданином, нуждающимся в надзоре, в угрозах наказанием, ведет к дипломатическим дрязгам, к военным шалостям.* ***Несовершеннолетие*** *не состоит ли в подчинении слепой эволюции, приводящей к восстанию сынов на отцов и к борьбе между братьями, т. е. к депатриации и дефратернизации, а потом к вырождению и вымиранию? Совершеннолетие же не состоит ли в братотворении для отцетворения, т. е. в объединении сынов для возвращения жизни отцам — жертвам борьбы и прогресса, что и выразится в переходе Кремля из крепости, защищавшей прах отцов, и из храма отпевания к внехрамовой литургии, или к воскрешению?»* (Федоров: 1, 437).

«Переход от Игры к Делу есть переход от ***несовершеннолетия*** *к возрасту совершеннолетнему, от обязательного к добровольному. Отсутствие общего дела, участия в нем всех и производит общество несовершеннолетних, которое опеки, власти или дядек не желает, а жить без них не может»* (Федоров: 3, 284).

П: совершеннолетие, Игра, Дело. Смерть, несамостоятельная, несамобытная жизнь, депатриация и дефратернизация.

С: Н. общества; переход от Н. к совершеннолетию; вечное Н. делает человека (из отца и брата) гражданином.

Д: несовершеннолетний.

ПАУПЕРИЗМ (ПАУПЕРИЗМ ИСКУССТВЕННЫЙ и ПАУПЕРИЗМ ЕСТЕСТВЕННЫЙ). Частота: 24. Тип: переосмысление термина.

Справ.: *книжн*. Нищета трудящихся масс в условиях классового общества, основанного на эксплуатации (МАС. Т.3.)

Значение: *искусственный п.* — материальная бедность, недостаточность богатства, экономическая нужда одного человека и человечества в целом; *естественный п.* — крайняя недостаточность питания и здоровья в пределах данного смертному человеку короткого времени

существования, «радикальная необеспеченность человека жизнью».

Иллюстрации:

«Что важнее — общественные ли бедствия (т. е. ***пауперизм искусственный****) или же бедствия общие природные (****пауперизм естественный****). Богатство ли — добро, а бедность — зло, или же жизнь, т. е. жизнь бессмертная, есть истинное добро, а смерть — истинное зло, и в чем состоит наше дело»* (Федоров: 1, 432).

«Вопрос о богатстве и бедности (1-й пасхальный вопрос) по своей неразрешимости должен быть отнесен к вопросам отживающим. ***Искусственный пауперизм*** *и богатство служат источником всех зол и порождают все остальные одиннадцать вопросов»* (Федоров: 1, 444).

«О человеке и нельзя сказать, что он создание природы, напротив — он есть результат именно недосоздания, результат лишений, ***естественногопауперизма***, ***пауперизма****, общего богатым и бедным, всем людям; человек — пролетарий, он — пария в царстве живых существ»* (Федоров: 4, 8).

«Сама же выставка, — первая в XX веке, — осязательно представляющая наше мнимое богатство, под коим кроется действительная (голодная и холодная) бедность, — указывает (для имеющих очи видеть) на неразрешимость вопроса социального, т. е. вопроса об ***искусственномпауперизме****, и выдвигает вопрос о* ***пауперизмеестественном****, или вопрос о смерти и жизни»* (Федоров: 4, 156).

«...первопричина социальной, экономической нужды — ***естественныйпауперизм*** *рода человеческого: голод, болезнь, смерть...»* (Федоров: 4, 530).

П: пасхальный вопрос, жизнь, смерть, бедствия, добро, зло, наше дело, богатство, бедность, богатые, бедные, действительная бедность, мнимое богатство.

С: общественный, природный, социальный, вопрос о П.

Итак, в заключительном параграфе пятой главы представлен проект словаря авторской философской терминологии одного автора — русского философа Н. Ф. Федорова, терминосистема которого как целостное и системное явление не изучена и не описана лингвистически.

При описании микро- и макроструктуры словаря использованы накопленные в отечественной и зарубежной лингвистике образцы лексикографического отражения идиолектов и идиостилей разных авторов. Структура и содержание словарных статей дают возможность не только охарактеризовать значение термина, но и представить его как единицу авторской терминосистемы.

Разработанная типология авторских философских терминов уточняет и расширяет существующие представления о данном исследовательском объекте и может быть использована при изучении терминологических единиц других авторов.

ВЫВОДЫ

В главе выявлены и проанализированы основные особенности словоупотребления Н. Ф. Федорова, к которым относятся использование устаревших слов и форм, экспрессивно окрашенной лексики, большое количество метафор и сравнений. Рассмотрены и охарактеризованы лингвистические воззрения философа, во многом определившие лексическую структуру его произведений.

Оригинальную интерпретацию в федоровском тексте получают две языковые функции: кумулятивная разновидность когнитивной функции (язык как орудие коллективной памяти) и социальная функция (объединение человечества в общем деле воскрешения и регуляции природы). Созданный лингвистами и данный в пользование людям общий и понятный всем и каждому язык становится важнейшей составляющей «общего дела», а лексема «язык» приобретает заряд терминологичности, наращиваемый в процессе изложения философского мировоззрения автора.

Аккумулируя словесную память, язык формирует бессмертие, важнейшим средством сохранения которого является музей. Данные контекстуального анализа показали, что лексема музей используется в произведениях Н. Ф. Федорова в двух значениях. Первое значение, нетерминологическое, почти совпадает с общеязыковым, однако контекстом в значении слова наводятся яркие прагматические семы «случайность», «неправильность», «отсутствие деятельного начала». Второе значение представляет собой авторский многоаспектный термин, определяемый целым текстом: собрание предметов и «собор лиц», одна из основных реалий проекта идеального общественного устройства; «сознательное воспроизведение отходящего времени»; исследовательское, обучающее и воспитательное учреждение, хранящее память прошлого и объединяющее сынов и отцов в общем деле воскрешения предков.

Основу лексической структуры анализируемых произведений

составляют авторские философские термины, образующие единую систему. В главе рассмотрены основные закономерности терминообразования в творчестве русского философа-космиста Н. Ф. Федорова. Двойственность адресата («к ученым и неученым») наложила особый отпечаток на структуру авторской терминосистемы. Авторские новообразования создаются на базе латинских и греческих элементов, а также средствами родного языка.

Для терминотворчества Н. Ф. Федорова характерны следующие типы терминов:

1) авторские неологизмы, образованные словообразовательным способом (сложение русских и греко-латинских элементов; аффиксация);

2) дефисные комплексы разных моделей;

3) авторские неологизмы, образованные синтаксическим способом;

4) авторские неологизмы, образованные семантическим способом в его разновидностях: терминологизация общеязыковой лексемы, транстерминологизация (переосмысление философских, теологических и научных терминов).

В слово- и терминотворчестве Н. Ф. Фёдорова важнейшую роль играет сложение и его разновидности. Используется также аффиксация, а также комбинированный способ: сложение в сочетании с аффиксацией. Наибольшую словообразовательную активность в текстах произведений Н. Ф. Федорова имеют корни «орган», «отец/отц/отч», «патро», «твор», «ург». Авторские неологизмы часто образуют словообразовательные гнезда, в которые включаются также общеупотребительные лексемы.

Для лексической структуры произведений Н. Ф. Фёдорова характерно образование текстовых парадигм с участием авторских неологизмов и общеупотребительных слов. Текстовая парадигматика представлена преимущественно контекстуальной антонимией и синонимией.

Авторские неологизмы Н. Ф. Фёдорова неоднородны по отношению к авторской терминосистеме. Бóльшая часть таких слов сохраняет основные свойства окказионализмов: творимость, однократность, связь с порождающим

текстом.

Часть вновь образованных слов приобретают свойство терминологичности: дефинируются (в том числе при помощи контекстуального определения), обретают понятийные связи в авторской философской терминосистеме. Это слова, обозначающие базовые, важнейшие понятия философского мировоззрения. Становясь терминами, авторские неологизмы теряют тесную связь с порождающим контекстом и начинают использоваться в терминофиксирующих и терминоиспользующих текстах (словари, учебники, статьи, монографии).

Семантические новообразования Н. Ф. Федорова — это переосмысленные значения лексем общелитературного языка: *музей, отцы, сыны, храм, школа, совершеннолетие, несовершеннолетие, родство, родственность* и др. Помимо терминологизации, Н. Ф. Федоров использует прием транстерминологизации, или терминологической конверсии. Особую роль в авторской философской терминосистеме играют переосмысленные термины богословия, появление которых обусловлено религиозным характером федоровского учения, преследующего высшие цели и ставящего перед человеком предельные эволюционно-онтологические задачи (бессмертие, воскрешение, преодоление космического пространства).

В «Философии общего дела» переосмысляются основополагающие понятия христианского вероучения: *Троица, Пасха, Антипасха, Символ веры, пятидесятница, литургия* и многие другие.

Специфика логико-понятийных и когнитивно-языковых особенностей терминов Н. Ф. Федорова обусловила выбор полевой структуры при описании авторской терминосистемы. Определен и описан количественный и качественный состав ядра авторской терминосистемы, принадлежность терминов к которому подтверждены не только данными контекстуального анализа, но и фактом упоминания их в терминофиксирующих текстах, к которым относятся энциклопедия «Русская философия» и аннотированный указатель философских терминов изучаемого периода Л. М. Грановской и

М. А. Алиева. Дополнительными показателями отнесенности этих лексем к ядру терминосистемы является частотность, включение в развернутые, подробно раскрывающие содержание работы заголовки, а также наличие в тексте дефиниций.

Ядро авторской терминосистемы Н. Ф. Федорова составляют лексические единицы *супраморализм, Пасха, имманентное воскрешение, регуляция природы, сыны, отцы, психократия, музей, родственность/неродственность* и некоторые другие, отражающие понятия системы понятий, т.е. философской картины мира автора.

К ядру терминосистемы примыкает зона периферии, к которой относятся термины, обозначающие видовые и аспектные понятия: *санитарный вопрос, продовольственный вопрос, крейсерство, автотрофный, гетеротрофный, тканетворение* и т.д.

Дальнюю периферию анализируемой терминосистемы составляют непереосмысляемые философские термины, общенаучные термины и термины других наук, например: *абсолютный, гегелевский, гегельянство, гностик, гностицизм, гуманистический, идеализм, индивидуализм* и др.; з*акон (закон мира, закон Бога, гносеологический закон); геологический разрез, змейковый аппарат, междупланетное пространство, химия неорганического и органического вещества* и др.

В русском религиозно-философском тексте, не имеющим, в отличие от текстов научного стиля, собственно дефинитивной установки, преобладает тип контекстуальных неаксиоматических определений. Контекст таких определений не ограничен и может быть равен всему тексту философского произведения, в котором определяемое понятие все время получает дополнительное обоснование.

Проанализирована сложная структура контекстуально-текстового определения термина *супраморализм* в философии Н. Ф. Федорова: первое определение (выступающее одновременно в функции подзаголовка); далее — три определения, в которых выделены разные по значениям полиморфные

(допускающие различную интерпретацию) родовые признаки термина. Следующая часть текста — комментирующе-описательная, в которых уточняются видовые признаки термина. Центром контекстуального определения являются двенадцать «пасхальных вопросов», на которые делится учение Н. Ф. Федорова о *супраморализме*. В завершающей части намечено противопоставление *супраморализма* другим философским учениям.

Дефиниция философского термина, выводимая терминологом из контекстуального неаксиоматического определения, является одной из важнейших составляющих словарной статьи. Параметры микро- и макроструктуры словаря авторских философских терминов обусловлены накопленными в русской авторской лексикографии традициями и принципами описания лексических единиц.

Современная авторская (писательская) лексикография является комплексной областью теоретического и практического знания, соединяющей антропоцентрические (описание языковой личности), функциональные (когнитивные) и формальные (в первую очередь, математические) подходы к языку. Это научно-практическое направление лингвистической науки реализует две основные идеи: идею лексикографической параметризации языка и идею языковой личности и ее структурной организации. Вслед за Л. Л. Шестаковой авторская лексикография понимается в работе как теория и практика составления словарей языка отдельных авторов или групп авторов, а также как совокупность словарей языка писателей. В основе модели проектируемого словаря Н. Ф. Федорова положена типология Л. Л. Шестаковой, состоящая из 12 взаимодополняющих параметров.

Микро- и макроструктура словаря философских терминов Н. Ф. Федорова обусловлены характером лексикографируемых единиц. При описании микро- и макроструктуры словаря использованы накопленные в отечественной и зарубежной лингвистике образцы лексикографического отражения идиолектов и идиостилей разных авторов.

Основной объект описания словаря – авторский философский термин; по основной цели описания словарь является регистрирующим и объяснительным; заголовочная единица равна слову или словосочетанию. По характеру представляемых сведений — словарь лингвистический с элементами энциклопедического; по количеству авторов — монографический; по охвату материала — дифференциальный; по способам наполнения словарной статьи — многопараметровый; по расположению заголовочных единиц — алфавитный (с элементами идеографического); по временной перспективе — исторический, или диахронный, так как построен на материале произведений автора прошлой эпохи; по функции и адресату — словарь с научно-описательной ориентацией, адресованный специалистам: филологам, философам, литературоведам; по типу информационного носителя — электронный.

Структура и содержание словарных статей дают возможность не только охарактеризовать значение термина, но и представить его как единицу авторской терминологической системы. Ословаривание данных лингвистического анализа о способах образования термино в произведениях Н.Ф. Федорова, об их частотности, о значении термина в пределах терминосистемы позволили охарактеризовать специфику термина как единицы конкретной авторской терминосистемы, выявить его системные свойства и получить данные для потенциального сопоставления авторских терминосистем разных философов изучаемого периода.

Отражение в словарной статье парадигматических и синтагматических связей дает проекцию на терминологические оппозиции и гнезда, которые в свою очередь отражают структуру и системность авторской терминологии, представляя ее более объемно и наглядно. Таким образом, словарь авторских терминов Н.Ф. Федорова позволяет рассмотреть язык мыслителя под тем углом зрения, который определен особенностями данной конкретной авторской философской терминосистемы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В диссертации охарактеризованы основные черты философского термина и терминосистемы русской философии второй половины XIX – начала XX в. и разработаны основные принципы лексикографического описания авторского философского термина.

Отправной точкой исследования стал анализ историко-философской литературы, в которой изучаемый периода охарактеризован как этап построения отечественных философских систем и формирования русского философского языка. Специфика философского термина изучаемого периода обусловлена специфическими особенностями русского религиозно-философского текста: сочетание собственно философской и религиозной проблематики, открыто декларируемый принцип свободы мысли и свободы изложения, тесная связь с западноевропейской философией.

Исследование показало, что русский философский текст типологически соотносим с научным текстом: он вбирает в себя основные черты научного стиля, обусловленные преобладанием в этом тексте когнитивной (интеллектуальной) функции. Ядро метаязыка русской философии составляет терминосистема, которая может быть лингвистически описана как совокупность индивидуальных терминосистем, соответствующих метадиалектам разных авторов: терминосистема Н.Ф. Федорова, терминосистема Н.А. Бердяева, терминосистема П.А. Флоренского и др. Эти терминосистемы различаются и в формальном и в содержательном планах.

Формальные отличия обусловлены действием различных механизмов терминообразования, лежащих в основе индивидуальных философских терминосистем. Содержательные отличия связаны с явлением полиинтерпретируемости философского термина, которое обусловлено экстралингвистическими факторами: диалектический характер человеческого познания, самодвижение понятия (семантический компонент исторического

развития) и различная трактовка общепринятых терминов в разных философских концепциях (субъективный компонент значения).

Проведенный анализ позволил выявить основные лингвостилистические особенности русского философского текста, обусловленные сочетанием нескольких функций: когнитивной, информативной, эстетической и прагматической. Русский философский текст формально и содержательно связан с библейским текстом, с трудами античных и западноевропейских философов и с научным текстом, что обусловило появление в нем диалогического начала, которое проявляется в обилии разного рода цитат и отсылок, а также в явлении терминологической вариативности (полилексии).

Явление полилексии (различие плана выражения при одинаковом содержании сопоставляемых понятий) проанализировано в диссертации на материале произведений П.А. Флоренского, в терминосистеме которого *термин может использоваться на языке оригинала, в русском переводе и в русской транслитерации.*

Органическое соединение различных стилевых и стилистических начал (элементы научного стиля, публицистическое начало, связь с поэзией и художественным текстом)

обусловило специфику деления философского текста на формы и жанры. Философская рефлексия над работами русских мыслителей конца XIX – начала XX в. привела к появлению большого количества современных терминофиксирующих (словари) и терминоиспользующих (аналитические статьи и монографии) текстов, использование которых наряду с оригинальными терминосоздающими текстами позволило создать исследовательский словник и впервые осуществить описание русской философской терминологии как целостного научного объекта.

Как показало исследование, специфика терминологии русского философского текста заключается также в интенсиональной неопределённости и «определяемости целым текстом»; «рост терминологичности» философского термина схож с процессом приращения

смысла в художественном тексте. В связи с этим процесс выделения термина и его дефиниции из текста представлял определённые трудности. В диссертации охарактеризованы источники исследовательской выборки и разработаны принципы поэтапного составления философского терминологического словника, включившего более полутора тысяч единиц, на основе трёх видов текстов: терминосоздающих, терминоиспользующих и терминофиксирующих. Разработаны критерии отбора специальной философской лексики: показатель частоты, вынос в позицию заголовка (в том числе словарной статьи), наличие дефиниции, место в лексической структуре речевого (дискурсного) фрагмента или всего текста, роль в решении коммуникативно-прагматических задач.

Соотнесённость терминов с мировоззрением конкретного мыслителя позволила сделать вывод об их авторском характере, который определяется двумя факторами: создание термина философом (в этом случае можно говорить об окказиональном начале) и переосмысление общеупотребительной или специальной лексемы в рамках индивидуальной философской терминосистемы.

В философских терминах определенного типа окказиональное начало проявляется в авторском характере, преднамеренности создания, а также в соответствии конкретной словообразовательной модели, продуктивной в рамках терминосистемы. К признакам, противоречащим окказиональности, относятся: воспроизводимость (в частности, в терминоиспользующих текстах), функционирование, выходящее за рамки одного текста, в ряде случаев — лексикографическое представление в терминологических словарях. В зависимости от степени терминологичности философский термин может находиться на разных участках шкалы «окказиональное — узуальное».

В диссертации обоснован отказ от традиционного понимания авторского термина как специальной лексемы с установленной атрибуцией и сформулированы научно обоснованные определения авторского философского термина и авторской философской терминосистемы.

Проанализированы основные способы и механизмы (соотношение способов) философского терминообразования в произведениях разных авторов.

Семантическое терминообразование в философском тексте носит синхронный характер и возникает в результате единовременного переноса названия на философское понятие. Как правило, в процесс терминологизации вовлекаются слова общеупотребительного языка, имеющие сложную семантическую структуру. Терминологизация общеупотребительного слова наиболее характерна для индивидуальных терминосистем Н.Ф. Федорова, К.Н. Леонтьева, *С.Н. Булгакова,* Л.И. Шестова, С.Л. Франка.

Семантическое терминообразование в русской философии реализуется также в механизмах привлечения и транстерминологизации. Для лексической структуры работ С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского и Н.Ф. Федорова характерен механизм привлечения естественно-научных терминов, которые сохраняют в философском тексте свой понятийный объем и понятийное содержание и служат для доказательства реальности иного мира и формирования философских образов будущего.

Для русского религиозно-философского текста характерно глубокое и многоаспектное переосмысление теологических понятий, понятийное содержание которых во второй половине XIX века находилось в стадии формирования. Транстерминологизация, сопровождаемая переосмыслением теологических понятий, наиболее характерна для терминосистем Н.Ф. Федорова, С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского и С.Л. Франка; лингвистические термины играют большую роль в произведениях С.Н. Булгакова и П.А. Флоренского, в меньшей степени – Н.Ф. Федорова.

Синтаксическое терминообразование является наиболее продуктивным способом пополнения философских терминосистем: термины-словосочетания, выражающие единые целостные понятия, характерны для философского творчества К.Н. Леонтьева, С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева, П.А. Флоренского, С.Л. Франка. Двух- и многокомпонентные термины

используются мыслителями как сложные номинативные единицы, включающие классификационные признаки базовых философских понятий.

Анализ парадигматических и синтагматических отношений терминов в философском тексте позволил установить, что отличительной особенностью философской терминологии, отражающей ее системный характер, является образование терминологических гнезд терминов-словосочетаний, центром которых является гнездообразующий элемент. Синтаксическое терминообразование часто сопровождается полным или частичным переосмыслением входящих в составной термин лексем.

Морфологический способ образования терминов, при котором новый термин создается на основе одной или нескольких производящих основ с помощью различных словообразовательных аффиксов, используется в философском тексте достаточно широко. Данные, полученные при анализе авторского словообразования, репрезентируют особенности конкретного философского идиолекта: каждая авторская терминосистема строится на основе предпочтения тех или иных терминоэлементов и композиционных моделей.

Специфическим для религиозно-философского текста является особый языковой феномен — дефисный комплекс. Установлено, что дефисные комплексы как специфический языковой феномен характерны для терминологических систем таких авторов, как Н.А. Бердяев, П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков и С.Л. Франк. При помощи дефисов образуются сложные нерасчлененные понятия для обозначения многоспектных философских и теофилософских понятий с несколькими родовыми идентификаторами.

Анализ существующих моделей философских терминов позволил выявить принципы и механизмы терминообразования, а также установить наиболее продуктивные модели образования специальных лексических единиц русского религиозно-философского текста конца XIX — начала XX в.

Принципиально важным и новым методом представления авторских философских терминосистем является их лексикографическое описание. На

материале терминологии русского философа-космиста Н.Ф. Федорова в заключительной графе диссертации разработаны принципы такого описания, разработаны макроструктура словаря и микроструктура словарной статьи с многоаспектным представлением авторского термина как элемента конкретной авторской терминосистемы.

Ословаривание данных лингвистического анализа о способах образования терминов, об их частотности, о значении термина в пределах терминосистемы позволяет охарактеризовать специфику термина как единицы конкретной авторской терминосистемы, выявить его системные свойства и получить данные для сопоставления авторских терминосистем разных философов изучаемого периода.

Отступление от традиционного алфавитного порядка слов в словаре авторских терминов может оказаться весьма продуктивным: например, распределение лексем по типам терминов позволяет выявить и отразить основные механизмы философского терминотворчества конкретного автора. Кроме того, словарь терминов одного философа снимает проблему терминологической многозначности, поскольку (в отличие от философской энциклопедии) содержит только одну дефиницию термина, что позволяет сделать вывод об отновительной однозначности философского термина в пределах терминосистемы. Отражение в словарной статье парадигматических и синтагматических связей дает проекцию на терминологические оппозиции и гнезда, которые в свою очередь отражают структуру и системность авторской терминологии, представляя ее более объемно и наглядно. Таким образом, словарь авторских терминов Н.Ф. Федорова позволяет рассмотреть язык мыслителя под тем углом зрения, который определен особенностями данной конкретной авторской философской терминосистемы.

Перспективы диссертационного исследования связаны с продолжением лингвистического описания русской философской терминологии как целостного и системного явления, а также поэтапное «ословаривание» авторских философских терминосистем русских мыслителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авербух, К. Я. К определению основных понятий терминоведения [Текст] / К. Я. Авербух // Теоретические проблемы научно–технической терминологии и принципы перевода: Тезисы докладов. – Омск, Межвуз. типограф. ОМПИ, 1985. – С.3–4.
2. Авербух, К. Я. Терминологическая вариантность и некоторые проблемы прикладной лингвистики [Текст] / К. Я. Авербух // // Проблемы перевода научно-технической литературы: Сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1988. – С.3–8.
3. Авербух, К. Я. Общая теория термина: комплексно-вариологический подход [Текст]: Дис. ... д–ра филол. наук: 10.02.19 / К. Я. Авербух. – Иваново, 2005. – 324 с.
4. Авербух, К. Я. Общая теория термина [Текст] / К. Я. Авербух. М.: Изд-во МГОУ, 2006. – 252 с.
5. Авдеева, Л. Р. Леонтьев Константин Николаевич [Текст] / Л. Р. Авдеева // Русская философия: Энциклопедия / под общ. ред. М. А. Маслина. – М.: Алгоритм, 2007. – С. 294–295.
6. Авсенев, П. С. Из записок по психологии [Текст] / П. С. Авсенев. – М.: Тропа Троянова, 2008. – 346 с.
7. Автономова, Н. В. Заметки о философском языке: традиции, проблемы, перспективы [Текст] / Н. В. Автономова // Вопросы философии. – 1999. – № 11. – С. 13–28.
8. а) Азарова, Н. М. Язык философии и язык поэзии: движение навстречу [Текст] / Н. М. Азарова. – М.: Гнозис, 2010. – 228 с.
9. б) Азарова, Н. М. Типологический очерк языка русских философских текстов XX века [Текст] / Н. М. Азарова. – М.: Гнозис, 2010. – 228 с.
10. Алексеева, Л. М. Проблема термина и терминообразования [Текст] / Л. М. Алексеева. – Пермь, ПГНИУ, 1998. – 188 с.

11. Алексеева, Л. М., Мишланова, С. Л. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа [Текст] / Л. М. Алексеева, С. Л. Мишланова. – Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2002.

12. Алексеева, Л. М. Проблемы термина и терминообразования: Учебное пособие по спецкурсу [Текст] / Л. М. Алексеева. – Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2002. –249 с.

13. Алексеева, Л. М. Языковое провидение П. А. Флоренского [Текст] / Л. М. Алексеева // Филолошки студии. – Скопје: Институт за македонска литература: Филолошки факултет: «Блаже Конески», 2007. – № 5. – С. 82–90.

14. Алексеева, Л. М. Философия термина в русской традиции [Текст] / Л. М. Алексеева // Терминология и знание. Материалы II Международного симпозиума (Москва, 21–22 мая 2010 г.) / отв. ред. С. Д. Шелов. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2010. – С. 11–26.

15. Алексеева М. О. Термины русского православия в семасиологическом и ономасиологическом аспектах [Текст]: дисс. … канд. филол. наук: 10.02.19 / М. О. Алексеева. – М.: МГУ, 2009. – 262 с.

16. Андроник (Трубачев), игумен. Из истории создания книги «Столп и утверждение истины» [Текст] // Флоренский Павел, священник. Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. – М., Академический проект, Гаудеамус, 2012. – С. 816–895.

17. Арбатский, Д. И. Основные способы толкования значения слов [Текст] / Д. И. Арбатский // Русский язык в школе. – 1970. – № 3. – С. 26–31.

18. Арбатский, Д. И. О специфике семантического определения и его функциональных типах [Текст] / Д. И. Арбатский // Вопросы языкознания. – 1973. – № 5. – С. 7–13.

19. Аржанов, А. А. Закон есть закон [Текст] /А. А. Аржанов // Журналист. – 1968. – № 3.

20. Артемьева, Т. В., Микешин, М. И. Христиан Вольф и русское вольфианство [Текст] / Т. В. Артемьева, М. И. Микешин // – Философские науки. – 1990. – № 1. – С. 64 – 74.

21. Артемьева, Т. В. История метафизики в России XVIII века [Текст] / Т. В. Артемьева. – СПб.: Алетейя, 1996. – 320 с.

22. Артемьева, Т. В. Философский язык в России XVIII века: между физикой и метафизикой [Текст] / Т. В. Артемьева // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2002. – Выпуск № 2. Том 2. – С. 26–31.

23. Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс. Вступительная статья [Текст] // Теория метафоры: сборник / Пер. под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журинской; вступит. ст. и сост. Н. Д. Арутюнова [Авт. примеч. М. А. Кронгауз] – М.: Прогресс, 1990. – С. 5–32.

24. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 896 с.

25. Бабенко, Н. Г. Окказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ. [Текст] / Н. Г. Бабенко. – Калининград: Изд-во КГУ, 1997. – 84 с.

26. Бачинин, В. Общественные грехи византинизма [Электронный ресурс] / В. Бачинин // Русский архипелаг: Сетевой проект «Русского мира»: http://www.archipelag.ru/authors/bachinin

27. Бегиашвили, А. Алетологический реализм Шалвы Нуцубидзе [Текст] / А. Бегиашвили // Историко–философский ежегодник 1991. – М., 1991. – С. 335–338.

28. Безлепкин, Н. И., Философия языка в России: К истории русской лингвофилософии [Текст] / Н. И. Безлепкин. – СПб: «Искусство-СПБ», 2002. – 272 с.

29. Бельчиков, Ю. А. Русский литературный язык во второй половине XIX века [Текст] / Ю. А. Бельчиков. – М.: Либроком, 2012. – 224 с.

30. Бердяев, Н. А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики // К. Н. Леонтьев: Pro et Contra. Личность и творчество Константина Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей. Книга 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 244–287.

31. Бибихин, В. В. Язык философии [Текст] / В. В. Бибихин. – СПб.: Наука,

2007. – 392 с.

32. Блинова, О. И. Явление мотивации слов [Текст] / О. И. Блинова. – М., 2011. – 210 с.

33. Бокадорова, Н. Ю. Проблема историологии науки о языке [Текст] / Н. Ю. Бокадорова // Вопросы языкознания. – 1986. – № 6. – С. 56–65.

34. Бонецкая, Н.К. Об одном скачке в русском философском языкознании [Текст] / Н. К. Бонецкая // П. А. Флоренский и культура его времени. P.A. Florenskij e la cultura della sua epoca – (Ed.) M. Hagemeister, N. Kaucisvilii. – Marburg / Lahn, 1995 – С. 68–75.

35. Бонецкая, Н. К. Апофеоз творчества (Н. Бердяев и Ф. Ницше) [Текст] / Н. К. Бонецкая // Вопросы философии: научно–теоретический журнал. – 2009. – № 4. – С. 85–106.

36. Бонецкая, Н. К. "Homo faber" и "homo liturgus" (философская антропология П. Флоренского) [Текст] / Н. К. Бонецкая // Вопросы философии: научно–теоретический журнал. – 2010. – № 3. – С. 90–109.

37. Борхвальдт, О. В. Лексика русской золотопромышленности в историческом освещении [Текст] / О. В. Борхвальдт. – Красноярск: КГПУ, 2000. – 400 с.

38. Борхвальдт (Фельде), О. В. Историческое терминоведение в теории и практике (с хрестоматией) [Текст] / О. В. Борхвальдт (Фельде). – Красноярск: КГПУ, 2001. – 148 с.

39. Борхвальдт, О. В. Лексика золотого промысла как объект исторического терминоведения русского языка [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / О. В. Борхвальдт. – Томск: Томск. гос. ун-т, 2006. – 56 с.

40. Брагина, А. А. Значение и оттенки значения в термине [Текст] / А. А. Брагина // Терминология и культура речи. – М.: Наука, 1981. – С. 37–47.

41. Бурсина, О. А., Терминология социальной работы: структура, семантика и функционирование (на материале англоязычной литературы для социальных работников) [Текст]: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / О. А. Бурсина – СПб., 2014. – 198 с.

42. Бурыкин, А. А. (сост.). Библиотека лексикографа: электронный ресурс Словарного отдела ИЛИ РАН (Версия 2012 – 2018) [Электронный ресурс] / А. А. Бурыкин.

43. Бурыкин, А. А. Электронный ресурс для исследований в области русской лексикологии и лексикографии «Библиотека лексикографа»: опыт работы, перспективы пополнения, возможности использования [Текст] / А. А. Бурыкин // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2015. – Вып.1, № 4. – С. 5–28.

44. Варава, В. В. Особенности русского философского языка [Текст] / В. В. Варава // Наука. Искусство. Культура. – 2015. – Вып.4 (8) – С. 68–75.

45. Василенко, В. А. Краткий религиозно–философский словарь [Текст] / В. А. Василенко. – М.: Истина и жизнь, 1996. – 256 с.

46. Введенский, А. И. Судьбы философии в России [Текст] / А. И. Введенский. – М.: Москва, Типолитография товарищества И. Н. Кушнерев и Ко, 1898. – 43 с.

47. Виноградов, С. Н. Термин как средство и объект описания [Текст] / С. Н. Виноградов. – Нижний Новгород: Издательство Нижегородского ун-та, 2005. – 232 с.

48. Винокур, Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии [Текст] / Г. О. Винокур // Труды Московского института истории, философии и литературы. Т. V. Сб. статей по языковедению. – М., 1939. – С. 3–54.

49. Владыкина, Е. Ф. Последние истины Льва Шестова [Электронный ресурс] / Е. Ф. Владыкина // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – Вып. № 4. – Т. 1 – 2009, с. 18–23.

50. Володина, М. Н. Национальное и интернациональное в процессе терминологической номинации [Текст] / М. Н. Володина. – М.: Изд–во МГУ, 1993. – 112 с.

51. Володина, М. Н. Термин как средство специальной информации [Текст] / М. Н. Володина. – М.: МГУ, 1996. – 80 с.

52. Володина, М. Н. Теория терминологической номинации [Текст] / М. Н. Володина. – М.: МГУ, 1997. – 180 с.

53. Волошина, М.А. Утопичность как важнейшая характеристика русского космизма [Текст] / М.А. Волошина // Вопросы философии. — 2014. — № 9. — С. 42–51.

54. Ворожихина, К. В. «Вечные истины» и свобода от разума. О некоторых чертах философии Льва Шестова на примере книги «Афины и Иерусалим» [Текст] / К. В. Ворожихина // Философский журнал. – 2015. – Т. 8. – № 3. – С. 78–91.

55. Гак, В. Г. Языковые преобразования [Текст] / В. Г. Гак. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.

56. Ганцовская, Н. С. Лексика говоров Костромского акающего острова: проблемы типологии [Текст] / Н. С. Ганцовская. – СПб.: Наука; Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2007. – 226 с.

57. Гвишиани, Н. Б. Язык научного общения [Текст] / Н. Б. Гвишиани. – М.: ЛКИ, 2008. – 280 с.

58. Гельгардт, Р. Р. Жанровая специфика «Словаря–справочника «Слово о полку Игореве» [Текст] / Р. Р. Гельгардт // Вопросы языкознания. – 1980. – № 6. – С. 65–76.

59. Герд, А. С. Проблемы формирования научной терминологии (на материале русских научных названий рыб) [Текст]: дисс. … докт. филол. наук: 10.02.01. / А. С. Герд. – Л., 1968. – 184 с.

60. Герд, А. С. Еще раз о значении термина [Текст] / А. С. Герд // Лингвистические аспекты терминологии. – Воронеж, 1980. – С. 3–9.

61. Герд, А. С. Основы научно-технической лексикографии: Как работать над терминологическим словарем [Текст] / А. С. Герд. – Л.: Изд-во Ленингр. Ун-та, 1986. – 73 с.

62. Герд, А. С. Ещё раз об автоматизации лексикографических работ [Текст] / А. С. Герд // Советская лексикография: Сб. статей / Науч. совет по лексикологии и лексикографии АН СССР. – М.: Русский язык, 1988. – С. 225–

232.

63. Герд, А. С. Значение термина и научное знание [Текст] / А. С. Герд // Научно-техническая информация. – Сер. 2. – 1991. – № 10. – С. 1–4.

64. Герд, А. С. Словарь русского языка XIX века» в свете проблем общей лексикографии [Текст] / А. С. Герд // Acta Liguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Русский язык XIX века: динамика языковых процессов / отв. ред. В. Н. Калиновская. СПб.: Наука, 2008. – Т. IV, ч. 3. – С. 9–15.

65. Гинзбург, Е. Л., Караулов, Ю. Н. Опыт типологизации авторских словарей [Текст] / Е. Л. Гинзбург, Ю. Н. Караулов // Русская авторская лексикография XIX–XX веков: Антология/ РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; отв. ред. Ю. Н. Караулов. – М.: Азбуковник, 2003. – С. 4–16.

66. Голованова, Е.И. Базовые когнитивные понятия и развитие терминоведения [Текст] / Е. И. Голованова //История и филология. – 2010. – Вып. 2. – С. 85–91.

67. Голованова, Е.И. Введение в когнитивное терминоведение [Текст] / Е. И. Голованова. – М.: Наука: Флинта, 2011. – 224 с.

68. Голованова, Е. И. Паронимия в научном тексте как проблема соотношения языковой формы и содержания [Текст] / Е. И. Голованова // Гуманитарный вектор. – 2012. – № 4 (32). – С. 29–33.

69. Головин, Б. Н. Роль терминологии в научном и учебном общении [Текст] / Б. Н. Головин // Термин и слово: Межвуз. сб. / Горьковский гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. – Горький, 1979. – С. 14–23.

70. Головин, Б. Н. Типы терминосистем и основания их различения [Текст] / Б. Н. Головин // Термин и слово. Межвуз. сб. – Горький, 1981. – С. 3–10.

71. Головин, Б. Н., Кобрин, Р. Ю. Лингвистические основы учения о терминах: Учеб. пособие для филол. спец. вузов [Текст] / Б. Н. Головин, Р. Ю. Кобрин. – М.: Высшая школа, 1987. –104 с.

72. Голубева–Монаткина Н. И. Лексические особенности русской речи потомков русского зарубежья во Франции [Текст] / Н.И. Голубева–Монаткина

// Русистика сегодня. – 1995. – № 1. – С. 70–92.

73. Голубева-Монаткина, Н. И. Об одном французском прочтении русского философского текста [Текст] / Н.И. Голубева–Монаткина // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – 2014. – Т. 73, № 4. – С. 53–60.

74. Голубева–Монаткина, Н. И. Русские философы о философском переводе [Текст] / Н. И. Голубева–Монаткина // Болгарская русистика. София. – 2016. – № 3. – С. 68–78.

75. Городецкий, Б. Ю., Раскин, В. В. Термины с лингвистической точки зрения [Текст] / Б.Ю. Городецкий, В.В. Раскин // Место терминологии в системе современных наук. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1969. – С. 134–141

76. Городецкий Б.Ю. Термин и его лингвистические свойства [Текст] / Б.Ю. Городецкий // Структурная и прикладная лингвистика. Вып. 3. – Л.: ЛГУ, 1987. – С. 54–62.

77. Городецкий, Б. Ю. Термин как семантический феномен (в контексте переводческой лексикографии): Московский государственный лингвистический ун–т [Электронный ресурс] / Б. Ю. Городецкий. – 2006 // URL: www.dialog–21.ru/dialog2006/materials/html/GorodetskiyB.pdf.

78. Грановская, Л. М. Русский литературный язык в конце XIX и XX в. [Текст] / Л. М. Грановская. – М.: Эллис, 2005. – 448 с.

79. Грановская, Л. М. Дорогая Наталья Юльевна... (коротко – об очень немногом) [Текст] / Л. М. Грановская // Человек о языке – язык о человеке. Сб. статей памяти академика Н. Ю. Шведовой. – М., Азбуковник, 2012. – С. 114–118.

80. Грановская, Л. М. Язык и стиль русской философской литературы (вторая половина XIX – первые десятилетия XX века) [Текст] / Л. М. Грановская. – Баку: Мутарджим, 2013. – 40 с.

81. Грановская, Л. М., Алиев М. А., Философские термины и понятия в русском литературном языке (вторая половина XIX – первая треть XX века) [Текст] / Л. М. Грановская, М. А. Алиев. – Баку: Мутарджим, 2013. – 42 с.

82. Гринев–Гриневич, С. В. Терминоведение: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений [Текст] / С. В. Гринев–Гриневич. – М.: Академия, 2008. – 304 с.

83. Гринев–Гриневич, С.В., Сорокина, Э.А. К вопросу о методах лингвистических исследований [Электронный ресурс] / С. В. Гринев–Гриневич, Э.А. Сорокина // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). – 2011. – № 3. – С. 57–67.

84. Гринев–Гриневич, С. В., Сорокина, Э. А. Основы семиотики: учеб. пособие [Текст] / С. В. Гринев–Гриневич, Э. А. Сорокина. –М.: Флинта: Наука, 2012. – 256 с.

85. Даниленко, В. П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания [Текст] / В. П. Даниленко. – М.: Наука, 1977. – 246 с.

86. Джагарова, Г. М. Истина имени во имя Истины: тема имени в творчестве П. А. Флоренского. Монография [Текст] / Г. М. Джагарова. – М.: ИНИОН, 2005. – 167 с.

87. Дианова, Г. А. Термин и понятие: проблемы эволюции [Текст] / Г. А. Дианова. – М.: Еврошкола, 2000. – 160 с.

88. Добродомов, И. Г. О лексикологической неуловимости семантики редких слов: из архаизаций и инноваций в XIX веке [Текст] / И. Г. Добродомов // Русский язык XIX века: эпоха новаций в русской языковой культуре: Тезисы III Всерос. научн. Конференции 21–24 октября 2008 г. С.–Петербург. – СПб.: Лема, 2008. – С. 10.

89. Доброхотов, А. Л. «Философия имени» на историко–философской карте XX века [Текст] // Лосев А. Ф. Философия имени. М.: Аграф, 1990. – С. 3–10.

90. Добрынина, К. С. О методике работы над конкордансами [Текст] / К. С. Добрынина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 1. – С. 59–63.

91. Дубичинский, В. В. Лексикография русского языка: учеб. пособие [Текст] / В. В. Дубичинский. – М.: Наука: Флинта, 2009. – 432 с.

92. Дьяченко, Г. В. Символ в философском дискурсе Н. Бердяева:

лингвокогнитивный аспект [Текст] /Автореферат дис. ... канд. филол наук: 10.02.01 / Г. В. Дьяченко. – Симферополь, 2008. – 20 с.

93. Дягилева, И. Б. Влияние газетной публицистики на литературный русский язык первой половины XIX века [Текст] / И. Б. Дягилева // Русский язык XIX века: Роль личности в языковом процессе: Материалы IV Всероссийской научной конференции 18–20 октября 2012 г. С.–Петербург / РАН Институт лингвистических исследований [отв. ред. О. А. Старовойтова]. – СПб.: Наука, 2012. – С. 3–7.

94. Емельянов, Б. В. Историография русской философии [Текст] / Б. В. Емельянов // Русская философия: Энциклопедия / под ред. М. А. Маслина. – М.: Алгоритм, 2007. – С. 216–219.

95. Ермичев, А. А. Три свободы Николая Бердяева [Текст] / А. А. Ермичев. – М.: Знание, 1990. – 64 с.

96. Жинкин, Н. И. Речь как проводник информации [Текст] / Н. И. Жинкин. – М.: Наука, 1982. – 264 с.

97. Журавлева, Т. А. Особенности терминологической номинации [Текст] / Т. А. Журавлева. – М.: Институт языкознания РАН, 1995. – 96 с.

98. Замалеев, А. Ф. Русская религиозная философия [Текст] / А. Ф. Замалеев. – СПб.: Издательский дом С.–Петербургского университета, 2007. – 208 с.

99. Зарва, А.М. Дефиниция как типологическая разновидность научного текста [Текст]: Дис. ... канд филол. наук: 10.02.19. /А.М. Зарва. – Нальчик, 2003. – 156 с.

100. Захарова, Т.Н. Взаимовлияние идей Л. Шестова и Н. Бердяева слова [Текст] / Т.Н. Захарова // Вестник Челябинского государственного университета. –2010. – № 16 (197). Философия. Культурология. Социология. – С. 138–147.

101. Звегинцев, В. А. Проблема знаковости языка [Текст] / В. А. Звегинцев. – М.: МГУ, 1956. – 34 с.

102. Земская, Е. А. Еще раз о языке русского зарубежья [Текст] /

Е. А. Земская // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. Сб. статей / Институт русского языка РАН. – М., 1995. – С. 233–242.

103. Зеньковский, В. В. История русской философии [Текст] / В. В. Зеньковский. – М.: Академический Проект, Раритет, 2001. – 880 с.

104. Зеньковский, В. В. История русской философии. В 2–х тт. [Текст] / В. В. Зеньковский. Том I. Часть I. – 222 с. Том I. Часть 2. – 280 с. Том II. Часть I. – 255 с. Том II. Часть 2. – 262 с. – Ленинград: МП «Эго»: Ленинградское отделение РППО «Союзбланкоиздат»: Изд-во «Прометей», 1991.

105. Зубова, Л. В. Современная русская поэзия в контексте истории языка [Текст] / Л. В. Зубова. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – 432 с.

106. Иванова С.С. Логика создания абстрактных объектов в философском дискурсе [Текст] / С.С. Иванова // Современная логика: проблемы теории и истории: Материалы XI Международной научной конференции. – СПб.: Норд, 2010. – С. 179–182.

107. Иванова С.С. К вопросу о специфике языка философии (на материале текста Л. Колаковского «Horror metaphysicus») [Текст] / С.С. Иванова // Язык и социум. Материалы IX Международной научной конференции: Минск, 3 – 4 декабря 2010. Ч. II. – Минск: БГУ, 2011. – С. 74–76.

108. Иванова, С. С. К Проблеме определения философско-художественного дискурса (на примере творчества Чеслава Милоша) [Текст] / С.С. Иванова // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского, 2013. № 1–2. – С. 110–111.

109. Иванова, С. С. Репрезентация абстрактных объектов в философском и философско–художественном дискурсах (на материале польскоязычных текстов Лешека Колаковского, Барбары Скарги, Чеслава Милоша) [Текст]: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / С.С. Иванова. – Пермь, 2013. – 19 с.

110. Ивин, А. А. Логика: Учебник для гуманитарных вузов. [Текст] / А. А. Ивин. – М.: "ФАИР-ПРЕСС", 1999. – 320 с.

111. Икере, З. Я. Принципы перевода философской терминологии на

латышский язык (на материале терминологии английского эмпиризма 17 и 18 в.) [Текст]: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / З. Я. Икере. – Вильнюс, 1983. – 21 с.

112. Икере, З. Я. Прагматический аспект языкового знака в философской терминологии [Текст] / З. Я. Икере // Актуальные проблемы лексикологии: Тезисы докладов научно–методической конференции. – Даугавпилс, Даугавпилсский педагогический институт, 1991. – С. 59–69.

113. Исаченко, А.В. Термин-описание или термин-название? [Текст] / А. В. Исаченко // Славянска лингвистична терминология. София, 1962. – Т. 1.

114. История русской лексикографии [Текст] / Институт лингвистических исследований [отв. ред. Ф. П. Сороколетов]. – СПб.: Наука, 1998. – 610 с.

115. Исупов, К. Г. Павел Флоренский: наследие и наследники [Текст] / К. Г. Исупов // П. А. Флоренский: pro et Contra. – СПб.: РХГИ, 2001. – С. 9–30.

116. Казарина, С. Г. Типологические характеристики отраслевых терминологий [Текст] / С. Г. Казарина. – Краснодар: Куб. гос. мед. акад., 1998. – 271 с.

117. Казютинский, В. В. Космическая философия К.Э.Циолковского: «за» и «против» [Текст] / В. В. Казютинский // Космическое мировоззрение – новое мышление XXI века. – № 2 (Т. 2). – 2004. – С. 24–27.

118. Калиновская, В. Н. Типы лексических новаций в русском языке XIX века: универсальные словообразовательные модели «в действии» [Текст] / В. Н. Калиновская // Acta Liguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Русский язык XIX века: динамика языковых процессов / отв. ред. В. Н. Калиновская. СПб.: Наука, 2008. – Т. IV, ч. 3. – С. 16–24.

119. Камчатнов, А. М. А. А. Потебня и А.Ф. Лосев о внутренней форме слова [Текст] / А. М. Камчатнов // Русский филологический вестник. – 1998. – № 1/2. – С. 19–25.

120. Камчатнов, А. М. Акт номинации и его метафорические предпосылки (по учению о. С. Булгакова и А.Ф. Лосева) [Текст] / А. М. Камчатнов // Образ

мира – структура и целое. Лосевские чтения. –Логос. № 3.– М., 1999. – С. 259–265.

121. Канделаки, Т. Л. Семантика и мотивированность термина [Текст] / Т. Л. Канделаки. – М.: Наука, 1977. – 167 с.

122. Капанадзе, Л. А. О понятиях «термин» и «терминология» [Текст] / Л. А. Капанадзе // Развитие лексики современного русского языка. – М.: Наука, 1965. – С. 75–85.

123. Карпова, О. М. Словари языка писателей [Текст] / О. М. Карпова. – М.: Изд–во МПИ, 1989. – 108 с.

124. Кияк, Т. Р. Лингвистические аспекты терминоведения [Текст] / Т. Р. Кияк. – Киев: УМК ВШ, 1989. – 104 с.

125. Клёстер, А. М. Когнитивный подход к изучению межотраслевой терминосистемы [Текст] / А. М. Клёстер // Филологические науки. Омский вестник. – № 4 (111). – 2012. – С. 171–174.

126. Клиншова Н.А. Философская терминология славянофилов [Текст]: дисс. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Н.А. Клиншова. – Москва, 1994. – 188 с.

127. Клобуков, Е.В. Словообразование [Текст] / Е. В. Клобуков // Современный русский литературный язык / Под ред. П.А. Леканта. – М.: Высшая школа, 2004. – С.193–244.

128. Кобрин, Р. Ю. О формальных критериях терминологичности и методическом обосновании работ по унификации и стандартизации терминологии [Текст] / Р. Ю. Кобрин // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. – Л., 1976. – С. 174–181.

129. Кобрин, Р. Ю. О принципах терминологической работы при построении тезаурусов для информационно–поисковых систем [Текст] / Р. Ю. Кобрин // Научно–техническая информация. – Сер. 2. – 1979. – № 6. – С. 1–9.

130. Кобрин, Р. Ю., Антонова, М. В. Терминологические системы и их когнитивные модели [Текст] / Р. Ю. Кобрин, М. В. Антонова // Очерки научно–технической лексикографии: Сб. статей. – СПб.: СПбГУ, 2002. – С. 47–66.

131. Ковалева, Г.П. Категория «духовность» в философии Н. А. Бердяева [Текст] / Г. П. Ковалева // Вестник КемГУКИ. – 2013. – №22. С. 178 – 189.

132. Кожевников, В.А. Николай Федорович Федоров. Опыт изложения его учения по изданным и неизданным произведениям, переписке и личным беседам [Текст] / В.А. Кожевников // Н. Ф. Федоров. Pro et Contra: К 175-летию со дня рождения и 100-летию со дня смерти Н. Ф. Федорова. – СПб.: РХГИ, 2004. – С. 231–351.

133. Козловская, Н. В. Микро– и макроструктура словаря авторской философской терминологии (на материале «Философии общего дела» Н. Ф. Федорова) [Текст] / Н. В. Козловская // Studia Slavica. Linguistics and literature. – Vol. 59. – № 1. – June 2014. – С. 169–179.

134. Козловская, Н. В. К описанию языка русской религиозной философии [Текст] / Н. В. Козловская // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. – 2014. – № 2–1. – С. 431–444.

135. Козырев В. А., Черняк В. Д. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший [Текст] / В.А. Козырев, В.Д. Черняк. – СПб., РГПУ им. А. И. Герцена, 2015. – 631 с.

136. Колесникова, Е. А. К проблеме становления русской лингвистической терминологии (вторая половина XVIII – первая треть XX в.): лексикологический и лексикографический аспекты [Текст]: дисс. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Е. А. Колесникова. – Красноярск, 2011. – 188 с.

137. Колесов, В. В. Реализм и номинализм в русской философии языка [Текст] / В. В. Колесов. – СПб.: Logos, 2007. – 382 с.

138. Комарова, Ю. А. Специфика научного термина (на материале англоязычной терминологии) [Текст] / Ю. А. Комарова // Языки профессиональной коммуникации: Сб. статей участников Третьей международной научной конференции. Том 1. – Челябинск, 2007. – С. 141–148.

139. Комарова, З. И. Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание [Текст] / З. И. Комарова. – Свердловск: Изд-во

Уральск. Ун-та, 1991. – 156 с.

140. Комарова, З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: учебное пособие [Текст] / З. И. Комарова. – Москва: Флинта: Наука, 2013. – 818 с.

141. Комлев, Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова [Текст] / Н. Г. Комлев. – М.: Наука, 1969. – 192 с.

142. Комлев, Н. Г. Слово в речи: Денотативные аспекты. Изд. 3–е [Текст] / Н. Г. Комлев. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 216 с.

143. Корольков, А. А. Пророк в своем отечестве [Текст] / А. А. Корольков // К. Н. Леонтьев: Pro et Contra. Книга 2. – СПб.: Изд–во РХГИ, 1995. – С. 282–303.

144. Косова, М. В. Терминологизация как процесс переосмысления русской общеупотребительной лексики [Текст]: Дис. ... д–ра филол. наук: 10.02.01/ М. В. Косова. – Волгоград, 2004. – 403 с.

145. Котелова, Н. З. Значение слова и его сочетаемость [Текст] / Н З. Котелова. – Л.: Наука, 1975. – 163 с.

146. Котелова, Н. З. К вопросу о специфике термина [Текст] / Н. З. Котелова // Избранные работы. Российская академия наук, Институт лингвистических исследований. – СПб.: Нестор–история, 2015. – 384 с.

147. Котюрова, М. П., Тихомирова, Л. С., Соловьева, Н. В. Идиостилистика научной речи. Наши представления о речевой индивидуальности ученого: монография [Текст] / М. П. Котюрова, Л. С. Тихомирова, Н. В. Соловьева. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 2011. – 304 с.

148. КРГ – Краткая русская грамматика [Текст] / под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. – М.: Рус. язык, 1989. – 639 с.

149. Краткое методическое пособие по разработке и упорядочению научно–технической терминологии [Текст] / под ред. В. И. Сифорова. – М.: Наука, 1979. – 128 с.

150. Кривоносов, А.Т. Философия языка [Текст] / А.Т. Кривоносов. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2012. – 788 с.

151. Кувакин, В.А. Религиозная философия в России (начало XX века) [Текст] / В. А. Кувакин. – М.: Мысль, 1980. – 312 с.

152. Кувакин, В.А. Непостижимое Семена Франка: эссе о неизвестности [Текст] / В.А. Кувакин. – М.: МГУ, 2014. – 158 с.

153. Куликова, И.С., Салмина, Д.В. Введение в металингвистику (системный, лексикографический и коммуникативно–прагматический аспекты лингвистической терминологии) [Текст] / И. С. Куликова, Д. В. Салмина. – СПб.: САГА, 2002. – 352 с.

154. Куликова, И.С., Салмина, Д.В. Лингвистическая терминология в профессиональном аспекте [Текст] / И.С. Куликова, Д.В. Салмина. – СПб.: Свое издательство, 2017. – 320 с.

155. Кун, Т. Структура научных революций [Текст] / Т. Кун. – М.: АСТ. Философия – Neoclassic, 2015. – 320 с.

156. Кубрякова, Е. С. Теория номинации и словообразование [Текст] / Е. С. Кубрякова // Языковая номинация. Виды наименований. – М.: Наука, 1977. – С. 222–303.

157. Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX в. (опыт парадигмального анализа) [Текст] / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца 20 века. – М., 1995. – С. 207–238.

158. Кубрякова, Е. С. О современном понимании термина «концепт» в лингвистике и культурологии [Текст] / Е. С. Кубрякова // Реальность, язык и сознание. –Тамбов, 2002. – Вып.2. – С. 5–15

159. Кубрякова, Е. С. Теоретические проблемы русского словообразования (транспозиция в концептуализации и категоризации мира [Текст] / Е. С. Кубрякова // Русский язык: история, судьбы и современность. – М., 2001. – С. 190–191.

160. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е. С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

161. Курабцев, В. Л. Иерусалим Льва Шестова [Текст] / В. Л. Курабцев //

Вестник МГУ. – Сер. Философия. – 1991. – № 5.

162. Курабцев, В. Л. Миры свободы и чудес Льва Шестова: жизнь мыслителя, «странствования по душам», философия [Текст] / В. Л. Курабцев. – М., 2005.

163. Курабцев, В. Л. Беспочвенность [Текст] / В. Л. Курабцев // Русская философия: Энциклопедия / под ред. М. А. Маслина. Сост. П. П. Апрышко, А. П. Поляков. – М.: Алгоритм, 2007. – С. 50.

164. Кураев, В. И. Непостижимое [Текст] / В. И. Кураев // Русская философия: Энциклопедия / под ред. М. А. Маслина. Сост. П. П. Апрышко, А. П. Поляков. – М.: Алгоритм, 2007. – С. 359.

165. Кутина, Л. Л. Формирование языка русской науки (Терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII в.) [Текст] / Л. Л. Кутина. – М.-Л.: Просвещение, 1964. – 216 с.

166. Кутина, Л. Л. Формирование терминологии физики в России [Текст] / Л. Л. Кутина. – М.-Л.: Наука, 1966. – 288 с.

167. Кутина, Л. Л. Термин в филологических словарях [Текст] / Л. Л. Кутина // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. – Л.: Наука, 1976. – С. 19–29.

168. Кухно, И.Ю. Терминология – семиотическая система «второго порядка» [Текст] / И.Ю. Кухно // Язык. Словесность. Культура. 2014. – № 4. – С. 41–55.

169. Кухно, И.Ю. Авторская терминология (на материале идиолекта Л.Н. Гумилева): дис. ... канд. филол. наук [Текст] / И.Ю. Кухно. – Самара, 2017. – 178 с.

170. Лашов, В. В. Неклассические истины, или парадоксы Льва Шестова. Предисловие к книге В. Л. Курабцева «Миры свободы и чудес Льва Шестова» [Текст] / В. В. Лашов. – М.: Российское гуманистическое общество, 2005. С. 4–13.

171. Лебедева, Г. Е. К истории изучения церковной историографии конца XIX – начала XX века [Текст] / Г.Е. Лебедева // Византийское богословие и традиции религиозно–философской мысли в России. –Verbum. Вып. 3. – СПб., 2000. – с. 112–129.

172. Левицкий, С. А. Бердяев: пророк или еретик [Текст] / С. А. Левицкий // Н. А. Бердяев: pro et contra. Кн. 1. – СПб.: Изд–во РХГИ, 1994. – С. 501–518.

173. Лейчик, В. М., Смирнов, И.П., Суслова И.М., Информатика. Т. 2. Терминология информатики (теоретические и практические вопросы) [Текст] / В.М. Лейчик и др.// Итоги науки и техники. – М., ВИНИТИ, 1977. – 221 с.

174. Лейчик, В. М. Оптимальная длина и оптимальная структура термина [Текст] / В. М. Лейчик // Вопросы языкознания. – 1981. – Вып. 2. – С. 63–73.

175. Лейчик, В. М. О языковом субстрате термина [Текст] / В. М. Лейчик // Вопросы языкознания. – 1986. – № 5. – С. 87–97.

176. Лейчик, В. М. Термин и его определение [Текст] / В. М. Лейчик // Терминоведение и терминография в индоевропейских языках: Сб. науч. тр. – Владивосток, 1987. – С. 135–145.

177. Лейчик, В. М. Предмет, методы и структура терминоведения [Текст]: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01/ В. М. Лейчик. – М., ИЯ АН СССР, 1989. – 21 с.

178. Лейчик, В. М. Когнитивное терминоведение – пятый этап развития терминоведения как ведущей научной дисциплины рубежа XX – XXI веков [Текст] / В. М. Лейчик // Когнитивная лингвистика: Новые проблемы познания. Сб. научных трудов / Институт языкознания РАН; Ряз. гос. ун–т имени С. А. Есенина. Выпуск 5. – Москва: Рязань, 2007. – С. 121–133.

179. Лейчик, В. М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. Изд. 4–е [Текст] / В. М. Лейчик. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с.

180. Лейчик, В. М. Динамика термина (три возраста термина) [Текст] / В. М. Лейчик // Non multum, sed multa: Немного о многом. У когнитивных истоков современной терминологии: Сборник научных трудов в честь В. Ф. Новодрановой. – М.: Авторская академия, 2010. – С. 127–143.

181. Леонтьев, К.Н. Pro et Contra [Текст] / Составление, вступ. ст., примечания и библиогр. А. А. Королькова. – СПб.: РХГИ, 1995 . – Кн. 1. –1995 – 475 с. – Кн. 2. – 701 с. – Серия Русский путь.

182. Лисицина, Е. В. Лингвистические особенности философского дискурса

П. А. Флоренского [Текст]: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е. В. Лисицина. – Ставрополь, 2006. – 22 с.

183. Лосев, А. Ф., Тахо-Годи, А. А. Платон. Аристотель / А. Ф. Лосев, А. А. Тахо-Годи. – М., 1993. – 383 с.

184. Лосский, Н. О. История русской философии [Текст] / Н. О. Лосский. – М.: Академический проект, 2007. – 551 с.

185. Лотте, Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. Вопросы теории и методики [Текст] / Д. С. Лотте. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 157 с.

186. Лотте, Д. С. Краткие формы научно-технических терминов [Текст] / Д. С. Лотте. – М.: Наука, 1971. – 82 с.

187. Лопатин, В. В. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования [Текст] / В. В. Лопатин. – М.: Наука, 1973. – 152 с.

188. Лыков, А. Г. Современная русская лексикология. Русское окказиональное слово: учеб. пособие для филол. факультетов. ун-тов [Текст] / А. Г. Лыков. – М., 1976. – 244 с.

189. Лыков, А. Г. Русское окказиональное слово в аспекте теории и методики [Текст] // Лексикология: тезисы 2–й межвузовской конференции. – М., 1990. – С. 76–80.

190. Малиновская, И. В. Экономическая терминология в английском языке: процессы формирования и функционирования [Текст]: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / И. В. Малиновская – Киев, 1984. – 217 с.

191. Малышко, А. А., Борзова, Е. П., Мачкарина, О. Д., Кравцов, В. А. Проблема рационального в творческом наследии П. А. Флоренского [Текст] / А. А. Малышко, Е. П. Борзова, О. Д. Мачкарина, В. А. Кравцов // Вестник МГТУ. – Т. 15. – № 1. – 2012. – С. 657–661.

192. Манерко, Л. А. Понятие «терминосистема» в современном терминоведении [Текст] / Л. А. Манерко // Современные тенденции в лексикологии, терминологии и теории LSP (сборник научных трудов). – М.: Изд–во МГОУ, 2009. – С. 207–220.

193. Маринина, Ю. В. Значение и роль жанра в русской философии Серебряного века (1890–1935 гг.) [Текст] / Ю. В. Маринина // Вестник Орловского государственного университета. – 2011. – № 2 (16). – С. 368–370.

194. Марусенко, М. А. Об основном понятии терминоведения – научно-техническом термине [Текст] / М. А. Марусенко // Научно-техническая информация. – Сер. 2. – 1981. – № 8. – С. 1–6.

195. Маслин, М. А. Русская философия [Текст] / М. А. Маслин // Русская философия: Энциклопедия / под ред. М. А. Маслина. – М.: Алгоритм, 2007. – С. 476–583.

196. Мельников Г. П. Основы терминоведения [Текст] / Г. П. Мельников. – М.: URSS, 2014. – 120 с.

197. Мишланова, С. Л. Терминоведение XXI века: история, направления, перспективы [Текст] / С. Л. Мишланова // Филологические науки. – 2003. – № 2. – С. 94–102.

198. Моисеев, А. И. Русская лингвистическая терминология первой половины XIX века [Текст] / А. И. Моисеев // Теория языка, методы его исследования и преподавания: К 100-летию со дня рождения Л. В. Щербы: сб. ст. / отв. ред. Р. И. Аванесов. – Л.: Наука, 1981. – С. 177–181.

199. Моисеев, А. И. Русская лингвистическая терминология 1–й половины 19 в. Первая лексикографическая фиксация и первое употребление [Текст] / А. И. Моисеев // Вестник СПбГУ. – СПб.: СПбГУ, 1994. – Вып. 4. – Серия 2 (История, языкознание, литературоведение). – С. 30–36.

200. Морковкин, В. В. Идеографические словари [Текст] /В. В. Морковкин. – М.: Изд-во Московского университета, 1970. – 71 с.

201. Мотрошилова, Н. В. Мыслители России и философия Запада [Текст] / Н. В. Мотрошилова. – М.: Республика, 2007. – 477 с.

202. Мурадова, Л. А. Семантико-функциональная характеристика общественно-политической лексики современного французского языка [Текст] / Л. А. Мурадова – М., Просвещение, 1986. – 145 с.

203. Намитокова, Р. Ю. Авторские новообразования: словообразовательный

аспект [Текст] / Р. Ю. Намитокова. – Ростов-на-Дону, 1986. – 156 с.

204. Намитокова, Р. Ю. Окказиональная ономастика и отономастические окказионализмы [Текст] / Р. Ю. Намитокова // Эволюция семантических и функциональных свойств русской лексики. – М., 1987. – С. 119–128.

205. Намитокова, Р. Ю., Нефляшева И. А. Окказиональное слово на газетной полосе: механизмы экспрессивности [Текст] / Р. Ю. Намитокова, И. А. Нефляшева // Русский язык: исторические судьбы и современность. М.: МГУ, 2001. – С. 142–143.

206. Намитокова, Р. Ю. Авторские новообразования: структура и функционирование (на материале русской поэзии второй половины XX века) [Текст] / Р. Ю Намитокова. – Майкоп: АГУ, 2015. – 359 с.

207. Никитин, М. В. Курс лингвистической семантики [Текст] / М. В. Никитин. – СПб., 1997. – 762 с.

208. Никитина, С. Е. Семантический анализ языка науки: На материале лингвистики [Текст] / С. Е. Никитина. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. – 146 с.

209. Николаев, М. Н. О семантической бинарности дефиниции политического термина [Текст]: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / М. Н. Николаев – Калинин, 1979. – 21 с.

210. Николина, Н. А. Активные процессы в языке современной русской художественной литературы [Текст] / Н. А. Николина. – М.: Гнозис, 2009. – 336 с.

211. Новикова, Л. И., Сиземская, И. Н. Русская философия истории: Курс лекций [Текст] / Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. – М.: Магистр, 1997. –328 с.

212. Океанская, Ж. Л. Язык и космос в «Философии имени» С. Н. Булгакова [Текст] / Ж. Л. Океанская // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. Сер.: Гуманитарные науки: Энтелехия: Научно–публицистический журнал. № 10. – Кострома, 2005. – С. 78–84.

213. Океанская, Ж. Л. Язык и космос: «философия имени» отца Сергия Булгакова в контексте поэтической метафизики конца Нового времени [Текст]

/ Ж. Л. Океанская. – М.: Библейс-богослов. Ин-т Св. ап. Андрея, Шуйский гос. пед. ун-т, 2008. – 252 с.

214. Павлова, Н. А., Лаухина, С. С. Составные термины и фразеологизмы: динамика отношений: Монография [Текст] / Н. А. Павлова, С. С. Лаухина. – Омск: Изд-во полиграфический центр КАН, 2009. – 156 с.

215. Пастухов, А. Г. Идеологически маркированная лексика в немецком подъязыке философии [Текст]: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 /А. Г. Пастухов – Киев, 1986. – 183 с.

216. Паули, Ю. С. Лингвокреативное моделирование идиостиля Н. А. Бердяева: на материале философского трактата «Смысл творчества. Опыт оправдания человека» [Текст] / Ю. С. Паули. – Томск: 2008. – 198 с.

217. Половинкин, С. М. П. А. Флоренский: Логос против хаоса (Из цикла «Страницы истории отечественной философской мысли») [Текст] / С. М. Половинкин. – М.: Знание, 1989. – 64 с.

218. Половинкин, С. М. Аритмология [Текст] / С. М. Половинкин // Русская философия: Энциклопедия / под общ ред. М. А. Маслина. – М.: Алгоритм, 2007. – С. 30.

219. Поляков, С. А. Лев Шестов: Философия для не боящихся головокружения [Электронный ресурс]: http://www.vehi.net/shestov/spolyakov.html

220. Полякова, Н. Л., Кимелев, Ю. А. Наука и религия: Историко-культурный очерк [Текст] / Н.Л. Полякова, Ю.А. Кимелев. – М.: Наука, 1988. – 244 с.

221. Попова, Т. В. Неология и неография современного русского языка [Текст] / Т. В. Попова. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 168 с.

222. Портнов, А. Н. Язык и сознание: основные парадигмы исследования проблемы в философии XIX–XX веков [Текст] / А. Н. Портнов. – Иваново: ИВГУ, 1994. – С. 333–338.

223. Постовалова, В. И. Наука о языке в свете идеала цельного знания [Текст] / В. И. Постовалова // Язык и наука конца 20 века: Сб. статей. ИЯ РАН. – М., 1995. – С. 341–417.

224. Постовалова, В.И. Герменевтика «Философии имени» А. Ф. Лосева (философия языка и язык философии) [Текст] / В. И. Постовалова // Критика и семиотика. – Вып 13. – 2009. – С. 41–68.

225. Постовалова, В. И. Язык и реальность: онтологическая концепция в русской религиозно–философской мысли школы Всеединства, ее истоки и пути осмысления в современном познании [Текст] / В. И. Постовалова // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: сб. в честь Е. С. Кубряковой. – М.: Языки славянских культур, 2009. – С. 113–132.

226. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике: Т. 1–2 [Текст] / А. А. Потебня. – М.: Учпедгиз, 1958. – 534 с.

227. Пристайко, Т. С., Конопелькина, Е. А., Неженец Э. В. Очерки по русской терминологии экономики и права [Текст] /Т.С. Пристайко и др. – Днепропетровск: Нова ідеологія, 2011. – 304 с.

228. Прохорова, В. Н. Об эмоциональности термина [Текст] / В. И. Прохорова // Лингвистические проблемы научно–технической терминологии. – М., 1970. – С. 153–159.

229. Прохорова, В. Н. Семантика термина [Текст] / В. Н. Прохорова // Вестник МГУ. – Сер. 9. – Филология. – 1981. – № 3. – С. 23–32.

230. Прохорова, В. Н. Русская терминология (лексико-семантическое образование) [Текст] / В. Н. Прохорова. – М.: МГУ, 1996. – 126 с.

231. Радлов, Э. Очерк истории русской философии. Второе дополненное издание [Текст] / Э. Л. Радлов. – Петербург: Наука и школа, 1920. – 102 с.

232. Радлов, Э. Л. Философский словарь логики, психологии, этики, эстетики и истории философии. Изд. 3-е [Текст] / Э. Л. Радлов. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 288 с.

233. Резниченко, А. И. О смыслах имен: Булгаков, Лосев, Флоренский, Франк et dii minors [Текст] / А. И. Резниченко. – М.: РЕГНУМ, 2010. – 416 с.

234. Резниченко, А. И. Генезис и артикуляционные формы языка русской философии (С. Л. Франк, С. Н. Булгаков, А. С. Глинка–Волжский, П. П. Перцов, С. Н. Дурылин): историко-философский анализ [Текст] /

Автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.03 / Резниченко А.И. – М., 2013. – 55 с.

235. Реформатский, А. А. Что такое термин и терминология [Текст] / А. А. Реформатский. – М.: Институт языкознания Академии наук СССР, 1959. – 14 с.

236. Реформатский, А. А. Термин как член лексической системы языка [Текст] / А. А. Реформатский // Проблемы структурной лингвистики. 1967. – М.: Наука, 1968. – С. 163–198.

237. Рогожникова, Р. П. Сокровищница русского слова: История большой словарной картотеки ИЛИ РАН [Текст] / Р. П. Рогожникова. – СПб.: Наука, 2003. – 106 с.

238. Рождественский, Ю. В. О смысловой систематизации терминов [Текст] / Ю. В. Рождественский // Методологические проблемы социальной лингвистики. – М.: МГУ, 1986. – С. 53–60.

239. а) Рождественский, Ю. В. Словарь терминов: общеобразовательный тезаурус: Общество. Семиотика. Экономика. Культура. Образование [Текст] / Ю. В. Рождественский // – М.: Флинта: Наука, 2002. – 108с.

240. б) Рождественский, Ю. В. Словарь терминов: общеобразовательный тезаурус: Мораль. Нравственность. Этика [Текст] / Ю. В. Рождественский // – М.: Флинта: Наука, 2002. – 88 с.

241. Русская авторская лексикография XIX–XX веков: Антология [Текст] // Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова / отв. ред. Ю. Н. Караулов. – М.: Азбуковник, 2003.

242. РГ – Русская грамматика. Т. I «Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Введение в морфемику. Словообразование. Морфология» [Текст]. – М.: Наука, 1980. – 784 с.

243. Русский язык и советское общество. Социолингвистическое исследование. Лексика современного русского языка [Текст] / под ред. М. В. Панова. – Москва, 1968. – 216 с.

244. Сапов, В.В. Федоров Николай Федорович [Текст] / В.В. Сапов // Русская

философия: Энциклопедия / под общ. ред. М. А. Маслина. — М.: Алгоритм, 2007. — С. 594–595.

245. Свойкин, К. Б. Диалогика научного текста: курс лекций [Текст] / К. Б. Свойкин**.** – Саранск: Изд-во Мордов. Ун-та, 2006. **–** 118 с.

246. Северикова, Н.М. Андраникизм как византистская идея [Текст] Н.М. Северикова //Вопросы гуманитарных наук. – № 6. – М., 2005. – С. 56 – 67.

247. Семенов, Ю. И. Философия истории (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней) [Текст] / Ю.И. Семенов. – М.: Современные тетради, 2003 – 776 с.

248. Семенова, С. Г. Николай Федоров: Творчество жизни [Текст] / С. Г. Семенова. – М.: Советский писатель, 1990. – 384 с.

249. Семенова, С. Г. Философ будущего века: Николай Федоров [Текст] / С. Г. Семенова. – М., 2004. – 584 с.

250. Сергеева, Е. В. Бог и человек в религиозно–философском дискурсе [Текст] / Е. В. Сергеева. – СПб.: Наука, 2002. – 187 с.

251. Сергеева, Е. В. Религиозно–философский дискурс В.С. Соловьева [Текст] / Е. В. Сергеева. – СПб.: САГА, 2002. – 126 с.

252. Скляревская, Г. Н. Прагматика и лексикография [Текст] / Г. Н. Скляревская // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. Сб. статей / Институт русского языка РАН. – М., 1995. – С. 63–72.

253. Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка [Текст] / Г. Н. Скляревская. – СПб.: Филологический факультет, 2004. – 166 с.

254. Скрынникова, Н. В. Диалектико-феноменологический метод исследования языка в русской философии начала XX века [Текст]: Дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03. – Хабаровск, 2003. – 336 с.

255. Сложеникина, Ю. В. Основы терминологии: Лингвистические аспекты теории термина [Текст] / Ю. В. Сложеникина. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 120 с.

256. Сложеникина, Ю.В. Проблема авторского термина в отечественном

языкознании [Текст] / Ю.В. Сложеникина, И.Ю. Кухно // Термины в коммуникативном пространстве: мат-лы науч.-практ. конф. с межд. участием. – Астрахань: Изд–во Астраханского ГМУ. 2017. – С. 260–269.

257. Сложеникина, Ю.В., Звягинцев В.С. Нормализация и кодификация терминологии в условиях вариантности [Текст] / Ю.В. Сложеникина, И.Ю. Кухно. – Самара: СФ МГПУ, 2018. – 112 с.

258. Слюсарева, Н. А. Терминология лингвистики и метаязыковая функция языка [Текст] / Н. А. Слюсарева // Вопросы языкознания. – 1979. – № 4. – С. 69–76.

259. Слюсарёва, Н.А. О типах терминов (на примере грамматики) [Текст] / Н. А. Слюсарева // Вопросы языкознания. – 1983. – № 3. – С. 21–29.

260. Соколов, И.И. О византизме в церковно-историческом отношении [Текст] /И. И. Соколов. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2003. – 272 с.

261. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90–е годы XIX века [Текст] / Ю. С. Сорокин. – Л.: Наука, 1965. – 565 с.

262. Сорокин, Ю. С. [Рец. на:] Словарь языка Пушкина в четырёх томах. Т. I. [Текст] / Ю. С. Сорокин // Вопросы языкознания. – 1957. – № 5. – С. 130–136.

263. Стародубец, С.Н. Мифические символы в работах И.А. Ильина [Текст] / С. Н. Стародубец. – Высшее образование в России. – 2005. – Т. 12. – С. 138–141.

264. Стародубец, С. Н. Идеологизированная лексика как языковое выражение персоналистической картины мира в дискурсе Н. А. Бердяева [Текст]: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Орел, 2000.

265. Степанов, Ю. С. Вид, залог, переходность (Балто-славянская проблема. II) [Текст] / Ю. С. Степанов. – Известия АН СССР. – Серия литературы и языка. – Т. 36. – № 2. – С. 135–152.

266. Степанов, Ю. С. Язык и метод. К современной философии языка [Текст] / Ю. С. Степанов. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 784 с.

267. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. [Текст] /

Ю. С. Степанов. – М.: Академический проект, 2001. – 990 с.

268. Степанова, М.Д., Фляйшер, В. Теоретические основы словообразования в немецком языке [Текст] / М.Д. Степанова, В. Фляйшер. — М.: Высш.школа,1984. — 264 с.

269. Столович, Л. Н. История русской философии: Очерки [Текст] / Л. Н. Столович. – М.: Республика, 2005. – 495 с.

270. Столович, Л.Н. Красота [Текст] / С. М. Половинкин // Русская философия: Энциклопедия / под общ ред. М. А. Маслина. – М.: Алгоритм, 2007. – С. 267 – 268.

271. Стрижевская, О. И. Структура и семантика названий минералов [Текст]: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / О. И. Стрижевская. – М.: МГУ, 1975. – 25 с.

272. Султанов, А.Х. О природе научного термина: Проблемы философии языка [Текст] / А.Х. Султанов. – М.: Изд-во РУДН, 1995. – 93 с.

273. Суперанская, А. В. Общая терминология: Терминологическая деятельность [Текст] / А. В. Суперанская – М.: УРСС, 1993. – 288 с.

274. Суперанская, А. В., Подольская, Н. В., Васильева, Н. В. Общая терминология: Вопросы теории [Текст] / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. Изд. 6–е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 248 с.

275. Табанакова, В. Д. Идеографическое описание научной терминологии [Текст] / В. Д. Табанакова. – Тюмень: ТГУ, 1999. – 155 с.

276. Табанакова, В. Д. Авторский термин: знаю, интерпретирую, перевожу [Текст] / В. Д. Табанакова. – Тюмень: ТГУ, 2013. – 208 с.

277. Тарасова, М. А. Переводы современной англоязычной поэзии на русский язык в аспекте потенциальности [Текст]: Дис. … канд. фил. наук: 10.02.19 / М. А. Тарасова. – М., 2014. – 296 с.

278. Татаринов, В. А. История отечественного терминоведения: В 3 т. Т. I. Классики терминоведения: Очерк и хрестоматия [Текст] / В. А. Татаринов. – М.: Московский лицей, 1994. – 498 с.

279. Татаринов, В. А. История отечественного терминоведения: В 3 т. Т.II.

Направления и методы терминологических исследований: Очерк и хрестоматия [Текст] / В. А. Татаринов. – М.: Московский лицей, 1995. –398 с.

280. Татаринов, В. А. История отечественного терминоведения: В 3 т. Т.III. Аспекты и отрасли терминологических исследований (1973 – 1993): хрестоматия [Текст] / В. А. Татаринов. – М.: Московский лицей, 1995. – 366 с.

281. Татаринов, В. А. Теория терминоведения. В 3 т. Т. I. Теория термина: История и современное терминоведение [Текст] / В. А. Татаринов. – М.: Московский лицей, 1996. – 398 с.

282. Татаринов, В. А. Терминологическая лексика русского языка: Эволюция проблем и аспектов изучения [Текст] / В. А. Татаринов // Русский язык в современном обществе: Функциональные и статусные характеристики. – М.: Изд–во ИНИОН РАН, 2006. – С. 133–164.

283. Терминология и знание. Терминология и знание. Материалы I Международного симпозиума (Москва, 23–24 мая 2008 г.) [Текст] / Отв. ред. С. Д. Шелов. – М.: ИРЯ РАН, 2008. – 220 с.

284. Терминология и знание. Терминология и знание. Материалы II Международного симпозиума (Москва, 21–23 мая 2010 г.) [Текст] / Отв. ред. С. Д. Шелов. – М.: ИЦ «Азбуковник», 2008. –361 с.

285. Терминология и знание. Терминология и знание. Материалы III Международного симпозиума (Москва, 8–10 июня 2012 г.) [Текст] / Отв. ред. С. Д. Шелов. – М.: Изд-во «Вест-Консалтинг», 2013. – 386 с.

286. Терминология и знание. Материалы IV Международного симпозиума (Москва, 6–8 июня 2014 г.) / [Текст] Отв. ред. С. Д. Шелов. – М.: Изд-во «Вест-Консалтинг», 2014. – 388 с.

287. Томашевская, К.В. Лексическое представление языковой личности в современном экономическом дискурсе [Текст] / К.В. Томашевская. – СПб.: СПбГУЭФ, 1998. – 153 с.

288. Троицкий, В.П. Трудная школа [Текст] / В.П. Троицкий // Вопросы философии. – 2002. – № 7. – С. 96–102.

289. Топоров, В.Н. Мифология: Статьи для мифологических энциклопедий.

Т. 1 / Сост. А. Григорян. – М.: Языки славянской культуры: Знак, 2014. – 600 с.

290. Тульчинский, Г. Л. Философская культура и способы философствования [Текст] / Г. Л. Тульчинский // Философские науки. – 2011. – № 11. – С. 65–76.

291. Успенский, Ф.И. Византия [Текст] / Ф.И. Успенский // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона в 86 тт. – 1894. – Т. VI (11). – С. 251–275.

292. Успенский, Ф.И. История византийской империи. Периоды I – III [Текст] / Ф.И. Успенский. – М.: Академический проект, 2013. – 494 с.

293. Успенский, Ф.И. История византийской империи. Периоды IV – V [Текст] / Ф.И. Успенский. – М.: Академический проект, 2013. – 622 с.

294. Успенский, Ф.И. История византийской империи. Периоды VI – VIII [Текст] / Ф.И. Успенский. – М.: Академический проект, 2013. – 726 с.

295. Уфимцева, А. А. Лексическое значение: принцип семиологического описания лексики [Текст] / А. А. Уфимцева; под ред. Ю. С. Степанова. М.: Наука, 1986. – 240 с.

296. Уфимцева, А. А. Лексическая номинация (первичная нейтральная) [Текст] / А. А. Уфимцева. 2–е изд. – М.: ЛИБРОКОМ, 2010. – 88 с.

297. Ухтомский, А. Интуиция совести. Письма. Записные книжки. Заметки на полях [Текст] / А. Ухтомский. – СПб.: Петербургский писатель, 1996. – 526 с.

298. Фараджев, К. В. Русская религиозная философия [Текст] / К. В. Фараджев. – М.: Весь мир, 2002. – 208 с.

299. Фельдман, Н. И. Окказиональные слова и лексикография [Текст] / Н. И. Фельдман // Вопросы языкознания. – 1957. – № 4. – С. 36–37.

300. Фетисенко, О. Л. Гептастилисты: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики (Идеи русского консерватизма в литературно–художественных и публицистических практиках второй половины XIX – первой четверти XX века) [Текст] / О. Л. Фетисенко. – СПб.: Пушкинский Дом, 2012. – 784 с.

301. Федоров, Н.Ф. Pro et Contra: К 175–летию со дня рождения и 100–летию со дня смерти Н. Ф. Федорова [Текст] Сост., вступ. ст.; комментарии А. Г. Гачевой и при участии А. Л. Евстигнеевой. – СПб.: РХГИ, 2004. – 1112 с. – Серия Русский путь.

302. Фигон, Э. Б. О современных аспектах в изучении научно–технической терминологии [Текст] / Э. Б. Фигон // Сб. научн. тр. МГПИИЯ. – 1972. – Вып. 70. – С. 206–214.

303. Флоренский, П. А. Антиномии языка [Текст] / П. А. Флоренский // Вопросы языкознания. – 1988. – № 6. – С. 88–125.

304. Флоренский, П. А. Pro et Contra [Текст] / Составление, вступ. ст., примечания и библиогр. К.Г. Исупов. – СПб.: РХГИ, 2001. – 752 с. – Серия Русский путь.

305. Фомин, А. И. Язык и стиль лирико-философской прозы В. В. Розанова [Текст] / дис. ... д-ра филол. Наук: 10.01.01 / А.И. Фомин. – СПб.: СПбГУ, 2011. – 475 с.

306. Фонякова, О. И. Очерк развития писательской лексикографии в отечественном языкознании (1883–1990) [Текст] / О. И. Фонякова //Русская авторская лексикография XIX – XX веков: Антология. – М.: Азбуковник, 2003. – С.35–50.

307. Фрумкина, Р.М. Психолингвистика [Текст] / Р. М. Фрумкина. – М.: Академия, 2006. – 320 с.

308. Ханпира, Э. И. Об окказиональном слове и окказиональном словообразовании [Текст] / Э. И. Ханпира // Развитие словообразования современного русского языка. – М., 1966. – С. 153–167.

309. Ханпира, Э. И. Окказиональные элементы в современной речи [Текст] / Э. И. Ханпира // Стилистические исследования. – М., 1972. – С. 245–317.

310. Хасанова, З. С. Подъязык и терминосистема: корреляция и специфика терминологических единиц [Текст] / З. С. Хасанова // Молодой ученый. – Казань, ООО «Молодой ученый», 2013. – №2. – С. 224–232.

311. Хаютин, А. Д. Термин, терминология, номенклатура [Текст] /

А. Д. Хаютин**.** – Самарканд, 1972. – 129 с.

312. Хлебникова, О. В. Классификация жанров философской литературы [Текст] / О. В. Хлебникова // Вестник КемГУ. – 2013. – № 4 (56). – Т. 1. – С. 201–207.

313. Ходакова, Е. П., Грановская, Л. М. и др. Лексика русского языка XIX – начала XX века [Текст] / Е. П. Ходакова; под ред. Ф. П. Филина. – М.: Наука, 1981. – 359 с.

314. Хоружий С.С., Миросозерцание Флоренского [Текст] / С. С. Хоружий. – СПб.: Водолей, 1999. – 160 с.

315. Чернейко, Л. О. Лингво–философский анализ абстрактного имени [Текст] / Л. О. Чернейко. – М., URSS, 2010. – 265 с.

316. Чернышева, Л. А. Отраслевая терминология в свете антропоцентрической парадигмы [Текст] / Л.А. Чернышева. – М.: МГОУ, 2010. – 206 с.

317. Шарафутдинова, Н. С. Термины-словосочетания в компьютерной терминологии [Текст] / Н. С. Шарафутдинова // Современные технологии обучения иностранным языкам: Международная научно–практическая конференция г. Ульяновск, 26 января 2011 года: сборник научных трудов / отв. ред. Н. С. Шарафутдинова. – Ульяновск: УлГТУ, 2011. – С. 168–172.

318. Шашкина, Н. И. Терминосистема «Наименования строительных машин и механизмов» в современном русском языке. Опыт изучения парадигматической организации терминолексики [Текст]: Дис. … канд. фил. наук: 10.02.01 / Н. И. Шашкина. – Днепропетровск, 1984. – 182 с.

319. Шелов, С. Д. Об определении лингвистических терминов (Опыт типологии и интерпретации) [Текст] / С. Д. Шелов // Вопросы языкознания. – 1990. – № 3. – С. 21–30.

320. Шелов, С. Д. Родовидовые определения и родовидовая иерархия терминологических понятий [Текст] С. Д. Шелов // Вопросы языкознания. – 1996. – № 6. – С. 72–83.

321. Шелов, С. Д. Когнитивное терминоведение и представление научного знания: первые компьютерные результаты [Текст] / С. Д. Шелов // Научно–техническая терминология: Науч.–тех. реф. сб. Вып. 2. – М., 2002. – С. 233–244.

322. Шелов, С. Д. Термин. Терминологичность. Терминологические определения [Текст] / С. Д. Шелов**.** – СПб.: Филологический фак-т СПбГУ, 2003. – 280 с.

323. Шелов, С. Д. Еще раз об определении понятия «термин» [Текст] / С. Д. Шелов**.** – Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2010, № 4 (2), с. 795–799.

324. Шелов, С. Д., Лейчик, В. М. Терминология и профессиональная лексика: состав и функция [Текст] / С. Д. Шелов, В. М. Лейчик**.** – СПб.: СПбГУ. Филологический факультет, 2012. –96 с.

325. Шелов, С. Д., Лейчик, В. М. О классификации профессиональной лексики [Текст] / С. Д. Шелов, В. М. Лейчик // Известия РАН. Сер. Литературы и языка. – 2012. – Т. 71. – № 2. – С. 3–16.

326. Шелов, С. Д. Новая парадигма терминоведения: некоторые перспективы [Текст] / С. Д. Шелов // Терминология и знание. Материалы III Международного симпозиума (Москва, 8–10 июня 2012 г.). – М., Вест-Консалтинг, 2013. – С. 54–63.

327. Шестакова, Л. Л. О языке произведений Н. Ф. Федорова [Текст] / Л. Л. Шестакова // «Служитель духа вечной памяти». Николай Федорович Федоров (к 180–летию со дня рождения). Сб. науч. ст.: в 2 ч. Ч. I / Сост. А. Г. Гачева, М. М. Панфилов. – М., 2010. – С. 421–429.

328. Шестакова, Л. Л. Русская авторская лексикография: теория, история, современность [Текст] / Л. Л. Шестакова. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 464 с. – (Studia philologica).

329. Шестакова, Л. Л., Яковлева, А. Ф. Частотный словарь как средство интерпретации философского текста [Текст] / Л. Л. Шестакова, А. Ф. Яковлева // Язык как медиатор между знанием и искусством. Сб. докладов Междунар.

науч. семинара. / отв. ред. Н. А. Фатеева. – М., 2009. – С. 94–106.

330. Шурыгин, Н. А. Семасиологический и лексикографический аспекты описания терминологической лексики: Монография [Текст] / Н. А. Шурыгин. – Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского гуманитарного ун-та, 2005. – 246 с.

331. Щедрина, Т. Г. У истоков русской семиотики и структурализма (Исследование семейного архива Густава Шпета) [Текст] / Т. Г. Щедрина // Вопросы философии. – № 12. – 2002. – С. 75–78.

332. Языковая номинация. Общие вопросы [Текст] / отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. – М.: Наука, 1977. – 360 с.

333. Ярмолинец, Л. Г. Способы передачи значений английских спортивных терминов на русский язык [Текст] / Л. Г. Ярмолинец, Н. Т. Агафонова // Семантические и прагматические особенности языковых единиц в сопоставительной лингвистике. – Краснодар, 1994. – С. 49–53.

334. Non multum, sed multa: Немногое о многом. У когнитивных истоков современной терминологии: сб. науч тр. в честь В. Ф. Новодрановой [Текст] / отв. ред. Е. С. Кубрякова. – М.: Авторская академия, 2010. – 568 с.

335. Cabré, M. T. Theories of terminology, their description, prescription and explanation [Text] / Maria Teresa Cabré // Terminology. – 2003. – Vol. 9(2). – P. 163–199.

336. Epstein, M. Symposion and Russian Filosofia [Text] / M. Epstein // Symposion. A Journal of Russian Though. – 1996. – Vol. 1. – P. 3–6.

337. Faber, P. A cognitive linguistics view of terminology and specialized language. Monograph (Applications of Cognitive Linguistics, vol. 20.) [Text] / Pamela Faber. – De Gruyter Mouton, 2012. – 307 p.

338. Felber, H. Terminology Manual [Text] / Helmut Felber. – Intern. Inf. Center for Terminology (INFOTERM). – Paris, UNESCO. – 1984. – 426 p.

339. Felber, H. Computerized terminology in termnet: the role of terminological data banks [Text] / Helmut Felber // Term banks for tomorrow’s world: Translating and the Computer. International Information Centre for Terminology. – Vienna,

Austria. – 1992. – Vol. 4. – P. 8–20.

340. Flood, W.E. Scientific Words. Their structure and meaning [Text] / W.E. Flood. – New York, 1960. – 224 p.

341. Fodor, J. A. The Language of Thought [Text] / Jerry Alan Fodor. – Harvard University Press, 1975. – 215 p.

342. Harman, D. Relevance feedback and other query modification techniques [Text] / Donna Harman // Information Retreival: Data Structures and Algorithms. – NJ, Prentice Hall, Englewood Cliffs. –1992. – P. 363–392.

343. Jackendoff, R. Semantics and Cognition [Text] / Ray Jackendoff. – 8th ed. – The MIT Press, 1999. – 283 p.

344. Kageura K. The Dynamics of Terminology. A Descriptive Theory of Term Formation and Terminological Growth. [Text] / Kyo Kaguero. – Amsterdam/ Philadelphia: John Benjamins, 2002. – 323 p.

345. Kaplan, R.B., editor. The Oxford handbook of applied linguistics [Text] / Robert B. Kaplan. – New York: Oxford University Press, 2010. – 748 p.

346. Kuhn, Thomas S. The road since structure : philosophical essays, 1970-1993, with an autobiographical interview [Text] / Thomas Kuhn — Chicago : University of Chicago Press, 2000. – 244 p.

347. Packeiser, K. The General Theory of Terminology: A Literature Review and a Critical Discussion: Master Thesis by Cand. ling. / [Text] Kirsten Packeiser. – Copenhagen Business School. – Copenhagen, 2009. – 84 p.

348. Picht, H. Modern Approaches to Terminological Theories and Applications [Text] / Heribert Picht. – Bern: Verlag Peter Lang AG, 2006. – 434 p.

349. Pilarczyk, E. Metamorfozy slova: Filozofiz jezyka Pawla Florenskogo w polskim kontekscie przekladowym [Text] / E. Pilarczyk. – Krakow: Collegium Colubinum, 2008. – 298 c.

350. Rey, A. Essays on Terminology [Text] / Alain Rey. – Amsterdam, John Benjamins Publishing Company, 1995. – 223 p.

351. Sadeger, D. Terminology today: a science, an art or a practice? [Text] / Dagmar Sageder //Brno Studies in English. – Volume 36, no. 1. – 2010. – P. 123 –

134.

352. Louis J. Shein, «V.S. Solov'ev's Epistemology: A Reexamination» // Canadian Slavic Studies. – Spring–1970, vol. 4. – № 1. – pp. 1–16.

353. Stubbs, M. Collocations and semantic profiles: on the case of the trouble with quantitative studies [Text] / M. Stubbs // Functions of language 2:11. – John Benjamins Publishing Company, 1995. – P. 23 –55.

354. Temmerman, R. Questioning the Univocity Ideal: The Difference between Socio–Cognitive Terminology and Traditional Terminology [Text] / Rita Temmerman // Hermes. Journal of Linguistics. – 18. – 1997. – P. 51–93.

355. Temmerman, R. Towards New Ways of Terminology Description. The sociocognitive approach [Text] / Rita Temmerman. – John Benjamins Publishing Company, 2000. – 276 p.

356. Wilks, Y. Et al. Providing machine tractable dictionary tools [Text] / Y. Wilks // Machine translation. 1990. № 5. P. 99–154.

СЛОВАРИ

БАС–1 – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. [Текст]: – М.; Л.: Изд–во АН СССР, 1948–1965.

БАС–3 – Большой академический словарь русского языка: В 30 т. [Текст] / Под ред. К. С. Горбачевича. – СПб.: Наука, 2004 – .

Брокгауз, Ефрон – Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. [Текст] – СПб.: Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона), 1890–1907.

БТС – Большой толковый словарь русского языка [Текст] / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1535 с.

Гогоцкий, С. С. Философский словарь, или Краткое объяснение философских и других научных выражений, встречающихся в истории философии [Текст] / С. С. Гогоцкий. – Киев, 1876. – 284 с.

Гогоцкий, С. С. Философский словарь [Текст] / С. С. Гогоцкий. –

Иваново: Изд-во «Тропа Троянова»: Издательское товарищество «Роща Академии», 2009. – 297 с.

Гринев–Гриневич, С.В. Указатель терминологических диссертаций [Текст] / С.В. Гринев–Гриневич, В.П. Гринева, Л.П. Минкова, Т.Г. Скопюк. – Белосток–М.: Росстерм, 2006. – 750 с.

Даль – Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст]. – 2–е изд. – Т. I–IV. – М., 1989–1991.

Дьяченко, А.П. Словарь авторских терминов, понятий и названий [Текст] / А.П. Дьяченко. – М.: Академкнига, 2003. –375 с.

Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / под ред. Е. С. Кубряковой. – М.: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – 248 с.

Малый энциклопедический словарь [Текст]. – Т. 1–2 [Вып. 1–4]. – 2–е изд., вновь переработ. и значит. доп. – СПб.: Брокгауз–Ефрон, 1907–1909.

МАС – Словарь русского языка. Т. 1 – 4 [Текст] / Под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1981–1984.

Новая философская энциклопедия: в 4 т. [Текст] / Институт философии РАН; Национальный общественно–научный фонд. – М.: Мысль, 2010.

Русская философия: Энциклопедия [Текст] / под ред. М. А. Маслина. Сост. П. П. Апрышко, А. П. Поляков. – М.: Алгоритм, 2007. – 736 с.

Скляревская, Г. Н. Словарь православной церковной культуры [Текст] / Г. Н. Скляревская. – СПб.: Наука, 2000. – 285 с.

Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка [Текст] / под ред. А. Н. Чудинова. – СПб.: Издание книгопродавца В. И. Губинского, 1894. – 1004 с.

Словарь русского языка XVIII века [Текст] / АН СССР. Ин–т рус. яз. / гл. ред. Ю. С. Сорокин. – Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1984–1991.

Словарь языка С. Т. Аксакова. Вып. 1–2 [Текст] / отв. ред.: д.ф.н., проф. В. В. Борисова; Башк. гос. пед. ун–т им. М. Акмуллы. – Уфа, 2014. – 92 с.

Советский философский словарь [Текст] / гл. ред. Л. Н. Ильичев,

П. Н. Федосеев [и др.]. – М.: Советская энциклопедия, 1974. – 840 с.

Советский энциклопедический словарь [Текст]. – М.: Советская энциклопедия, 1984. – 1600 с.

Современный философский словарь [Текст] / под общ. ред. В. Е. Кемерова и Т. Х. Керимова. – 4–е изд., испр. и доп. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2015. – 823 с. – (Summa).

Соловьев, В. С. Философский словарь Владимира Соловьева [Текст] / сост. Г. В. Беляев. – Ростов н/Д: Феникс, 1997. – 463 с.

Стилистический энциклопедический словарь русского языка [Текст] / под ред. М. Н. Кожиной. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 248 с.

ТСУ – Толковый словарь русского языка: В 4 т. [Текст] / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Терра, 1996.

Философская энциклопедия: В 5–х т. [Текст] / под ред. В. Ф. Константинова. – М.: Советская энциклопедия, 1960–1970.

Философский энциклопедический словарь [Текст] / под ред. Л. Ф. Ильичева и П. Н. Федосеева. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 836 с.

Glossary of forest fire management terms. [Text] / Manitoba: Canadian Interagency Forest Fire Centre, 2003. – 62 p.

Glossary of philosophical terms – Oxford University Press [Электронный ресурс]: http://global.oup.com/us/companion.websites/9780199812998/studentresources/pdf/perry_glossary.pdf

ИСТОЧНИКИ

Бердяев, Н. А. Диалектика божественного и человеческого: сборник [Текст] / Н. А. Бердяев. – Москва: АСТ; Харьков: Фолио, 2003. – 622 с.

Бердяев, Н. А. Душа России [Текст] / Н. А. Бердяев. – Л.: Предприятие «Сказ», 1990. – 34 с.

Бердяев, Н. А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики [Текст] / Н. А. Бердяев // К. Н. Леонтьев: pro et contra: Антология. – СПб., 1995. Кн. 1. Личность и творчество К. Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей. 1891–1917 гг. – С. 208–235.

Бердяев, Н. А. Метафизика пола и любви ; Самопознание [Текст] / Н. А. Бердяев. – М.: Бертельсманн Медиа Москоу, 2014. – 654 с.

Бердяев, Н. А. Опыт эсхатологической метафизики: сборник научных трудов, 1937 – 1948 [Текст] / Н. А. Бердяев [вступ. ст. А. Г. Мысливченко]. – М.: Терра : Книжный клуб «Книговек», 2013. – 397 с.

Бердяев, Н. А. Религия воскрешения («Философия общего дела» Н. Ф. Федорова) [Текст] / Н. А. Бердяев // Грёзы о Земле и небе: Антология русского космизма. – СПб.: Художественная литература, 1995. – 528 с.

Бердяев, Н. А. Русская идея [Текст] / Н. А. Бердяев. – СПб.: Азбука-классика, 2008. – 344 с.

Бердяев, Н. А. Самопознание [Текст] / Н. А. Бердяев. – Л.: Лениздат, 1991. – 398 с.

Бердяев, Н. А. Смысл истории: Опыт философии человеческой судьбы. Второе издание [Текст] / Н. А. Бердяев. – Париж: YMCA-Press, 1969. – 270 с.

Бердяев, Н. А. Собрание сочинений. Т.3. Типы религиозной мысли в России [Текст] / Н. А. Бердяев. – Париж: YMCA-Press, 1989. – 714 с.

Бердяев, Н. А. Сочинения [Текст] / Н. А. Бердяев [А. В. Гулыга, сост.] – Москва: Раритет, 1994. – 423 с.

Бердяев, Н. А. Философия неравенства [Текст] / Бердяев Н. А. // Н. А. Бердяев. Собрание сочинений. Т. 4. – Париж: YMCA–Press, 1990.

Бердяев, Н. А. Философия неравенства. Библиотека религиозно–философской и художественной литературы «Вехи»: [Электронный ресурс] / Н. А. Бердяев: http://www.vehi.net/berdyaev/neraven/index.html

Бердяев, Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. Приложение к журналу «Вопросы философии» [Текст] / Н. А. Бердяев. – М.: Изд-во «Правда», 1989. – 608 с.

Бердяев, Н. А. Pro et Contra [Текст] / Составление, вступ. ст., примечания и библиогр. А. А. Ермичева – СПб.: РХГИ, 1994. – Т.1 – 573 с.

Булгаков, С. Н. Избранное [Текст] / Булгаков С. Н. [О. К. Иванцова, сост.] – М.: Росспэн, 2010. – 734 с.

Булгаков, С. Н. О богочеловечестве: В 3 ч. Ч. I: Агнец божий [Текст] / С. Н. Булгаков. – М.: Общедоступный православный ун-т, 2000. – 464 с.

Булгаков, С. Н. Сочинения : В 2 т.: Прил к журн. «Вопросы философии» [Текст] / С. Н. Булгаков . – Т. I – М.: Наука, 1993. – 603 с. Т. II – М.: Наука, 1993. – 751 с.

Булгаков, С. Н. Сочинения. Библиотека религиозно-философской и художественной литературы «Вехи»: [Электронный ресурс] / С. Н. Булгаков: http://www.vehi.net/bulgakov/index.html, свободный

Булгаков, С. Н. У стен Херсониса [Текст] / С. Н. Булгаков. – СПб.: Дорваль: Лига: Гарт, 1993. – 158 с.

Булгаков, С. Н. Философия имени [Текст] / Булгаков С. Н. – М.: Наука, 2008. – 447 с.

Булгаков, С. Н. Философия хозяйства [Текст] / Булгаков С. Н. – М.: Ин–т рус. цивилизации, 2009. – 460 с.

Егишэ. О Вардане и войне армянской [Текст] / перевод с древнеармянского акад. И. А. Орбели. – Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1971. – 164 с.

Егишэ. Слово о войне армянской: Слово о войне армянской,

испрошенное иереем Давитом Мамиконеаном [Электронный ресурс] / Егишэ. – 2016 // http://www.vehi.net/istoriya/armenia/egishe/EGISHE.html#_ftn2, свободный

Карсавин, Л. П. Saligia. Noctes Petropolitanae [Текст] / Л.П. Карсавин – М.: Изд-во АСТ, 2004. – 240 с.

Карсавин, Л. П. Религиозно-философские сочинения [Текст] / Л. П. Карсавин – М.: Ренессанс, 1992. – 325 с.

Леонтьев, К. Н. Византизм и славянство [Электронный ресурс] / К. Н. Леонтьев: http://knleontiev.narod.ru/articles.htm

Леонтьев, К. Н. Восток, Россия и славянство. Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891) [Текст] / К. Н. Леонтьев. – М.: Республика, 1996. – 608 с.

Леонтьев, К. Н. Полное собрание сочинений и писем: В 12 т. [Текст] / К. Н. Леонтьев. [подгот и коммент. сост. В. А. Котельников, О. Л. Фетисенко, Рос. акад. наук, Ин–т рус. лит] – СПб.: Владимир Даль. 2000–. Т. 1. – 2000. – 684 с. – Т.2. – 465 с. – Т.3 – 2001. – 764 с. – Т. 4 – 2002. – 1040 с. – Т. 5 – 2003. – 930 с. – Т. 6. Кн. 1. – 817 с. Кн. 2 – 795 с. Т.7, Кн. 1 – 2005. – 558 с. Кн.2 – 2006. – 1022 с. – Т.8, Кн.2 – 2009– 1046 с. – Т. 9– 2014 – 974 с.

Леонтьев, К. Произведения [Электронный ресурс] / К. Леонтьев: http://knleontiev.narod.ru/texts/cultur_ideal.htm (дата обращения 01.12.2014).

Переписка П. А. Флоренского с В. И. Вернадским [Текст] // Сб.: Грёзы о Земле и Небе. Антология русского космизма. – СПб.: 1995. – С. 116–124.

Россия и Европа: хрестоматия по русской геополитике / Н. А. Бердяев, Н. Я. Данилевский, Ф. М. Достоевский и др. [Текст] / Л. Н. Шишелина, сост. – М.: Наука, 2007. – 614 с.

Соловьев, В. С. Сочинения: В 2 т. [Текст] / В. С. Соловьев – М.: Мысль, Т. 1. –1990. – 892 с. Т.2. – 1990. – 735 с.

Соловьев, Вл. С. Стихотворения и шуточные пьесы [Текст] / В. С. Соловьев. – Л., Советский писатель: Ленинградское отделение, 1974. – 350 с.

Федоров, Н. Ф. Собр. соч.: В 4 т. [Текст] / Н. Ф. Федоров. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. – Т. I. – 518 с. – Т. II. –1995 – 498 с. – Т.III. – 1997 – 744 с. – Т. IV. – 1999 – 688 с.

Флоренский, П. А. Сочинения [Текст] / П. А. Флоренский. Сочинения в 4 томах. Т. 1 – М.: Мысль, 1994. – 797 с. Т. 2 – М.: Мысль, 1996. – 877 с. Т. 3–1 – М.: Мысль, 2000. – 621 с. Т. 3–2 – М.: Мысль, 2000. – 623 с. Т. 4 – М.: Мысль, 2000. – 795 с.

Флоренский, П. А. Макрокосм и микрокосм [Текст] / П. А. Флоренский // Сочинения в 4 томах. – Т. 3 (Книга 1). – М.: Мысль, 2000. – С. 621.

Флоренский, П. А. У водоразделов мысли [Текст] / П. А. Флоренский. – М., 2009. – 352 с.

Флоренский Павел, священник. Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах [Текст] / П. Флоренский. – М.: Академический Проект, 2012. – 905 с.

Флоренский Павел, священник. У водоразделов мысли (Черты конкретной метафизики). Т. 1 [Текст] / П. Флоренский. – М.: Академический Проект, 2013. – 684 с.

Флоренский Павел, священник. У водоразделов мысли (Черты конкретной метафизики). Т. 2 [Текст] / П. Флоренский. – М.: Академический Проект, 2013. – 607 с.

Флоренский Павел, священник. Философия культа (Опыт православной антроподицеи) [Текст] / П. Флоренский. – М.: Академический Проект, 2014. – 685 с.

Франк, С. Свет во тьме [Текст] / С. Франк. – Челябинск: Социум, 2011. – 256 с.

Франк, С. Смысл жизни [Текст] / С. Франк– М.: Изд-во «АСТ», 2004. – 164 с.

Франк, С. Л. Сочинения [Текст] / С. Л. Франк [Ю. П. Сенокосов, вступ. ст., сост.] – М.: Правда, 1990. – 608 с.

Шестов, Л. Апофеоз беспочвенности [Текст] / Л. Шестов. – Л., Изд-во

Ленинградского университета, 1991. – 216 с.

Шестов, Л. Афины и Иерусалим [Текст] / Л. Шестов. – М., Изд-во «АСТ», 2007. – 466 с.

Шестов, Л. Добро в учении гр. Толстого и Ницше (философия и проповедь) [Электронный ресурс] / Л. Шестов: http://www.magister.msk.ru/library/philos/shestov/shest01.htm

Шестов, Л. На весах Иова [Текст] / Л. Шестов. – М., Изд-во «АСТ», Фолио, 2001. – 686 с.

Шестов, Л.И. Сочинения: в 2 т.: Прил к журн. «Вопросы философии» [Текст] / Л. И. Шестов. – Т. I – М.: Наука, 1993. – 667 с. Т. II – М.: Наука, 1993. – 559 с.

Шестов, Л. Шекспир и его критик Брандес [Электронный ресурс] / Л. Шестов: http://www.magister.msk.ru/library/philos/shestov/shest09.htm

Шпет, Г. Г. Искусство как вид знания: Избранные труды по философии культуры [Текст] / отв. редактор–составитель Т. Г. Щедрина. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 712 с. (Серия «Российские Пропилеи»)

Шпет, Г. Г. Эстетические фрагменты [Текст] // Шпет Г. Г. Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры / Г. Г. Шпет. – М., 2007. – 216 с.

ИСТОЧНИКИ УДАЛЕННОГО ДОСТУПА

Материалы АЛС – Семинар «Теория и практика авторской лексикографии» ИРЯ РАН на базе Отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики [Электронный ресурс]: http://www.ruslang.ru/agens.php?id=seminar_aut_lexicogr

Кротов – Библиотека Якова Кротова: Материалы по истории Церкви, христианства, философии [Электронный ресурс]: http://krotov.info/

Библия на церковнославянском, русском, греческом, еврейском,

латинском, английском и др. языках [Электронный ресурс]: https://azbyka.ru/biblia/

ВЕХИ – Библиотека русской религиозно–художественной и философской литературы «Вехи» [Электронный ресурс]: http://www.vehi.net/

НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]: http://www.ruscorpora.ru/

Новая философская энциклопедия: в 4 т. [Электронный ресурс] / Институт философии РАН; Национальный общественно–научный фонд: Интернет–версия издания: http://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/page/about

Федоров – Портал музея-библиотеки Н. Ф. Федорова [Электронный ресурс]: http:// nffedorov.ru/

Электронная библиотека Института философии РАН [Электронный ресурс]: http:// iphlib.ru/greenstone3/library

ПРИЛОЖЕНИЕ

Исследовательский словник представляет собой список философских терминов, которые были отобраны на первом этапе исследования из текстов трех типов: терминофиксирующие (словари, указатели и справочники), терминоиспользующие (монографии, статьи, очерки) и терминопорождающие.

К последним относятся оригинальные тексты Н.Ф. Федорова (1829 — 1903), К.Н. Леонтьева (1831 — 1891), В.С. Соловьева (1853 — 1900), Э.Л. Радлова (1854 — 1928), Л.И. Шестова (1866 — 1938), Н.О. Лосского (1870 — 1965), С.Н. Булгакова (1871 — 1944), С.Л. Франка (1877 - 1950), Г.Г. Шпета (1879 - 1937), Н.А. Бердяева (1874 — 1948) и П.А.Флоренского (1882 — 1937).

Слова расположены в алфавитном порядке. Термины, образованные синтаксическим способом, представлены в словнике дважды: по главному слову словосочетания (кроме сочетаний с союзом «как») и по первому слову словосочетания. Варианты представлены через знак «/».

А
Абсолют
абсолютная (идея)
абсолютно-относительное
абсолютное
абсолютный (дух)
абсолютный (идеал)
ад
автотрофность
автотрофный
адогматическое (мышление)
адрастеа / адрастея
агатология
агглютинация
агглютинирующее вещество
агностицизм
азиатизм
акосмизм
аксиология
актуальная (бесконечность)
(онтологический) акцент
алогизм
анархизм
(теократический) анархизм
анимизм
антидогматизм
антииндивидуализм,
антинигилист
антиномизм
антиномичность
антиномия
антиномичность (языка)
антиномия (языка)
антипасха / Антипасха
антитетика
антитеологизм
антитринитарии
антиципация
антиципия
антиэволюционист
антиэтатический
антроподицея
антропологизм
(творческий) антропологизм
антропологизм;
антропологический (дуализм)
антропология
(лжерелигиозная) антропология
(ложная) антропология
(религиозная) антропология
(философская) антропология
антрополятрия
антропоцентризм
(объективный) антропоцентризм
аполлинаризм
апория
ариане
арианство

аритмология
атараксия
атеистический (морализм)

Б
Безверие
без-вид
безлично-универсальное
без-местие
безмысленность
безнадежность
безосновность
безопорность
безопорный
безсубстанциональность
безсубстанциональный
безусловное
безусловное (тождество)
бесконечное
бесконечность
(актуальная) бесконечность
(дурная) бесконечность
(хорошая) бесконечность
беспочвенность
бессмертие (души)
бессознательное
бессознательное (мышление)
бестиализм
бесцветность
биологизм
биологический (интуитивизм)
благо
благодать как реальность и сила
(священническая) благодать
Бог
Бог-со-мной
Бог-во-мне
Бог-и-я
Бог-с-миром
бытие-как-не-Бог
иной-чем-Бог
мой-Бог-со-мной
ничто-перед-лицом-Бога
с-нами-Бог
со-мной-Бог
я-без-Бога
я-в-Боге
я-с-Богом
боговоплощение
богоматериализм
богооправдание
богостроительство
богосыновность
Богочеловек
Богочеловеческий
Богочеловечество
борьба (за невозможное)
братский
братственность
братственный
братство
Бытие/ бытие
бытие-в-Боге
бытие-в-мире
бытие-для-себя
бытие «есмь»
бытие-космос
бытие-небытие
бытие-одного-в-другом
бытие-одного-для-другого
бытие-с-миром
бытие-у-себя-самого
бытие-вне-себя-самого
(абсолютное) бытие
(внекультовое) бытие
временно-пространственное (бытие)
(вселенское) бытие
(высшее) бытие
(духовно-телесное) бытие
(ипостасное) бытие
(конкретно-идеальное) бытие
(конкретное) бытие
(культовое) бытие
(мировое) бытие
(отнологическое) бытие
(сверхвременное) бытие
(усийное) бытие
(человеческое) бытие
(эмпирическое) бытие
бытие (вообще)
бытие (из человека)
бытие (через человека)
(глубина) бытия
(неравенство) бытия
(примат свободы) над бытием
(равенство) бытия
Бытиебоязнь
бытийственная (вина)
бытийственность
бытийстенный
В
Вдохновение
Веданта
(исторически) великое

Вера
Вероятность
Вечность
Вещество
(небратство) вещества
Вещь
вещь в себе
вид
видимость
византизм/ византинизм
(нигилистический) византизм
(утопический) византизм
вина
(бытийственная) вина
(усийная) вина
(мнимая ипостасная) вина
власть
внешний мир
внутренняя (форма слова)
возможность
воля
воля к власти
воля к смерти
волюнтаризм
вольфианство
религиозное «вообще»
воскрешение
вопрошание
восприятие
восток-запад
время
время-пространство
всё
всеевропеец
всеединство/ Всеединство
(положительное) всеединство
все-имянное
все-красота
все-народность
всекачественность
вселенскость
всемство
всеприсутствие
всесвобода
всесилие (небытия)
всеславизм
всеславянство
всечеловечество
всечеловечность
(русская) всечеловечность

Г

Гаманизм
гегелианизм
гегельянство
гедонизм
генотеизм
германизм
гетерономный
гетеротрофность
гетеротрофный
гилозоизм
гиперфеномен
глагол
глагольный (предикат)
глагольность
глубина (бытия)
гномон
гносеологическая (координация)
гносеология
(космическая) гносеология
гностицизм
грамматика
грамматическая (функция)
грамматический (предикат)
грамматическое (предложение)
грех
(ипостасный) грех
(первородный) грех
гуманизм
(трагическая) гуманность

Д

Двойная (истина)
(двоякое) Ничто
дегуманизация
деизм
действие
действительное
действительность
дело
(братское) дело
(отеческое)дело
демонолатрия
деонтология
деспотизм (внутренней идеи)
деспотизм (формы)
деспотизм (всех над каждым)
детерминизм
детерминация
детерминация (извне)
детственность
диалектика
диалектический (метод)

(исторический) динамизм
диотелетизм
дифизитство
диофизитство
дихотомия
для-себя-бытие
добро
(оправдание) добра
добытийственная (свобода)
докетизм
долг
(динамический) догматизм
драма истории
другое
дружба
дуализм
(антропологический) дуализм
(гносеологический) дуализм
(онтологический) дуализм
Дух/ дух
(абсолютный) дух
(жизненный) дух
(субъективный) дух
(объективный) дух
(чистого) духа (философия)
духовная (коммюнотарность)
духовный (первофеномен)
духовное
духоносность
духочеловек
(мировая) душа
душевная жизнь
(динамизм) душевной жизни
(непротяженность) душевной жизни
(неограниченность) душевной жизни
(невременность) душевной жизни
(состав) душевной жизни
(ядро) душевной жизни

Е
Евразийство
европеизм
евхаристия
единственность
(мистерия развивающейся)
единственности
единство
(наибольшая) сложность (с наибольшим единством)
(телесно-духовное) единство
единосущее/ едино-сущее
естественная (религия)
естественное (право)

Ж
Жалость
живознание
(жизненная) сила
жизненные (духи)
жизнь
(живая) жизнь
(метод) действительной жизни
жизнь как кенозис
жизнь как целое
(душевная) жизнь
(непротяженность душевной) жизни
(неограниченность душевной) жизни
невременность душевной) жизни
(динамизм душевной) жизни
(состав душевной) жизни
(ядро душевной) жизни

З
Закон
закон (противоречия)
западничество
(оправдание) зла
зло
знак-значение
знак как отношение
знаковая (система)
(интуитивное) знание
(мистическое) знание
(рациональное) знание
(эмпирическое) знание

И

Идеал
идеал-реализм
идеал-реалистический (интуитивизм)
идеализм
(конкретный) идеализм
идеалистический (онтологизм)
идеальное
идеация
идея
(социальная) идолатрия
Иерархизм
иерархический (персонализм)
(детерминация) извне
(определяемость) извне
икона
иконокласт

иллюзионизм
илозоизм
имагинация
имеславие/ имяславие
имманентизм
имманентная (философия)
имманентно-трансцендентное
имманентность
имманентный
имменентный (субъективизм)
имматериализм
имморализм
(категорический) императив
(философский) импрессионизм
имя
имена
индетерминизм
индетерминированность
индивидуализм
(нигилистический) индивидуализм
индифферентизм
индукция
иннормизм
интенциональность
инспирация
интеллектуализм
интеллигибельный
интериоризация
интроекция
интуитивизм
интуитивное (знание)
(самоочевидность) интуиции
инфинизм/ инфинитизм
инфинитный
ипостасная (вина)
ипостасность
ипостастный (грех)
ипостась
иррационализм
ирреализм
ирреальность
истина
(воплощенная) истина
(двойная) истина
(объективная) истина
исихазм
истина как путь
истина как предмет усвоения человеком
истина как свет
(драма) истории
(конец) истории
(прерывность)
(смысл) истории
историология
историософия
историческая (неповторимость)
историческая (одноразовость)
исторически (великое)
исторический (динамизм)

К
Катарсис
кафолический
качественный (эйкуменизм)
квиетизм
кенозис
кенотизм
китаизм
коммюнотарность
(духовная) коммюнотарность
коммюнотарный
конечная (причина)
конкретно-идеальное (бытие)
(философия) конца
конец (истории)
конкретная (метафизика)
конкретно-сущее
конкретный (идеализм)
конкретный (персонализм)
конкретность
конститутивный
концепт
(гносеологическая) координация
корень
корнеслов
космизированный
космизм
(космическая) гносеология
космическое
космология
(философская) космология
космополитизм
космос
космотеизм
космотеос
красота
кратия
крейсерство
крест
критицизм
ктовость
культурно-исторический (тип)
(небесно-земледельческая) культура
(философия) культуры

культ как бого-человеческая содеятельность
культ как перманентное чудо
культ как деятельность горне-дольняя
культ как соединение горнего с дольним
культ как трансцендентное условия самосознания

Л
Либерализм
либерально-эгалитарный
либеральный
лжебратство
лжесоборность
лжетеократия
лжеэсхатологизм
ложная (антропология)
лжерелигиозная (антропология)
личностное
личность
личность (симфоническая, соборная)
Логос
(самоопределение) Логоса
любовь (к ближнему)

М
Макрокосм
максима
мандеи
манихейство
материал (познания)
материализм
(экономический) материализм
материально-имманентный
материократия
материя
матесис
меон
меонизм
меональный
меональная (первоматерия)
меонический
мессианизм
(пролетарский) мессианизм
месторазвитие
метаистория
металогический
метаорганизм/ мета-организм
метафизика
(конкретная) метафизика
(новая христианская) метафизика
метафизический монизм
(диалектический) метод
метод (действительной жизни)
механизм
механическое мировоззрение
микрокосм
мир
(ноуменальный) мир
(феноменальный) мир
мир как теофания и теогония
(неродственность) мира
мировая (душа)
мировой (процесс)
(кантовское) миропонимание
(механистическое) миропонимание
(натуралистическое) миропонимание
(религиозное конкретное) миропонимание
(символическое) миропонимание
(христианское) миропонимание
мистицизм
мистический (эмпиризм)
мистическое (знание)
мне-подобное-не-я
многоединство/ много-единство
много-образие
множественность
мобилизм
модальность
модус (языка)
монада
монадология
монархианизм
монизм
метафизический монизм
монистический (реализм)
монодуализм
моноплюрализм
монотелизм
монофелитство
монофизитство
монтанизм
морализм
(атеистический) морализм
моральный (спиритуализм)
мормонство
морфема
мужеженщина
музей
музей-собор
(всенаучный) музей
музей (знаний)
музей (действия)

музей (идеала)
(пассивный) музей
музей (подобия)
(проективный музей)
мэон
мэонизм
мэоническое (ничто)
мы/ Мы
мыслящее (я)
(адогматическое) мышление
(бессознательное) мышление

Н
(эсхатологическое) напряжение
научная (философия)
нативизм
натурализм
натурфилософия/ натур-философия
нация
национализм
(культурный) национализм
(племенной) национализм
(политический) национализм
(государственно-племенной) национализм
(свободный) национализм
(славянский) национализм
(эмансипационный) национализм
национальное
национальность
(отвлеченные) начала
небесно-земледельческая культура
небратственность
небратственный
небратство
небратство (вещества)
небытие
(всесилие) небытия
невозможное
не-делание
неделимое
некто
нечто
необходимость
(объектная) необходимость
неовитализм
неокантианство
неолейбницианство
неопозитивизм
неосхоластика
неповторимо-индивидуальное
(историческая) неповторимость
непознаваемое
непостижимое
(абсолютно) непостижимое
(безусловно) непостижимое
непостижимое в себе
непостижимое «во мне»
непостижимое в сфере предметного знания
непостижимое для нас
непостижимое как таковое
непостижимое как область отрицания отрицания
непостижимое по существу, непостижимое как самооткрывающаяся реальность
непостижимое как металогическая и трансрациональная реальность
непостижимое как непосредственное самобытие
непостижимое как безусловное бытие
непостижимое «что-то»
область непостижимого
непрерывность
неравенство (бытия)
неродственность
неродственность мира
несовершеннолетие
несотворенная (свобода)
несториане
не-сущее
неученые
нигилизм
нигилистический (византизм)
нигилистический (индивидуализм)
нигилистический (моралистический)
нигилистический (утилитаризм)
ничто/ Ничто
(двоякое) Ничто
Ничто как привилегия твари
Ничто (мэоническое)
новогегельянство
новокантианство
новопифагорейцы
новоплатоники
номенклатура
номинализм
номинативность
номографический
ноосфера
ноосферный
нормативизм
ноуменальный (мир)

ноуменон
ноэза
ноэзис
ноэма
нумерическое (тождество)

О
Обожение (человека)
обсерватория
объективация
объективирование
объектная (необходимость)
объективно-сущее
объективный (антропоцентризм)
общество
общность
общественный (утопизм)
объективный (дух)
обыденность
историческая одноразовость
окончательное (слово)
оккультизм
он/ Он
омиусиус
омоусиус
онтический (признак)
(идеалистический) онтологизм
онтологический (акцент)
онтология
онтология ада
онтология истории
оправдание добра
оправдание зла
определяемость (извне)
оптимизм
опыт
оригинальность
отвлеченные (начала)
относительность
откровение
откровение творчества
(длящийся процесс) откровения
от-обособление
отражение
отцетворение
отчуждение
офиты
охранение
охранитель
очужетворение

П
Падшесть
палигенезис
панаризм
панволюнтаризм
пангегелизм
панисламизм
панентеизм
панлогизм
панмонголизм
панпсихизм
пансербизм
панславизм
пантеизм
пантеистический
пантелизм
панфизизм
панхристианизм
панэстетизм
папоцезаризм
пауперизм
патрофагия
патрофикация
пелагианство
первожизнь
первореальность
первородный (грех)
первослово
(духовный) первофеномен
переживание
переживание божественного
перипатетики
персонализм
(конкретный) персонализм
(иерархический) персонализм
персоналистическая (революция)
пессимизм
платонизм
плюрализм
пневмапневматик
пневматология
пневматосфера
пневмоцентрический
подобосущее
подо-сущее
(тварное) подполье
позитивизм
познавание
познание
(теория) познания
(материал) познания
(теитизация) пола
полифилетический

положительная (философия)
положительное (всеединство)
полусоциализм
понятие
почва
почвенничество
поэзия понятий
(естественное) право
прагматизм
(потенция реального) предиката
предел как онтологическая реальность
предел как отвлеченность
предел как способ мысленного
объединения ряда
предетерминизм
(грамматическое) предложение
предопределение
прерывность
прерывность истории
престабилизм
преформизм
принцип
природа
(регуляция) природы
(конечная) причина
причинность
пробабилизм
провидение
провиденциализм
прогресс
(эгалитарно-либеральный) прогресс
(демократический) прогресс
(утилитарный) прогресс
(эвдемонический) прогресс
прогрессивность
произвол
проект
проективный
проективный (синтез)
проективность
произвол
пролетарский (мессианизм)
простейшее
простота
(первичная) простота
пространство
(эфирное) пространство
противоречие
(мировой) процесс
псевдовещь
психократия
психофизиологическая (регуляция)
психургия
пятидесятница
(филологическая) пятидесятница

С
Самобытие
само-ведение
самодух
(самоочевидность) интуиции
самопознание
самоправедность
самопроникнутость
самость
самоявственность
сверхжизнь
сверх-конечное
сверхнационализм
сверхличный
сверхистория
сверхкрасота
сверхсознание
Сверх-сущее
сверхчеловек
свобода
(безосновная) свобода
(божественная) свобода
(добытийственная) свобода
(материальная) свобода
(не детерминированная бытием) свобода
(несотворенная) свобода
(отрицательная) свобода
(первородная) свобода
(сотворенная) свобода
свобода в Боге
свобода воли
свобода «для»
свобода «от»
свобода «от Бога»
свобода творчества
свободная (теократия)
(примат) свободы (над бытием);
священническая (благодать)
секуляризм
семема
семиотика
семиотический (регресс)
сенсуализм
символизм
симфоническая (личность)
синдоксичность
(проективный) синтез
синтезирование частиц умерших

синтетизм
система (знаковая)
система (терминов)
системы философские
сказуемость
скептицизм
славянопотворство
славяноволие
славяномыслие
славяноособие
славянотворчество
слова-корни
(внешняя форма) слова
(внутренняя форма) слова
слово/ Слово
(окончательное) слово
слово-идея
слово-мысль
слово-образ
слово-термин
словоупотребление
сложнейшее
сложность
(цветущая) сложность
(наибольшая) сложность (с наибольшим единством)
смесительное (упрощение)
(вторичное) смесительное (упрощение)
воля к смерти
смысл-слово-идея
смысл истории
соборная (личность)
соборность
соборность-коммюнотарность
совершеннолетие
совершенство (энтелехия)
содеятельность/ со-деятельность
созерцание
(умственное) созерцание
(трансцендентальное) сознание
солипсизм
сообщаемость
соработничество
софийный
софийность мира
софийность дольнего
софийность твари
софийность понятия
софийность земная
софийность хозяйства
софийность истории
софийность науки
софийное время
софийный мир
софийная основа бытия
софийная идея
софийная космология
софийная душа мира
софийное бытие
софийная телесность
софийное единство
софиологический
софиология
София
София-Мудрость
социальная (идолатрия)
социентаризм
спинозизм
спиритизм
спиритуализм
(конкретный) спиритуализм
(моральный) спиритуализм
(философский) спиритуализм
сплошность
стоицизм
строение слова
сублиминальное сознание
субъект
(имманентный) субъективизм
субъективный (дух)
(реальная) субстанция
субстрат
супраморализм
(эстетический) супраморализм
супранатуралист
суфизм
сущее
сущность
счастье
сыновство
сыны

Т
Тварная (божественность)
тварная (воля)
тварная (свобода)
тварная (человечность)
тварное (бытие)
тварно-относительное (бытие)
тварное (естество)
тварное (многоединство)
тварное (ничто)
тварное (подполье)
тварное (сознание)

тварность
самосознание (тварности)
(антиномия) тварности
тварность (бытия)
тварность (мира)
тварный
тварный (мир)
тварный (центр)
творческий (консерватизм)
творчество
(свобода) творчества
(откровение) творчества
теизм
теитизация
теитизация (пола)
теистический (идеализм)
телеология
телесно-духовное (единство)
телесность
телесоматия
теллуросолярный
теология
(монистическая) теология
теоморфная (человечность)
теория (познания)
термин
терминология
(система) терминов
теодицея
теократия
(свободная) теократия
теософия
теургия
(культурно-исторический) тип
тканетворение
(естественное) тканетворение
то же
(безусловное) тождество
(нумерическое) тождество
трансцендентное как абсолютное НЕ
тоска по трансцендентному
трагическая гуманность
трансцендирование
трансцендирование во-вне
трансцендирование во-внутрь
трансцендирование самобытия
трансцендирование к «ты»
трансцендирование к реальности «другого»
трансцендирование через мышление
трансцендентализм
трансцендентальное
трансцендентальное (сознание)
трансцендентальное (я)
трансцендентно-имманентное
триединый процесс развития
тритеизм
троичность
туизм
ты

У
Угасание; (умственное) созерцание; универсализм; упрощение; (смесительное) упрощение); (вторичное смесительное) упрощение; усийная (вина); усия; утилитаризм; (нигилистический) утилитаризм; (общественный) утопизм; утопический (византизм); ученые

Ф
Феномен
феноменализм
феноменальный (мир)
феноменология
(чистая) феноменология
феофорность
философема
философия (конца)
философология
философская (антропология)
философская (система)
философия (культуры)
(имманентная) философия
(научная) философия
(положительная) философия
(практическая) философия
(русская) философия
(тождества) философия
философия (чистого духа)
философский (импрессионизм)
философский (спиритуализм)
финитизм
фонема
(внешняя) форма (слова)
(внутренняя) форма (слова)
(языковая) форма

Х
Хозяйство
христианская (метафизика)
христоцентризм
хозяйство как действие

христианство как монизм
хозяйство как целое
хозяйство как синтез свободы и необходимости
мир как хозяйство
субъект хозяйства
объект хозяйства

Ц
цветущая (сложность)
цезаропапизм
ценность
цефализация

Э
Эвдаймонизм (эвдемонизм)
эволюция
(восходящая) эволюция
эгалитарный
эйдос
качественный эйкуменизм
экзистенциализм
экзистенциализм (творческого субъекта)
экзистенциальность
(противоречивая) экзистенциальность
экстериоризация
электроход
элементы ощущений
эманация
эмпиризм
(мистический) эмпиризм
эмпирическое (знание)

Я
(действующее) я
(созерцающее) я
(мыслящее) я
(трансцендентальное) я
(антиномичность) языка
(антиномия) языка
(модус) языка
языковая (форма)

Ч
человек как самоцель
человек-ремесленник (homo faber)
(обожение) человека
Человекобог
чистая (феноменология)
(теоморфная) человечность

Ш
Школа
школа-музей
школа-храм

эмпириокритицизм
энергия
энтелехия
эпитаутопия
эпифеномен
эпохэ
эстетический (супраморализм)
эсхатологическое (напряжение)
этимология
этика закона
этика гуманизма
этика искупления
этика творчества
этос
это-то-препятствие
эфирное (пространство)
эфироезоты
эфironавтический

я-ты
я-ты-бытие
ячество
ячность
я-умирающий в Боге
сверх-я
выше-я